

Сопоставительное изучение словообразования славянских языков

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканстики

Институт русского языка

Сопоставительное изучение словообразования славянских языков

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Г. П. ШЕЩИМЕНКО

МОСКВА
НАУКА
1987

Сборник объединяет статьи языковедов Советского Союза и зарубежных социалистических стран. В нем рассматриваются актуальные проблемы одного из магистральных направлений современного языкознания — сопоставительного изучения языков. Большое внимание уделяется разработке важнейших вопросов теории и методологии сопоставительного изучения славянского словообразования, применения в конфронтационных исследованиях различных методов лингвистического описания. Показан широкий спектр применения сопоставительного метода при изучении родственных и неродственных языков, различных форм существования национального языка, при межъязыковом и внутриязыковом сопоставлении.

Редакционная коллегия:

доктора филологических наук
Е. А. ЗЕМСКАЯ, В. В. ЛОПАТИН, Г. П. НЕЩИМЕНКО
кандидаты филологических наук
З. М. ВОЛОЦКАЯ, В. В. УСАЧЕВА

Рецензенты:

Е. И. ГОЛАОВА, В. Н. ИРОХОРОВА

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР
Редактор издательства Т. М. Скрипова. Художник Э. М. Дорохова. Художественный редактор Г. П. Валлас. Технический редактор З. Б. Павлюк.
Корректор Г. Н. Лаш

ИБ № 35837

Сдано в набор 26.09.86. Подписано к печати 11.03.87. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 17. Усл. кр. отт. 17.38. Уч.-изд. л. 19.5. Тираж 1650. Тип. зал. 841. Цена 3 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 30

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

С 4602000000-081
042 (02)-87 328-87-П

© Издательство «Наука», 1987 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В книге отражены материалы Международного симпозиума «Сопоставительное изучение славянского словообразования», организованного Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в рамках многостороннего сотрудничества ученых социалистических стран и проходившего в Москве 4—7 декабря 1984 г. В работе Симпозиума приняло участие около 150 ученых, в том числе 30 зарубежных (из НРБ, ГДР, ПНР, ЧССР, СФРЮ, США). Среди участников были специалисты научно-исследовательских центров, университетов, педагогических институтов, издательств, библиотек из 26 городов Советского Союза.

В процессе подготовки и проведения Симпозиума выявился большой интерес к его проблематике в самых широких кругах научной общественности, подтвердивший правомерность и своевременность данного научного мероприятия.

Сопоставительное языкознание представляет собой одно из магистральных направлений, становление которого обусловлено эволюцией и дальнейшим совершенствованием методологии лингвистических исследований. Сущность сопоставительного метода заключается в системно-функциональном подходе к языковым феноменам, безотносительно к генетической, типологической, ареальной принадлежности языков. Прием сопоставления является не самоцелью, а способом углубленного познания системно-функциональных закономерностей языков, выявления сходств и различий между ними, а также общеязыковых универсалий. Кроме того, учитывая различие темпа протекания идентичных языковых процессов в близкородственных языках, в ходе синхронной конфронтации их друг с другом можно наблюдать диахронию в пространстве, т. е. синхронно зафиксировать различные стадии протекания одного и того же языкового процесса.

На симпозиуме были рассмотрены актуальные проблемы теории и методологии сопоставительного изучения славянского словообразования, решался широкий круг проблем, связанных с выработкой рабочей модели сопоставления, использованием при сопоставительном изучении различных методов лингвистического описания (системно-функционального, статистического, лингвогеографического, методов порождающей грамматики и т. п.). Особое внимание было уделено выработке методики и принципов сопоставительного изучения родственных и неродственных языков, принципов сопоставления различных форм существования национального языка, в частности литературного и диалектов. Отмечалась целесообразность использования сопоставительного

метода как при межъязыковой, так и внутриязыковой конфронтации.

Международный симпозиум признал целесообразным дальнейшее развертывание сопоставительных исследований как одного из приоритетных направлений современной лингвистики. Использование сопоставительного метода является перспективным не только в языкоznании, но и в других научных дисциплинах, занимающихся системным анализом. Особое внимание при этом было обращено на необходимость выработки единого понятийно-терминологического аппарата, адекватного описания сопоставляемых языковых феноменов. Было признано целесообразным содействовать координации ученых, занимающихся проблемами сопоставительного изучения словообразования как во всесоюзном, так и в международном масштабах, способствовать включению тем по сопоставительному изучению словообразования в планы международного сотрудничества.

Было предложено обратиться в Советский комитет славистов с просьбой рассмотреть вопрос об организации в структуре Международного комитета славистов специальной комиссии (подкомиссии) по сопоставительному изучению славянского словообразования.

I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

РАБОЧАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Ю. Балтова

Мысль о создании такой модели появилась в связи с исследованием словообразовательных систем болгарского и польского литературных языков в рамках сопоставительной болгарско-польской грамматики.

Теоретико-методологические основы концепции такой грамматики, согласно которым исследование грамматического строя обоих славянских языков должно быть направлено от семантики к форме с целью выявления общности и различия форм, требуют создания модели, пригодной для сопоставительного исследования словообразовательных систем. Такая модель должна строиться на теоретико-методологических основах целостной модели грамматического исследования. Подход от семантики к форме в данном случае вполне оправдан: при сравнении двух родственных, но типологически весьма различных языков он дает гораздо большую возможность для выявления общих закономерностей и тенденций, а тем более различий, определяемых национальными особенностями каждого языка. В этом смысле рабочую модель для сопоставительного исследования словообразовательных систем болгарского и польского литературных языков надо строить так, чтобы она действительно служила средством максимально полного выявления универсальных характеристик словообразовательных систем обоих языков. Если добиться создания такой модели, через которую на основе универсального можно вскрыть специфически национальное, то ее можно было бы использовать для исследования всех славянских языков.

Работа над созданием такой модели осуществляется в два этапа: во-первых, избираются отправные теоретические и методологические предпосылки в соответствии с конкретной целью; во-вторых, строится сама модель, а этот процесс обязательно включает в себя определение и иерархическую систематизацию всех правил и средств, которые эксплицируют словообразовательно-номинационные процессы в каждом из сопоставляемых языков.

Приступая к созданию рабочей модели для исследования сло-

вообразовательных систем (как в плане сопоставления, так и для исследования отдельного языка), необходимо определить содержание таких словообразовательных понятий, как словообразовательная категория, словообразовательный тип, словообразовательное значение, что обязательно входит в первый этап работы.

С другой стороны, надо обязательно иметь в виду следующие, уже полностью утверждшиеся в современной словообразовательной теории, положения: словообразование является уровнем с относительно самостоятельным статусом, который находится в определенных взаимосвязях с лексическим, синтаксическим и морфологическим уровнями; основной словообразовательной единицей является производное слово, различаются три типа словообразования — транспозиция, мутация и модификация.

Создание единиц со статусом слова и номинационной функцией является конечным результатом словообразовательных процессов. Этот результат ставит словообразование в тесную связь с лексическим уровнем языка. Бинарная семантическая и формальная структура производного слова, рассматриваемая как структура, изоморфная структуре синтаксических предикативных единиц, непосредственно связывает словообразование с синтаксическим уровнем. В то же время элементы, входящие в формальную структуру производной единицы, объединяют его с морфологией. Кроме того, словообразование является специфической областью языковой номинации. Специфика словообразовательных процессов языковой номинации выражается в том, что новые названия возникают на основе уже существующих в языке единиц — слов, в результате определенных изменений в их морфемной структуре, которые часто происходят в сочетании с функционально-синтаксическими изменениями. Относительно самостоятельный статус словообразования наиболее ясно выступает в семантике и формальной структуре его основной единицы — производного слова.

Производная единица¹ рассматривается как мотивированый знак языка, который соотносится не только с действительностью, но и с другими единицами языковой системы. Семантика производного слова обусловлена, с одной стороны, взаимоотношением определенных ономасиологических категорий, а с другой — семантикой конкретных мотивирующих ее единиц языка, которые определяются как словообразовательные основы. Нет другой единицы лексической номинации, форма которой была бы так непосредственно обусловлена ономасиологическими и семантическими факторами, как производное слово.

Как было указано, своими конечными результатами, т. е. формированием производных единиц с номинационной функцией и статусом слова, словообразование связано с непредикативными единицами языка. Однако характер протекания словообразовательно-номинационных процессов и глубинный базис словообразования ставят его в непосредственную связь с синтаксическими предикативными единицами. В современных словообразовательных теориях все более утверждается точка зрения об изоморфизме

производных слов и синтаксических предикативных единиц. Это дает возможность использовать в качестве средства описания отношений между формальной (морфемной) структурой и семантикой типов мотивированных существительных модель глубинных семантических структур, которой оперируют генеративная семантика и так называемая «падежная грамматика» («грамматика семантических ролей»). Исходя из той же точки зрения, функцию производного слова рассматривают как функцию, обусловленную семантической ролью аргумента, т. е. типом его связи с предикатом глубинной структуры. Применение основных положений этой концепции в ряде исследований по словообразованию² подтверждает ту точку зрения, что характер производного слова является не случайным, а регламентированным и системным, что формальная структура названия всегда обусловлена семантическими факторами. Применение принципов «падежной грамматики» дает возможность эксплицировать в глубинной семантической структуре все элементы, релевантные для значения производной единицы, но имплицитно заданные в ее поверхностной структуре. Это особенно важно потому, что для словообразовательного анализа недостаточна только отсылка к эксплицитно выраженной форме словообразовательной основы (факт, на который обратил внимание М. Докулил, формулируя принципиальное положение о простом и сложном ономасиологическом признаком³). «Падежная грамматика», понимаемая как модель компромиссная между синтаксической генеративной грамматикой и описанием языка, исходящим из семантических структур, может применяться как средство описания взаимоотношений между семантикой и формой при образовании производных словообразовательных единиц.

Как уже указывалось, в первый этап работы по созданию рабочей модели входит и определение некоторых основных словообразовательных понятий. Исходя из указанных теоретико-методологических позиций, словообразовательная категория определяется как совокупность единиц с функцией, идентичной семантической роли аргумента в глубинной структуре, по абстрагированной от ее формально-структурной реализации. В качестве словообразовательных определяются, например, категория 'действия' с подкатегориями 'производитель действия' и 'неполнитель действия' (для nomina agentis), категория 'средство осуществления действия' (для nomina instrumenti), категория 'место осуществления действия' (для nomina loci) и т. д. Словообразовательное значение — это значение, обусловленное отношением между аргументом и предикатом в данном типе глубинной структуры (в терминах М. Докулила — отношением между ономасиологическим базисом и ономасиологическим признаком), а также семантикой словообразовательной основы. Словообразовательное значение свойственно словообразовательному типу, который является наименьшей классификационной единицей данной словообразовательной системы. Словообразовательным значением нагружен только тип, а не отдельное производное слово. Словообразователь-

ному типу как системной единице, представляющей собой единство содержания и формы, свойственны следующие признаки: тождество словообразовательного значения, тождество словообразовательной основы и тождество форманта. В общих чертах эти признаки повторяют признаки словообразовательного типа, определенные в теоретическом труде М. Докулила. Второй и третий признаки относятся к поверхностному выражению, т. е. к формальной структуре производного слова, и обусловлены ономасиологической семантической структурой данного типа. Кроме того, второй и третий признаки зависят от возможностей данной языковой системы использовать определенные средства для словообразовательной номинации. Тождество форманта понимается нами не как формально-звуковое тождество, а как тождество типа словообразовательного форманта, который относит производное слово к определенному способу словообразования: аффиксальному, парадигматическому или же сложению. Конкретные словообразовательные форманты оформляют образцы в пределах одного словообразовательного типа⁴. Например, в словообразовательном типе, значение которого определяется активным отношением называемой субстанции к актуальному действию и к которому относятся такие названия, как болг. *бегач*, *плувéц*, польск. *biegacz*, *pływak* и т. д., суф. -а-, -е-, -ак оформляют разные образцы. Словообразовательный тип вскрывает прежде всего общее в системах сопоставляемых языков, а в словообразовательных образцах, наряду с общими славянскими чертами (распределенными обычно неодинаковым способом и в неодинаковом соотношении), проявляются, отчетливо выступают черты национально-специфические. В этом смысле тип является классификационной единицей системы, а формант — языковой структуры⁵.

В рабочую модель для сопоставительного исследования следует включать в последовательном порядке словообразовательные категории, типы и образцы как основные единицы классификации. Полагаем, что их надо определить сначала для каждой части речи в отдельности. Возможность интеграции категорий может появиться только по окончании всего словообразовательного анализа.

Для построения словообразовательной модели необходимо: определить словообразовательные категории, свойственные системам сопоставляемых языков, их распределение по частям речи;

выявить типы глубинных структур, от которых зависят семантика и форма производных единиц;

выяснить семантические ограничения, блокирующие образование производных того или иного словообразовательного типа; обнаружить парадигмы, эксплицирующие словообразовательное значение производных слов каждого типа;

установить семантические классы лексических единиц, которые могут быть словообразовательными основами данного типа производных слов;

определить словообразовательный инвентарь, принадлежащий каждой языковой структуре, и выяснить его распределение в системе.

Так например, модель описания мотивированных существительных мутационного типа можно строить на основе «надежной грамматики», исходя из следующих основных позиций.

Во-первых, основой этих категорий, как указывает Р. Лясковский в своей генеративной модели⁶, являются глубинные структуры типа, который может быть записан в виде формулы *Nom'S'*. Эта формула демонстрирует сложные предложения с обобщенным названием — 'человек, который' или 'предмет, который'. После применения трансформационных правил структура *Nom'S'* может получить развернутый вид *Nom'P Nom'_x (Nom'_y . . .)*, что на поверхности в словообразовании дает производные слова (дериват или композит) с разными номинационными функциями, мотивированными функцией аргумента в глубинной структуре: названия деятелей, инструментов, результатов действия, локативные названия и т. д. Определяющую роль здесь играет семантика основного предиката в глубинной структуре.

Во-вторых, глагольный предикат может быть словообразовательной основой мутационных дериватов, число функций которых зависит от имплицированных им семантических ролей. В задачу анализа словообразовательных основ производных существительных входит определение семантических ограничений в процессе их образования, зависящих от того, какими функциями нагружен конкретный глагол и какими — нет. Так, не характеризуются агентивной функцией имена, мотивированные глаголами, называющими чувства или состояния, например, болг. *любител* от *любя*, *съзерцават* от *съзерцавам* и т. п., несмотря на то что их оформляет суффикс, свойственный названиям класса *nomina agentis*. При выяснении семантики основного глагольного предиката проявляются и национальные особенности отдельных языков.

При построении модели классов *nomina agentis* и *nomina instrumenti* сначала надо определить понятия «деятель (агенс)» и «средство действия» как семантические категории, а потом определить их и как словообразовательные категории. На их основе и в соответствии с семантикой основного глагола категория 'деятеля' в словообразовании делится по крайней мере на две подкатегории: 'производителя действия', которая относится к субъектам (одушевленным и неодушевленным), совершающим определенное действие без внешней помощи, и 'исполнителя действия', которая всегда относится к субъекту-лицу, выполняющему определенное действие при внешней помощи какого-нибудь лица или средства⁷. К первой подкатегории относятся такие производные слова, как болг. *плувéц*, *бегач*, *косáчка* (машина), *брóяч* (аппарат), польск. *pływak*, *biegacz*, *kosiarka*, а ко второй, например, болг. *косáч* (человек), *жътвар*, *метáч*, *бръснáр* и т. п. Названия, относящиеся к категории 'средство осуществления действия', обозначают предметы, являющиеся посредником между деятелем и объектом действия, например болг. *метáло*, *бутáло*, *бръснáч*, *лепáло*, *смáзка* или польск. *zasypka*, *kleidło*, *kosiarka*.

Имена деятелей представляют собой универбацию глубинных структур, в которых принимают участие предикаты с одним, двумя или более аргументами. В зависимости от вида предиката экспликация частично или целиком затрагивает глубинную структуру, в результате чего создается дериват или композит со словообразовательной основой «глагольный предикат» (для дериватов) или «имя + глагольный предикат» (для сложных слов). Когда при экспликации глубинной структуры на поверхности предикат элиминируется, словообразовательной основой становится имя существительное. Тип определяется семантической ролью эксплицированного недеятельного аргумента: «результат действия» (Res) болг. *обуцár*, «пациент» (Pt) болг. *očar*, «инструмент» (Instr) болг. *въдичар* и т. д.

Нашей целью было предварительное обоснование идеи о необходимости создания рабочей модели для сопоставительного анализа при исследовании словообразовательных систем двух близкородственных языков. Мы убеждены в том, что такая модель будет в высшей степени результативной, если обеспечит возможность анализа словообразовательных единиц в направлении от семантики к форме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О definiciji производного слова см.: Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова, М., 1981. С. 5, 14.

² См.: Laskowski R. Struktura formalna a struktura semantyczna rzeczywistów słów w różnych podzielnych // Studia semiotyczne. Wrocław, 1973. IV. S. 251—274; Kleszczowa K. Ograniczenia semantyczne w procesie derywacji nazw narzędzi. Katowice, 1981. О возможности использования «надежной грамматики» в изучении словообразовательной системы языка см.: Кубрякова Е. С. Указ. соч. С. 195—196.

³ См.: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov, I. Pr., 1962. S. 29—31.

⁴ См.: Балтова Ю. Сложните съществителни имена в българския книжовен език през епохата на Възраждането. (Словообразователно-семантичен и функционален анализ): Дис. . . канд. филол. наук. С., 1978. С. 82—87.

⁵ См.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 11—12.

⁶ См.: Laskowski R. Op. cit. S. 265.

⁷ См.: Kleszczowa K. Op. cit. S. 35.

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ИНТЕРФИКСАХ В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Я. Босак

1. Если для словацкой лингвистики 50—60-х годов было характерно строгое разграничение формообразовательного, морфологического (морфематического) и словообразовательного анализа, то в настоящее время анализ структуры слова и, в частности,

интерпретация немотивированных сегментов или вообще элементов с неполным формально-семантическим статусом осуществляется на основе нового, синтетического подхода, учитывающего достижения в области методологии изучения отдельных славянских языков. Мы имеем в виду комплексное описание морфологического или словообразовательного уровней (в большинстве случаев это деривационные или же морфемные словари)¹, углубление словообразовательного анализа путем применения метода словообразовательных гнезд как синхронных структурно-семантических микросистем², а также использование принципов генеративной деривации, изучающей все деривационные шаги в словообразовательной структуре и их отражение в морфонологической структуре словоформы³.

2. Исследования⁴ основаны на принципе повторяемости и гранничной сегментации слова (морфематический анализ), исследования изоморфизма словообразовательной структуры и морфонологической структуры словоформы в соответствии с количеством деривационных шагов в слове (генеративный анализ), учете изменения структуры слова в плане выражения при его переходе из глубинной структуры в поверхностную структуру (морфонологический анализ), анализе мотивированности и процессов десемантизации (словообразовательный анализ). Такой подход обусловлен комплексным пониманием языковой системы и, главное, отсутствием четкой границы между отдельными уровнями языка. При определении элементов с неполным морфемным статусом в структуре слова комплексное понимание языковой системы проявляется в требовании комплементарности результатов отдельных видов анализа. Невозможно получить непротиворечивое определение этих элементов, применяя морфематический или словообразовательный анализ в отдельности.

При строгом соблюдении морфематического анализа сегменты выделяются на основе принципа повторяемости таким образом, что они сравниваются с остальными, тождественными по функции элементами, при этом не учитывается их мотивированность и тип значения (такой подход представлен в работе Э. Славичковой⁵). Словообразовательный же анализ основан на семантическом единстве словообразующей основы и словообразовательного форманта⁶. В суффиксальных деривационных цепях выделение минимальных сегментов невозможно, так как при этом не принимаются во внимание все деривационные шаги. При данном подходе структура плана выражения является иррелевантной, считается несущественным, присоединяются ли эти элементы к корням или к суффиксам и связано ли с ними какое-нибудь значение. По нашему мнению, при морфематическом анализе нужно учитывать также функциональную нагрузку элементов, при словообразовательном анализе не следует упрощать план выражения словоформы.

3. Выделение так называемых интерфиксов в понимании Е. А. Земской⁷ или же структрем в концепции А. Н. Тихонова⁸ обусловлено необходимостью углубленного изучения формальных

процессов деривации. При определении этих сегментов лингвисты сходятся в том, что эти элементы не являются посителями значения и выделяются только на основе своей повторяемости; в словоформе они выполняют лишь структурную функцию. Но когда речь идет об отдельных группах так называемых интерфиксов, мнения исследователей уже расходятся. Относительное единство мнений достигается при выделении сегментов лишь в тех изолированных словах, структура выражения которых является следствием или переоценки отношений между содержанием и формой («пустые» морфемы), или же деформации их структуры («резидуальные» морфемы).

Разногласия отмечаются при определении тематических (основообразующих) суффиксов глагола, которые в большинстве случаев квалифицируются либо как «соединительные морфемы», либо как «промежуточные элементы». Как справедливо показала З. Скоумалова⁹, у основообразующих суффиксов важна не только их первичная функция — быть классным показателем, но и их вторичная функция — служить показателем актуального словообразования. Таким образом, основообразующие (тематические) суффиксы имеют статус морфемы.

Мнения расходятся также при определении так называемых соединительных гласных в сложных словах.

4. Как было установлено, «чисто соединительная функция» присуща лишь той группе интерфиксов, которые или устраниют несистемные соединения на границах морфем, или же включают заимствованные структуры слов в систему национального языка. Именно в этой группе интерфиксов можно обнаружить определенные различия между словацким и русским языками. Интерфиксы, или же структремы¹⁰ -ан-, -ей-, -ин-, -ий- (рус. *америк-ан/ск-ий, европ-ей/ск-ий, ялт-ин-/ск-ий*) в словацком языке не имеют системного характера (ср.: *americ-k-ý, eugbr-sk-ý, jalt-sk-ý, alp-sk-ý*). В словацком языке также не встречается структрема -т- (ср. рус. *желе-й/н-ый, реле-й/н-ый* и т. п.); соответствующие заимствованные слова в словацком языке не склоняются, данный морфологический элемент при словообразовании к ним не присоединяется (ср. *želé-ov-ý, relé-ov-ý*). Словам французского происхождения типа рус. *арго, кабаре* в словацком языке соответствует исходная форма *argot, kabaret* в словацком языке соответственно *argot, kabaret*, где сегмент -т- не является структремой (ср. *kabare-t/н-ый: kabaret-n-ý*).

5. Кроме перечисленных типов интерфиксов мы выделяем еще одну группу элементов без полного морфемного статуса — асемантические элементы¹¹. Эти сегменты являются результатом актуальной синхронной деривации, а именно чересступенчатой деривации, вследствие которой сначала возникло прямое смысловое, а потом и словообразовательное отношение между двумя соседними элементами цепи. Семантические отношения в этом случае упрощаются, формально-семантические отношения становятся более сложными, расширяется количество синхронно десемантизованных образований. Структурная функция этих элемен-

тов состоит в максимализации формальной оппозиции между словообразовательной основой и определенным производным словом. На эти процессы в значительной степени влияет словообразование по аналогии.

6. Непротиворечивой интерпретации интерфиксов способствует и различие в глубинной структуре номинативной словообразующей основы (на согласную) и глагольной (на гласную). Сегменты без полного морфемного статуса в поверхностной структуре или особым способом обеспечивают функционирование определенной морфематической структуры (чтобы исключить коммуникативную дефективность, способствовать экономии и эффективности в процессе коммуникации), или же переводят один тип структуры корневой морфемы в другой. Подобным образом можно интерпретировать, например сегменты в таких дериватах, как *pe-в/eц, ли-в/ень* (от глаголов *pe-ть, ли-ть*).

Морфемный анализ ставит своей целью не определение тех элементов, которым не свойствен полный содержательно-формальный статус, а как раз наоборот, исследование изменения соотношения между содержанием и формой на различных уровнях языковой системы. Поэтому правильнее было бы понимать эти элементы как определенные оперативные единицы¹². Так, в рамках суффиксальных морфем мы различаем классификаторы (категориально сильные суффиксы, которые в поверхностной структуре относят словоформу к одной из полнознаменательных частей речи), модификаторы (суффиксы, модифицирующие значение корневой морфемы в рамках одной и той же части речи), трансляторы (суффиксы, переводащие определенную модель морфемной структуры словоформы с определенной характеристикой части речи в другую структуру) и комплетизаторы (элементы для комплектования, дополнения, выравнивания морфемной структуры определенного типа).

7. Какие бы то ни было общие единые критерии определения всех этих элементов без полного морфемного статуса отсутствуют: в одном случае на их выбор влияют семантические факторы, в другом — формальные (фонологический состав основы). Иногда даже в одних и тех же морфемных окружениях встречаются разные сегменты. Вместо термина интерфикс или структрема мы считаем более подходящим термин субморф¹³, имплицирующий одновременно диалектическое единство выделяемого сегмента и его основного инварианта. Субморфы — это единицы плана выражения, выделяемые в процессе граничной сегментации словоформ в структурных позициях корневых или суффиксальных алломорфов; как правило, структура плана выражения этих сегментов тождественна с обоими типами алломорфов, а их значение несамостоятельно или нейтрально.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Worth D. S., Kozak A. S., Johnson J. B. Russian Derivational Dictionary. N. Y., 1970; Slavíčková E. Retrográdní morfematický slovník češtiny (s připojenými inventárními slovníky českých morfémů kořenových, příponálních a sufikálních). Pr., 1975; Оливериус З. Ф. Морфемы русского языка. Частотный словарь. Прага, 1976; Тихонов А. П. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М., 1978.
- ² Тихонов А. П. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка: Курс лекций. Самарканд, 1971; *Он же*. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1974.
- ³ Соболева П. А. Моделирование словообразования // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972; Worth D. C. Morphonology of Slavic word-formation // American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists. I. Linguistics and poetics. Mouton, 1973; Клименко Н. Ф. Система афиксального словотворчества сучасної української мови. Київ, 1973.
- ⁴ Bosák J., Buzássyová K. Východiska morfémovej analýzy. Morfematika — slovotvorba // Jazykovedné štúdie 19. Br., 1985.
- ⁵ Slavíčková E. Op. cit.
- ⁶ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Horecký J. Slovenská lexikológie. I.: Tvorenie slov. Br., 1971; Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М., 1977.
- ⁷ Земская Е. А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; *Она же*. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
- ⁸ Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря...; *Он же*. Формально-семантические отношения слов...
- ⁹ Skoumalová Z. Status tzv. kmenotvorných přípon slovesných v slovanských jazycích, zvláště v ruštině. Pr., 1976.
- ¹⁰ Тихонов А. П. Формально-семантические отношения слов...
- ¹¹ Bosák J. Asémantické prvky v štruktúre slova // Jazykovedné štúdie 16. Br., 1981.
- ¹² Bosák J. Z analýzy sufikálnych morfém // Jazykovedné štúdie 15: Horeckého zborník. Br., 1978.
- ¹³ Bosák J. Morfemy a submorphy // Jazykovedné štúdie 13: Ružičkov zborník. Br., 1977.

ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ НА УРОВНЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

К. Бузашова

Система синхронного словообразования представляет собой сложную иерархическую организацию, формируемую оппозициями разных единиц и структур. В словообразовательной системе важное место занимают комплексные единицы, являющиеся реализацией парадигматических отношений: словообразовательный тип, словообразовательная категория, словообразовательное гнездо. К этим общепринятым единицам можно присоединить еще

одну комплексную единицу — словообразовательную парадигму. При этом мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой понятие словообразовательная парадигма служит для типизации набора словообразовательных значений, выражаемых на базе производящих. Так понимает словообразовательную парадигму Р. С. Манучарян (в дискуссии о составлении гнездового словообразовательного словаря)¹, так попытались понимать ее и мы, когда при изучении деривационного потенциала глаголов в словацком языке и в словообразовательно-семантическом анализе отглагольных существительных ввели понятие отглагольной словообразовательной парадигмы, определяемой как класс глаголов, от которых производятся субстантивные и адъективные дериваты с одинаковым категориальным словообразовательным значением². Ценный вклад в дальнейшее уточнение понятия парадигма в словообразовании внесла Е. А. Земская³ тем, что наряду со словообразовательной парадигмой как набором производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на той же ступени деривации, ввела и понятие типовой парадигмы. Типовая парадигма включает несколько конкретных парадигм, в которых реализуется один и тот же набор словообразовательных значений.

О том, что изучение удельного веса словообразовательных значений и словообразовательных категорий в рамках таких микросистем, какими являются отглагольные, отадъективные и отсубстантивные производные, не утрачивает свою актуальность, свидетельствуют и тезисы доклада Р. С. Манучаряна на этом симпозиуме⁴. Автор здесь понимает словообразовательно-семантическую (типовую) парадигму как сложную единицу сопоставления, определяемую как комплекс словообразовательных категорий, конституируемых на базе производящих определенного класса по моделям мотивационных отношений, свойственных тому или иному языку.

Иной точки зрения придерживаются такие теоретики словообразования, как Е. С. Кубрякова и П. А. Соболева⁵, которые на базе глубокого и всестороннего сопоставления свойств морфологических (словоизменительных) парадигм и свойств словообразовательных гнезд доказывают непригодность понятия парадигма для словообразовательного гнезда или некоторой его части, поскольку словообразовательное гнездо в принципе выступает как системное объединение более сложного порядка, чем парадигма. В более сложной иерархической организации словообразовательного гнезда нельзя сомневаться. По нашему мнению, однако, авторы, стремящиеся определенным способом применить понятие «парадигма» к словообразовательному гнезду или к деривационному потенциальному производящему, отдают себе отчет в том, что словообразовательная парадигма не может дублировать свойства словоизменительной парадигмы и что со словообразовательными гнездами она может иметь лишь некоторые точки соприкосновения. Речь идет скорее о том, какая цель преследуется примене-

нием понятия парадигма в словообразовании, для чего это понятие может служить.

В общем можно сказать, что при группировке производных на базе типовых словообразовательных парадигм применяется подход, в принципе обратный подходу, применяемому при словоизменительной парадигме. Словообразовательная парадигма представляет подход от значения к выражению, в то время как при словоизменительной парадигме скорее наоборот: для выделения отдельных морфологических (словоизменительных) парадигм решающей является система форм, реализующих одно слово. Кроме того, мы считаем важным учитывать следующие существенные различия между словоизменительными и словообразовательными парадигмами.

1) Константности лексических значений основы в морфологической парадигме соответствует в словообразовательном гнезде или части гнезда только константность корня, т. е. константность определенной семьи и опосредованная связь эпачений отдельных производных в гнезде посредством корня.

2) Словообразовательные парадигмы богаты вариантами — одно словообразовательное значение может выражаться несколькими формально различными образованиями.

3) В лексике нет необходимости выражать определенные значения словообразовательным способом, существуют лишь определенные тенденции выражать эти значения.

В дискуссиях о сопоставительном и контрастивном изучении языков неоднократно отмечалась плодотворность подхода, при котором базой сопоставления является совместно выражаемое значение, от которого переходят к реализациям выражения этого значения. В применении к словообразовательному уровню такой базой сопоставления могут служить словообразовательные значения, если их понимать в довольно общем виде, как например, категориальные значения (категориальные словообразовательные значения мы понимаем как очень близкие к словообразовательным категориям типа *pomīna agentis*, *pomīna instrumenti*, впрочем, иногда мы понимаем их более специфицированно).

В течение 70-х годов было много сделано, в частности в советском языкоznании, для познания структуры словообразовательных гнезд. Появились словообразовательные словари, например Тихонова в 1978 г. Благодаря заслугам представителей аппликативной порождающей модели были получены ценные и многосторонние данные о возможных конфигурациях и разветвленности словообразовательных гнезд, имеющие большое значение для сопоставительного изучения языков, причем основным принципом организации разветвления и ступенчатости гнезд является часть речи производящих и производных. В этих описаниях, как показала и Е. С. Кубрякова⁶, словообразовательное значение программно представляется лишь в самом общем виде; оно вытекает из частеречных координат, например «субстанция, имеющая отношение к другой субстанции». Одну и ту же реяторную запись

и одну и ту же графическую запись могут иметь производные слова с разными словообразовательными значениями, например названия действия, названия производителя действия и т. п. Определенные посредством частеречных координат типы отношений производности и соответствующие им позиции в графических записях нуждаются в дальнейшей спецификации с точки зрения словообразовательного значения соответствующих дериватов.

При парадигматическом описании, примененном нами при анализе отглагольных дериватов, в качестве первоочередного критерия учитывается также часть речи производных и производящих; следующими критериями являются выражаемые словообразовательные значения дериватов. Количество и характер словообразовательно выраженных значений зависит в значительной мере от актантной структуры глагола как производящего слова. Одно и то же словообразовательное значение может выражаться словами разной ступени деривации.

Явления, которые можно изучать при сопоставительном изучении славянских языков на уровне словообразовательных парадигм, проиллюстрируем на примере сопоставления словообразовательных парадигм русских глаголов *воспитать / воспитывать* и словацких глаголов *vychovať / vychovávať*, которые можно проецировать в соответствующие гнезда.

В дериватах, произведенных от этих глаголов, реализуются следующие категориальные словообразовательные значения, сходные в обоих языках (мы абстрагируемся от отглагольных глаголов): производитель действия; действие; объект действия (как живое существо); названия качества действия (процессуального признака) с пассивным значением (с интенцией к пациенту); названия качества действия с интенцией к агенсу и к инструменту; *pomīna abstracta*:

воспитать / воспитывать — воспитатель, воспитательница; воспитание; воспитаник; воспитанный, воспитательский, воспитательный; невоспитанный; воспитанность, невоспитанность;

vychovať / vychovávať — vychovávatel', vychovávatel'ka; vychovanie / vychovávanie, výchova, vychovávatel'stvö; vychovanec (устаревшее), chovanec, chovanica, chovanka; vychovaný, vychovávatel'ský, výchovný; nevychovaný (nevychovanec); vychovanost', nevychovanosť'; výchovne наречие, výchovné (дериваты с разным категориальным словообразовательным значением отделяются точкой с запятой).

В словацком языке в отличие от русского имеется больше названий действия, имеется производное *výchovné* 'деньги на воспитание детей' — субстантивированное прилагательное из конкретного лексико-семантического разряда платежей и сборов. От отглагольного прилагательного с отрицанием можно произвести также название носителя качества действия *nevychovanec*. Можно образовать и наречия, например *výchovne pôsobiť* 'действовать в воспитательном отношении').

При сопоставительном изучении словообразования славянских языков на уровне словообразовательных парадигм или типовых парадигм можно изучать:

меру соответствия деривационного потенциала эквивалентных исходных слов, присущих определенным классам;

при помощи каких словообразовательных формантов образуются производные, представляющие семантические места, словообразовательные значения, позиции в типовых парадигмах;

меру варпантности выражения определенных категориальных значений не только с точки зрения формы, но и с точки зрения числа и характера частных словообразовательных значений. Предметом сопоставительного изучения может быть выявление того, какими сопутствующими (приращенными) значениями отличаются в отдельных языках дериваты со сходным категориальным словообразовательным значением.

Из вышеупомянутых названий действия от глагола *vychoval'* / *vychovávat'* название *výchova* отличается от русского эквивалента *воспитание* не только способом образования (нулевой аффиксацией или конверсией), но и объемом функций. Оно функционирует как название для выражения актуального действия (в этом случае оно синонимично дериватам *vychovanie* / *vychovávanie*), а также для выражения действия вообще; неактуально, как 'сфера занятий'. В русском языке в обеих этих функциях выступает дериват *воспитание*. Способность выражать действие неактуально сближает название *výchova* с другим названием сферы занятий *vychovávateľstvo*, образованным на более высокой ступени деривации. В нем словообразовательное значение стилизуется как 'занятие лица'. Названия действия, образованные посредством словообразовательного форманта *-stvo*, на более высоких ступенях деривации (типа словацкого *vychovávateľstvo*), если они опосредованно мотивированы глаголом, могут различаться в отдельных славянских языках по возможности / невозможности выражать также актуальное действие и выступать в качестве частично синонимичных средств других названий из категории *nomina actionis*. Некоторые из таких названий со значением актуального однократного действия рассматриваются в польском языке как новообразования, нарушающие словообразовательную норму⁷.

В описаниях словообразовательных гнезд как в словообразовательных словарях, так и в реляторных записях апликативной порождающей модели и соответствующих графических записях нельзя зафиксировать регулярную многозначность производных, т. е. внутреннюю близость лексической многозначности и словообразования, которую убедительно доказал Ю. Д. Апресян⁸.

Способность названий действия в славянских языках выражать действие и субъект (*agens*) действия, например, рус. *вахта* (словацк. *stráž*), действие и объект действия — рус. *вышивание* (словацк. *výšivanie*), действие и результат действия — рус. *ранение* (словацк. *zranenie*), в парадигматическом описании, основыва-

ющемся на выражаемых словообразовательных значениях, можно показать довольно отчетливо, так как в табличных записях впоследствии появляется формально один и тот же дериват под несколькими значениями. На возможное возражение о том, что лексическая многозначность не имеет отношения к описанию словообразовательного уровня, можно ответить, что лексическая многозначность связана со степенью полноты и разветвленности словообразовательных гнезд, так как в случае, если определенное значение выражается как составная часть значения другого деривата (например, названия действия), оно не должно выражаться особой производной лексемой — рус. *литъе* (действие + результат), словацк. *liatíe* (действие), *liatina* (результат). Несмотря на то что в регулярной многозначности названий действия в славянских языках имеется много сходного, в отдельных славянских языках могут быть расхождения в том, как результаты многозначности производных лексем отображаются в словообразовательных потенциалах сопоставляемых производящих.

При парадигматическом исследовании, т. е. от словообразовательных значений, предметом сопоставления может быть и то, какие производные склонны к идиоматичности (лексикализации) своего значения и для каких, наоборот, характерно сходство лексического и словообразовательного значений.

В свое время Е. С. Кубрякова высказала мнение о том, что словообразовательная парадигма является более естественной комплексной единицей языка, чем словообразовательное гнездо, так как фиксирует первые шаги гнезда, которые важны тем, что повторяются у многих производящих. Значит, словообразовательная парадигма способна фиксировать деривационный потенциал слова в более типизированном виде, чем гнездо. С этим мы полностью согласны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря: Курс лекций. Самарканд, 1971.

2 Buzássyová K. Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Br., 1974, c. 75.

3 Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978, с. 71—73.

4 Манучарян Р. С. Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования // Сопоставительное словообразование славянских языков: Тез. междунар. симпоз. (декабрь 1984 г.). М., 1984. — Далее ссылки на это издание даются с указанием фамилии и страниц.

5 Кубрякова Е. С., Соболева П. А. О понятии парадигмы в формообразовании и словообразовании // Лингвистика и поэтика. М., 1979.

6 Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981, с. 107.

7 Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. W-wa, 1982, с. 265.

8 Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ
НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ
(на материале семантической категории
локативных номинаций)

3. M. Волоцкая

В настоящей статье предлагается опыт сопоставительного анализа семантически тождественных микросистем в лексике близкородственных языков. Строится многоуровневая, иерархически упорядоченная система сопоставления номинаций (как цельнооформленных, так и раздельнооформленных) разных славянских языков, используемых для обозначения идентичных денотаторов. Устанавливаются релевантные для каждого уровня признаки, по которым проводится сопоставление, причем переход к следующему уровню обусловлен результатами, полученными на предыдущем уровне сопоставления.

Способ выражения тождественного смысла (или, как в нашем случае, обозначения тождественного денотата) может служить критерием при сопоставлении лексических систем разных языков. В настоящей статье опыт такого сопоставления был проведен на микросистеме локативных номинаций, обозначающих разного рода помещение, вместилища, а также плоскости (пространства), ограниченные природными, естественными или искусственными условиями. Русским локативным номинациям как производным, так и непроизводным, как цельнооформленным, так и раздельнооформленным были противопоставлены соответствующие им по смыслу производные локативные номинации других славянских языков.

На первом уровне сопоставления все номинации локативных денотаторов подразделяются по критерию ц е л ь н о о ф о� м л е н и ю с т и . Разграничение в способах деривации проводится по признакам синтетичности / аналитичности выражения смысла. В результате сопоставления по этому признаку было обнаружено, что русскому языку более, чем другим славянским языкам, свойственны раздельнооформленные локативные номинации. Это свидетельствует о меньшей степени синтетичности русского языка по крайней мере применительно к микросистеме *ponia loci*.

Так, на нашем материале 900 польским мотивированным цельнооформленным номинациям соответствуют по смыслу (обозначают тот же денотат) 224 русские мотивированные цельнооформленные номинации (*owocarnia* — *овоцехранилище*, *kostiumeria* — *костюмерная*, *przędzalnia* — *прядильня*), 622 русские раздельнооформленные (*cementownia* — *цементный завод*, *wurożyszalnia* — *пункт проката*, *psiągarnia* — *форельный питомник*). 340 словацким мотивированным цельнооформленным номинациям со-

ответствуют по смыслу 147 русских мотивированных цельнооформленных номинаций (*masliareň* — *маслобойня*, *baliareň* — *упаковочная*, *kupalište* — *купальня*) и 143 раздельнооформленные номинации (*uschovňa* — *камера хранения*). 420 сербским мотивированным цельнооформленным номинациям соответствуют по смыслу 198 русских мотивированных цельнооформленных (*pralište* — *прачечная*, *ciparница* — *сыроварня*, *skrivalište* — *укрытие*) и 180 раздельнооформленных номинаций (*biralište* — *избирательный пункт*). 320 болгарским мотивированным цельнооформленным номинациям соответствуют по смыслу 104 русские мотивированные цельнооформленные номинации (*maslarnica* — *маслобойня*, *peralňa* — *прачечная*, *kăpalňa* — *купальня*) и 96 раздельнооформленных номинаций (*botušarница* — *сапожная мастерская*).

На втором уровне сопоставления все цельнооформленные номинации локативных денотаторов подразделяются по критерию с е м а н т и ч е с к о й и ф о� м а л ь н о й ч л е н и м о с т и .

Разграничение в способах деривации проводится по признаку мотивированности / немотивированности выражения смысла. Сравнение показало, что в русском языке для обозначения локативных денотаторов чаще чем в других славянских языках используется и е м о т и в и р о в а н н а я номинация: пол. *skocznia* — *трамплин*; словац. *jazdiareň* — *манеж*; серб. *учионица* — *класс*; болг. *готварница* — *кухня*.

Результаты сопоставления по этим критериям подытожены в табл. 1.

Таблица 1

Русские локативные номинации 100 %	Сопоставляемые с русскими мотивированные цельнооформленные номинации других славянских языков			
	пол. 100 %	словац. 100 %	серб. 100 %	болг. 100 %
Мотивированные цельнооформленные номинации	25 %	43,3 %	47,3 %	47 %
Мотивированные раздельнооформленные номинации	69 %	44,6 %	42,7 %	43,6 %
Немотивированные цельнооформленные номинации	6 %	12,1 %	10 %	9 %

Для сопоставления с русским из двуязычных словарей¹ отобрались мотивированные цельнооформленные номинации соответственно польского, словацкого, сербского и болгарского языков (их количество в каждом из сопоставляемых языков считалось за 100 %) и им ставились в соответствие русские локативные номинации (за 100 % считалось общее количество локативных номинаций).

На третьем уровне сопоставление проводится по критерию способа словообразования. Естественно, что этот критерий применим только к мотивированным цельноформленным номинациям. Из всех способов словообразования для анализа локативных номинаций оказалось релевантным вычленить словосложение и субстантивацию. Таким образом, релевантными для сопоставления явились следующие признаки: а) количество основ, участвующих в образовании номинации и б) роль флексивной части, а именно: совмещает она словообразовательную и грамматическую функции или выполняет только грамматическую функцию. Сопоставление по первому признаку показало, что в русском языке для обозначения локативных денотатов словосложение используется чаще, чем в других славянских языках: пол. *owojcarnia* — овощхранилище, *kartoflarnia* — картофелхранилище; словац. *bryndziareň* — сыроварня, *maslareň* — маслобойня; серб. *камењара* — каменоломня, *сирапница* — сыроварня; болг. *копринарница* — шелкопрядильня, *резачница* — лесопильня. Сопоставление по второму признаку показало, что субстантивация как способ обозначения локативных денотатов преимущественно свойственна русскому языку, так: пол. *formiarnia* — формовочная, *fryzjernia* — парикмахерская; словац. *tlekareň* — молочная, *baliareň* — упаковочная, *prádla* — прачечная, *lejareň* — литейная, *cukrareň* — кондитерская; серб. *сортинница* — сортiroвочная, *хлебарница* — булочная, *чекалиште* — приемная; болг. *кебапчийница* — шашлычная, *пералня* — прачечная, *трапезария* — столовая.

Четвертый уровень сопоставления применяется ко всем производным локативным номинациям, кроме сложнопроизводных. Релевантными признаками этого уровня сопоставления являются: а) тождественность / нетождественность лексического наполнения неформантной части (основы) производных номинаций, обозначающих один и тот же денотат и б) тождественность / нетождественность формантной части производных номинаций, обозначающих один и тот же денотат. Эти параметры применимы только к близкородственным языкам, в которых мотивирующие части производных могут восходить к одному прасостоянию.

В зависимости от значений (положительных или отрицательных) указанных выше признаков можно выделить четыре вида соответствий между номинациями одного и того же денотата.

1) В сопоставляемых мотивированных словах, обозначающих один и тот же денотат, имеет место тождественность как конкретного лексического наполнения мотивирующих основ, так и тождественность выбора конкретного суффикса, т. е. сопоставляемые локативные номинации образованы от генетически родственных основ посредством одинаковых словообразовательных средств: пол. *dzieciarnia* — детяння, *garncarnia* — гончаря, *przedziałnia* — прядильня; словац. *rekareň* — пекарня, *tokareň* — токарня; серб. *хранилиште* — хранилище; болг. *купалня* — купальня.

2) В сопоставляемых мотивированных словах, обозначающих идентичный денотат, отмечается различие в мотивирующей основе:

при совпадении форманта: пол. *poczekalnia* — ожидальня, *prasot-walnia* — гладильня; словац. *farbiareň* — красильня, *uločište* — убежище.

3) В сопоставляемых мотивированных словах, обозначающих идентичный денотат, имеется совпадение мотивирующих основ при различии формантов: пол. *suszarnia* — болг. *сушилница* — сушильня; *cieplarnia* — теплица, *warzelnia* — варница; *trzęsa-cuświalnia* — трясина; *nasypisko* — насыпь; *zimowisko* — зимовье; *krowisko* — коровник; *strzelnica* — стрельбище; словац. *ku-pali-wiarnia* — купальня; *krokikareň* — крольчатник; серб. *стражара* — ђсте — купальня; *сторожка* — болг. стражарница; серб. *пекарница* — пекарня; серб. *парилиште* — парильня; болг. *читалище* — читальня; болг. *конопище* — конопляник.

4) В сопоставляемых мотивированных словах, обозначающих идентичный денотат, имеется различие как мотивирующих основ, так и формантов, т. е. сопоставляемые номинации образованы от разных основ с помощью различных деривативных суффиксов: пол. *ściernisko* — живье, *utulnia* — убежище, *dozorcówka* — сторожка, *bikaciarnia* — телятник; словац. *ornica* — пащня, серб. *бојадисаоница* — красильня, *сметъара* — свалка, *муљаоница* — давильня; серб. *жбуниште* — болг. катранице — кустарник; болг. *брестак* — вязник.

Результаты сопоставления по признакам тождества / нетождества мотивирующих основ и/или формантов представлены в табл. 2,

Таблица 2

Сопоставляемые языки	Признаки, по которым проводится сопоставление с русскими номинациями, обозначающими идентичный денотат			
	Тождеств. основы и тождеств. форманты	Различные основы и тождеств. форманты	Тождеств. основы и различные форманты	Различные основы и различные форманты
польский	18,8 %	18 %	34,8 %	28,4 %
словацкий	13,1 %	13,8 %	39,5 %	33,6 %
сербский	12,1 %	9,5 %	34,5 %	45,9 %
болгарский	24 %	10 %	30 %	36 %

в которой приведены данные в процентах, полученные в результате анализа двуязычных словарей.

К мотивированным словам, характеризующимся различными основами и различным словообразовательным формантом, применяется пятый уровень сопоставления, релевантными признаками которого являются: а) морфологический класс мотивирующей основы, б) морфемный состав мотивирующей основы и в) состав семантических компонентов мотивированной локативной номинации.

Так, мотивированные номинации, обозначающие идентичный денотат, в разных языках могут быть образованы от основ разных морфологических классов. При сопоставлении морфологического строения локативных номинаций западно- и южнославянских групп языков были зафиксированы следующие типы соответствий.

а) Мотивированному существительному, образованному от глагольной основы, соответствует по значению мотивированное существительное, образованное от именной основы, так, словацким номинациям *zhorenisko* от глагола *zhoriet'*, *vyhorenisko* от *vyhorieť'* соответствуют по значению русские мотивированные отъменные существительные *пожарище* и *пепелище*, образованные от *пепел* и *пожар*; или словацкой номинации *holiareň*, образованной от глагола *holit'* соответствует в русском языке номинация *парикмахерская*, образованная от агентивного имени *парикмахер*.

б) Мотивированному существительному, образованному от именной основы, в русском соответствует мотивированное существительное, образованное от глагола, так, сербская номинация *тапгарија* образована от существительного *танга*, соответствующее по значению русское существительное 'красильня' образовано от глагола 'красить'. Аналогично этому болгарская локативная номинация *гробище* образована от существительного 'гроб', а соответствующая по значению русская локативная номинация 'кладбище' этимологически восходит к глаголу 'класть'.

в) Мотивированному существительному, образованному от имени прилагательного, соответствует по значению русская мотивированная номинация, образованная от имени существительного, так, болг. *гъсталак* образован от прилагательного *гъст*, соответствующая по значению русская номинация *кустарник* образована от существительного *куст*.

По своему морфемному составу мотивированные слова различаются по признаку глубины производности: мотивирующая основа может быть сама мотивированной или немотивированной. Примером различия по морфемному составу могут служить такие номинации одного и того же денотата, как пол. *barw-iar-nia* и *красильня*, *pilśn-iar-nia* и *валяльня*; словац. *garb-iar-eň* и *дубильня*; болг. *глад-ач-ница* и *гладильня*. Сравнение показывает, что русскому языку более свойственны отглагольные образования локативных номинаций, а сопоставляемым с ним языкам — образования от агентивных наименований лиц.

По семенному составу или семантической структуре различаются номинации, которые как целое имеют тождественное значение или обозначают идентичный денотат, но их мотивирующие имеют различную денотацию, т. е. сопоставляемые локативные номинации мотивируются разными признаками. Так, номинации болг. *скривалище* и *свърталище* и рус. *убежище* обозначают один и тот же денотат 'потайное место', но в болгарском этот денотат называется по признаку 'место, где скрываются', а в русском — по признаку 'место, куда убегают'. Аналогичная ситуация возни-

Таблица 3

Уровни сопоставления	Область применения	Критерии сопоставления	Признаки и призначаемые ими значения
Первый	Все локативные номинации	Цельнооформленность	Синтетичность / аналитичность выражения смысла
Второй	Все цельнооформленные локативные номинации	Семантическая и формальная членность	Мотивированность / немотивированность выражения смысла
Третий	Мотивированные локативные номинации	Способ образования мотивированного слова	Количество основ, входящих в состав мотивированного; синкретичность (грамматическое + словообразовательное значения) / несинкретичность
Четвертый	Мотивированные номинации способа образования: Оси + Да + Ф _{тр}	Конкретное лексическое наполнение мотивирующей основы и форманта	Тождественность / нетождественность лексического наполнения основы и тождественность / нетождественность форманта
Пятый	Мотивированные номинации с нетождественными мотивирующими основами	Морфологические, морфемные и семантические характеристики мотивирующей основы	Тождественность / нетождественность морфологического класса мотивирующей основы; тождественность / нетождественность морфемного состава мотивирующей основы, т. е. является мотивирующей основой сама мотивированной или не является; тождественность / нетождественность семантики мотивирующей основы, т. е. тождественность / нетождественность признака (базы), по которому мотивируется локативная номинация

кает при сопоставлении состава семантических компонентов слов серб. *чекалиште* и рус. *приемная*, где обе номинации обозначают один и тот же денотат, а именно: 'помещение, где ждут приема и принимают', по это помещение в русском и сербском называют по разным признакам, в сербском это помещение названо по действию 'ждать', а в русском — по действию 'принимать'. Другой пример номинаций с разными семантическими структурами при тождестве значений: серб. *клијалиште* и рус. *рассадник*, словацк. *smrečina* и рус. *ельник* — обе они попарно называют

один и тот же локативный денотат, но в основу номинации положены разные признаки.

По этому же критерию можно сопоставить такие пары номинаций, как пол. *plawisko* и рус. *купальня*, *brakarnia* и *сортировочная*, *jadalnia* и *столовая*, *spizarnia* и *кладовая*; словац. *tmuranisko* от *tmurovat'* 'класть стены' и рус. *развалины* (от *развалиться*), *stepnica* (от *step* 'саженец') и *пшеничник*; словац. *liahnisko* (от *liahnut'* 'плодиться') и серб. *клијалиште* (от *клијати* 'прорастать, пускать корни'); словац. *starobinec* и рус. *богадельня*; словац. *menažeria* (от *menaž* 'харчи') и рус. *зверинец* от *зверь*.

Таким образом, нами выделено 3 уровней сопоставления, для каждого уровня определена область применимости, установлены критерии сопоставления, признаки и принимаемые ими значения. Результаты исследования представлены в табл. 3.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большой польско-русский словарь. Варшава; Москва, 1967 (75 000 слов); Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1958 (50 000 слов); Болгарско-русский словарь. М., 1975 (58 000 слов); Slovensko-ruský prekladový slovník. Br., 1950. Т. 1; 1957. Т. 2. (100 000 слов).

СТРУКТУРА ПОСТОСНОВНОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРМАНТА (к суффиксальной и безсуффиксной деривации в славянских языках)

M. Докулил

0. В настоящей статье мы хотим показать на примере одного из современных славянских языков (чешского), насколько разнообразны способы и средства словообразования, связанные с морфологической характеристикой, т. е. (прежде всего) с флексивными способами и средствами словоизменения производного слова, а также показать, насколько трудно однозначным образом представить их морфемную и субморфемную структуру и по возможностям паметить здесь некоторые решения.

0.1. В отличие от префиксации, а также постфиксации (последняя имеет в славянских языках периферийное значение), которые в принципе детерминируют (модифицируют) изменяемое слово как лексему (совокупность всех его форм) и потому не меняют его часть речи, суффиксация детерминирует только основу слова, в связи с чем в славянских языках она тесно связана с включением производной основы в определенную морфологическую парадигму. Это может происходить при сохранении исходной части речи мотивирующего слова (в этом случае речь идет о словообразовании внутри какой-либо части речи, например, внутриглаголь-

ное словообразование), и при изменении части речи (при образовании слов одной части речи от слов другой части речи, например, при образовании глаголов от прилагательных). Парадигма производного слова может быть тождественной парадигме исходного слова, что составляет, конечно, особый случай (так происходит в некоторых словообразовательных категориях модификационного типа, таких, как деминутивы, ср. *klubko* — *klubičko*); обычно же эти парадигмы в большей или меньшей степени различаются, сказанное распространяется и на образование слов внутри одной части речи. Это зависит как от типа ономасиологической структуры производного слова (модификационный тип реализуется только в рамках внутричастеречного словообразования, а транспозиционный тип, наоборот, только в рамках межчастеречного словообразования), так и от его части речи, причем большое значение имеет дифференциация форм внутри этой части речи (в отличие от существительных с их большой дифференцированностью парадигм прилагательные обладают только тремя формальными классами, а глаголы — шестью). Если префикс существенно не меняет значение слова, а только добавляет определенный семантический оттенок, суффиксы могут существенно изменять значение слова (при мутации) или только видоизменять его (при модификации), они могут изменять и его сплитаксическую функцию (при транспозиции и проч.). При всем своем разнообразии словообразовательный суффикс сам по себе имеет более абстрактный характер, чем префикс, он менее автономен, что проявляется и в его семантике. Значение словообразовательного суффикса само по себе часто является достаточно расплывчатым, оно выкристаллизовывается только в рамках словообразовательного форманта путем включения в определенную морфологическую парадигму, через ее морфологическую характеристику. Мы имеем в виду категорию части речи или субкатегорию с соответствующим набором категориальных значений (категориальную рамку), представленных комплексом словоизменительных аффиксов производного слова, и прежде всего (обязательно) финальных, т. е. набор окончаний (у неизменяемых частей речи окончанием части речи), кроме того (факультативно) и нефиниальных (основообразующих и словоизменительных суффиксов). В действительности этот комплекс может быть представлен окончанием (или комплексным окончанием) репрезентативной (словарной) формы данного слова (им. ед. у существительных, им. ед. муж. у прилагательных, у инфинитива нефиниальным суффиксом действительного причастия и 3 л. ед. или же мн. изъяв. наст.). Но так как окончание (финаль) репрезентативной формы (реprезентативных форм) не всегда однозначно, функцию морфологической характеристики лучше всего выполняет указание на конкретный морфологический образец (склонения или спряжения).

1. Соотношение отдельных компонентов постосновного словообразовательного форманта бывает различным в зависимости от части речи производного слова и типа морфологической харак-

теристики, прежде всего от ее структуры. Словообразовательный суффикс, если он есть, обычно и бывает собственно носителем словообразовательной функции. Зачастую уже сам словообразовательный суффикс сигнализирует принадлежность производного слова к определенной части речи, т. е. устанавливает категориальную рамку его словообразовательной и морфологической характеристики.

1.1. Часто, особенно у существительных, словообразовательный суффикс бывает доминантным в этой структуре, он имеет более или менее четкое словообразовательное значение и требует совершенно определенной морфологической характеристики. Это особенно очевидно у однофункциональных суффиксов, как *-tel* (предопределяющий морфологическую характеристику по типу «ти́й» с особым окончанием *-é* в им. мн.), *-an* (по типу «rán»), *-yn(ě)* (по типу «říže»), *-ost* (по типу «kost»), *-árn(a)*, *-írn(a)* (по типу «žena»), *-dl(o)* (тип «město»), *-išt(ě)* (тип «toře») и др. Во всех этих и подобных случаях именно словообразовательный суффикс однозначно обуславливает включение слова в определенную парадигму склонения.

1.2. Сложнее обстоит дело с многофункциональными суффиксами, независимо от того, идет ли речь лишь о семантических вариантах одного и того же суффикса или же о независимых омонимичных суффиксах. Словообразовательный суффикс может совмещать различные морфологические характеристики и входить вместе с этими характеристиками в разные словообразовательные форманты: *-k(b)* тип «rán» и тип «hrad», *-k(a)* типы «žena», «ředseda», «vrata», *-k(o)* тип «město», *-k(y)* тип «nůžky», *-(e)c(ø)* типы «tiž», «stroj», *-c(e)* типы «soudce», «pole»; *-ic(o)* тип «muž», *-ic(e)* тип «duše» («lavice»), «Petrovice», *-in(a)* типы 1. «žena», 2. «ředseda».

Но и в границах какой-либо одной морфологической характеристики словообразовательное значение суффикса (суффиксального форманта) может быть неоднозначным. Например, в рамках типа «žena» словообразовательный суффикс *-in(a)* образует несколько словообразовательных подтипов: 1. *singulativa* (*travina*), 2. названия носителей признака (*slanina*), 3. названия места поросли (*smrčina*), 4. экспрессивные названия (*divčina*).

1.2.1. В случае полисемичных суффиксов речь может идти о суффиксах настолько близких функционально, что их можно считать одним суффиксом — семантическое отличие здесь зависит от основ, с которыми он соединяется, и/или от различных морфологических характеристик, которые ему соответствуют: *-ník* по типу «rán» со значением деятеля (*dělník*) и *-ník* по типу «hrad» со значением средства (*ručník*) или места (*dřevník*). Суффиксальная полисемия наблюдается также в случаях с суф. *-(e)c* со значением деятеля (*letec*), средства (*bodec*) и носителя признака (*slepec*) (сюда не относятся такие случаи, как *hradec* с деминутивным значением, *srnec* со значением существа мужского пола, *tičurinec* со значением принадлежности, *žabec* с экспрессивным значением).

1.2.2. Конечно, семантическая дистанция может быть и более значительной, как, например у суф. *-ic(e)* (по типу «říže») со значением носителя признака (*stálíce*), пола (*orlice*), действия (*vánice*), с дифференцирующим значением (*hlavice*), со значением отрицательной оценки (*babice*). Здесь уже речь идет не о полисемии, а об омонимии. Подобную явную омонимию наблюдаем у суф. *-ín* по типу «rán» со значением членства (*vojín*) и *-ín* по типу «hrad» со значением носителя признака (*modrín*) и места (*kravín*) или у суф. *-in(a)* по типу «žena» со значением носителя признака (*jalovina*, *slabina*), собирательности (*smrčina*) и экспрессивности (*divčina*) (если мы не принимаем во внимание вариант мужского склонения по типу «ředseda» — *klucina*).

1.2.3. И у этих многофункциональных суффиксов словообразовательный суффикс сохраняет свое доминирующее положение, хотя он и не обуславливает однозначно морфологическую характеристику, которая (вместе с частью речи словообразовательной основы) окончательно определяет его функцию.

1.3. Совсем иная ситуация наблюдается в случаях, когда морфологическая характеристика является составной и позволяет различать основообразующий суффикс и комплекс собственно флексивных окончаний. Среди языковедов нет единства по вопросу о роли основообразующего суффикса¹, поэтому я считаю необходимым коротко изложить здесь свою точку зрения².

Основная функция основообразующего суффикса — образование словоизменительной основы или одной из словоизменительных основ слова как базы или одной из баз всех форм данного слова независимо от его непроизводности / производности. Тем самым с точки зрения современного языка мы имеем дело с грамматическим средством, которое в этом смысле можно считать словоизменительным. Не является решающим то, что в современном языке основообразующий суффикс четко выделяется только у прилагательных и глаголов и что в рамках этих последних существуют парадигмы и без такого грамматического суффикса. В тех производных словах, где не вычленяется особый словообразовательный суффикс, носителем словообразовательной функции следует считать совокупность грамматических, словоизменительных средств этих слов, и соответственно в тех словах, где вычленяется основообразующий суффикс, — не только совокупность парадигматических окончаний, но и сам основообразующий суффикс. В этом случае основообразующий суффикс выполняет не только свою первичную грамматическую, словоизменительную функцию, но и вторичную — лексическую, словообразовательную. В рамках деривации существительных этот случай представлен только у периферийных типов склонения «kife» (и у непродуктивного устаревшего «hřímě») и «stavení». В склонении же прилагательных и особенно отчетливо в срележии глаголов основообразующие суффиксы до сих пор применяются очень широко.

Здесь ядром деривации является морфологическая характеристика, которую и представляет именно основообразующий суффикс.

1.3.1. Это явление наблюдается у субстантивных словообразовательных типов названий молодых существ, как *kachně*, *mládě* по типу «*какие*» (где единственным словообразовательным средством является морфологическая характеристика; поскольку специфика типа склонения этих имен прямо связана с основообразующим суффиксом *-o/-et/-at-*, этот суффикс и является в данном случае собственно средством словоизделия). Сходная ситуация представлена и у собирательных названий типа *kamení*, *dubí*, у названий признаков типа *mládí* и носителей признака типа *ostří* по типу *stávení* (где в качестве средства словоизделия вновь выступает морфологическая характеристика, представленная суффиксом основы *-i-*, сохраняющимся во всей парадигме). «Словообразовательный» суффикс, если он здесь вообще представлен, имеет характер расширительного субморфа (коннекта): *medvíd-č(e)* при *medvíd(ě)*, *dvoj-č(e)*, *lv-íč(e)*; *strom-ov(i)*, *malin-č(i)* при *malin(i)*, *lisk-ov-č(i)* при *lisk-ov(i)*.

1.3.2. У глаголов в качестве средства словоизделия чаще всего выступает просто морфологическая характеристика, представленная основообразующим суффиксом по крайней мере в двух вариантах (один характеризует формы инфинитива прошедшего времени, другой — формы презенса): *stár-nou(t)* : *stár-nu-l* : *stár-n-e*, *sáz-e(t)* : *sáz-í-*, *šediv-ě(t)* : *šediv-í-*; *kos-i(t)* : *kos-í-*, *čern-u(t)* : *čern-á-*, *učitel-ova(t)* : *učitel-uj-e*, *rozděl-ova(t)* : *rozděl-uj-e* и под. В то время как однофонемные типы основообразующих суффиксов — краткие *-e* (-ě), *-i-*, *-a-* — в общем понятны и не вызывают вопросов, о типах *-nou-* : *-nu-* : *-ne-* и *-ova-* : *-ije-*, которые, как видно, представляют собой сложные образования, этого сказать нельзя. В первом суффиксе основы следует выделять консонантный элемент *-n-* (который в некоторых перфектных формах может чередоваться с *-o-*) и вокалические элементы *-i-* и *-ou-* («продленный» вариант), или же также *-o-* в перфектных формах и *-e* в презенсе (итак, *-n-ou-*, *-n-i-/o-* и *-n-e-*); консонантный элемент перед гласным сближает этот суффикс основы со словообразовательными суффиксами (функционально же он остается на том же уровне, что и другие суффиксы основы). У второго сложного суффикса основы в инфинитивном комплексе *-ova-* отчетливо выделяются расширенный двуфонемный элемент *-ov-* (который в славянском словоизделии очень часто имеет расширительную функцию) и вокалический элемент *-a-*, т. е. имеем *-ov-a-*, которому в комплексе презенса *-ije-* соответствует вокалический элемент *-i-*, а также вокалический элемент *-e-*, причем между ними находится переходный элемент *-j-*, т. е. имеем *-i-j-e-*; несмотря на сложность состава, и этот комплекс функционирует как простой основообразующий суффикс. Реже основообразующему суффиксу предшествует расширенный субморф (коннект) *-v-* у многократных глаголов, например, *mluví-v-a(t)*, *sedá-v-a(l)*, *krouná-v-a(t)*, *-ň-*, *-č-* и *-k-* у имитативных глаголов, как *fu-n-ě(t)*, *fu-č-e(t)*, *fou-k-a(t)* (в приведенных глаголах, образованных от одной междометной основы, коннекты имеют вторичную дистинктив-

ную функцию), *-k-* у глаголов воспроизведения: *ty-k-a(t)*, *a-k-a(t)*. Элементы же *-et-*, *-ot-* и *-oň-* у таких интенсивных глаголов, как *třep-ot-a(t)*, *třep-et-a(t)*, *žad-oň-i(t)*, приближаются к собственно словообразовательным суффиксам.

1.3.3. У прилагательных картина несколько противоречива. Здесь следует выделить две различные по объему группы. При помощи исключительно морфологической характеристики образуется словообразовательная категория притяжательно-относительных прилагательных (типа *sobí*, *jestřábí*, *sokolí*, *dívčí* и под.), которая целиком изменяется по мягкому типу склонения (с единственной формой номинатива на *-i-*, сохраняющимся во всей парадигме), независимо от того, заканчивается ли словоизменительная основа орфографически мягким или двойственным согласным (орфографически твердый согласный здесь не может использоваться). Мы оставляем в стороне смешанные префиксально-конверсионный и сложно-конверсионный типы, имеющие морфологическую характеристику по твердому образцу: *bezruký*, *beztléký* . . . , *modrooký*, *zlatohlavý* . . .).

Среди прилагательных с суффиксальным формантом абсолютно самостоятельную группу составляют собственно притяжательные прилагательные на *-ňv* (*-ova*, *-ovo*) и *-in* (*-ina*, *-ino*), которые в прямых падежах следуют субстантивному типу, без основообразующего суффикса, и поэтому в том, что касается соотношения словообразовательного суффикса и морфологической характеристики, они естественным образом примыкают в этих падежах к субстантивному типу с однозначным преобладанием суффикса. 1 принципе то же отмечается и у всех остальных прилагательных (т. е. для собственно прилагательных, или «полных» прилагательных с «долгими» формами) с более или менее отчетливо выделяемым основообразующим суффиксом с учетом того, что оба основообразующих суффикса (твердый, с тройным исходом, и мягкий, с одним исходом) находятся в отношении комплементарной дистрибуции: их распределение зависит от морфонологического (и орфографического) характера предшествующего согласного (финали словаизменительной основы). Это проявляется так: после морфонологически и орфографически мягких согласных морфологическая характеристика имеет единственную форму *-i-*, например, *hrací*, *cestující*, *byvší*, после морфонологически и орфографически твердых и двойственных согласных «твёрдая» морфонологическая характеристика выступает с вариантными формами *-ý*, *-á*, *-é* и т. д.: *hravý*, *hravá*, *hravé*, *dětský*, *-á*, *-é*, *tmělý*, *-á*, *-é* и т. д. В связи с этим в данном случае основообразующие суффиксы имеют лишь минимальную различительную способность. С точки зрения современного языка в парах типа *obec-n-ý*, *obec-n-á*, *obec-n-é* x *obec-n-í* (для всех родов), *trav-n-ý*, *trav-n-á*, *trav-n-é* x *trav-n-í* и под. различия обусловлены отличиями в составе словообразовательного суффикса (в произношении [n] x [ň], точнее [n // ň — в единственной форме им. мн. муж. одуш.] x [ň]), а отнюдь не присоединением различных словообразовательных

суффиксов. Таким образом, центр тяжести словообразовательного форманта у суффиксальных прилагательных находится в самом словообразовательном суффиксе, тогда как основообразующий суффикс, репрезентирующий морфологическую характеристику, определяется качеством финала словаобразовательного суффикса.

Таким образом, отношение словообразовательного суффикса к морфологической характеристике у прилагательных в принципе такое же, что и у существительных (без выделяемого на синхронном уровне основообразующего суффикса).

1.4. Преимущественно в рамках субстантивной деривации наблюдается также случай, когда единственным словообразовательным средством является морфологическая характеристика без основообразующего суффикса, т. е. только набор окончаний. Этот способ словообразования одними лингвистами понимается как безаффиксная деривация, другими — как деривация с нулевым суффиксом,ср. *lov*, *hr(a)*, *modř*, *níž(e)* и т. д. Решение этой дилеммы тесно связано с более общим вопросом о том, можно ли в славянской морфологии отсутствие морфа считать сигнификативным, и если можно, то в какой степени³.

2. Этот краткий анализ структуры постсопловного словообразовательного форманта, по нашему мнению, показал, что в принципе его необходимо рассматривать как неделимое целое, словообразовательный суффиксальный и морфологический компоненты которого (содержащие элементы различных уровней) находятся в диалектической взаимосвязи. Тот или другой компонент выдвигается на передний план в зависимости от разных факторов.

Интуитивно это понималось в школьной традиции, где, как правило, словообразовательным суффиксом некорректно считали собственно суффикс с окончанием репрезентативной формы производного слова, прежде всего им. ед. (муж.) и инф. (*žák-yně*, *jabl-íčko*, *len-ivý*, *sp-inkat*), или же только морфологическую характеристику в этих формах (*vesel-í*, *magistr-a*, *ps-í*), т. е. то, что мы называли в рабочем порядке постсопловным словообразовательным формантом. Научный анализ привел нас к познанию сложной и варьирующейся структуры этого форманта и различных морфемных уровней его компонентов и создал основу уже не только для интуитивного, но и для научного синтеза в смысле комплексного подхода к языковым фактам. В этот комплексный подход должны, конечно, входить понимание того, что и в языке нельзя всегда иметь дело с четкими, точно обозначенными структурами, так как здесь принцип дискретности представляет диалектическую противоположность принципу непрерывности. Говоря конкретно, это значит, что отнесение определенного языкового явления к той или иной категории не всегда должно иметь вид дизъюнкции «или А, или Б». Часто оно имеет вид альтернаций «А и/или Б ($\neq A$)», «больше А — меньше Б», «скорее А, чем Б», «первично А, вторично Б», «с одной стороны А, с другой — Б ($\neq A$) или конъюнций — и А, и Б ($\neq A$)». В свете этого принципа многие «не-

разрешимые» споры и противоречия (например, оценка классовых глагольных суффиксов как грамматических или словообразовательных) и вопрос статуса тех или иных расширительных элементов окажутся по меньшей мере излишними.

Перевод М. А. Осиповой

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Маслов Ю. С. Морфологическая конверсия в славянских языках // Сравнительно-типологические исследования славянских языков и литературы: (к IX Международному съезду славистов). І. 1983.
- 2 Подробнее см.: Dokulil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Рг., 1962. — Более основательно эта точка зрения документирована Зд. Скоумаловой: Skoumalová Z. Status tzv. kmenotvorcích přípon slovesných v slovanských jazycích, zvláště v ruštině. Рг., 1976.
- 3 Ср.: Dokulil M. Zur Frage der sog. Nullableitung // Festschrift zum 60. Geburtstag von H. Marchand. The Hague; Р., 1968.

ПРОЕКТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

M. Knappa

1. При разработке рабочей модели, точнее проекта методологического подхода к сравнительному изучению словообразования в современных славянских языках, необходимо исходить из анализа существующих синхронных описаний словообразования. Важное значение имеет прежде всего (а) способ включения словообразования в грамматические системы отдельных языков, (б) способ теоретико-методологической разработки словообразования в рамках описания грамматических систем и (в) используемый понятийный и терминологический аппарат.

1.1. Способ включения словообразования в описание грамматической системы конкретных национальных языков и способ разработки словообразования в рамках грамматической системы, естественно, зависят как от общего понимания словообразования, прежде всего того места, которое ему в языковой системе отводится, так и от типа грамматического описания. Вот почему вопрос о включении словообразования в грамматические описания славянских языков решается по-разному. В некоторых грамматиках описание словообразовательной системы вообще не представлено, так как предполагается включение словообразовательного раздела в описание лексической системы. В других грамматиках словообразование включается в описание морфологии, поскольку деривационные средства по своему характеру близки к средствам словоизменения, а словоизменительные средства в значительной мере используются в словообразовательных

целях. Лишь в некоторых грамматиках образование и оформлению слов отводится самостоятельный раздел, тесно взаимосвязанный как с морфологией (отчасти и с синтаксисом), так и с лексикой.

1.2. Что касается типа грамматического описания, теоретико-методологического способа разработки словообразования, то имеются два противоположных подхода: описание, ведущееся от формы к ее функции, к ее функционально-семантическому использованию, и, наоборот, описание, ведущееся от потребностей выражения и вообще коммуникации к средствам, которые служат для воплощения этих содержательных функций. Традиционные грамматические описания исходят, как известно, из формы, поскольку именно она получает в языке непосредственное выражение и поэтому становится доступной для изучения. В противоположность этому в новейших работах по синхронному описанию словообразовательных процессов и способов образования слов в славянских языках (новаторской в этом смысле является деривационная теория Милоша Докулила) словообразование рассматривается в контексте более широких связей, как основной и вместе с тем особый вид номинации. Поэтому в данном случае исходными являются содержательные структуры, лежащие в основе словообразования и номинации вообще.

2. Основой для разработки рабочей модели как базы сравнительного изучения словообразования в славянских языках явились синхронные описания словообразования, имеющиеся в академических грамматиках, а также в работах, соответствующих им по своему уровню, выполненных на материале русского, чешского, болгарского и сербскохорватского языков¹. В других грамматиках славянских языков (в опубликованных разделах) словообразованию либо уделяется незначительное внимание², либо словообразовательная проблематика вовсе не представлена³. В вышеприведенных грамматиках к описанию словообразования подходят по-разному.

2.1. В большинстве грамматик словообразованию отводится самостоятельный раздел, равный по объему, либо несколько превышающий раздел, посвященный формальной морфологии. Лишь в болгарской грамматике словообразование объединено с морфологией.

2.2. Исходным критерием описания словообразования служит частеречная характеристика. Только в «Грамматике чешского языка» (Mluvíce češtiny) исходным критерием является способ словообразования.

2.3. В двух наиболее общирных описаниях словообразования, в чешском и русском, одним из важнейших критериев является критерий содержательно-номинативных (ономасиологических) структур (поскольку нам известно, такой же подход нашел отражение в недавно вышедшей польской академической грамматике). Болгарская и сербскохорватская грамматики, напротив, исходят не из этих структур, а из формы.

3. В существующих описаниях словообразования славянских языков в целом используется один и тот же понятийный аппарат, идентично интерпретируются и такие основные понятия словообразования, как способ словообразования, словообразовательная категория и значение, словообразовательный тип, продуктивность, мотивация, словообразовательная основа и формант, префикс, суффикс, словосложение и т. д. Это создает благоприятные условия для сравнительного изучения славянского словообразования.

4. При разработке проекта единого методологического подхода к сравнительному изучению славянского словообразования, по нашему мнению, важно установить оптимальную иерархию критерии сравнительного описания словообразования. Поскольку в славянских языках словообразование и словоизменение тесно взаимосвязаны, желательно, чтобы применение модели методологического подхода облегчало сравнение словообразовательного и словоизменительного описания данных языков. Исходя из анализа имеющихся описаний словообразования, мы считаем, что при сравнительном, конфронтационном, аспекте в качестве основного целесообразно использовать частеречный критерий, а затем уже критерии способа словообразования, содержательно-номинативной структуры, частеречной характеристики мотивирующего слова и др.

Ниже будет показано, почему мы рекомендуем именно такую иерархию словообразовательного описания. Заметим, впрочем, что иерархия словообразовательных критерии не является раз и навсегда данной, она может меняться в зависимости от цели описания.

4.1. Частеречному критерию отдается предпочтение тогда, когда словообразовательное описание является органической составной частью грамматического или более общего описания языка, когда подчеркивается грамматический характер данной частной системы и ее тесная связь со словоизменением, а также ее участие в функционировании лексической системы. Дело в том, что часть речи — комплексная языковая категория, сочетающая в себе свойства как грамматической (морфологическая и синтаксическая), так и лексической категории. Таким образом, часть речи служит связующим звеном языкового описания.

4.2. Способ словообразования представляет собой основную словообразовательную категорию, выходящую за рамки части речи. Поэтому в рамках категории части речи способ словообразования служит основным критерием собственно словообразовательного описания.

4.3. Что касается номинативной структуры, то она связана с наименованием вообще, безотносительно к тому, осуществляется ли ее реализация с помощью одного слова, словосочетания или же предложения. Впрочем, в традиционной грамматике ономасиологическая структура формально выражена лишь в тех

частях речи, которые имеют словообразовательные характеристики.

4.4. Можно поставить вопрос, не должен ли критерий частеречной характеристики словаобразовательной основы (точнее говоря, мотивирующего слова) предшествовать критерию номинативной (содержательной, ономасиологической) структуры? Мы считаем, что не должен, поскольку критерий номинативной (содержательной, ономасиологической) структуры предопределяет частеречный характер словаобразовательной основы. Это обусловлено тесной взаимосвязью между основными ономасиологическими категориями, такими, как субстанция, свойство, действие, отношение, и основными частями речи — именем существительным, именем прилагательным, глаголом и наречием. В данном соответствии, однако, ономасиологическая категория, представляющая собой в принципе определенную логическую и онтологическую (реальность и мышление) категорию, является первичной, а категория части речи — вторичной. Поэтому критерий частеречного характера мотивирующего слова применим лишь в рамках ономасиологической структуры.

4.5. Упорядоченные в такой последовательности четыре основные критерии конституируют словаобразовательную категорию, имеющую первостепенное значение не только при словообразовательном описании одного языка, но и при сравнительном подходе к словообразованию. При сопоставительном изучении словаобразования таких близкородственных языков, какими являются славянские языки, на этом уровне словаобразовательного описания обнаруживается полное сходство.

4.6. Различия, как правило, наблюдаются лишь внутри словаобразовательной категории, а именно в дистрибуции тех или иных словаобразовательных типов. В этом случае к названным выше основным критериям присоединяется критерий словаобразовательного типа и форманта. Выявленное и на этом уровне, уровне словаобразовательного типа, сходство свидетельствует о тесном генетическом родстве славянских языков, о том, что основная дифференциация и дистрибуция формантов, прежде всего аффиксов (а также связанных с ними словоизменительных характеристик), в общеславянском языке произошла еще до его распада на отдельные славянские языки. Это свидетельствует также о жизнеспособности словаобразовательных моделей, о том, что последующее развитие словаобразования в славянских языках проходило в значительной мере параллельно.

5. Во вводной части проекта рабочей модели методологического подхода к сравнительному исследованию славянского словаобразования следует изложить основные словаобразовательные понятия (словообразовательная система, значение, тип; продуктивность, мотивация и т. д.), а также установить иерархию критериев сопоставительного словаобразовательного описания. Здесь же будут рассмотрены основные понятия из области морфо-

матики и морфонологии, имеющие непосредственное отношение к словообразованию.

6. Таким образом, проект рабочей модели сопоставительного изучения славянского словаобразования включает следующую иерархию критериев:

6.1. Часть речи производного слова: имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие и т. д. Это значит, что только в рамках той или иной части речи будут характеризоваться все способы ее образования и оформления, т. е., начиная с деривации и кончая аббревиацией.

6.2. Способ словаобразования

6.2.1. Деривация: суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, конверсия и рефлексивация (у глаголов), а также смешанные способы.

6.2.2. Словосложение: собственно сложение и сложение в сочетании с деривацией, соположение (юкстапозиция).

6.2.3. Переход в другую часть речи — прежде всего субстантивация и адвербализация (наречные образования).

6.2.4. Аббревиация (по практическим соображениям сюда можно отнести и другие типы сокращенных образований).

6.3. Общий тип содержательно-номинативной (ономасиологической) структуры, способ наименования, значение.

6.3.1. Мутационное, т. е. (в русской терминологии) предметнохарактеризующее значение.

6.3.2. Модификационное значение.

6.3.3. Транспозиционное значение.

6.3.4. Репродукционное значение у глаголов.

6.3.5. Координационное, или же интеграционное значение — у словосложения (в русской терминологии — соединительное значение).

6.4. Частеречный характер мотивирующего слова и его частные характеристики (семантические, грамматические, стилистические и др.).

6.5. Словообразовательная категория производных слов, определяемая с учетом их словаобразовательной структуры, лексико-семантической, или же грамматической функции производных слов; ср., например, названия средств (у имен существительных), оценочные имена прилагательные, глаголы мгновенного действия и т. д.

6.6. Словообразовательный тип, конституируемый в рамках словаобразовательной категории на основе словаобразовательного форманта и его вариантов. Так, например, у имен существительных — названий средств — выделяется, помимо прочего, словообразовательный тип с суф. *-tъ* (*ломитъ*). При характеристике словаобразовательного форманта отмечается его значение, степень продуктивности. Формант одновременно указывает на принадлежность вновь образованного слова к опре-

делиенному грамматическому классу, или же к определенному де-клиническому типу. В характеристике словообразовательного типа приводятся и возможные звуковые альтернации, в русском языке указывается ударение и т. п.

6.7. Общая семантическая или же вещественная категория, фиксирующая тематическую отнесенность вновь образованного слова, его грамматическую, стилистическую и другую характеристику. В рамках словообразовательного типа, например при характеристике имен существительных, вначале рассматриваются названия лиц, затем названия животных, растений, неживых предметов и абстрактных понятий, учитываются словоизменительные и синтаксические свойства слова, его происхождение (слова незаимствованные и заимствованные), понятийное и эмоциональное содержание и т. д. При такой классификации словарного материала принимается во внимание также лексико-семантический характер производного слова — у отлагольных образований, например, учитывается вид (совершенный, несовершенный), кратность, переходность, возвратность глагола и т. п.

7. В специальных целях, особенно при монографической разработке словообразовательной проблематики, можно менять последовательность критерии, делая любой из них отправной точкой описания. В качестве такого основного критерия может быть использован способ словообразования. Такой методологический подход к описанию словообразования был использован в академической «Грамматике чешского языка». Его преимущество заключается в том, что он дает комплексное представление о механизме образования и реализации конкретного способа словообразования. Он позволяет более отчетливо проследить некоторые важные черты и взаимосвязи словообразовательной системы одного языка, которые при использовании другого подхода, т. е. при применении частеречного критерия в качестве основы классификации, остаются скрытыми и отодвинутыми на задний план. Конкретное описание тех или иных словообразовательных типов целесообразно дополнять таблицами, наглядно показывающими участие формантов, особенно префиксов и суффиксов, в образовании и оформлении слов. Таким образом, какой бы критерий в качестве исходного мы ни избрали при монографической разработке данной проблематики, всегда уместно дополнить описание краткими табличными обзорами, учитывающими иные аспекты; например, у мотивированных лексических единиц учет словообразовательных формантов позволяет выявить их синонимичные и омонимичные ряды.

8. Мы сосредоточили внимание лишь на одном, а именно методологическом, аспекте сопоставительного словообразования, целью которого является оптимальная иерархия классификационных критериев — параметров словообразовательной системы языков славянского типа, что, впрочем, не свидетельствует о недооценке других аспектов. Однако на данной стадии разработки

исследуемой языковой проблематики важным является именно формальный аспект.

Мы думаем, что критическая оценка различных проектов, в том числе и нашего, может послужить отправной точкой при комплексном сопоставительном изучении словообразования в славянских языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. Русская грамматика. М., 1980; *Mluvnice češtiny*. Pr., 1986; Граматика на съвременния български книжовен език. С., 1983; Приручна граматика хорватского книжевного языка. Загреб, 1979.

² *Morfológia slovenského jazyka*. Br., 1966.

³ Gramatika hornjoserbske spisovneje ţeće přitomnosće. Budyšin, 1981.

КАТЕГОРИИ ПАДЕЖНОЙ ГРАММАТИКИ И ИХ РОЛЬ В СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

E. C. Кубракова

В настоящей работе ставится вопрос о целесообразности использования аппарата падежной грамматики и выделенных ею категорий для сопоставления и типологической характеристики славянских языков, и в связи с этим предлагаются некоторые коррективы падежной грамматики. Наша цель состоит в том, чтобы выработать программу исследований, задачей которых является сравнение славянских языков по типу словообразовательных значений, представленных в сфере производных имен и имеющих здесь то или иное формальное средство их выражения. Подобная постановка вопроса заставляет нас обратить особое внимание на целый ряд теоретических понятий современной лингвистики и уделять основную часть работы теоретическому обоснованию задуманного исследования.

Категории падежной грамматики, именуемые далее падежными значениями, рассматриваются нами как универсальные концепты, отражающие описание «положения дел» в мире и фундаментальные для создания картины мира в голове человека. Одновременно они выступают как логический результат познания мира и его привычной категоризации. Многие когнитивные процессы являются актами подведения наблюдаемого нового под те или иные категории речемыслительного характера. Среди таких категорий мы помещаем и падежные значения.

Несмотря на то, что в существующих версиях падежной грамматики нет единства по вопросу о числе и номенклатуре выделяемых падежей, нам важно, что в принципе здесь совершается по-

пытка установить некие смыслы, соответствующие абстракции наблюдаемых от поиспий, и что, далее, изучается проекция подобных смыслов в разные языковые системы, не только морфологию. Если по патицию надежных значений отдельные языки не могут отличаться друг от друга, ибо всегда существует какой-либо способ выразить их, то по типу и характеру надежных значений, находящих определенное формальное выражение в системе языка, а также по связности надежных значений с различными уровнями, отдельные языки существенно расходятся, и именно это различие может и должно стать предметом типологического анализа.

В анкету типологического описания языков должны быть, по нашему мнению, включены пункты, касающиеся способов выражения «глубинных» надежей на разных уровнях строения языка, т. е. средств их формального экспонирования в поверхностных структурах разного типа. Особой задачей типологического анализа может быть вопрос о том, почему одни из надежей получают в языках мира большее распространение, чем другие, или вопрос о том, каковы наиболее часто встречающиеся надежки в поверхностной морфологии и т. п. Однако специалиста по словообразованию интересует прежде всего иное: вопрос о том, представлены ли среди словообразовательных значений те значения, которые можно было бы охарактеризовать как надежные, и если да, то какова специфика таких «надежей», создаваемых с помощью словообразовательных средств, и в чем их отличие от «надежей», оформленных морфологически (системой флексий) или же синтаксически (например, системой предлогов или порядком слов).

Отвечая частично на эти вопросы в серии предыдущих публикаций, мы уже подчеркнули, что словообразование играет особую роль в выражении надежных значений и что нет ни одной категории из описываемых в рамках надежной грамматики, которая не имела бы своих аналогий в словообразовательных системах. Все известные нам надежные значения служат основой ономасиологических категорий, создаваемых с помощью словообразовательных средств. В то же время наборы таких ономасиологических категорий, наблюдавшихся в отдельно взятых языках, не одинаковы, как не одинаковы и сами представленные в них ономасиологические категории. В настоящей работе мы попытаемся дать новое объяснение этим фактам и от их интерпретации перейти к решению таких важных для современной теории словообразования проблем, как функции словообразования и его единиц в системе языка и речевой деятельности, а также о природе и сущности словообразовательного значения.

Не вызывает никакого сомнения, что роль словообразования в системах существующих языков может быть определена исключительно по его вкладу в осуществление языком его главной функции — коммуникативной, а, значит, по его участию в функционировании языка, процессах коммуникации и речевой деятельности. С этой точки зрения важно определить, с какой целью и для чего

именно создаются производные слова, и что они могут выразить, или передать в отличие от всех прочих единиц поминации. Ответ на этот вопрос представляется тривиальным лишь на первый взгляд, и хотя сегодня нам многое известно о структуре и семантике производных, мы знаем далеко недостаточно об их функциях в речи и организации текста. Между тем высокий уровень развития современной лингвистики позволяет подойти вплотную не только к постановке, но и к решению этих важнейших проблем; во всяком случае, наметить перспективные пути таких решений.

Все традиционное языкоизложение строилось на признании того, что основной функцией словообразования является функция пополнения словаря новыми лексическими единицами, поскольку растущие потребности человека по необходимости вызывают к жизни появление новых реалий, а последние нуждаются в своем обозначении. И, действительно, словообразование участвует прежде всего в паречении мира. Производные фиксируют человеческий опыт и отражают существующую в голове человека картину мира. Вместе с тем словообразование само способствует определенному членению этой картины, реагируя на все осознаваемые изменения в ней и содействуя выделению и описанию в картине мира новых кусков и фрагментов. Но остановиться на признании этого факта — значит остановиться на констатации непосредственно наблюдаемого. Однако цель науки — выйти за его пределы, проникнуть в суть вещей, увидеть, что стоит за эмпирической данностью и первоначально скрыто от взора исследователя. Важно поэтому не просто отметить участие словообразования в расширении лексикона и даже перейти далее к решению вопросов о том, какие факторы предопределяют рост производных и сложных слов по сравнению с другими единицами поминации и какие, напротив, сдерживают этот рост (ср., например, работы В. Мотша), сколько поставить проблему более широко, пытаясь установить, что дает такое расширение и какие фрагменты мира (и почему) получают свое обозначение в актах словообразования. Интересно именно то, какие сущности, объекты, понятия и т. п. нарекаются при использовании словообразовательных средств и подлежат не столько дескрипции, сколько обозначению. Интересно и то, что, подлежа обозначению, будет скорее всего обозначено производным или сложным словом. Важной проблемой теории словообразования является на современном этапе вопрос о том, что достигается созданием нового или же использованием старого производного слова в речевой деятельности и какие при этом ставятся и реализуются цели.

Чтобы найти ответы на эти и аналогичные им вопросы, надо ответить хотя бы в самых общих чертах на кардинальный для всего современного языкоизложения вопрос: для чего осуществляется акт речи и с какой целью осуществляется речевая деятельность в целом.

Простой ответ на этот сложнейший вопрос заключается, по-видимому, в том, что человек говорит в обычном случае для того,

чтобы передать другому некое сообщение, выразить новую мысль. В основе мысли, как и в основе суждения или сообщения, лежит актуализованная пропозиция. Пропозиция же есть конструкция, устанавливающая определенный тип отношения. При создании пропозиции актом предицирования предмету мысли и сообщения приписывается то, что о нем мыслится или сообщается, некий признак. Подчиненное интенции говорящего и имеющее всегда ярко выраженный прагматический характер, создание пропозиции как основы будущего предложения является особым речемыслительным актом, в ходе которого говорящий рождает и передает другому новые смыслы только тогда, когда он устанавливает определенные отношения между предметом мысли и существенным для него в данное время и при данных обстоятельствах признаком, объединяет функцию с ее аргументом или аргументами, формирует отношения топика и коммента.

Ключ к пониманию творческого начала в речи человека — в понимании формирования личностных смыслов, а они в конечном счете есть не что иное, как выстраивание новых ассоциаций, установление неких связей, валящих здесь и сейчас, соединение того, что существенно для описания ситуации или события, и без чего нет самого описания. Язык как система коммуникации должен обеспечить возможно более полное, более гибкое и более адекватное отражение новых смыслов, а поскольку эти последние существуют прежде всего как увиденные человеком системы новых отношений, — выработать новые приемы для объективации, овеществления, экстерниоризации языковыми единицами самого главного — структур наблюдющихся связей и отношений.

В теории языка необходимо показать, как его главные компоненты — морфология, синтаксис, словообразование — служат, каждый по-своему, осуществлению указанной цели. Именно в этом свете понятен и частичный изоморфизм названных систем. Все они служат комбинаторике знаков, причем часто их механизм направлен на создание такого объединения знаков, которое моделирует определенный тип отношения и которое в своем содержательном аспекте не сводимо к сумме сочетающихся знаков. По этому признаку синтаксис и словообразование противопоставлены морфологии, где при создании новых форм слова мы все время остаемся в кругу заданных заранее значений, сочетание которых создает скорее их сумму. Благодаря нарушению этого условия синтаксис и словообразование легче выходят за пределы уже известного, создавая модели для отражения обобщенных и типизированных типов связей, но наполняя эти модели новым материалом и потому фиксируя своими конструкциями новые увиденные человеком и осмыслиенные им в акте познания отношения.

Способы отражения структуры отношений между предметами в виде моделей отношений между знаками через специальные единицы оказываются поэтому в любом языке имеющими перво-

степенное значение и, конечно, не случайно, что главные компоненты языковых систем оказываются включеными в общую сеть средств их выражения. Сила падежной грамматики заключается поэтому, на наш взгляд, именно в ее способности создать научный аппарат описания отношений; в возможности применить такую категорию, как «падеж», не только для констатации, но и для объяснения явлений, которые дотоле представлялись разрозненными, разрозненными, не связанными какими-либо внутренними узами. Ясно в то же время, что мы говорим не столько о падежной грамматике в том ее виде, в каком она сформулирована на страницах специальной литературы, но в том, в каком она выступает в новой ее интерпретации, в новом понимании самой теории.

В. В. Виноградов подчеркнул, что «в падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности»¹. Это определение можно распространить, на наш взгляд, на определение падежной категории и падежного значения как значения, выступающего у любой падежной формы, будь то предложение, предложный оборот, дериват (сложное или производное слово) или, наконец, морфологическая падежная форма.

Вслед за А. А. Зализняком мы рассматриваем падеж как «некоторый элемент смысла, а именно, определенное смысловое отношение, например: быть субъектом действия, быть орудием действия, принадлежать кому-либо (чему-либо), быть внутри чего-либо»². Хотя сам А. А. Зализняк не объясняет, почему приводимые им примеры есть примеры отношений, а также не развивает далее высказанной им идеи, хочется подчеркнуть, что его иллюстрации падежа не элементарны как раз потому, что каждая из них предполагает «на глубине» наличие по крайней мере двух величин: так, чтобы быть субъектом действия, надо иметь то действие, относительно которого исходная величина и определяется как источник или производитель действия. Точно так же, чтобы быть внутри чего-либо, надо определить ту величину, по отношению к которой некий объект характеризуется как вмещаемый в нее или находящийся в пределах указанного ориентира. Можно сказать поэтому, что структура отношения как таковая сложнее структуры отдельного явления, объекта и т. п. ибо она предполагает установление зависимости между двумя объектами. Чтобы выявить структуру отношения, надо произвести операцию соположения, сравнения, сопоставления объектов, сблизить их по некоторым параметрам, вынести умозаключение о признаках объекта в момент речи.

Падежи выступают с указанной точки зрения как категории определенной универсальной системы координат, в которой исчислены семантические роли одних величин (обычно — именных групп) относительно других (обычно — глаголов или прилагательных, или, лучше атомарных предикатов) и которая в каждом конкретном языке обретает формальные средства своей воз-

можной реализации овеществления. Такая объективизация языковыми средствами наблюдается как правило в рамках одной из трех систем: морфологии — там, где имена склоняются и имеют поверхностные падежные морфологические формы: синтаксиса, в котором типы пропозиций как ядра предложения могут рассматриваться как особые падежные рамки, п. паконец, словообразования, где каждое производное слово является мотивированным знаком, фиксирующим определенный тип отношений между двумя величинами, например, базисом и признаком. Производное, оцениваемое в этом ракурсе, можно считать особым падежным комплексом, конкретное значение которого базируется на его словообразовательном значении, представляющем собой, по нашему глубокому убеждению, модифицируемое средство обобщенных типов отношений между единицами, выбранными за исходные и коррелирующими с такими онтологическими сущностями, как предмет и субстанция, процесс и действие, свойство и качество и т. п.³

Падежный комплекс создается специально для того, чтобы маркировать особой формальной приметой синтаксические и семантические функции имен в поверхностной структуре высказывания, во всяком случае, в той его части, которая является аналогом «встроенной» синтаксической структуры (*embedded sentence*). Одновременно с этим он отражает тот факт, что опознанные человеком типы связей между определенными объектами послужили мотивом обозначения новой реалии.

Падежными комплексами целесообразно считать ту часть производных и сложных слов языка, которая выражает одно из известных падежных значений, ср. выделенные в падежной грамматике падежи агента действия и его наципса или бенефицианта, локатива или другого ориентира действия, орудия или инструмента действия, его результата и т. д. Способы создания всех этих разрядов слов⁴ могут и должны стать предметом сопоставительно-типологического исследования языков, поскольку все сказанное имеет прямое отношение не только к падежной грамматике, но и к главным функциям словообразовательных систем. Теперь, определяя эти функции, мы можем подчеркнуть: словообразование моделирует единицы номинации таким образом, что, создаваясь в целях именования и обозначения отдельных признаков, предметов, процессов и оказываясь в этом смысле подобными непроизводным, простым словам языка, они по своим структурным и семантическим характеристикам отличаются от них тем, что указывают на некие связи и отношения, типичные для обозначаемых объектов, и потому изоморфными тем синтаксическим (развернутым) структурам, которые описывают те же связи и отношения.

Проще говоря: определяющим свойством дериватов является то, что, направленные на обозначения отдельных объектов действительности и отражающие понимание этих объектов как «точек» предметного или мыслительного пространства, они содержат в качестве мотива обозначения указание на тип связи, ингредиентный для обозначаемого объекта. Морфологическая структура

производного расчленена, бинарна, как и семантическая. Ономасиологическая же структура производного термина, трехчленна: она строится на приписывании ономасиологического члена: она строится на приписывании ономасиологическому базису с помощью более или менее конкретной ономасиологической связки (атомарного предиката). Это предопределяет строение словообразовательного значения, которое в производных именах тоже, соответственно, трехчленно и которое поэтому не может ни в коем случае рассматриваться как выражаемое деривационным аффиксом или формантом. Структурация словообразовательного значения гораздо более сложна, аффикс — один из компонентов этого значения, сам указывающий либо на базис производного, либо на его признак, либо, паконец, на тип отношения между базисом и признаком. Семантика производного — семантика сложного знака, фиксирующего обобщенный в данной модели тип отношения между двумя категориями, одна из которых репрезентируется основой мотивирующего знака, а другая — следом от примененной в акте словообразования формальной операции.

Модели производных слов с их словообразовательными значениями обрабатывались в процессах топикализации и семантической комирреции исходных мотивирующих суждений, в частности, при номинализации придаточных предложений, что сопровождалось созданием специальных средств универбации, стягивания синтаксической конструкции в единое номинативное образование. Рассматриваемые процессы привели постепенно к возникновению единиц номинации особого рода, способных к одновременному обслуживанию сфер синтаксиса и лексикона: синтаксиса, поскольку эти единицы оказывались равнозначными падежному комплексу и потому — аналогами расчлененного описания ситуации с противопоставлением в ней предмета мысли и приписываемого ему признака, т. е. выделения в этой ситуации одного из типов связи; лексикона и сферы поминания, поскольку производное как предельно свернутый комплексный знак способно служить обозначению целой ситуации или события. В падежных комплексах лексическое значение деривата соотнесено с его синтаксической ролью и маркировано к тому же как являющееся агентом действия или его наципсом, местом или временем его совершения и т. п.

Категории падежного происхождения стоят в центре словообразовательных систем и образуют ядро словообразовательных значений, в чем тоже можно усмотреть важность для характеристики объектов мира сетки наблюдаемых в них отношений. Это и выбирается в качестве основы обозначения, типизируется, фиксируется в словаре.

В свете всего вышеизложенного программу типологического изучения и сопоставления славянских языков можно строить на разных основаниях. Можно провести сравнение славянских языков по представленным в них ономасиологическим категориям падежного происхождения. Можно сравнить конкретные способы

их формального выражения. Можно поставить вопрос о том, почему в славянских языках богатой системой средств располагает категория активного производителя действия, но другие актантные падежи здесь представлены слабо (пациент и бенефициант), почему незначительно число специальных средств обозначения инструмента действия и т. п. Интересно выяснить, почему среди *nomina loci* представлены чаще всего значения «там, где или туда, куда», но не другие локативные значения и т. п.

Возможны и другие аспекты сопоставления славянских языков в сфере словообразования. Важно подчеркнуть, однако, еще раз, что вся эта программа ориентирована на исследование форм выражения падежных значений. Думается в то же время, что выполнение исследований по намеченному плану может обогатить не только наши представления об особенностях словообразовательных систем славянских языков, но и наше понимание задач и функций словообразования вообще, притом опять-таки не только в системе языка и речевой деятельности говорящего, но и в когнитивных процессах, отражающих познание мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов В. В. Русский язык. Изд. 2. М., 1972. С. 139.

² Зализяк А. А. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. С. 55.

³ Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978; Она же. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

⁴ Lipka L. Topicalization, case grammar, and lexical decomposition in English // Archivum Linguisticum, 1976. V. 7; Motsch W. Überlegungen zu den Grundlagen der Erweiterung des Lexikons // Untersuchungen zur Semantik. Studia Grammatica; XXII. B., 1983. S. 101–119.

ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

В. В. Лопатин

I. Словообразовательные системы славянских языков могут описываться в сопоставительном плане на разных основаниях. Результаты такого сопоставления во многом зависят от того, какие единицы будут сопоставляться.

В качестве основной единицы классификации словообразовательных систем современных славянских языков чаще всего избирается словообразовательный тип (см., например, наиболее полные из осуществленных описаний словообразования современных славянских литературных языков — русского, чешского и др.).

Единица эта (в наиболее распространенной ее интерпретации) основана на тождестве форманта, словообразовательного значения и частей речи мотивированного и мотивирующего слов. Сопоставление славянских языков и диалектов на уровне словообразовательных типов в принципе возможно в силу материально-генетической тождественности большей части аффиксальных формантов. Однако такое сопоставление в любом случае должно подчиняться одной из двух более общих классификаций — по способам словообразования или по словообразовательным категориям.

Представляя собой обобщение ряда словообразовательных типов, обе указанные комплексные единицы словообразовательной системы — способ словообразования и словообразовательная категория — являются единицами двусторонними, формально-семантическими. Это значит, что в понятие способа словообразования входит не только определенный вид форманта (суффикс, префикс и т. д.), но и определенная система словообразовательных значений, выражаемых этим видом форманта, а в понятие словообразовательной категории — не только словообразовательное значение, но и средства его выражения. Однако определяющим классификационным признаком в первом случае является признак формальный (вид форманта), а во втором — семантический (словообразовательное значение). Поэтому в первом случае семантические классификации подчиняются формальным, во втором же — формальные семантическим.

Обе эти комплексные единицы как исходные в пределах одного описания несовместимы, поскольку, во-первых, разные словообразовательные типы одного и того же способа, как правило, принадлежат разным словообразовательным категориям и, во-вторых, словообразовательные типы одной и той же категории нередко (хотя и не «как правило») относятся к разным способам словообразования, причем эта асимметрия, естественно, наблюдается не только в разных сопоставляемых языках, но и в пределах одной языковой системы. В качестве примеров можно привести категорию высокой степени проявления признака, представленную в русском языке как префиксальными, так и суффиксальными прилагательными (префиксы *пре-*, *раз-*, *архи-*, *наи-*, суффиксы *-ущ-*, *-ени-* и др.), или словообразовательную синонимию чисто префиксальных и префиксально-суффиксальных существительных типа *русск.* *пригород* и *приморье*, *подпол* и *подполье* и т. п.

II. По-видимому, при ориентации сопоставления словообразовательных систем на словообразовательную семантику наиболее естественным является сопоставительное описание, основанное на выделении словообразовательных категорий основных частей речи (либо в рамках определенных способов словообразования, либо вовсе без учета этой единицы). Однако следует иметь в виду, что в этом случае такая единица классификации, как словообразовательный тип, применима лишь отчасти, с очень существенными оговорками (именно поэтому в описаниях, строго придерживавшихся словообразовательного типа как основной единицы клас-

сификации¹, последовательное рассмотрение материала по словообразовательным категориям не представляется возможным).

Мы имеем в виду следующие факты, свидетельствующие о сложности и неоднородности иерархического соотношения словообразовательных типов и категорий.

1. Словообразовательные значения в некоторых типах представляют собой сложное единство, расчлененное на более простые значения, которые в отдельности могут выступать в других типах в качестве самостоятельного словообразовательного значения. Такая расчлененность словообразовательной семантики форманта может быть двоякого рода.

а) Она может соответствовать расчлененности форманта, так что разные компоненты комплексного словообразовательного значения выражаются отдельными составными частями комплексного форманта (примущественно при смешанных способах словообразования), например:

мутационное значение отношения к предмету, названному мотивирующим существительным, выражается суффиксальной частью форманта, а модификационное значение пространственной ориентации (пространственная конкретизация отношения) — префиксальной частью в префиксально-суффиксальных существительных типов *предбанник*, *подоконник*, *ошейник*, *наколениник* и т. п., прилагательных типов *приморский*, *загородный* и т. п. (ср. чисто суффиксальные образования типа *коровник*, *соеник*, *градусник* или типов *морской*, *городской*, *речной*, где теми же суффиксами выражается только отношение к предмету; чисто префиксальные глаголы типов *подбежать*, *обежать*, *набежать*, *забежать* и т. п., где выражается такая же пространственная модификация процессуального признака);

транспозиционное значение отвлеченного признака выражается суффиксальной частью форманта (с пулевым суффиксом), а модификационное значение слабой степени проявления признака — префиксальной частью в существительных типа *проседь*, *прожель* (ср., с одной стороны, чисто суффиксальные существительные типов *краснота*, *белизна* и др., в том числе слова с пулевым суффиксом типа *синь*, а с другой — прилагательные типа *беловатый*, *седоватый*, где представлена только модификация степени признака);

транспозиционное или мутационное значение, выражаемое суффиксальным формантом, конкретизируется специфической системой флексий, выражющей семантический компонент «сложное (многократное, многосубъектное или многообъектное) действие» или «сложный (в том числе парный) предмет», в мотивированных отглагольных существительных *pluralia tantum*, например *на падки*, *прятки*, *поминки* с формантами *-к(i)* или *носилки*, *прягалки* с формантами *-лк(i)* (ср. *чистка*, *плавка*, *задержка* или *косилка*, *зажигалка*, где при наличии тех же суффиксов, выражают то же транспозиционное или мутационное значение, семан-

тический компонент «сложности» действия или предмета не выражен)².

б) Подобное распределение компонентов словообразовательной семантики между частями комплексного форманта может отсутствовать, хотя соответствующие семантические компоненты способны выражаться в словообразовательной системе отдельно, например:

мутационное значение «производитель действия» и модификационное «женскость» нерасчлененно выражаются суффиксальным словообразовательным формантом в отглагольных образованиях типа *швея*, *жнея*, *ворожея* или типа *стряпуха*, *щебетуха* (по ср. образования типов *читательница*, *бегунья* и др., где соответствующие компоненты выражаются отдельно — разными формантами);

транспозиционное значение отвлеченного признака и модификационное значение слабой степени проявления признака выражаются нерасчлененно в отъективных существительных *жен* рода типа *хитринка*, *лукавинка* или типа *хитреца*, *прохладца*; по ср. отмеченные выше существительные типа *проседь* (с комплексным префиксально-суффиксальным формантом) или типа *краснотца* (с двумя разными формантами), где те же семантические компоненты выражаются отдельно;

транспозиционное значение отвлеченного действия и модификационное значение одноактности действия выражаются нерасчлененно в отглагольных существительных типа *прыжок*, *толчок* (но ср. глаголы типа *прыгнуть*, *толкнуть*, где выражается только соответствующее модификационное значение, или разнообразные суффиксальные типы *помина actionis*, выражющие соответствующее транспозиционное значение);

всегда выступают как формально нерасчлененные в суффиксальных отглагольных прилагательных мутационные значения: с одной стороны, «потенциальное» (способности к действию) или результативное («перфектное»), а с другой стороны — субъектное или объектное (признак предмета, являющегося субъектом действия-состояния, или предмета, подвергающегося действию); так возникают комплексные словообразовательные значения — «субъектно-потенциальное» (*колющий*, *рассыпчатый*, *говорливый*, *ходкий*), «объектно-потенциальное» (*осыпаемый*, *читательный*, *жалкий*), «субъектно-результативное» (*гнилой*, *запоздалый*) и «объектно-результативное» (*варёный*, *колотый*, *резной*, *сварной*).

Естественно заключить, что все подобные словообразовательные типы, характеризующиеся расчлененностью семантики, либо принадлежат одновременно разным словообразовательным категориям, либо (в другой возможной интерпретации) составляют особые комплексные, вторичные категории, сводимые к категориям простым, первичным.

2. Значение, в одних словообразовательных типах являющееся общим (типовым, формантно выраженным), в других типах нередко выступает как значение подтипа, частное словообразовательное значение. В таких случаях в одну словообразовательную

категорию объединяются, паряду с целыми словообразовательными типами, семантические подтипы. Приведем только два примера из современного русского языка.

Словообразовательное значение «место действия или состояния, названного мотивирующим глаголом» представлено как значение типа в существительных с суф. *-льн(я)* (*спальня*), *-иц(е)/-лиц(е)* (*училище*), *-ж-* (*гнездовье*), *-лов(а)* (*забегаловка*) и как значение подтипа — в существительных с суф. *-лк(а)* (*парилка*), *-ник* (*зимовник*), *-тель* (*вытрезвитель*), *-атор* (*изолятор — помещение*), *-ок* (*каток — площадка для катания на коньках*), *-л(о)* (*стойло*), *-н(я)* (*бойня*), *-ниц(а)* (*варница*); особое место занимают случаи, когда значение «место действия-состояния» является вторичным у существительных с транспозиционным значением (*помещение, расположение* в местном значении, спец. *разрытие* и др.).

Словообразовательное значение «склонный, пригодный или способный к действию, названному мотивирующим глаголом», с двумя разновидностями (уже отмеченными выше, см. п. 1 б) — «способный или склонный совершить действие, будучи его субъектом» (*«субъектно-потенциальное» значение*) и «способный подвергнуться действию» (*«объектно-потенциальное» значение*) — выступает как общее словообразовательное значение в типах отглагольных прилагательных с суф. *-ом-/им-* (*осозаемый, обозримый, проходимый* — «такой, который может пройти» и «такой, который можно пройти»; с префиксом *не-*: *несгораемый, неопровергимый* и т. п.), *-к-* (*ходкий, варкий, жалкий*) и как частное словообразовательное значение (значение подтипа) — в типах прилагательных с суф. *-н-* (*падебный, слышний, завидный*), *-тельн-* (*удовлетворительный, извинительный*), *-ч-* (*певчий, косчий*); наконец, только субъектная разновидность (*«субъектно-потенциальное» значение*) представлена как общее словообразовательное значение в типах с суф. *-ист-* (*раскатистый, игристый*), *-чат-* (*рассыпчатый*), *-уч-/ач-* (*колючий, паучий, кусачий*), *-лив-/чив-/ис-* (*говорливый, забывчивый, листивый*) и как значение подтипа (при отсутствии образований с *«объектно-потенциальным»* значением) — в типе с суф. *-уц-/ац-* (*завидущий, работящий*).

Таким образом, отглагольные прилагательные, выражающие «потенциальное» значение, характеризуются разной степенью обобщения типового словообразовательного значения: 1) низшей степенью — прилагательные с суф. *-ист-, -чат-, -уч-, -лив-*, где типовое значение — «способный, склонный совершить действие»; 2) средней степенью — прилагательные с суф. *-ом-, -к-, -тельн-*, где типовое значение — «способный, склонный совершить действие или подвергнуться ему»; 3) высшей степенью — прилагательные с суф. *-н-, -тельн-, -ч-, -уц-/ац-*, где типовое значение — «характеризующийся отношением к действию».

В подобных случаях³ можно выделять более общие словообразовательные категории и категории более частные, подчиненные этим общим (ср. еще, например, значение 'носитель признака' и значение 'лицо — носитель признака', 'конкретный неодушевлен-

ный предмет — носитель признака', 'совокупность однородных предметов — носитель признака' и т. д.), и поэтому в описаниях, ориентированных на словообразовательные категории, неизбежно дробление материала словообразовательных типов, характеризующихся более широким общим словообразовательным значением.

Для сопоставительных описаний особенно существен тот факт, что подобные «несимметричные» соотношения общих и частных словообразовательных значений типов наблюдаются и при сопоставлении словообразовательных систем родственных языков. Так, суффикс отглагольных существительных *-тель*, несущий в восточнославянских языках широкое агентивное значение, в западнославянских не выступает в неличных существительных, и, следовательно, значение 'лицо — производитель действия' является здесь общим (типовым) словообразовательным значением, а в восточнославянских языках — частным (значением подтипа)⁴.

3. Словообразовательное значение может выступать в один типах при непосредственной мотивации, а в других — при опосредованной. Так, значение «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим глаголом», и преобладающая конкретизация его «предназначенный для выполнения действия» выражаются при непосредственной мотивации глаголом — в отглагольных прилагательных с суф. *-льн-* (*шилфовальный*), *-н-* (*вытяжной*), *-тельн-* (*летательный*), *-ов-* (*маховой*) и при опосредованной мотивации глаголом — в отсубстантивных прилагательных, мотивированных существительными со значением действия (*сборка — сборочный, перевязка — перевязочный, изоляция — изоляционный, литьё — литеинный* и т. п.). Значение 'место действия' выражается не только непосредственно (*училище, спальня* и т. п. — см. выше, п. 2), но и опосредованно — при непосредственной мотивации прилагательными, если они в свою очередь мотивированы глаголами или отглагольными существительными со значением действия — в субстантивированных прилагательных (*курительная, проходная, массажная, операционная, перевязочная* и т. п.).

В подобных случаях в пределах одной и той же словообразовательной категории оказываются образования, непосредственно мотивированные разными частями речи, причем если при непосредственной мотивации соответствующее категориальное значение может быть как общим (типовым), так и частным (значением подтипа), то при опосредованной мотивации оно всегда является частным словообразовательным значением. Необходимо также иметь в виду, что в сопоставляемых языках соотношение непосредственной и опосредованной мотиваций в пределах словообразовательной категории может быть различным. Так, в русском языке в словообразовательной категории «место действия» суффиксация заметно уступает субстантивации (последняя продуктивнее и преобладает количественно) и, следовательно, непосредственная

мотивация глаголом представлена слабее опосредованной, что не характерно для других славянских языков.

III. Приведенные факты говорят о многообразии связей словообразовательных категорий и о сложной иерархичности словообразовательных значений — простых и комплексных, более частных и более общих. Следует разграничивать также категории, представленные рядом словообразовательных типов, и категории, ограниченные единственным типом (те и другие в сопоставляемых языках совпадают лишь частично); к последним в русском литературном языке относятся, например, категории со значением 'состояние как способность к действию' (отглагольные существительные типа *реши́мость*, *успева́емость*), 'лицо во отношении к своему отцу' (отчества), 'ягодное растение — носитель признака' [типы отадъективных существительных с суф.-*лк(a)*], 'элемент языка, речи или какого-нибудь произведения — носитель признака' (типы *архаизм*, *vulgари́зм* и т. д.). Возможно различение категорий, представленных словообразовательными типами и подтипами, с одной стороны, и категорий, представленных только подтипами, — с другой; к последним в русском языке относятся, например, значения 'промежуток времени — носитель предметного признака' (в префиксально-суффиксальных и суффиксально-сложных существительных с суф. -*ј*- типов *предгрозе*, *межсезонье*, *перемирие*, *одночасье*), 'животное — носитель предметного признака' (в суффиксальных существительных типов *бородаč*, *ушан*); с этой точки зрения можно выделять такие категории, представленные в том или ином языке преимущественно подтипами (таковы, напр., в русском языке категории 'животное — субъект действия' и 'животное — носитель непроцессуального адъективного признака').

Возможно, наконец, выделение словообразовательных категорий, основанных на более общем, чем значение отдельных словообразовательных типов, семантическом отношении мотивированных слов к мотивирующим, характерным для ряда типов с одним и тем же формантом и представляющим собой инвариантное значение форманта. Таково, например, мутационное значение 'носитель признака' (в широком смысле), характерное для существительных с суф. -*ец* (типов *продавец*, *ленивец*, *пораженец*) и некоторыми другими суффиксами⁵. В силу возможных различий в частичною сочетаемости суффиксов состав таких «инвариантных» словообразовательных категорий в сопоставляемых языках не может не различаться⁶.

Рассмотренные отношения словообразовательных категорий, являющиеся одновременно и параметрами их сопоставления, должны учитываться в сопоставительных описаниях словообразовательных систем славянских языков.

IV. Особый объект сопоставления — словообразовательное гнездо. Сопоставление словообразовательных гнезд предполагает предварительное изучение и описание (во всех сопоставляемых языках) типов словообразовательных цепочек, словообразователь-

ных парадигм и гнезд в целом на разных уровнях отвлечения от конкретных образований, входящих в гнезда: на уровнях части речи, словообразовательной категории, словообразовательного типа. Такое типологическое изучение словообразовательных гнезд отдельных славянских языков еще только начинается, хотя проблематика его в современной русистике намечена достаточно четко⁷. Систематическое сопоставление славянских языков на уровне словообразовательных гнезд — дело более отдаленного будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См., например: Русская грамматика. М., 1980. Т. 4.
- 2 Подробнее об этом см.: Лопатин В. В. О семантической структуре словообразовательного форманта // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978. С. 82—86.
- 3 Разнообразные примеры таких соотношений общих и частных словообразовательных значений могут быть извлечены из «Русской грамматики» 1989 г. (см. главы «Словообразовательные значения имен существительных и средства их выражения» и др.).
- 4 Подробнее о подобных фактах см.: Лопатин В. В., Улуханов И. С. Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983.
- 5 Такие обобщенные словообразовательные значения трактуются нами как «значения морфемы» (форманта). См.: Лопатин В. В., Улуханов И. С. Мотивированное слово в грамматике и словаре морфем // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. Ср. интерпретацию подобных фактов Р. С. Манучаряном в настоящем сборнике.
- 6 См.: Лопатин В. В., Улуханов И. С. Сходства и различия...
- 7 См. прежде всего работы А. Н. Тихонова.

АСПЕКТЫ И ВОПРОСЫ

СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Р. С. Манучарян

Развитие современной лингвистики создает предпосылки для построения общей типологии разных подсистем языка, в частности подсистемы словообразования. Чтобы стать частью общей теории, данные, добытые исследованием отдельных языков или их групп, должны быть сопоставлены, скординированы, поставлены в соответствие и в определенном отношении идентифицированы. Сводимость и сопоставимость словообразовательных характеристик разных языков зависят прежде всего от экспликации используемых терминов, понятий, единиц описания. Словообразовательная подсистема, будучи менее системной, чем грамматическая, а вследствие этого — более сложной и менее изученной, при сопоставительном исследовании в особенности требует вероятностного подхода к устанавливаемым закономерностям и кванти-

тативной экспликации «типичности», «преобладания», «обычности», «распространенности» и т. п. оценок.

Принципы и методы сопоставительно-типологического исследования определяются, помимо прочего, взаимоотношением языков, привлекаемых к сравнению. При синхронном сопоставлении языков на словообразовательном уровне можно, например, идти от материально-генетически идентичных аффиксов к особенностям их функционирования в каждом из языков или находить из определенных основ и аффиксов одного языка и выяснить степень функционального соответствия материально-генетически тождественных словообразовательных элементов остальных языков. Такие методы, не исключающие и иные, очевидно, возможны и целесообразны при сравнении языков близкородственных. Сопоставление языков, не находящихся в отношении близкого родства (например, таких, как русский и армянский), требует иного подхода, поскольку материальная идентичность аффиксов (даже с учетом заимствованных, занимающих особое место) в этом случае оказывается исключением. В связи с этим исходной и основной единицей сопоставления здесь не может быть словообразовательный тип, характеризующийся материальной определенностью форманта. Это, однако, не снимает практически важного вопроса об установлении междуязыковой эквивалентности словообразовательных моделей различных уровней абстракции как средств выражения словообразовательных значений.

Понятие эквивалентности в словообразовании при ближайшем рассмотрении оказывается недостаточно определенным и требует дифференциации и квантитативной оценки. Соответствия между моделями сопоставляемых языков целесообразно определять по трем взаимосвязанным признакам, допускающим измерение посредством коэффициентов, — по равнозначности, равноценности и речевой эквивалентности. Равнозначность зависит от меры соответствия семантической структуры общих значений моделей; равноценность определяется степенью сходства в распределении сферы действия сравниваемых моделей и синонимичных им средств в данных языках; речевая эквивалентность связана с тем, что при передаче того же содержания на другом языке из нескольких возможных соответствий (словообразовательных и несловообразовательных) репрезентантами данной модели выбираются с той или иной вероятностью единицы определенной структуры¹.

Сравнение словообразовательных значений разных языков и средств их выражения есть в конечном счете обнаружение и сравнение словообразовательных категорий. В отличие от словообразовательного типа, словообразовательная категория может служить единицей сопоставления не только близкородственных языков и, следовательно, является более универсальной единицей анализа. Словообразовательная категория идентифицирует ряды производных с разными формантами и способами словообразования на основе общности словообразовательного значения. В данном понимании словообразовательная категория целиком покры-

вает словообразовательную зону того или иного языка (или языкового поля), словообразовательные типы выступают как своего рода конкретные варианты данного инварианта (прежде всего в плане выражения, но с учетом возможной неполной семантической или стилистической тождественности синонимичных типов — также и в плане содержания).

Если исходить из понимания словообразовательной категории как единства словообразовательного значения и системы средств его выражения без дальнейшей конкретизации параметров, то можно выделить и сравнить категории различных видов, типов и степеней обобщенности. Имеет смысл классификация по признакам плана выражения с выделением — по виду конституирующих формальных средств — категорий префиксальных, суффиксальных, конфиксальных и т. д., которые могут оказаться таковыми в одном или нескольких языках. Такая классификация имеет, однако, ограниченное значение и оказывается подчиненной делениям по признакам плана содержания. В рамках того или иного языка многие категории окажутся префиксально-конфиксальными, суффиксально-конфиксальными, суффиксально-конверсионными и т. д. в том смысле, что будут характеризоваться применением синонимичных префиксов и конфиксов, суффиксов и конфиксов, суффиксов и комплексов флексий. Это связано с тем, что между способами выражения словообразовательных значений и характером самих значений в большинстве случаев не существует однозначной зависимости или соответствия. Частичное совпадение семантических функций разных словообразовательных способов обнаруживается уже в пределах отдельно взятых языков, в сопоставительно-типологическом же аспекте сфера расхождения формальных и семантических объединений еще более расширяется.

Типология словообразовательных категорий должна разрабатываться с учетом также словообразовательных единиц промежуточного характера, таких, как аффиксоиды («полуаффиксы») и деривационные слова-морфемы (в составе аналитических слов). Включение тех и других в состав словообразовательных формантов, конституирующих категории, представляется особенно правомерным и при выходе за пределы отдельных языков. Специфика словообразования тех или иных языков может в определенной мере складываться за счет удельного веса и состава аффиксоидных (префиксальных, суффиксальных) словообразовательных категорий. Обычным, по-видимому, является существование категорий смешанного типа — суффиксально-суффиксоидных, префиксально-префикссоидных, обнаруживающихся в более гетерогенные объединения; такова, например, субстантивная словообразовательная категория неполноты в русском языке, формируемая префиксом *недо-*, префиксом *полу-*, суффиксами *-ин(a)*, *-ник(a)*, *-ц(a)*, конфиксами *недо- . . . -ок*, *про- . . . в*. С другой стороны, обнаружение в ряде языков словообразовательных значений, выражаемых с помощью деривационных слов-морфем (ср. русск. *дать* — *оценку*, *указание*, *согласие* . . .), а иногда и единственno этим спо-

сбом, дает основание в принципе различать словообразовательные категории двух видов — морфологизованные и неморфологизованные.

Таким образом, в сопоставительно-типологическом аспекте вопрос о степени и характере пересечения формальных и семантических характеристик словообразовательных категорий (и соответственно — о возможной синонимии формантов разных видов) представляет определенный интерес и может стать предметом специального изучения.

Определяющее значение имеет деление и сравнение словообразовательных категорий по признакам плана содержания. Оно связано с различными возможными делениями словообразовательных значений. Целесообразно различать следующие классы категорий.

По отношению к частеречной характеристике производных — категории, отождествляющие ряды производных, принадлежащих к одной и той же части речи, и категории, отождествляющие ряды производных, принадлежащих к разным частям речи, основанные на инвариантных значениях, выражаемых прежде всего именными префиксами; таковы в русском и некоторых других языках категории усиливательности, противоположности и др. Соответственно можно говорить о представленности и удельном весе в том или ином языке внутриклассовых и междуклассовых категорий.

По отношению к частеречной характеристике производящих — категории, объединяющие ряды производных с общностью типового словообразовательного значения, и категории, объединяющие ряды производных с общностью межтипового словообразовательного значения. Во втором случае к одной словообразовательной категории, например, собирательности, места, лица относятся (в русском и др. языках) производные, имеющие производящие базы различных частей речи (ср. *ловкач* — *ткач* — *усач*). Здесь над различиями в способе мотивации возвышается единство семантико-классификационной, номинационной функции формантов. Соответственно можно говорить о представленности и удельном весе в том или ином языке мотивационно-словообразовательных и номинационно-словообразовательных категорий. Данное различие отражает наличие и соотношение двух аспектов семантики производных — мотивационного и номинационного.

По соотношению частеречной характеристики производных и производящих — транспонирующие (транспозитивные) и нетранспонирующие (нетранспозитивные) словообразовательные категории.

По характеру семантического соотношения между производными и производящими — мутационные, транспозиционные и модификационные словообразовательные категории (в известных работах М. Докулила эти типы выделялись прежде всего применительно к опомасиологическим категориям). Заметим, что одной из характерных особенностей русского языка в сравнении со мно-

гими другими (в частности, с армянским) является большой удельный вес и широкая представленность модификационных категорий.

По характеру семантического соотношения между самими словообразовательными категориями целесообразно различать и сравнивать — по параметрам сферы и степени представленности — оппозиции эквивалентного, привативного и градуального характера. Тесная корреляция, принимающая характер оппозиций этих типов, охватывает лишь часть словообразовательных категорий, что отражает относительную системность словообразования. С другой стороны, реализуясь на уровне словообразовательных рядов в целом, указанные оппозиции в конкретных производных оказываются представленными спорадически и неравномерно (ср. *домик* — *домице* или *домина*, но только *листик* или *листок*, при отсутствии противопоставленной увеличительности), что в общем также характерно для словообразования, но варьирует по степени регулярности в зависимости от типа языка.

В общем же случае важно выявить и сопоставить набор, парадигматические отношения и удельный вес словообразовательных категорий в рамках таких микросистем, как отлагольные, отсубстантивные, отадъективные производные, что связано уже с обращением к более сложной единице сопоставительно-типологического анализа — словообразовательно-семантической парадигме, определяемой нами как комплекс словообразовательных категорий, конституируемых на базе производящих определенного класса по моделям мотивационных отношений, свойственных тому или иному языку. Сравнение словообразовательно-семантических парадигм разных языков позволяет расположить категориальные члены этих микросистем в определенном порядке — по убывающей представленности категорий в конкретных производных. Установление состава категориальных членов парадигм — прежде всего на уровне частеречного обобщения словообразовательной базы парадигмы — и приближенное измерение представленности («мощности») каждой категории в сравниваемых языках дают возможность применением несложного математического аппарата² получить характеристику меры близости словообразовательных парадигм.

Наконец, отдельную задачу, здесь не затрагиваемую, составляет сопоставительно-типологическое изучение словообразовательных гнезд, их структурно-семантических типов.

Общая теория словообразования в настоящее время нуждается не только в новом материале, но и в обобщении, осмыслении уже накопленного под определенным углом зрения. В предварительном порядке можно сформулировать ряд общих закономерностей (и связанных с ними вопросов), относящихся к сопоставительно-типологическому аспекту словообразовательной семантики. Степень их универсальности подлежит выяснению.

Существуют такие опомасиологические категории, которые выражаются преимущественно посредством словообразования.

Каков диапазон и сравнительная употребительность словообразовательных и несловообразовательных способов выражения одних и тех же семантических отношений?

Существует некоторый набор универсальных словообразовательных значений, а также их типов. Каков он?

Существуют словообразовательные значения, специфические для отдельных языков или их групп; эти значения обнаруживаются преимущественно в сфере существительных и глаголов в рамках нетранспонирующих словообразовательных категорий.

Некоторая часть словообразовательных значений выражается исключительно посредством определенного способа.

Категориальные (общие) словообразовательные значения составляют ограниченный инвентарь.

Неопределенное большое число частных («лексико-словообразовательных») значений обнаруживается в основном в рамках субстантивного и отсубстантивного словообразования.

Определенная часть словообразовательных значений имплицирует определенные грамматические значения.

В составе словообразовательных парадигм существует взаимная импликация части словообразовательных категорий.

Типы словообразовательных категорий и их вес (представленность) обнаруживают корреляцию с общетипологическими характеристиками языка.

Словообразовательные отношения между частями речи коррелируют с синтаксическим строем языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Манучарян Р. С. Словообразовательные значения и формы в русском и армянском языках. Ереван, 1981.

² См.: Левин Ю. И. Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами // ВЯ, 1964, № 4.

О ПРЕДМЕТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

И. Г. Милославский

В качестве базисной единицы словообразовательного уровня выступает морф (морфема) при морфемном аспекте или формант (дивергатор) при собственно словообразовательном аспекте. Являясь элементарным по форме, хотя и неэлементарным по смыслу языковым знаком, морф (и соответственно морфема, формант, дивергатор) имеет как план выражения, так и план содержания. Теоретически основанием для межъязыкового сопоставления на уровне базовых единиц может быть либо план выражения, либо план содержания. Однако план выражения в принципе может

выступить в качестве основы для сопоставления лишь при изучении близкородственных языков, либо при изучении заимствований из одного языка в другой.

Создание сопоставительного словообразования на формальном основании было бы аналогично построению сопоставительной лексикологии на основе фонетического сходства или близости между словами. Очевидно, что такое сопоставление, обогащая науку определенными фактами, едва ли может быть многообещающим как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Иное дело — содержательные основания. Именно подход от значения позволяет определить те семантические зоны, в пределах которых «работает» словообразовательный механизм в каждом конкретном языке, а также сопоставить соответствующие зоны и механизмы в сопоставляемых языках. Путь от значения оказывается и практически чрезвычайно полезным как для преподавания языков, так и для перевода. Впрочем, и при таком подходе возникают, как кажется, фундаментальные теоретические противоречия, обусловленные уровневым подходом к языку в целом и спецификой словообразовательного уровня, в частности.

Положим, что в качестве основы для сопоставления избраны такие семантические признаки, которые могут получать в славянских языках выражение на словообразовательном уровне: уменьшительность, единичность или собирательность для существительных, степень признака для прилагательных, начинательность, неполнота или повторность действия для глаголов. Даже в этом случае, когда семантическая основа для сопоставления определена достаточно четко, следующие существенные моменты требуют дополнительных разъяснений.

Во-первых, принципиальная возможность соединения со словообразовательным средством заложена (или отсутствует) в самой семантике производящего. Поэтому для сопоставительного изучения словообразовательных потенций языков совершенно необходима сопоставительная лексикология, которая, в частности, предопределяет связь словообразовательных средств с соответствующими производящими лексическими единицами. Как известно, многие факторы и сама морфемная структура производящего, в частности, оказывают существенное влияние на возможность присоединения словообразовательного средства. Поэтому даже семантическая эквивалентность и производящих слов, и словообразовательных средств сопоставляемых языков еще не гарантирует реального использования последних для соответствующей номинации. Иными словами, наличие семантических эквивалентов между языками на уровне производящих, и дивергаторов отнюдь не означает наличие таких же эквивалентов на уровне производных.

Так, например, в русском языке имеются соответствующие лексические единицы, означающие, скажем, «дом», «стол», «город», или какой-то иной «предмет». Кроме того, существует также возможность выразить значение уменьшительности с помощью сло-

вообразительных средств. Однако оба этих обстоятельства вовсе не гарантируют, что в каждом случае для обозначения маленького предмета будет использоваться именно словообразовательное средство, а не лексема или словосочетание. Ср.: *город — городок — городишко, дом — домик — домишко, стол — столик* и не имеющие дериватов со значением уменьшительности такие слова с предметным значением, не чуждые идес «размерности», как *труба заводская, крыша дома, пеисне* и мн. др.

Лексические эквиваленты этих русских существительных в тех языках, где имеется словообразовательная категория уменьшительности, вовсе не обязательно будут обладать такой же сочетаемостью с дериваторами со значением уменьшительности. Более того, само распределение существительных на чуждые и не чуждые идеи размерности варьируется по языкам.

Как показывают наблюдения, почти для всех значений, выражаемых словообразовательными средствами, существуют синонимы и на других уровнях языка, прежде всего, на лексическом (одним из важных исключений из этого правила является значение результативности действия в русском языке). Иными словами, наличие в сопоставляемых языках семантически эквивалентных средств одного и того же словообразовательного уровня отнюдь не предопределяет реальное использование в каждом языке средств именно этого, а не другого уровня. То, что в одном языке выражается словообразовательными средствами, в другом (даже при наличии соответствующих словообразовательных средств) получает лексическое выражение, однословное и расщепленное. Так, например, и в русском, и в английском языках существуют дериваторы, имеющие значение «женственности». Однако в русском языке принадлежность существа к женскому полу далеко не всегда выражается с помощью именно словообразовательного средства. Так, например, то, что врач, оказался женщина-врач, лучше всего передать либо через *женщина-врач* либо через *врач сказала*, но не через *vрачиха*. Женский и мужской пол у *кошки* и *кота* передаются практически только соответствующими существительными, а вовсе не через *самку кота* или *самца кошки*, что, впрочем, является единственной возможностью для *гадюки* или, например, *обезьяны*.

Оба отмеченных выше обстоятельства позволяют говорить лишь о принципиальном сходстве между языками (или об отсутствии такого сходства), хотя сама зона «действия» сопоставляемого на семантическом основании словообразовательного признака обычно оказывается весьма различной в сопоставляемых языках. Причем, это различие как на уровне производящих, так и на уровне дериватора носит сугубо лексикологический характер.

Во-вторых, использование словообразовательных средств для выражения определенных значений передко приводит к созданию таких производных, которые несут не только значение производящего и дериватора, но и «незапланированное», дополнительное

значение. Иными словами, наличие в сопоставляемых языках семантически эквивалентных словообразовательных средств и даже их реальное соединение с семантически эквивалентными производящими еще не гарантируют наличия в обоих языках не только структурно, но и семантически эквивалентных производных. Семантически эквивалентными в этом случае подчас оказываются дериваты одного из сопоставляемых языков и расщепленное написование в другом. Так, например, русское производное *театрал*, означая «лицо, которое любит театр», семантически эквивалентно словосочетанию *любитель театра* (ср. с возможностью выражения значения «любитель» лексическими и словообразовательными средствами по отношению к *кино, балету, живописи, искусству, футболу, спорту* и т. п. «предметам»); русское производное *фабрикант*, означая «лицо, которое владеет фабрикой», семантически эквивалентно словосочетанию *владелец фабрики* (ср. с возможностью выражения значения «владелец» лексическими и словообразовательными средствами по отношению к *дому, автомобилю, земле, часам, комнате, столу* и т. п. вещам); русское производное *парламентарий*, означая «лицо, которое является членом парламента», семантически эквивалентно словосочетанию *член парламента* (ср. с возможностью выражения значения «член» лексическими и словообразовательными средствами по отношению к *команде, академии, институту, кафедре, семье, кооперативу, колхозу, заводу* и т. п. коллективам).

Таким образом, наличие у словообразовательных средств синонимов на лексическом уровне, прихотливость сочетаемости этих средств, а также возможность актуализации ими дополнительных значений — все эти обстоятельства делают план содержания единицы словообразовательного уровня весьма специфичным основанием для сопоставления. Это обстоятельство является довольно элементарным следствием из общепринятого попытания асимметричного дуализма языкового знака и из посылки о содержательной стороне знака как основе для сопоставления языков. Будучи скованным уровневой характеристикой, сопоставительное словообразование на семантической основе представляет собою лишь весьма ограниченную часть сопоставительной семантики и в значительной степени пересекается с сопоставительной лексикологией, намного уступая ей по значимости и объему фактов. Удельный вес собственно словообразовательных явлений при сопоставлении даже близкородственных языков весьма ограничен. Всякие попытки расширить круг этих явлений в целях сохранения именно словообразовательного уровня идут за счет игнорирования важных семантических соответствий между сопоставляемыми языками. Именно таким образом с семантических позиций выглядят исследования, в которых сопоставляется, например, структура словообразовательных гнезд, семантически доведенная лишь до уровня частей речи а не до лексических значений производных слов. Так же за счет семантической полноты и в угоду уровневому тождеству делаются типологические выводы о простом на-

личии или отсутствии словообразовательных средств выражения конкретных значений в сопоставляемых языках.

Высказанный скепсис в отношении границы и возможностей сопоставительного словообразования, разумеется, не означает отрицательного отношения к этой области научного поиска. Эти исследования, заведомо ограниченные, без сомнения, не только вносят определенный вклад в общее сопоставительное изучение языков на семантической основе. Словообразование в настоящее время выступает как своего рода полигон, где испытываются приемы и методы изучения языка, представляющие большую ценность как для других уровней языка, так и для лингвистики в целом. Иными словами, словообразование, в том числе и сопоставительное, в какой-то степени играет в современной лингвистике такую же роль, какую в ней играла несколько десятилетий назад фонетика и фонология.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕРИВАЦИОННОГО СИНТЕЗА ПРИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(к проблеме центра и периферии
при изучении словообразовательной категории)

Г. П. Нещименко

Непосредственному рассмотрению проблемы будут предпосланы некоторые общие вопросы теории и метода сопоставительных исследований.

Становление сопоставительного языкознания — важное достижение лингвистики XX в. Данное научное направление развивалось, впрочем, неравномерно. Так, в течение длительного времени преобладали эмпирические исследования, проводившиеся в отрыве от исследований теоретических, без учета содержащихся в них обобщений и рекомендаций. Нередко сравниваемые явления рассматривались изолированно, в отрыве от их функционирования и системных взаимосвязей. Сопоставление являлось самоцелью и проводилось на случайных основаниях. В силу недостаточно глубокого осознания целевой установки сопоставления, его «сверхзадачи», а также отсутствия разработанной методики этого жанра исследований «отдача» эмпирических описаний зачастую была невелика. Таким образом, по сути, не использовались преимущества данного метода, позволяющего говорить о нем как о новом этапе в совершенствовании научной методологии.

За последние десятилетия были достигнуты значительные успехи в разработке теории и методологии сопоставительного изучения языков, прежде всего славянских, во многом была преодо-

лена известная диспропорция между уровнем и степенью продвинутости теоретических изысканий и практических исследований. Тем не менее и по сей день многие, притом принципиально важные, вопросы продолжают оставаться дискуссионными¹. Неоднозначно, с различной степенью широты, толкуется и сам термин «сопоставительное языкознание», под которым нередко понимается целый комплекс лингвистических дисциплин, оперирующих рабочим приемом сравнения (т. е. сравнительно-историческое, ареальное, типологическое языкознание, лингвистика перевода и, наконец, сопоставительное языкознание в собственном смысле слова)². Предметом нашего внимания является именно последний вид исследований, именуемый в литературе такими терминологическими аналогами, как сравнительно-сопоставительное языкознание, конфронтационная или же контрастивная, лингвистика (последний термин, впрочем, ныне получает несколько иную специализацию). Все эти термины, как нам кажется, акцентируют лишь сам факт использования рабочего приема сопоставления, но не конкретизируют, как этот прием применяется, хотя именно в этой плоскости в основном и проходит различие между всеми сравнительными лингвистиками. Думается, что удачнее был бы термин «аналитическое сравнение», предложенный чешской лингвистикой 30-х годов, либо термин «системно-функциональное сопоставление», которому мы и отдаляем предпочтение.

При определении целей сопоставительного языкознания нередко отмечается, что в его задачи входит выявление межъязыковых сходств и различий, которые в дальнейшем могут стать основой для типологических обобщений. Подобная оценка неправомерно ограничивает задачи и тем самым занижает статус сопоставительного языкознания, представляя его как некую вспомогательную дисциплину сугубо прикладного характера, занимающуюся, в сущности, эмпирической каталогизацией межъязыковых сходств и различий. В задачи исследователя-сопоставителя, действительно, не входит типологическая классификация языков; в его поле зрения находятся сходства и различия, однако их выявление и изучение — не самоцель, а путь к углубленному познанию языковых закономерностей, в том числе универсалий.

Сущность сопоставительного изучения можно определить как системно-функциональное сопоставление из отдельных функциональных феноменов, независимо от того, к какому уровню языковой системы они принадлежат. Процедура сопоставления основывается на едином принципе: сопоставляемые объекты рассматриваются как функционирующие системы, сравнение которых проводится на основе признаков, релевантных для внутренней организации и функционирования этих систем. Таким образом, сопоставление предшествует внутристической системный анализ, выявляющий существенные системные закономерности, которые затем используются в качестве основания для сравнения при межсистемном сопоставлении. Послед-

нее позволяет увидеть исходную систему «со стороны», в свете взаимосвязей с аналогичными системами.

Диапазон применения сопоставительного метода очень широк: сопоставление может проводиться как на пространственной, так и на временной оси. Наиболее распространен первый вид сопоставления, характерный для межъязыковой конфронтации (численность языков, а также их генетическая, типологическая, ареальная принадлежность не является существенной), а также конфронтации форм существования национального языка (например, литературного языка и диалектов).

Наиболее информативно сопоставление близкородственных языков (а также форм существования национального языка), предполагающее более глубокое проникновение в системные закономерности. Наблюдаемые при этом различия отнюдь не обязательно обусловлены дивергентным развитием языков, они могут произтекать из несовпадения темпа развертывания одного и того же процесса в рамках конвергентного развития близкородственных языков.

Специфика неродственных языков более очевидна и выявляется на поверхностном уровне, однако получаемая информация менее содержательна и зачастую ограничивается рамками схемы «да — нет».

Таким образом, при данном виде сопоставления на пространственной оси совмещаются различные языковые реализации некоторой универсалии и тем самым создается уникальная возможность для наблюдения пространственной диахронии, т. е. хронологического совмещения разных стадий развития языкового феномена.

При сопоставлении на оси времени речь идет о внутренней языковой, синхронно-диахронной, конфронтации. В этом случае в задачи исследования входит сравнение разных синхронных срезов истории языка, отражающих различные стадии развития одной и той же внутриязыковой универсалии.

Использование при сопоставительном изучении близкородственных языков рабочей модели, или же ориентационной сетки, абстрагированной в результате детального синхронно-диахронного изучения фактов одного языка, является эффективным приемом межъязыковой конфронтации.

Следует отметить, что методика как межъязыковой (близкородственные языки), так и внутриязыковой конфронтации идентична. В сущности, они представляют собой два взаимосвязанные этапа, из которых внутриязыковая конфронтация предшествует межъязыковой, позволяет отсеять случайные признаки, сконцентрировать внимание на релевантных системных закономерностях, подтвержденных ходом исторического развития языка.

В свете вышесказанного можно усомниться в правомерности определения сопоставительного языкоznания как исключительно синхронного, а тем более как рассматривающего языковые явле-

ния в статике³. Одно из преимуществ сопоставительного метода как раз и заключается в том, что он позволяет увидеть языковые явления в динамике. Заметим также, что при сопоставительном изучении синхронный подход более характерен для стадии анализа языковых фактов⁴, на стадии синтеза он, как правило, дополняется подходом диахронным (ср. упоминавшиеся выше проявления диахронии в пространстве, применение синхронно-диахронного подхода при внутриязыковой конфронтации и т. п.).

Большие перспективы открывает применение метода системно-функционального сопоставления при изучении деривационных закономерностей языков. Развертывание сопоставительных исследований в этой области славянского языкоznания стало возможным лишь после того, как было преодолено отставание в разработке ключевых вопросов теории и методологии словаобразования и, в частности, совершенствование методики деривационного анализа и синтеза.

В начале 60-х годов в своей программной статье, посвященной проблемам сопоставительного словаобразования, М. Докулил писал: «Словообразовательные системы славянских языков имеют весьма сложную структуру и, если у нас до сих пор нет единой процедуры, позволяющей описать подобную структуру, то тем более нет разработанной методологии сравнения столь сложных структур друг с другом»⁵.

Важным этапом в развитии словаобразования явилось последнее двадцатилетие. В этот период полностью утвердилась концепция системно-функционального подхода к деривационному материалу, в разработку которой внесла большой вклад чехословацкая словообразовательная школа во главе с М. Докулилом. Значительными являются и достижения советской и польской лингвистики. Крупным шагом вперед стало создание синхронных описаний как словообразовательной системы ряда славянских языков, так и отдельных ее фрагментов⁶. Иными словами, был создан необходимый фундамент для развертывания сопоставительных исследований.

При сопоставительном изучении словаобразования особую значимость приобретает строгое соблюдение единых принципов как анализа (в частности, сегментация строения слова на деривационно значимые компоненты), так и синтеза. В противном случае предметом сопоставления могут оказаться неадекватные и, следовательно, несопоставимые факты. По-видимому, было бы идеальным, чтобы вся процедура сопоставления осуществлялась либо одним и тем же исследователем, либо коллективом ученых, оперирующих единым понятийно-терминологическим аппаратом и единой методикой обработки материала. Поскольку на практике соблюдение этого правила передко оказывается затруднительным, может случиться так, что отсутствие единого подхода на стадии анализа повлечет за собой расхождения при словообразовательном синтезе. Впрочем, успехи, достигнутые в настоящее время в методике словообразовательного анализа, в частности, отработка

процедуры идентификации производящей основы и, соответственно, вычленения словообразовательного форманта, во многом способствуют преодолению этих трудностей.

Ниже будут изложены некоторые соображения, касающиеся синтеза словообразовательных явлений.

Операция словаобразовательного синтеза сопряжена с решением ряда конкретных задач, прежде всего это систематизация выявленных в результате анализа лексического материала изолированных словообразовательных структур в словообразовательные типы (далее — СТ) и сведение последних в деривационную систему с учетом степени их продуктивности. Систематизация словообразовательных фактов может проводиться на разных основаниях, при учете критерия различной степени абстракции.

Ключевым понятием словаобразовательного синтеза является СТ, достаточно подробно разработанное в литературе. СТ представляет собой обобщенное и типизированное отношение между группами однородных по своей структуре и семантике парных образований — производящего и производного слов. По определению это единство, объединяющее дериваты с общностью словаобразовательного форманта, части речи производящей основы, семантического отношения производного и производящего слов.

СТ имеет системную организацию, причем различаются как открытые (высокопродуктивные типы), так и закрытые виды систем. К числу последних относятся типы, деривационные потенции которых либо исчерпаны, либо (временно) ограничены вследствие семантической замкнутости производящих основ; ср. образование дериватов от цветовых обозначений, численность которых задана диапазоном цветового спектра и т. п. Снижение продуктивности СТ влечет за собой нарушение его системных признаков, например, появление лакун в инвентаре производящих лексем, стирание словаобразовательного значения с последующей лексикализацией, постепенное снижение количества производных и заимствованных лексем. Ярким примером угасания деривационной активности форманта является снижение продуктивности деминутивных суффиксов с консонантом *s*, прежде всего в западнославянских языках.

В свое время нами была выработана и на материале чешских деминутивов⁷ апробирована (внутриязыковая конфронтация) программа описания СТ, включавшая в число его конституентов, помимо словаобразовательного суффикса и производящей основы, также морфологические альтернации и парадигматические флексии. При этом особое внимание уделялось установлению структурных параметров суффикса и его дистрибутивного ареала (так называемая «контактная зона» основы), а также детальному анализу производящей основы по таким параметрам, как ее словоизменительная, семантическая, словообразовательная характеристика (в последнем случае акцентировалось соотношение производных и непроизводных основ, основ отечественного и заимствованного происхождения). Думается, что эта программа может

быть использована и при сопоставительном изучении близкородственных языков. Априорно можно предположить, что при значительном сходстве славянских языков различия могут проявиться в степени продуктивности аффиксов, т. е. в их функциональной нагруженности в деривационной системе языка, в классификационной принадлежности аффиксов, обусловленной их дистрибутивными параметрами. Так, к примеру, суф. *-ец-* в болгарском языке (в силу отсутствия склонения) будет относиться к формантам с вокальным зачином, в то время как в других славянских языках он является аффиксом консонантным (*-ʃ-*) с учетом доминирующей парадигматической манифестации, что соответствующим образом отражается на его дистрибуции⁸.

Если, как уже говорилось выше, понятие СТ в славянской дериватологии разработано с достаточной полнотой, то несколько иначе обстоит дело с таким важным элементом деривационного синтеза, как «словообразовательная категория» (далее — СК). Здесь наблюдается своеобразный парадокс: данное попятие относительно часто упоминается в литературе (притом неадекватно интерпретируется разными учеными; ср. работы В. В. Лопатина, Р. С. Манучаряна, Д. Шлосара и др.), однако используется оно в основном при классификации словообразовательных явлений, а не как понятие операционное, тесно связанное с живой языковой тканью. Симптоматично, что оно практически вообще не применяется (на наш взгляд, в ущерб делу) в словообразовательных разделах академической грамматики современного русского литературного языка, хотя, по нашему убеждению, это важное обобщающее понятие позволяет лучше понять закономерности строения и функционирования словаобразовательной системы.

В книге М. Докулила «Теория словоизвестования»⁹ понятие СК разработано лишь в самом общем виде. Оно определяется как вышестоящее по отношению к СТ понятие, абстрагированное от форманта (а также деривационной характеристики словаобразовательной основы). Следовало бы, пожалуй, уточнить, элиминируется ли лишь конкретная манифестация форманта (в рамках данного способа словаобразования) либо формант полностью (т. е. допускается включение любых способов словаобразования, к примеру, суффиксального, префиксального и пр.)? Если в первом случае СК понимается как система (множество) СТ (суженное понимание), то во втором (расширенное понимание) под СК имеется в виду словообразовательная манифестация ономасиологической категории¹⁰. В своих последующих рассуждениях мы будем придерживаться суженной интерпретации, позволяющей видеть в СК важное операционное понятие деривационного синтеза.

СК нами понимается как гомогенная макросистема, объединяющая в качестве системообразующих подсистем СТ, т. е. однородные единицы. Оперирование понятием СК позволяет выйти за рамки микросистемы СТ, увидеть его во взаимодействии и взаимосвязи с себе подобными. В свою очередь СК в качестве системообразующей подсистемы входит в со-

став деривационной системы языка. Входит она и в состав ономасиологической категории, являясь ее деривационным воплощением. Заметим, что в отличие от СК последняя является не гомогенной, а г е т е р о г е н н о й системой: в ее состав могут входить неоднородные компоненты, т. е. не только словообразовательные, но и лексические средства¹¹.

В подавляющем большинстве случаев между ономасиологической категорией и СК устанавливается однооднозначное соответствие, согласно которому одной ономасиологической категории соответствует одна СК, ср.: деминутивные существительные — СК десубстантивных суффиксальных дериватов с уменьшительно-эмоциональным значением. Иногда ономасиологическая категория реализуется более, чем одной СК; ср. у прилагательных со значением интенсификации признака — две СК: суффиксальные деадъективы (рус. *тоненький*; чеш. *tenouňký*), префиксальные деадъективы (рус. *сверхтонкий*, *архиопасный*; чеш. *superjetný*, *přemilý*, *roztomilý*); у прилагательных со значением ослабленного признака — три СК: префиксальные деадъективы (архаический тип), суффиксальные и префиксально-суффиксальные деадъективы; ср.: *názelený*, *zelenavý*, *nazelenalý* и пр.

Входящие в состав СК типы неравнозначны по их значимости в деривационной системе, на основе релевантного для данной системы признака — продуктивности — они дифференцируются на высокопродуктивные, менее продуктивные и т. п. Следует, однако, отметить, что весьма дробная шкала продуктивности, обычно используемая в синхронных описаниях, все же не позволяет выявить организационный принцип системы, отразить ее в динамике. Более существенным является выделение центральных и периферийных словообразовательных схем. Так, к центру системы относятся наиболее продуктивные схемы; к периферии — схемы с низкой воспроизводимостью, лишь ограниченно используемые при образовании новой лексики, а также СТ, полностью утратившие продуктивность, т. е. не репродуцируемые при создании новообразований.

Функциональное назначение центра и периферии различно: центральное ядро формантов обеспечивает необходимый комбинаторный минимум, т. е. обслуживает основные структурные позиции; периферия играет роль своего рода «запасника», вбирающего в себя менее продуктивные деривационные форманты¹². Вместе с тем это и своеобразный «полигон», где «испытываются» нарождающиеся словообразовательные средства, деривационный статус которых только лишь формируется. Именно периферия является наиболее проинициацией частью системы, поскольку здесь отмечается контактное взаимодействие систем друг с другом, в частности, различных языков.

Центральные и периферийные форманты отличаются друг от друга не только качественно (степенью продуктивности), но и количественно. Так, центральные суффиксы менее многочисленны,

обычно их состав определяется действием принципа комбинаторной взаимодополняемости: в СК деминутивов в современном чешском языке имеется двухглавый центр, состоящий из вокального и консонантного формантов, взаимодополняющих друг друга в комбинаторном отношении¹³.

Между центром и периферийной системой нет непроницаемой границы, препятствующей миграции их представителей. Следует подчеркнуть, что для внутренней динамики системы характерна разнонаправленная эволюция представителей центра и периферии: так, в результате действия центробежной тенденции из состава центра происходит отток менее продуктивных, избыточных формантов, т. е. происходит сужение их инвентаря за счет вытеснения менее продуктивных аффиксов (наиболее динамично развертывается конкуренция у суффиксов с идентичными структурными параметрами). Для периферии, напротив, характерно центроблизительное движение, проявляющееся в постепенном проникновении в центральное ядро системы некоторых периферийных формантов. Примером устойчивой активизации, с последующим проникновением в центр, является многофонемный суф. -i(í)čθk- (в сфере деминутивного словообразования чешского языка). См. диаграмму, отражающую динамику СТ в составе деминутивной СК у существительных женского рода в истории чешского литературного языка.

У различных СК скорость поляризации СТ может быть неодинаковой. Причиной этого может служить, к примеру, частотность употребления данной лексики, принадлежность данных СК к основным магистральным номинации и т. п. Высокая частотность употребления, большая социальная потребность в данных наименованиях может опосредованно стимулировать скорость протекания языковых процессов и, в частности, процесса конкуренции словообразовательных средств. Важным диагностирующим моментом здесь является участие форманта в создании новообразований, соотношение производных и непроизводных, отечественных и заимствованных основ (снижение численности производных и заимствованных ослов свидетельствует о спадении продуктивности форманта). Установленным фактом является и то, что по мере увеличения потребности в тех или иных обозначениях ускоряется процесс поляризации аффиксов, используемых для образования соответствующих обозначений. Сказанное особенно отчетливо проявляется при словообразовании обозначений лиц женского пола. Привлечение данных близкородственных языков позволяет скорректировать наше представление о значимости экстралингвистических факторов при образовании и функционировании данных существительных. Так, разные языки по-разному реализуют социальный заказ общества: в чешском языке активнее используется деривация, в ряде других — напротив, шире используются недеривационные возможности (русский, польский).

Отмечавшийся выше факт неравномерности поляризации словообразовательных средств различных СК объясняет неодинако-

Древнечешский язык

Чешский язык эпохи Вроцлавия

Современный чешский язык

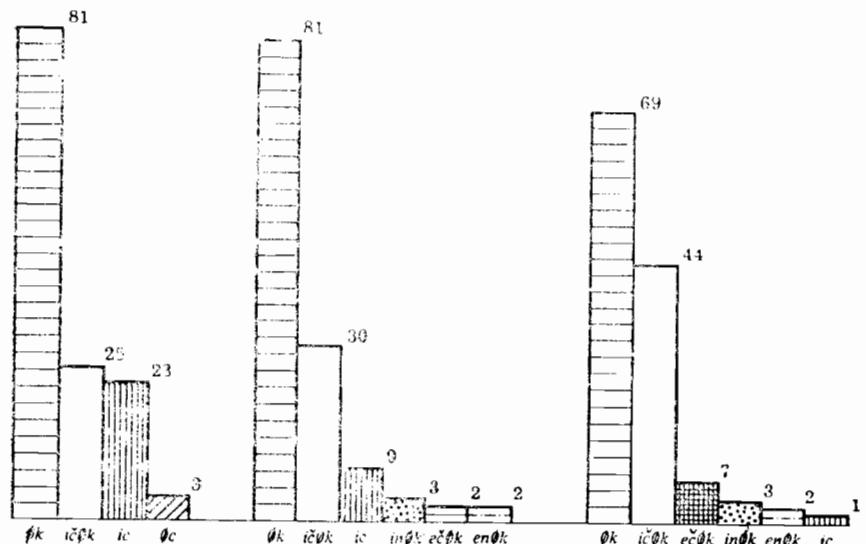

Диаграмма родовой подсистемы женского рода

Приводимые цифровые данные отражают удельный вес деминутивов с соответствующим словообразовательным формантом в общем составе деминутивов женского (ниже — среднего) рода.

Полностью аналогичные тенденции характерны для демипутивов мужского и в особенности среднего рода — у последних отчетливо прослеживается активизация многофонемного суфф. *i(i)čθk-*.

Древнечешский язык

Чешский язык (к. 18—сер. 19 в.)

Современный чешский язык

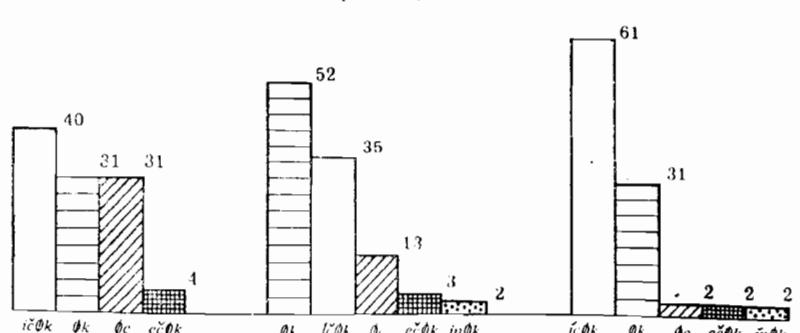
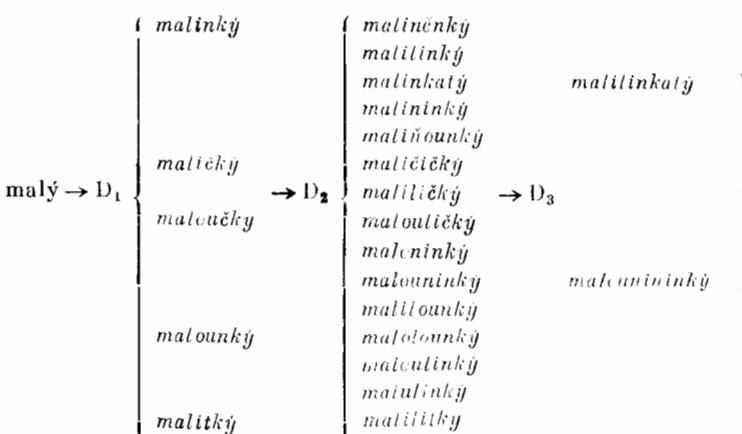

Диаграмма родовой подсистемы среднего рода

вую степень их центрированности (данная проблема нуждается в дополнительном изучении).

При словообразовательном синтезе большое значение имеет и использование таких понятий, как «словообразовательное гнездо» и «словообразовательная парадигма». Оперирование этими понятиями позволяет выявить деривационный механизм СК, установить фазность деривационного процесса. Под этим углом зрения все СК дифференцируются на те, у которых каждое звено последовательно развертывающейся цепочки, т. е. каждый шаг деривационного акта, предполагает появление нового, категориального, словообразовательного значения, и те, у которых дробление на фазы или же подфазы осуществляется в рамках единого словообразовательного категориального значения, т. е. семантическая нюансировка, возникающая в результате деривационного преобразования, не выходит за рамки единого, категориального словаобразовательного значения (ср. значения деминутивности, многократности и т. п.). Так, к примеру, дериваты *rucheek*, *ruchecek* в равной степени относятся к деминутивам (категориальное словообразовательное значение идентично), различие состоит в степени интенсивности демипутивного признака, а также в структуре — наращение дополнительного деминутивного форманта.

СК отличаются друг от друга и внутренней упорядоченностью словообразовательного гнезда и, в частности, степенью его разветвленности, свидетельствующей о валентности производящих основ. Так, например, словообразование экспрессивной лексики характеризуется большой концентрацией однокоренных дублетов¹⁴. Достаточно сказать, что при образовании прилагательных со значением интенсификации признака в чешском языке у *malý* зафиксировано 40 производных, у *mladý* — 14, *lehký* — 13, *tenký* — 11, *úzký* — 10. См. деривационную цепочку для *malý*:

Деривационные закономерности близкородственных языков во многом сходны, имеются, однако, и существенные отличия, как-то:

несовпадение значимости идентичных СТ в деривационных системах языков; может не совпадать и функциональная нагруженность идентичных формантов, их распределение по родовым классам, степень продуктивности. Так, у феминативов словацкого языка (в отличие от чешского) суф. *-ičk-* является продуктивным. Суф. *-av-* (у прилагательных со значением ослабленного признака) продуктивен в чешском, словацком и польском и непродуктивен во всех остальных славянских языках. Соответственно суф. *-ovat-* (*-evat-*) продуктивен в восточнославянских языках и непродуктивен в других группах славянских языков. Отличаются и способы образования данной лексики: кроме чешского и словацкого никогда не используются префиксально-суффиксальные форманты (чеш. *načernalý*). Далее, в сербохорватском языке нет суффиксальных прилагательных типа рус. *слабенький*. Заслуживает внимания и «география» распространения префиксального словоизменения прилагательных со значением ослабленного признака: для чешского и восточнославянских языков это в основном факт языкового прошлого; в южнославянских языках этот способ деривации используется, равно, как и в верхненемецких и нижнелужицких языках; см. *nabruny*, *namodry*, *nažołty*.

Следует подчеркнуть, что набор признаков, релевантных при исследовании СК, не является раз и навсегда данным, он может варьироваться в зависимости от того, какие языки привлекаются для сопоставления (к примеру, словоизменение феминативов в русском языке является более избирательным, чем в чешском), а также от того, какой лексический пласт находится в поле зрения (так, при образовании деминутивов такие классификационные показатели, как род, одушевленность / неодушевленность и т. п., не лимитируют комбинацию основ и суффиксов).

Данные, получаемые в результате сопоставительного изучения словоизменения, зачастую позволяют прогнозировать возможное направление развития языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Арнаудова Й. Проблеми на съпоставителните изследования // Съпоставително езикознание. 1985, № 3. С. 44.

² См.: Варнер В. К проблеме языковой эквивалентности при сравнении // Сопоставительное изучение русского языка с чешским и другими славянскими языками. М., 1983.

³ См.: Арнаудова Й. Указ. соч.

⁴ Ср.: «Системный анализ того или иного языка может проводиться лишь на строгой синхронной основе и с помощью аналитического сравнения, то есть посредством сравнения языков различного типа без учета их генетических связей» (Математус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. М., 1957. С. 226).

⁵ Dokulil M. Ke konceptu rogovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti «txoření slev» // Slovo a slovesnost 1963, XXIV, N 2, S. 86.

⁶ Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Т. 1. Teorie odvozování slov. Рг., 1962; Т. 2. Odvozování jmen podstatných. Рг., 1967; Грамматика современного русского языка. М., 1970; Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. -- Серебренников, 72

ные исследования проводились на материале польского и некоторых других славянских языков.

⁷ См.: Нещименко Г. И. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII—середина XX в.). Рг., 1980.

⁸ См. по этому поводу: Нещименко Г. И. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словаобразования // Сопоставительное изучение русского языка с чешским. . .

⁹ Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Т. 1. S. 75.

¹⁰ СК «идентифицирует ряды производных с разными формантами и способами словообразования на основе общности СЗ (словообразовательное значение. — Г. И.). В данном понимании СК целиком покрывает словообразовательную зону того или иного ономасиологического поля» (Манучарян Р. С. С. 42).

¹¹ Так, ономасиологическая категория иносказания признака реализуется посредством суффиксации (*černice*), словосложения (*černá země*), словосочетания существительного с определением (*černá země*) (примеры М. Докулила).

¹² См.: Нещименко Г. И. Очерк деминутивной деривационной системы. . .

¹³ См. подробнее там же.

¹⁴ См. там же; а также: Нещименко Г. И. История именного словаобразования в чешском литературном языке конца XVIII—XX в. (Прилагательное). М., 1968.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И НОМИНАТИВНОЙ ДЕРИВАЦИИ

В. М. Никитевич

Важной задачей сопоставительных исследований является изучение сложных словообразовательных единиц — оппозиций, цепочек, рядов, гнезд — и, в частности, установление развитости ступеней производности, т. е. «длины» цепочек, «высоты» рядов, «площади» гнезд. Так, например, сопоставление словообразовательных гнезд, последовательно проведенное на основе выделения типов исходных лексем, соответствующих частям речи (*бел-ый*, *прил.*, *би-ть*, *глаг.*, *лес-и*, *сущ.*), дает ряд важных данных, характеризующих конкретные языки. В частности, кроме восточнославянской общности, выделяется и белорусско-украинско-польская, противопоставленная русской. Нередко важные отличия наблюдаются в характере мотивации близких понятий в родственных языках.

Сопоставление языков показывает, что даже одинаковые структуры производных слов далеко не адекватно отображают типовую единицу языковой поминации и тем более не исчерпывают способы деривации, совпадающие по своей задаче со словообразованием.

В настоящее время, как и любая другая область знаний, словообразование постепенно включается в круг вопросов, которые не могут уже рассматриваться от него независимо и служат **прямо или косвенно дальнейшему углублению нашего понимания как**

само словообразования, так и других типов языковой номинации¹. Одним из таких типов является номинативная деривация, которая включает номинативные единицы с раздельным выражением мотивирующего и нового классифицирующего компонентов и в широком смысле представляет собой аналитический способ выражения производного значения². Полное тождество обоих компонентов такого сочетания — деривационного сочетания с синтагмой производного слова, его мотивирующей частью и «семантическим приращением» — вот граница, которая отделяет номинативную деривацию от «огромной массы единиц трансформационного порядка, существенно преобразующих свой источник»³.

Процесс номинации имеет общеязыковую природу, следовательно, и результат номинации — номинативная единица, но-номера является одной из общеязыковых единиц.

Как номермы, способные выступить в виде цельнооформленного производного слова (ср. *житель гор* и *горец*, *становиться твердым* и *твёрдеть*), так и номермы, не способные образовать производное слово (ср. *житель долины*, *становиться хрупким*), обладают целостностью номинативного значения как результатом взаимосвязи лексических, словообразовательных и грамматических значений составляющих компонентов⁴.

Сопоставительный анализ требует строгого соблюдения таксономии отношений разных явлений деривации, и прежде всего, различия «активно воспроизведимых», центральных и периферийных значений⁵. Так, в системе отношений производности во всех языках выделяется «сintаксическая деривация» (Е. Курилович), когда изменяется частеречное значение при сохранении лексического значения корня. Выражение частеречных значений, как правило, осуществляется или аффиксацией (существенно словообразованием) или синтаксически (позицией). Здесь возможны как частичные различия, так и различия, равные типологическим. Типичным примером может служить оппозиция «инффинитив — имя действия». В славянских языках мы здесь находим разные степени синтетизма. Наиболее регулярно посредством аффиксов имя действия образуется в польском языке. Оно последовательно соответствует основам несовершенного и совершенного вида: *rozpać — poznanie*, *poznać — poznanie*, *opowiadać — opowiadanie*, *opowiedzieć — opowiedzenie*, *zwiedzać — zwiedzanie*, *zwiedzić — zwiedzenie* и т. п. В русском имя действия чаще соотносится с одной из основ инфинитива. Русскому языку свойственно также внутреннее дробление семантики и аффиксальная вариантность, и этим русский язык сближается с болгарским (ср. болг. *четене* — рус. *чтение*, *почивка* — *отдых*, *сейтба* — *сев*, *строеж* — *стройка*). Такое описание данной оппозиции возможно внутри каждой из групп славянских языков. Независимо от того, что такие факты не дают типологического различия, они нужны в учебных пособиях. Так, сочетания с русским инфинитивом будут соответствовать сочетаниям с польским именем действия: *proszę o przekazanie — прошу передать*, *opisanie nemożliwe — описать невозможно*.

Однако все славянские языки данной глоссой, которой свойственен синтетизм, противопоставлены немецкому языку. Так же как многие глаголы в славянских языках с различной степенью регулярности проецируются в субстантив способом аффиксации, в немецком языке (ср. также английский) — способом безаффиксной транспозиции (*das Lernen*, *das Lesen*). Этой же меньшей зависимостью от аффиксации отличаются в немецком языке и единицы других частей речи при межчастеречной (сintаксической) деривации. Ср.: *weiß* 'белый', *das Weiß* (*die Weiß*) 'белизна', *gut* 'добный', *die Güte* 'доброта'. Славянские языки более заметно противостоят немецкому и в других случаях. Аффиксации некоторых групп русских глаголов соответствует анализм немецких. Ср.: *молодой* — *молодеть*, *молодить* и нем. *jung werden*, *jung machen*; *старый* — *стареть*, *старить* и нем. *alt werden*, *alt machen*. Таким образом, несмотря на сильную аффиксацию немецкого языка, в сфере межчастеречной (сintаксической) деривации он заметно менее синтетичен, чем русский язык.

Различия между языками проявляются в способах материальной реализации общей для них формулы номермы и семантических моделей конкретных типов производных номерм. Сопоставление как близкородственных (славянских), так и более далеких (славянских и других индоевропейских) языков указывает на общность основных параметров номинации. Они группируются в направлениях синтетического, аналитического и сintаксического структурирования языковых знаков.

Основные типы производных номерм:

Синтетический — производное значение выражается в отдельном цельнооформленном знаке — производном слове; основным способом является аффиксация, выраженная или невыраженная (нулевая), часто в сочетании с фонетическим преобразованием исходного слова, словосложение, усечение, аббревиация;

аналитический — производное значение выражается с помощью другого знака — служебного (деривационного) слова, в результате чего производная номерма выступает как раздельнооформленная синтагма;

Синтаксический — производное значение выражается синтаксической позицией (синтаксической морфемой — Е. Курилович), которая включает как понятие синтаксического места, так и его дистрибуцию; в результате синтаксической деривации (безаффиксной транспозиции) производное значение выступает в материально неизмененном исходном знаке.

Производные слова независимо от особенностей структурной схемы относятся к одному типологическому классу номерм, который и составляет предмет словообразования. Функционально объединяясь с производными номермами других классов, они включаются в систему номинативной деривации.

Общая типология номинативной деривации определяется господством того или иного типа производных номерм. В целом она изоморфна «словоизменительной» типологии, на которой основана

морфологическая классификация языков и существенно ее дополняет. Так, например, болгарский язык, несмотря на падежный аналитизм, совпадает по основным параметрам словообразовательного синтетизма с другими славянскими языками. Сопоставительный анализ обнаруживает здесь свою ценность при описании конкретных моделей производных номем. В частности, выясняется, что в болгарском языке памного свободнее образуются отглагольные личные субстантивы типа *погрешатч* 'встречатель' и памного труднее отыменные. Русским словам *смельчак*, *ловчак*, *бородач* и под. в болгарском соответствуют обычно апалистические номемы — *сиял човек*, *ловък човек*, *брадат човек* (ср. также *брадатият* 'бородатый').

Поскольку семантическая структура одной и той же номемы фактически выражается не только морфемикой, синтетически, но и «антагонистическим» для нее способом — апалистически, это уже выдвигает задачу исследования несловообразовательных моделей номинативной деривации. Результатом такой работы может быть описание в каждом конкретном языке словообразовательных и несловообразовательных способов поминации. За основу должны быть взяты структурно-семантические модели номем. Здесь выясняется распределение различных способов выражения одних и тех же типовых сем производной номемы. Так, номема с конечным звеном собирательности имеет ограниченную аффиксацию, в русском языке ей создают морфонологический барьер, например, суф. *-ник*, *-чик*. Мы имеем собирательные существительные *крестьянство*, *студенчество*, но не получим их от таких слов, как *колхозник*, *грузчик* и т. п. Таким образом, сема собирательности в русском языке у многих производных основ может быть передана только апалистически. Сложная система аффиксации собирательности в русском языке, как и многих других значений, расширяя, с одной стороны, возможности передачи требуемого значения, вместе с тем существенно ограничивает их морфонологическими препятствиями. Эти препятствия отсутствуют в немецком языке, где аффикс *-schaft* свободно присоединяется к любой основе: *Studentenschaft* и т. п.

Морфонологическая обусловленность того, как конкретно реализуется семантическая структура данной номемы, заполняется ли она соответствующими морфемами или же не способна воплотиться в производном слове — существенный фактор, по не единственной. Важную роль в конструировании номемы может играть семантика деривационного компонента. В этом легко убедиться на примере глаголов и тем более субстантивов отвлеченного действия. Их осложнение префиксами сковано жесткими рамками, как морфонологическими, так и семантическими. Так, префикс *пере-* закрепляет в себе значение 'сверх' в редких случаях. Особенно «уютно» он себя чувствует в паре *перевыполнить* — *перевыполнение*. Но уже, например, субстантив *перепроизводство* не находит столь же свободно родственного глагола, и более типичным является не *перепроизвести*, а *произвести сверх*. . . Другие же глаголы с общим значением 'производить, делать', свободно и естественно соглашаются по значению с семой 'сверх', не сочетаются с префиксом *пере-*, не дают производных слов и выражают свое семантическое приращение аналитически: *сделать*, *подготовить*, *отремонтировать... сверх*.

Эти же свойства проявляются у других префиксов, как и многих суффиксов, и они во многом определяют реальную картину распределения словообразовательных и несловообразовательных средств в системе поминативной деривации.

Все семантические модели производных номем распределяются не только по внутрисистемным признакам, но и по степени деривационной сложности. Одни из них тяготеют к словообразовательной, другие — к несловообразовательной реализации своих значений. Так, отглагольные номемы субстантивного действия, особенно те, которые «закрываются» лексическими префиксальными семами, наиболее сложны по составу и в большей своей части не укладываются в границы производного слова. Поэтому номемы подобной структуры должны завершать типологический анализ. В основе этого анализа должно быть выделение сильных узлов аффиксации и сильных тем самым словообразовательных значений. Рассмотренная выше оппозиция «инфinitив — субстантивное действие» должна оказаться в фундаменте всей деривационной цепи с этой семантикой. Но часто деривационная цепь не имеет большой «длины», она обрывается в пределах одной и той же или ближайшей части речи. Часть речи, особенно в этом случае, должна явиться важной «точкой отсчета» при систематизации фактов. Нельзя исключить того, что каждый сопоставляемый язык может выступить в данном случае как возможный эталон по тому или иному признаку. Так, рассматривая словообразовательную систему существительных в польском языке, нельзя не столкнуться с фактом сильнейшей аффиксации поля локативов — собственно, в нем это не номинативно-деривационное, а чисто словообразовательное поле. Ср., например: *maszynownia* 'машишное отделение', *widownia* 'зрительный зал', *odlewnia* 'литейный цех' и мн. др. И восточнославянские языки — белорусский и украинский — по этому признаку частично близки к польскому. Ср., белор. *цукраварня*, *чагельня*. Появление в нем выражений *чагельны завод*, *цукровы завод* указывает на внелингвистический характер позднейшего сближения с русским языком. В системе прилагательных, напротив, в польском языке отсутствует аффиксация некоторых значений, например значения 'для', и оно передается падежной формой исходного существительного: *maszyna do szycia* 'швейная машина', *maszyna do pisania* 'пишущая машина' и т. п.

Сопоставление родственных языков приводит к выделению взаимосовмещенных категорий и парадигм, различающихся лишь отдельными элементами. В славянских языках истоцдества является главным образом к различию продуктивности и регулярности семантических моделей номем одних и тех же типов. Следствием этого является межязыковая синонимия аффиксов, раз-

личие их семантического объема, несовпадение их частных словообразовательных значений. В этом случае некоему отдельному языку может быть противопоставлен не один, а два и более языков — языковая общность, которая по данному признаку приравнивается к одному языку. Так, польский суффикс *-czyk* характерен в названиях лица по национальной принадлежности (*Albańczyk* — 'албанец', *Chińczyk* — 'китаец' и др.). Это значение отсутствует в русско-белорусском *-чик* (-чиk) и передается другими, синонимичными суффиксами. Поэтому даже в области собственно словообразования родственных языков актуально сопоставление моделей, не только как означающих (ср. с польск.: *запись* — *zapis*, но и *odpis*, *spis*), но и как означаемых (ср. с польск.: *свинина* — *świnina*, *гусытина* — *gesina*, но и *sośnina* 'дерево сосны', *olszyna* 'дерево ольхи'); ср. также белор. *садавіна* 'продукция сада' (фрукты), *агародніна* 'продукция огорода' (овощи).

Сопоставление неродственных языков с учетом качественных различий способов номинативной деривации и соответственно типов производных именем приводит к выделению взаимосключающих деривационных категорий и парадигм. Они появляются при наложении внутренней структуры частей речи сопоставляемых языков. В неродственном языке способ выражения производности может резко и регулярно отличаться от языка-эталона. В отличие от славянских в тюркских языках многие группы основ свободно присоединяют суффиксы и окончания разных частей речи. Наряду с этим они более независимы от словообразовательной аффиксации. В казахском языке одна и та же именная основа может выступить и как существительное и как прилагательное: *алтын тас* — 'золотой камень'; ср. *тас алтын* 'каменное золото'. Это синтаксическая транспозиция в чистейшем виде, и она существенно отличается от синтаксической транспозиции в славянских языках.

Столь же важные различия выделяются при объяснении аналитизма. Многим словообразовательным аффиксальным категориям русского языка, например неврозности, увеличительности, соответствует анализм в казахском: *медвеж-онок* — *аю баласы* (букв. 'дитя медведя'), *медведище* — *улкен аю* (букв. 'очень большой медведь') и т. п. Таким образом, кроме фактора агглютинации, «нанизывающей аффиксации», есть и другие характеристики, которые совершенно необходимы в сопоставительном описании номинативной деривации.

Системное описание тождеств, сходств и различий, выработка «рабочих моделей» и способов номинативной деривации — важнейшая предпосылка создания сопоставительных деривационных грамматик⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 60 и др.

² Мысль о необходимости объединения предмета словообразования с другими способами номинации хорошо прослеживается во многих докладах

симпозиума. Ср.: «решение проблем (межъязыковой типологии. — В. И.) не укладывается в рамки словаобразования» (З. Скоумалова. С. 61); «нельзя учитывать взаимосвязь словаобразования с другими способами обходного учтывания» (З. Глаза, Я. Глазова. С. 19); «предметом сопоставительного номинации» (З. Глаза, Я. Глазова. С. 19); «предметом сопоставительного изучения могут быть языковые феномены, принадлежащие к различным уровням языковой системы» (Г. П. Нещименко. С. 49), различие степени участия словаобразовательной номинации и других способов номинации составляет основу работы З. М. Волоцкой (с. 16—18).

³ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М., 1981. С. 60.

⁴ См.: Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 175 и др. О типовых признаках деривационных сочетаний см.: Пикитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск, 1985. С. 57—62.

⁵ См.: Нещименко Г. П. С. 50.
См.: Балтова Ю. С. 6.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАЛОНЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ (при изучении глагольной префиксации в славянских языках)

М. А. Осипова

Известно, что выбор эталона зависит от материала и целей конкретного исследования. При изучении глагольной префиксации целесообразно использовать в качестве объекта сопоставления словообразовательные категории производных глаголов. К предлагаемому эталону предъявляются следующие требования. Этalon должен способствовать 1) определению сравнительной продуктивности исследуемой категории, 2) выявлению семантической и структурной мотивационной базы префиксальных глаголов в каждом языке. В связи с этим возникает возможность разграничить влияние семантического и структурного фактора на сочленяемость морфем. Последнее обстоятельство представляется особенно значительным, поскольку выявление причинных связей в языке — одна из сложнейших проблем, разрешению которой и призван способствовать сопоставительный метод.

Эталон ориентирован на семантические классы мотивирующих¹. В один класс входят глаголы, объединяемые по общему лексико-семантическому (в случае бесприставочных глаголов) или семантико-словообразовательному признаку. Каждая модель, по которой образуются префиксальные глаголы в исследуемых языках, состоит из оппозиции двух членов: семантического класса мотивирующих и соответствующих производных. Этalon представляет собой теоретико-множественную сумму моделей сопоставляемых языков (максимальную схему) и не совпадает полностью с реальным состоянием ни одного из них². Предлагаемый этalon позволяет рассматривать межъязыковые тождества и различия в системе явлений каждого языка.

Сопоставительное описание состоит в сравнении данных каждого языка с максимальной схемой на фоне системных возможностей этого языка: учитываются морфологические свойства и

продуктивность словообразовательных категорий мотивирующих, их структурные особенности. В результате наложения максимальной схемы на данные конкретного языка образуются как заполненные, так и пустые ячейки. Заполненные ячейки отражают круг лексики, составляющей деривационную базу производных глаголов. Чем больше заполненных ячеек, тем выше системная продуктивность исследуемых глаголов в языке, и наоборот. Таким образом, соотнесение с максимальной схемой данных каждого языка позволяет определить системную продуктивность глаголов и косвенным образом — эмпирическую. Этот факт имеет особое значение, так как непосредственное установление сравнительной эмпирической продуктивности для приставочных глаголов осложняется их непоследовательной фиксацией в словарях славянских языков (что связано с трудностями при выделении окказиональных и потенциальных слов).

В результате заполнения ячеек максимальной схемы выделяется как теоретико-множественное пересечение минимальная схема — набор моделей, реализованных во всех сопоставляемых языках. Определение границ минимальной схемы создает предпосылки для системного изучения языковых тождеств (прежде всего — в типологическом и диахроническом планах).

Вычитанием минимальной схемы из максимальной получаем область языковых расхождений. Задача исследователя — дать объяснение этим фактам.

Рассмотрим применение эталона на конкретном примере — дистрибутивных глаголах в польском, словацком и чешском современных литературных языках. Дистрибутивы обозначают действие, направленное на все или многие объекты или субъекты и оформляются приставками пол., слвц. *po-*, чеш. *ro-* и *z-*. Модели, формирующие максимальную схему, представляют соотношения типа: бесприставочные глаголы со значением действия, модифицирующего объект (пол. *skubać* 'ощипывать', слвц. *prat'* 'стирать', чеш. *látat* 'штопать') — дистрибутивы (пол. *poskubać* 'ощипать всех', слвц. *poprat'* 'постираТЬ все', чеш. *polábat* 'заштопать все'), аттенуативные глаголы (пол. *nadgryzać* 'надкусывать', слвц. *nahnívat'* 'подгнивать') — дистрибутивы (пол. *ponadgryzać* 'надкусить все', слвц. *ponahnívat'* 'подгнить: обо всем'). Рассматриваемые языки обнаруживают системное сходство: как правило, дистрибутивы образуются от предельных соотносительных по виду глаголов, преимущественно несовершенного вида. Наиболее регулярно дистрибутивные приставки соединяются с приставочными глаголами с пространственными словообразовательными значениями (вторичными имперфективами) как составляющими основной корпус предельных глаголов несовершенного вида. Значительно реже форманты дистрибутивности присоединяются к бесприставочным и акциональным мотивирующими. Сравнительная продуктивность исследуемых глаголов оказывается различной. Если польский и словацкий в общем обнаруживают совпадения в использовании почти всех моделей максимальной схемы, то

в чешском остаются позаполненными ячейки для 15 моделей (из 46), причем в ряде случаев не используются мотивирующие, регулярно образующие дистрибутивы в двух других языках. Соответственно и сравнительная продуктивность здесь ниже.

Минимальная схема почти полностью отражает состояние чешского языка. Кроме предельных глаголов несовершенного вида, сюда относятся и мотивирующие непредельные многоактные глаголы (ср. дистрибутивы пол. *pociskać* 'бросить все', слвц. *rochytat'* 'схватить все', чеш. *rházet* 'бросить все'), и глаголы совершенного вида, содержащие компонент значения 'множество объектов/субъектов' (пол. *powydzyczać* 'передбХнуть: обо всех', слвц. *porozpredat'* 'распродать все', чеш. *porozejít se* 'разойтись: обо всех'). Таким образом, дистрибутивные форманты имеют тенденцию присоединяться к глаголам, обозначающим квантовое действие, независимо от их аспектуальных характеристик. Этот факт легко объясняется смежностью значений дистрибутивности и квантовости (дистрибутивность сама по себе обязательно предполагает членность действия). Если учесть, что все подобные модели малопродуктивны (при наличии широкого круга глаголов с признаком квантовости), то естественно предположить следующее: исторически категория дистрибутивности формировалась на основе такого рода глаголов³.

К сфере языковых расхождений в польском и словацком относятся непродуктивные словообразовательные модели. В качестве мотивирующих в них используются бесприставочные непредельные глаголы, как польские глаголы со значением психического состояния субъекта (*ronudzić się* 'заскучать: обо всех'), а также словацкие приставочные глаголы со значением финитивного действия (*poodkvítať* 'отвести: обо всем'), обладающие во всех сравниваемых языках нерегулярной видовой соотносительностью, и некоторые другие. В чешском языке — иная картина: здесь не реализуются модели, в которых мотивирующие представлены продуктивными категориями соотносительных по виду глаголов. В частности, дистрибутивы не образуются от глаголов со значениями комплементности, дополнительного действия и доведения действия до определенного пространственного предела (ср. пол. *podopalać* 'сжечь до конца все', *pododawać* 'дать дополнительно все', *podochodzić* 'дойти: обо всех'; слвц. *podohárať* 'сгореть до конца: обо всем', *podokládať* 'положить дополнительно все', *podoháňať* 'догнать всех'), оформленных приставкой *do-*. Как объяснить это явление?

Отметим, что не только в чешском языке, но и в русском сочетания приставок *po- + do-*, *po + do-* вообще отсутствуют. Нередко исследователи полагают, что несочетаемость морфем обусловлена прежде всего их семантической несовместимостью. Так, И. Г. Милославский считает, что в русском языке приставка *по-* в ограничительном и дистрибутивном значениях не присоединяется к глаголам с *до-* в значении доведения действия до определенного предела, так как «здесь причина запретов — семантическая, поскольку и

дистрибутивность, и ограниченность не совмещаются с идеей наличия конкретного предела действия⁴. Данные близкородственных польского и словацкого языков, однако, опровергают это предположение. Очевидно, носитель языка всегда склонен воспринимать тот факт, что какие-либо элементы родного языка не сочетаются, как явление семантики; их соположение представляется ему нарушением семантических правил. Использование данных близкородственных языков позволяет четко отграничить действие структурного фактора от семантического, исключить последний в ряде случаев, что немаловажно ввиду общего семантического направления современного языкознания.

Упомянутая особенность чешского и русского языков связана с частичной омонимией морфемного отрезка *podo-/подо-* и приставки *pod-/под-*, а для русского языка в некоторых случаях — полной омонимией, так как морфонологическим вариантом *под-* здесь является *подо-* (в отличие от чеш. *pode-*)⁵. Правильность такого предположения подтверждается тем, что фактор омонимии, ограничивающий сочетаемость морфем, действует и в других аналогичных ситуациях. Так, в русском, польском и чешском языках отсутствуют сочетания приставок *на-/на-* + *до-/do-*, а в русском и рассматриваемых западнославянских — *pre/prze-/pre/pře-* + *до-/do-*, что может быть связано с наличием омонимичных приставок *над(o)-* и *пред(o)-*, пол. *nad(e)-*, *przed(e)-*, слвц. *pred(o)-*, чеш. *nad(e)-*, *před(e)-*.

Этот запрет, однако, носит характер не строгой закономерности, а тенденции. Как уже отмечалось, в словарях польского и словацкого языков регистрируются дистрибутивы, мотивированные глаголами с *do-*, в словацком представлены единичные образования с приставками *na-* + *do-*: *nadoháňať* ‘нагнать’, *nadonášať* ‘наносить’, *naďvážať* ‘навозить’ (*Slovník slovenského jazyka*, II, 228). В противоречие с этой тенденцией особенно явно вступает практика разговорной речи, где, как известно, дву- и многоприставочные глаголы отличаются особенно высокой частотностью. Так, Ц. Иеринкарекий приводит многочисленные польские образования с приставками *ro-* (в дистрибутивном значении) + *do-*, находящиеся на границе литературной нормы⁶, а Э. Секанинова указывает на такую возможность для словацкого языка⁷ (она приводит ряд глаголов, не зафиксированных в Словаре словацкого языка). Глаголы этого типа, в общем, мыслимы и в русской разговорной речи; ер. *подливать*.

Следует признать, что в чешском структурные факторы вообще имеют большую силу, чем в польском или словацком. В связи с действием эвфонического фактора отсутствуют чешские дистрибутивы с комплексами *popod-* и *popro-* (при наличии *zpod-* и *zpro-*). Только для одного глагола отмечается комплекс *popři-* с дистрибутивной приставкой (*popřišťovat* ‘пришить все’)⁸.

Можно ли считать, что все случаи отсутствия какой-либо модели в сравниваемых языках будут объясняться действием структурных факторов (при наличии достаточно высокой продук-

тивности и прочих необходимых признаков у мотивирующих)? Конечно, нет; полностью исключить воздействие семантического фактора на сочетаемость морфем нельзя и в этом случае. Следует, однако, уточнить характер его проявления.

В случаях, подобных нашему, речь вообще не может идти о принципиальной семантической несовместимости морфем и морфемных комплексов (как форманты дистрибутивности и мотивирующие). Об этом свидетельствуют не только факты сопоставления. Дело в том, что значение дистрибутивности семантически совместимо с лексическим значением любого произвольно взятого глагола, поскольку всякое действие может быть связано с множеством объектов или субъектов⁹. В то же время можно говорить о словообразовательной инертности некоторых классов чешских мотивирующих, которая вызывается особенностями их семантики. Так, несочетаемость в чешском дистрибутивных префиксов с аттенуативными глаголами объясняется их противоположностью по признаку полноты/неполноты действия (что не препятствует, однако, активному образованию дистрибутивов от аттенуативных глаголов в польском и словацком языках). Как уже говорилось, дистрибутивы формировались исторически на базе квантовых глаголов, в первую очередь — со значением конкретного физического действия. Тот факт, что в чешском почти не представлены дистрибутивы, мотивированные глаголами отвлеченного действия, также может объясняться характером семантики последних.

На сочетаемость с дистрибутивными формантами влияет весь набор значений приставки, входящей в состав мотивирующего глагола. Так, в польском дистрибутивы не образуются от глаголов со значением чрезмерности действия с приставкой *prze-*, как правило — соотносительных по виду (ср. при этом слвц. *popresálať* ‘пересолить все’). Это обстоятельство связано с тем, что те же глаголы с *prze-* имеют более яркие пространственные значения (пол. *przepalać* ‘пережигать’ и ‘прожигать’). Производные дистрибутивы (*poprzepalać* ‘прожечь все’) связываются отношениями мотивации прежде всего с глаголами в пространственных значениях.

Таким образом, представляется целесообразным говорить о действии семантического фактора двух степеней жесткости, в соответствии с которыми определяются 1) принципиальная семантическая несочетаемость морфем, 2) словообразовательная инертность мотивирующих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Годробнее о целесообразности такой ориентации эталона см.: Осипова М. А. К вопросу о сопоставительном описании глагольной префиксации в славянских языках // Сов. славяноведение, 1984, № 6.

² О применении понятия максимальной системы или схемы при сопоставительном изучении морфологии и фонологии славянских диалектов см. Бромлей С. В., Булатова Л. Н. Об эталоне сопоставительного описания морфологии русских говоров // ВЯ, 1965, № 4; Калнынь Л. Э., Маслен-

- ников Л. И. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981.
- ³ См. об этом: Kucala M. Rozwój iteratiwów dokonanych w języku polskim. Wrocław etc.: Ossolineum, 1966. S. 178 (Prace Komisji Językoznawstwa PAN, N 8).
- ⁴ См.: Мирославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. С. 192.
- ⁵ Ср. в связи с этим мнение о том, что употребление морфонологических во-кализованных вариантов префиксов затемняет ясность морфемного шва: Ройзенсон Л. И. Многонриставочные глаголы в русском и в других славянских языках: Учебное пособие. Синопкурс. Самарканд, 1974. С. 138—139.
- ⁶ См.: Piernikarski C. Czasowniki z prefiksem po- w języku polskim i czeskim. // Rozprawy Uniwersyteckie Watszawskiego, 1975, z. 83. S. 95—96.
- ⁷ Sekaninová E. Distributívnost' ako spôsob slovesného deňa // Štúdie z porovnávacej gramatiky a lexikológie. Br., 1974. S. 72.
- ⁸ Действием этого фактора объясняется преимущественное сочетание *s-/z-* (а не *po-*) с глаголами *z pod-, prze-, przy-* в польском языке XVI в.; см.: Kucala M. Op. cit. S. 143.
- ⁹ Нет глаголов со значениями, антонимичными дистрибутивному, с чем связана чрезвычайно высокая продуктивность категории дистрибутивности в ряде славянских языков.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

И. П. Савицкий

При написании настоящей статьи, тесно взаимосвязанной с работой над коллективной темой «Сопоставительное изучение динамики словарного состава», мы не ставили перед собой цели — высказать какие-то абсолютно новые идеи (обрести такие идеи на современном этапе развития науки, впрочем, не так уж и просто). Ценным, как нам кажется, может быть уже сопоставление ранее высказанных идей и описанных фактов, поскольку они ранее не сопоставлялись. В ходе подобного сопоставления могут возникнуть и новые обобщения.

Если внимательно прочитать главу «Предикативность существительного» в классическом труде А. А. Потебни¹, то мы найдем там много весьма актуальных соображений по теме категориального соотношения глагола и имени и, в частности, по столь часто в современной лингвистике дискутируемой теме «номинализаций». В полемике с теорией Ф. И. Буслаева о «сокращении предложения в форме существительного имени» А. А. Потебня приходит к следующим выводам: «по типу обороты *я не езdog, жалоба моя* — древнее, чем *не езжу, жалуюсь*»²; там же высказывается предположение, что существительные типа *ловъ* — первичны, а глаголы типа *лови* — вторичны. А. А. Потебня приписывал процессы пере-

хода от первичных, по его теории, способов выражения ко вторичным давним стадиям языка, но мы постараемся показать, что аналогичные процессы происходят и в настоящее время — уже не в плане диахронии, а в плане синхронной динамики. Некоторые соображения по этой теме мы уже высказывали³.

В трансформационной грамматике значительную эволюцию претерпела интерпретация морфологических и семантических соответствий между глаголами и существительными — называниями действия. Так, в частности, было установлено, что характер этих соответствий не настолько регулярен для того, чтобы оправдывать попытку вводить в описание такие существительные в качестве «номинализационных» трансформов глагола. В силу этого ныне отдается предпочтение «лексикалистскому варианту» описания, при котором имена действия вводятся в порождающий аппарат в качестве самостоятельных единиц.

Приведем дальнейшие факты, относящиеся к нашей теме, из новейшей литературы и из нашего материала. По единому мнению специалистов в области неологии новые глаголы часто производятся от существительных со значением действия. Анализируя такие глагольные неологизмы, как *вживлять, трансплантировать, десегрегировать*, В. Д. Бояркина указывает: «Показательно, что даже в этих случаях глагол вторичен. Он толкуется в словаре через существительное. Существительные *вживление, трансплантиация, десегрегация* появились в языке раньше»⁴.

Автор основополагающей монографии по неологии чешского языка О. Мартинцова отмечает, что существительные типа *alkoholizace, tabuizace, etapizace* с формантами иностранного происхождения, но вошедшиими уже в морфологическую систему чешского языка, «могут возникать непосредственно от существительных без посредства реально существующего глагола»⁵.

Добавим, что наиболее ярко такое «обратное» направление процесса возникновения новых слов со значением действия можно продемонстрировать на таких примерах, где морфологическая структура слов наиболее прозрачна и с несомненностью указывает на направление словообразования и где имеются надежные данные об относительной хронологии появления слов. Классический пример — пара *коллапс (гравитационный)*: *коллапсировать* (звезда *коллапсирует*); выражение *гравитационный коллапс* зафиксировано уже в 1971 г.⁶, глагол *коллапсировать* пока нигде лексикографически не отнесен, но у нас имеются примеры его использования с 1980 г. (журнал «Природа»); отмечается и дериват с префиксом — *сколлапсировать* (Будущее науки 13, М., 1980, с. 94). Морфологическая структура здесь, несомненно, такая же, как в слове *параситировать* и т. п. (в русском языке слово *коллапс* немотивировано). Соответствующий латинский глагол отражен в чешском *kolabovat*). Ср. также пары типа *гидролиз: гидролизовать* и несколько более сложные случаи типа *алгоритм: алгоритм-из-ациј-а* : *алгоритм-из-ирова-ть*. Следовательно, процесс типа перехода *лов—ловить*, гипотетически постулированный А. А. Потеб-

ней, можно документировать и на примере живых словообразовательных процессов; понятно, что исходными тут являются имена-названия процессов интернационального происхождения; трудно предположить существование исконных непроизводных слов, которые не были бы уже давно «введены в словообразовательный оборот».

Вернемся еще к вопросу о значимости данных из области неологии для анализа категориальных соотношений в языке, которые обычно принято рассматривать в чисто синхронном аспекте. Напомним, что еще в «Тезисах» Грацкого лингвистического кружка от 1929 г. указывалось на невозможность абсолютно строго отделять синхронию и диахронию. Там указывалось, что существование архаизмов с одной стороны, и неологизмов — с другой, воспринимается говорящими как реальный факт языка. На основе этого факта вводится понятие «синхронной динамики» как связующего звена между синхронией и диахронией. Методологический потенциал этого понятия, как нам кажется, отнюдь еще полностью не использован.

Напомним предупреждение О. Н. Трубачева об опасности «простодушно-синхронного словаобразовательного анализа»⁷. Не всякий элемент, который можно выделить в словах языка на основе морфологических «пропорций», является реальной морфемой. Необходимо признать, хотя этого вывода обычно избегают, что в языке существуют «уже не совсем морфемы», элементы, бывшие морфемами, но уже теряющие этот статус, а также «еще не морфемы» — например, элементы, входящие в заимствованные слова, но не приобретшие еще самостоятельного существования в языке заимствующем. Традиционное понятие продуктивности играет здесь ключевую роль, и именно неология выясняет продуктивность словаобразовательных формантов. Мы, таким образом, приходим к несколько парадоксальному, но для людей, знакомых с диалектикой, отнюдь не неожиданному выводу, что для того, чтобы установить, что же в данном синхронном срезе реально существует как факт языка, мы должны выйти за пределы этого строго синхронного среза и посмотреть, что же все-таки в языке происходит, а не только, что в нем есть.

С другой стороны, например, сомнения в том, является ли чешский глагольный «классный показатель» *-ova/-ij-* «настоящим» словаобразовательным формантом, кажутся излишними, если учесть, насколько продуктивен тип образования *lux* ‘пылесос’ — *luxovat* ‘пылесосить’.

В теории языкознания постоянно сталкиваются две крайности: с одной стороны, стремление свести все в языке к системе строгих правил, с другой — подчеркивание абсолютной неповторимости любого языкового явления; эмпирическое языкознание всегда реагировало на эти крайности конкретным анализом отдельных фактов и выявлением в них как элементов регулярных, так и обособленных («лингвистическая казуистика»?). Только такой анализ, избегающий как попыток чисто дедуктивного по-

строения теории, так и сведения всего к простому перечислению фактов, может служить инструментом постепенного асимптотического приближения к полному осмысливанию сущности фундаментальных категориальных противопоставлений в языке. Рассмотрим это на примере значения словаобразовательных фактов для анализа противопоставления имя : глагол.

Традиционная и, конечно, не лишенная оснований, интерпретация этого противопоставления сводится к изоморфизму лингвистических и логико-философских категорий: имя : глагол — предмет : процесс. В методологически проработанной на уровне современной науки и уточненной форме мы находим эту интерпретацию в фундаментальном труде М. Докулила⁸; эта интерпретация является, несомненно, адекватным приближением к действительности и объясняет многие факты, но не все. В частности, для ее безоговорочного признания в качестве полной теории следовало бы эlimинировать все контрпримеры как явления «вторичные», «производные»; к этому стремились в той или иной форме Ф. И. Буслаев, Е. Курилович, О. Есперсен и др. Но, как мы пытались показать, теория «номинализаций» — результат этих стремлений — передает факты иногда не совсем точно, а иногда и совсем неочно — в некоторых случаях все происходит наоборот.

Рассмотрим попытку иной интерпретации. В. Д. Бояркина со ссылкой на М. А. Бородину и В. Г. Гака указывает, что «у глаголов семантика направлена на сигнификат, на понятие, имеющее более зыбкие очертания, чем объект-денотат»; в результате «у глаголов чаще имеет место скольжение смысла»⁹; со вторым утверждением любой лексикограф согласится легко — «скольжение смысла» у глаголов — несомненный факт. А вот вызвано ли оно «понятийным» характером глаголов — это не кажется несомненным. Ведь, например, терминология, типичная область «понятийности» в языке, оперирует, в основном, именно существительными.

Обратим внимание на один факт: в большинстве подробных грамматик субклассификация существительных опирается, в основном, на словаобразовательные понятия — имена действия, деятеля, инструмента, выделенные на основе специфических формантов; субклассификация же глаголов опирается в основном на синтаксический критерий: глаголы личные и безличные, непереходные, прямо-переходные, косвенно-переходные и т. д.

Этим фактам хорошо соответствует интерпретация, согласно которой семантика существительного является самодовлеющей, т. е. именно понятийной, в то время как семантика глаголов соответствует их грамматически-организующей роли в предложении и, следовательно, чрезвычайно восприимчива к влиянию конкретной лексической семантики существительных, с которыми в данном контексте глагол сочетается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1963, III². С. 274—316.

² Там же. С. 275.

- ³ Савицкий И. И. О некоторых особенностях соотношения глагола и имени в научном тексте // *Československá rusistika*, 28, 1983, 1, 24–26.
- ⁴ Бояркина В. Д. О некоторых особенностях новой глагольной лексики // *Новые слова и словари новых слов*. М., 1983. С. 95.
- ⁵ Martincová O. Problematika neologismů v současné spisovné češtině. Рr., 1983. S. 78.
- ⁶ Новые слова и значения: Словарь-справочник. М., 1971.
- ⁷ Трубачев О. И. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 156.
- ⁸ Dokulil M. Tvoření slov v češtině. Рr., 1962. Т. 1.
- ⁹ Бояркина В. Д. Указ. соч.

К ВОПРОСУ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЫ (в связи с некоторыми явлениями переходного характера)

З. Скоумалова

(1) Необходимость комплексного подхода к изучению глагольной основы

К увлекательным, хотя и труднейшим задачам сопоставительного анализа морфологической структуры славянского слова принадлежит установление сходств и различий в строении и основы, а также связанная с этим «типология» морфем и морфемных комплексов. Речь идет о целом ряде пограничных явлений, отражающих взаимопроникновение словообразовательных и грамматических средств и функций в языках флексивного строя, о котором не раз упоминали Докулил, Кубрякова и другие исследователи. Описание этих переходных явлений не всегда укладывается в рамки собственно словообразования, нуждаясь в пополнении данными поморфемного функционального анализа, а также грамматической дериватологии¹. Требование исчерпывающим образом охватить в описании не только принципы структурного построения разных видов основ, но и типовое богатство всех релевантных строительных элементов, в том числе и элементов переходного статуса, заставляет искать комплексный подход к проблеме, сочетающий — по мере потребности — методические приемы практически всех лингвистических дисциплин, в поле зрения которых попадает морфема. В связи с этим представляется уместным в качестве некоей надстроенной дисциплины выделить «науку о морфеме» как общетеоретическое введение в данную широкую область: предметом его изучения могли бы стать все важнейшие системные, а также межуровневые (и междисциплинарные) аспекты морфемы.

(2) Сопоставление «метаязыковое» и собственно языковое

2.1. Высокий уровень современной теории сопоставительного языкознания в прикладной сфере делает необходимым учет не только лингвистических фактов, но и отдельных лингвистических

традиций в описание этих фактов, поскольку уже самой традицией часто акцентируются те отличительные черты языковой системы, с которыми необходимо считаться в сопоставительном плане. Нередко именно языковедам-компаративистам, учитывающим вклад отдельных школ, удается усмотреть в языковом материале то, что ускользает от внимания «межлингвистов».

2.2. Прежде чем приступить к сопоставлению морфемной и деривационной системы двух или больше языков, предпочтительно провести комплексное сравнение частных подсистем одного изолированного языка: структурно-типологические различия, установленные в рамках одного языка, могут служить надежной отправной точкой не только для межязыкового сравнения, но и для выработки некоторого искусственного эталона.

(3) Части речи и некоторые вопросы их описания в связи с «наукой о морфеме»

Важнейшие частные подсистемы в строю любого славянского языка представляют собой части речи. С их морфемным и деривационным устройством связаны, помимо прочего, следующие объекты исследования: а) основообразование, куда входит: соотношение корней и основ; виды тематизации (становления основ); основные и супплетивные средства тематизации; расширенные тематические морфемы в сравнении с расширенными словообразовательными суффиксами и т. п.; б) позиционные классы морфем, их взаимоотношения и удельный вес в данной части речи, их участие в построении словарных основ и словоформ; в) основные и специфические приемы словообразования (номинации), как, например, различные виды конверсии («парадигматического перевода»); типы универбализации; способы освоения иноязычных основ и корней; словообразовательная интерпретация некоторых типизированных видов сращения (ср. образование наречий) и т. д.; г) деривационные циклы 1) в пределах части речи, 2) с частеречным переходом.

(4) Виды тематизации и способы ее лингвистического толкования

Основные автосемантические части речи по своему морфологическому облику прежде всего отличаются типом основы, т. е. ее внешним видом и способом сочетания с собственно грамматическими суффиксами и окончаниями. Характер основы важен тем, что именно с ним тесно связана морфология слова, ее парадигматический потенциал, структурный облик словоформ, а также словообразовательные возможности.

4.1. Выявление основы как отправной точки формо- и словообразования условно называем тематизацией (основообразованием, или, точнее, «основоопределением»). Формальным выражителем тематизации корней на ранних этапах развития служит тематический знак. В самых простых основах он поменялся между

корнем и флексией, с которой передко сплавлялся в комплексный или полностью амальгамированный аффикс: такова, например, была его судьба в основах существительного. Другое дело у глагола: здесь — в отличие от имени — в построении сложной категориальной парадигматики участвовало несколько групп функционально специализированных знаков или же классных показателей. В ходе образования отдельных основ эти тематические элементы иногда выстраивались в строго спределенном порядке, занимая в максимальной развернутой деривационной цепи даже три самостоятельные структурные позиции (следы чего можно видеть в русских вторичных имперфективных формах от основ с суф. *-ова*: *вы-рис-ов-ы-а-j-e-t*). Именно циклический характер тематизации и накопление с. ециальных знаков способствовали тому, что полностью сохранились, например, инфинитивные тематические суффиксы: их значимость даже укрепилась благодаря использованию в качестве продуктивного словообразовательного средства. Итак, в славянских языках глагол до сих пор отличается способом тематизации от других частей речи, он располагает специфическими показателями разного вида категориальной принадлежности: а) частеречной; б) (суб)парадигматической (временной); в) собственно коньюгационной (принадлежность к глагольному классу).

4.2. Богато представленные средства глагольной тематизации включают несколько функционально позиционных типов морфем и морфемных комплексов: в русском языке это, во-первых, основообразующие инфинитивные суффиксы, связанные с первичной глагольной основой (тематические суффиксы первичного аспектуального цикла), которые в свою очередь распадаются на показатели «простые» (*a, e, u, ова, ну*) и расширенные (*-нич-a-, -сте-ова-, -ир-ова-* и др.); во-вторых, основообразующие инфинитивные показатели, связанные со вторичной глагольной основой (классные показатели вторичного аспектуального цикла), т. е. комплексные или простые форманты, выполняющие одновременно роль аспектуального и тематического средства (*-e-a-, -ыс-a-, -a-*). Рекурсивным характером имперфектivации в значительной мере обусловлено образование сложных аспектуальных и аспектуально-залоговых цепей и гнезд.

4.3. В широком смысле принцип тематизации неотъемлем от процессов деривационной морфологии, независимо от применения специального средства. У основ существительного роль тематического элемента — в качестве вторичной функции — выполняет словообразовательный суффикс или даже окончание (т. е. набор флексий, представляющий собой некий «групповой» классификационный знак). По словообразовательному суффиксу можно довольно точно определить морфологическую характеристику всей основы, т. е. ее грамматические (парадигматические) реализации, а также последующие словообразовательные шаги. Окончание компенсирует отсутствие специального тематического знака, если: а) в основе нет другого достаточно яркого показателя мор-

фологического строения слова (имеются в виду прежде всего непроизводные основы); б) окончание само становится словообразовательным (конверсивным, трансфлексивным)² формантом: в подобном случае посредством него осуществляется или частеречный переход (ср.: *вдов-ый*, *добр-o*; чеш. *holub-i*, *vrch-ovat-ć* и т. п.), или переход в пределах одной части речи (ср.: *супруг-a*; чеш. *kmotr-a*, *list-i*, *holoub-ě* и т. д.)³.

Пополнив перечень глагольных тематических морфем реликтовыми (или также супплетивными) средствами тематизации других частей речи, можно составить интересную шкалу классификационных показателей с учетом степени их удаленности от «центра» (корня) словоформы или же по убывающему лексическому и возрастающему грамматическому (отвлеченному) значению.

Оказывается, например, что подвергшиеся полной грамматикализации реликтовые тематические знаки определенного класса существительных (ср. чеш. тип *kuč-et-e//kuč-at-a*) функционально сравнимы не с глагольными тематическими морфемами вообще, а скорее только с классными знаками основ настоящего времени.

4.4. Стремление описать проблематику основообразования глагола и имени по единому принципу приводит к тому, что инфинитивные основообразующие суффиксы трактуются или как суффиксы словообразовательные (советская школа; иначе считает Шлосар)⁴, или как сугубо грамматические, т. е. образующие единый комплекс не с основой, а с грамматическим окончанием⁵, или, паконец, как некие пустые полифункциональные коннекции⁶. В первом случае применяются два подхода: а) производные и непроизводные глагольные основы в структурном отношении резко отграничены друг от друга; в рамках концепции, где показатель, выступающий в основе «неформантом», не имеет общего с показателем-формантом инварианта⁷, специфические тематические суффиксы, конечно, неприменимы; б) идея единого принципа построения (и описания) глагольной основы сохраняется за счет того, что «основообразование» всех глаголов (в том числе и непроизводных) подводится под словообразование. В рамках второй («грамматической») концепции не учитывается продуктивная в некоторых языках группа расширенных классных показателей (рус. типа *-нич-a-*), обрастающих за счет производной основы и приобретающих ярко выраженный характер типичного словообразовательного средства. Автор третьей трактовки не делает качественных различий между морфемным статусом конструктов инфинитивной основы и конструктов основы наст. времени.

Мы полагаем, что тематический суффикс *раг* *excellence*, т. е. инфинитивный, является составной частью (но частью особого вида) основы: он представляет собой особую «грамматему» (грамматический знак) основы, способную выполнять, кроме функций структурно-классифицирующей и «протограмматической» (широко аспектуальной и широко генерической), также функции словообразовательные (парадигматический перевод неглагольных основ; освоение нерусских основ; некоторые виды внутригла-

гольной конверсии). Так получается полная асимметрия средств и функций в глагольной основе: с одной стороны, грамматическая часть слова (грамматический суффикс или окончание) способна превратиться в средство лексическое или словообразовательное (ср. адъективацию причастий, связанных с лексикализацией причастного форманта; ср. также окказиональную конверсионную функцию флексий), с другой стороны, основе присущи определенные грамматические качества, носителем которых является в первую очередь основообразующий суффикс.

(5) Структурный подход к анализу словообразования

Основным методическим приемом в области переходных явлений мы считаем так называемый «перспективный морфемный анализ»⁸, использующий результаты морфемного и деривационного анализа. Согласно отдельным заданиям ПМА различаются три основных вида сегментации: по морфемной, по форме и зональной (вскрывающая «деривационную историю» формаций в виде отдельных деривационных шагов) и зональной (устанавливающая основные функциональные зоны в формациях согласно актуальным потребностям анализа). Главным заданием ПМА является раскрытие и описание постепенного «развертывания» (наращивания) основ и словоформ, их деривационной «функциональной перспективы», а также роли отдельных морфем (морфемных комплексов) на том или другом этапе развития морфемного целого.

ПМА прежде всего служит инструментом анализа тех явлений переходного характера, которые находятся на границе между словообразованием (или дериватологией) и морфемикой, а также всех видов не вполне регулярной деривации: сюда входит описание глагольной тематизации как области, совмещающей в себе актуальные деривационные процессы с отмершими; распределение морфем по деривационным шагам и циклам; обнаружение границ формантов и классификаторов (с учетом их совпадения или несовпадения); определение функциональной нагрузки отдельных классов морфем: формантных, классификационных, смешанного вида, чисто структурных и других. Предметом ПМА также являются разного рода «пустые морфемы» и другие сегменты более или менее неопределенного статуса.

(6) Неременная «сила» морфемы в свете контекста

В заключение отметим, что к морфемам промежуточного характера — как и к морфеме вообще — приложим также критерий контекста. Вслед за Скаличкой, Янко-Триницкой и другими⁹ мы считаем весьма важным тезис о колеблющейся (переменной) «силе» (штепсивности) проявления морфемы вследствие ее включения в контекст других морфем (внутрисловенный): сила эта меняется не только в отношении формы (ср. изменения фонемного состава), а также в отношении семантическом (Янко-Триницкая в данном случае говорит о «фузионности внешней и внутренней»).

Известен факт, приводимый Оливериусом¹⁰, что «относительная сила морфемных позиций в слове нарастает к концу слова». Поведение морфемы зависит, однако, не только от контекста внутрисловенного, а также надсловного в самом широком смысле. Нередки случаи, когда привычная иерархия морфем в слове вдруг нарушается под давлением некоторого из требований текстового порядка: полноценные морфемы вдруг как бы тускнеют, теряя свою силу, неполнценные, наоборот, выступают на более передний план. В этой связи хочется подчеркнуть, что последовательный учет контекста — будь это контекст «внутренний» или «внешний» — в итоге помогает нам также выявить и точнее определить статус морфемы во всем ее широком диапазоне.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Грамматическая и словообразовательная дериватология в свою очередь является составной частью «деривационной морфологии» (термин Кубряковой; см.: Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // ВЯ, 1974, № 5, С. 70).
- 2 Термином *transflexe* (*Transflexion*) окказионально пользуется Докулил (см., напр.: Dokulil M. Ke koncepcii porovnávací charakteristiky slovanských jazyků v oblasti «tvorēní slov» // — Slovo a slovesnost, 24, 1963, 2. S. 88). Термин удобен тем, что он отражает характер славянской, формально выраженной конверсии.
- 3 На особый тип конверсий — в рамках категориальных субпарадигм существительного — обратила внимание Толстая, подвергшая анализу главным образом разные способы илюрализации в славянской ономастике (см.: Толстая С. М.).
- 4 Slosar D. Slovotvorný vývoj českého slovesa. Brno, 1981.
- 5 См.: Докулил M.
- 6 Komárek M. Příspěvky k české morfologii. Pr., 1978. Более подробный обзор отдельных толкований тематических суффиксов см.: Skoumalová Z. Status tzv. kmenotvorných přípon slovenščin v slovanských jazycích, zvláště v ruštine. Pr., 1976.
- 7 Так, например, субморф, занимающий в непроизводной основе глагола структурную позицию тематического элемента, В. В. Лопатин считает составной (невыделимой) частью корневого морфа (см.: Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 64).
- 8 В модифицированном виде мы используем термин «перспективное морфологическое членение» (см.: Маслов Ю. С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.; Л., 1963. С. 116).
- 9 Skalička V. O rojení morfém // Sborník Matice slovenskej, 16—17, 1938—39; Янко-Триница И. А. Словообразовательная структура и морфемный состав слова // Актуальные проблемы русского словообразования, Самарканд, 1972. Т. 1. См. также работы: Манаев Э. А., Кубрякова Е. С. О морфологическом статусе основообразующих элементов в горском языке // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971; Маслов Ю. С. Некоторые спорные вопросы морфологической структуры славянских глагольных форм // Сов. славистоведение, 1968, № 4.
- 10 Oliverius Z. F. Семантические правила порождения и интерпретации русских слов // Čs. přednášky pro VII. mezinárodní sjezd slavistů ve Varšavě. Lingvistika. Pr., 1973.

МОДЕЛЬ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В. Стракова

В современной лингвистике все острее чувствуется потребность в выделении и методологическом усовершенствовании того типа анализа, который принято называть «сопоставительным», «конфронтационным», или же «контрастивным». Количество сопоставительных исследований все более и более возрастает. Стоит напомнить сборники по сопоставительному словообразованию (Лейпциг)¹, серии сборников по славянскому языкознанию (Прага)², сборники по сопоставительному языкознанию (Прага—Москва)³, сопоставительную грамматику русского и чешского языков (Прага)⁴, ряд монографий (Стракова⁵, Нецименко⁶, Секанинова⁷, Дулевичова⁸), статьи в лингвистических журналах⁹ и др.

По нашему мнению, анализ междуязыковых отношений немыслим без понятия эквивалентности, т. е. семантического тождества анализируемых единиц. Тем не менее в некоторых работах сопоставительного характера анализ материала проводится без установления взаимоотношений между отдельными единицами сопоставляемых языков. Такой тип сопоставления, на наш взгляд, вряд ли можно считать удовлетворительным.

При сопоставлении двух систем основной единицей конфронтации уместно считать пару, корреляцию эквивалентов.

Следует учитывать, что не все уровни языковой структуры в одинаковой мере поддаются сопоставительному анализу. Бесмысленна, к примеру, конфронтация акцентологической системы русского и чешского языков. Различие в самом характере (подвижное ударение / постоянное ударение), т. е. недостаточное количество идентичных черт ограничивает возможности детального сравнения.

Типологическая характеристика славянских языков немыслима без учета их деривационной характеристики. При характеристике слова в славянских языках необходимо принимать во внимание словообразовательные возможности данной языковой системы; репертуар морфем (суффиксов и префиксов), а также их многогранные взаимоотношения — синонимия, омонимия, вариативность.

При анализе словообразовательной системы (или же субсистемы) мы имеем дело с исчислемыми единицами (суффиксами, префиксами). Это облегчает анализ, т. е. характер материала в некоторой степени предопределяет методологический подход.

Сопоставительная характеристика коррелятов сводится — в конечном счете — к понятию соответствия и различия (анalogии

и контраста)¹⁰. Эти понятия носят, разумеется, условный характер и находятся в зависимости от того, что именно является предметом сопоставления, какой уровень, какие структуры, какие единицы. При этом, конечно, важно также учитывать, какие языки в данном случае подвергаются анализу (родственные, близкородственные) и что является целью анализа¹¹ (общая характеристика, детальная характеристика). При типологически дистантных языках контрасты выступают ярче, выразительнее, нагляднее. Анализ, исследующий различия между близкородственными языками (например, славянскими), принято называть «микротипологическим». Следует учесть, что при микротипологическом анализе между тождеством и различием нет столь резкой границы, скорее здесь имеет место постепенный переход от тождества к различию.

При конфронтации деривационной системы двух близкородственных языков (русского и чешского) намечаются две возможности подхода к данной проблематике:

- 1) подход от формы к семантике (содержанию) — $\Phi \rightarrow C$
- 2) подход от семантики к форме — $C \rightarrow \Phi$

АНАЛИЗ ТИПА $\Phi \rightarrow C$

При изучении типологической характеристики русского и чешского языков (что, собственно, и является нашей главной задачей) данный подход проще, имеет свою традицию, свои результаты. Напомним основные принципы анализа:

1. Чтобы конфронтационный анализ стал надежной основой для типологической характеристики, материал обоих языков должен быть уравновешен. Порядок языков (родной, иностранный) не имеет значения. Через «конфронтационную сетку» должен пройти материал обоих сопоставляемых языков в равном количестве.

2. Анализируя слово в близкородственных языках, рекомендуется исходить из однокоренных (изолексемных) единиц. Данный подход наглядно показывает, как в отдельном языке оформлено «общее наследство». Неоднокоренные (гетеролексемные) эквиваленты приводятся только тогда, когда изолексемный материал отсутствует, например прилагательное *затяжной* — *zleklý*, где отношение *-n--l-* ограничивается лишь одной парой.

3. К общепринятым принадлежит принцип сопоставления в категориальных рамках, т. е. в рамках части речи, причем как в смысле исходной, так и результирующей единицы (словообразовательная сетка) — Волоцкая¹², Улуханов¹³.

Проиллюстрируем анализ типа $\Phi \rightarrow C$ на материале отлагольных прилагательных¹⁴.

Сопоставление идет по двум линиям: (1) сопоставление формы, (2) сопоставление функции отдельных суффиксов.

Сопоставление формы. Общий репертуар суффиксов комплекса «отлагольное прилагательное» можно свести

к следующим трем категориям: 1) параллельные суффиксы (с учетом фонологических модификаций); 2) суффиксы, свойственные только чешскому языку; (3) суффиксы, свойственные только русскому языку.

Группы (2) и (3) можно назвать непараллельными.

Сопоставление функции (семантики). Каждому из суффиксов первого языка, например суф. -щ-, в другом языке может соответствовать несколько суффиксов (разумеется, семантически эквивалентных). Перечень отдельных корреляций одного суффикса создает его функциональный — «семантический» спектр.

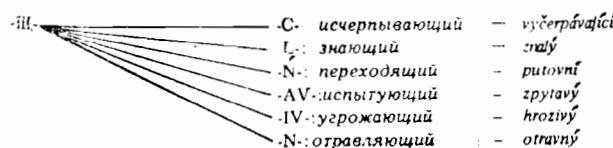

Схема 1

Спектр отдельных суффиксов членится по-разному; способ членения, т. е. множество лучей, соответствующих отдельным эквивалентам в другом языке, представляет собой семантическую характеристику каждой единицы (суффикса или же префикса) в отдельности. Путем выявления формальных и функциональных соответствий и различий мы можем установить сеть межъязыковых словообразовательных отношений в рамках данной словообразовательной субсистемы.

Из соответствий между отдельными суффиксами русского и чешского языков особенно важны следующие два.

1. Соответствие формальное (наряду с функциональным): *исчертывающий* — *vycerpačí*.

2. Соответствие только функциональное: *отравляющий* — *otravný*.

Проведенный анализ всех словообразовательных комплексов показал, что сопоставительные отношения имеют асимметричный характер, т. е. что соответствие является лишь одним, частным типом общего отношения. Только в этом случае можно надеяться на адекватное описание двух сопоставляемых систем.

АНАЛИЗ ТИПА С → Ф

Данный подход к анализу деривационной системы, т. е. от семантики к форме, является относительно новым, нетрадиционным, в известной степени экспериментальным.

При таком подходе семантика является связующим звеном билатерального сопоставления, т. е. *tertium comparationis*. Изложим основные принципы данного анализа.

При анализе мы исходим из предположения о том, что в семантической системе языка основными элементами являются «семантические признаки», которые, в различных своих конфигурациях могут образовывать частные семантические категории.

Таким образом, язык представляет собой динамичную систему, в которой заложена возможность реструктуриации входящих в нее единиц. При подходе к семантике как сфере действия семантических признаков основу реструктуризации можно усматривать в движении релевантных для данных единиц признаков. Семантические признаки могут подвергаться изменениям нескольких типов; это могут быть изменения в распределении, иерархии, а также изменения сферы действия: отдельные признаки могут переходить в другие сферы, причем того же или другого (высшего, низшего) порядка. Все виды перегруппировки признаков, лежащие в основе реструктуризации языковых единиц, можно называть дисперсией.

В языковых единицах семантические средства (элементы) взаимообусловлены и взаимосвязаны: семантическая «коопeração» — иначе «содействие, интеракция, синергия» — идет как по горизонтальной (контекстуальной), так и по вертикальной (межуровневой) линиям. Можно сказать, что все семантические данные «работают» в одном направлении, выполняя коммуникативную функцию.

В результате анализа материала нами были установлены признаки, релевантные для словаобразовательной семантики (морфосемантики). Из этих признаков были составлены отдельные конфигурации, т. е. модели определенных семантических структур, с которыми соотносятся структуры морфематические (иначе говоря, установлено, при помощи каких словообразовательных средств могут быть выражены отдельные семантические классы).

Данный вид анализа, разумеется, в самых общих чертах, представлен в нашей монографии¹⁴.

Ниже мы продемонстрируем наш метод на материале отглагольных прилагательных; заметим, что каждая группа прилагательных определяется конфигурацией (в данном случае от двух до трех) из общего набора семантических признаков.

Подробный анализ материала дается в рамках установленных групп (конфигураций), которые и представляют собой связующее звено билатеральной конфронтации. Изучению подлежит выбор суффикса для реализации данной конфигурации семантических признаков в русском и чешском языках.

а) Конфигурации семантических признаков = семантические классы

(1) KVAL + AG	— тип: <i>исчертывающий</i>
(2) ØKVAL + ØAG	» <i>приводимый</i>
(3) ØKVAL + AG + FIN	» <i>въездной, стирающий</i>
(4) KVAL + AG + REZ	» <i>усталый</i>
(5) ØKVAL + ØAG + REZ	» <i>выдувной</i>
(6) KVAL + ØAG + POS!B	» <i>вспомогающийся/вспомогаемый</i>
(7) ØKVAL + ØAG + NEGES	» <i>откидной (сиденье)</i>

б) Морфематическая реализация семантических конфигураций

(I)KVAL + AG

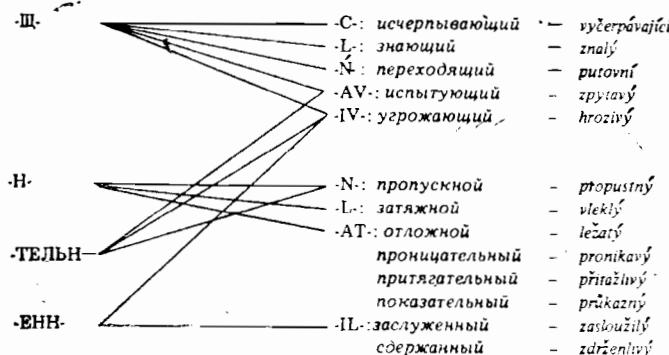

Схема 2

Как видно из схемы 2, здесь может быть использован материал «спектрального анализа», включенный в более широкие рамки. В отдельных случаях обнаруживается идентичность (параллельность) суффикса (*исчерпывающий* — *vycerpávající*), в других — различие (*угрожающий* — *hrozivý*).

В заключение можно сказать, что оба наших метода органично взаимосвязаны, они не только не противоречивы, но и, напротив, дополняют друг друга.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Linguistische Arbeitsberichte. Sektion Tas der K—M—U Leipzig: 9 (1974), 18 (1977), 22 (1979). Leipzig.
- 2 Studie ze slovenské jazykovědy. I (1978), II (1979), III (1980); IV (Linguistica IX, 1984). Pr.
- 3 Studie z konfrontační jazykovědy. Pr.; M., 1981; Materiály ze sympozia o bohemistice v zahraničí. Pr., 1979; Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. II. Pr., 1983.
- 4 Barnetová V., Beličová H., Leška O., Skoumalová Z., Straková V. Russkaja grammatika. Pr., 1979. I—II.
- 5 Straková V. Substantivní derivace (v ruštině a češtině). Pr., 1973.
- 6 Нещименко Г. Н. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII—середина XX в.). Прага, 1980.
- 7 Sekaninová E. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine. Pr., 1980.
- 8 Dulewicz I. Nomina actionis we współczesnym języku rosyjskim. W-wa, 1976; *Idem*. Czasowniki denominalne w języku polskim i rosyjskim. W-wa, 1981.
- 9 Straková V. K sémantice verbosubstantivních vztahů // — Studie ze slovenské jazykovědy II, Pr., 1978; *Idem*. Bemerkungen zu den Prinzipien der kontrastiven Analyse (am Material der Verbalpräfigierung) // Linguistische Arbeitsberichte 22, 49—54. Leipzig, 1979; *Idem*. K morfosemanticke analýze substantiva verbálního (na materiále češtiny a ruštiny) // Studie ze slovenské jazykovědy III. Pr., 1980; *Idem*. Wort und Wortverbindung als zentrale Benennungseinheiten der Lexik // Probleme der sprachlichen Nominations. Leipzig, 1982; *Idem*. Ke konfrontaci derivačních systémů v blízké příbuzných jazyčích // Studie z východoslovenské jazykovědy. Pr., 1973; *Idem*. Kontrastivní pohled na slovesnou prefixaci; *Idem*. Poznámky ke konfrontační analýze lexikálního systému češtiny a slovenštiny // Acta Universitatis Carolinae. Philologica Slavica Pragensia 1982; *Idem*. Typology and Contrastive Analysis // Papers and Studies in Contrastive Linguistics (Poznań). 1985.
- 10 Straková V. Zur morphosemantischen Analyse (am Material desubstantivischer Verben) // Folia Linguistica, ASLE, t. XVIII/3—4, 1984.
- 11 Straková V. Asymmetrický model konfrontačních vztahů // Slavia, 44, 1975, 3.
- 12 Волоцкая З. М. К описанию системы деривативных значений: (Опыт применения компонентного анализа) // Структурно-типологические исследования славянских языков. М., 1973.
- 13 Ульханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977.
- 14 См. подробнее: Straková V. Morfematička struktura sémantických obsahů (Nástin derivacní typologie) // Linguistica C, XIV, 1985.

ДУАЛИЗМ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ДИАХРОНИЯ И СИНХРОНИЯ

A. E. Супрун

Одной из фундаментальных закономерностей существования языка является соответствие его средств потребностям общения в коллективе его носителей. Поскольку потребности эти изменяются, оказывается необходимым постоянно подстраивать языковое устройство, приводя его в соответствие с реальными нуждами. К числу наиболее явных потребностей общения относится потребность в наличии наименований для явлений действительности, которые могут упоминаться в процессе общения: отсутствие соответствующих наименований ухудшает возможности взаимопонимания, затрудняет общение.

Существует четыре основных пути пополнения фонда наименований: 1) приписывание уже имеющемуся слову нового значения; 2) создание сложного неоднословного наименования из двух или большего числа уже имеющихся слов; 3) заимствование из другого языка нового для данного языка слова; 4) образование нового слова (словообразование). Пополнение лексикона новыми словами — такова основная лексическая функция словообразования. Эта функция словообразования принципиально эволюционна: она направлена на изменение языка. Включение в лексикон нового слова есть некоторый квант преобразования языка. Словообразовательный акт практически мгновенен. Дольше длится закрепление возникшего слова в сознании посителей языка, а следовательно, и в языке. Но и этот процесс укладывается в сравнительно ограниченные хронологические рамки. Однако результат акта образования нового слова и процесса его закрепления в языке ста-

новится уже элементом исторического процесса пополнения лексикона. Одна и та же словообразовательная модель может действовать в течение длительного времени, что и фиксируется в виде вереницы слов, образованных по данной модели в разное время.

В полабском языке фиксируется несколько десятков слов с суф. *-āk* < *-ъкъ/-ъкъ. Часть этих слов возникла еще в праславянский период, их соответствия имеются в славянских языках различных групп: таковы, например, слова *d'olqbāk* 'голубок', *resāk* 'песок', *klobāk* 'клубок', *mesāk* 'мешок', *caunāk* 'челюк'. Другие слова относятся к западнославянскому наследию в полабском: *carmāk* 'желток', *gornāk* 'горшок', *vobōrak* 'ведро'. Наконец, ряд слов с этим суффиксом был образован, видимо, уже в период отдельного существования полабского или древяно-полабского языка: *vätrücsāk* 'сынок', *platérāk* 'тарелочка', *t'icerāk* 'корзиночка'. Интересно подчеркнуть здесь два момента: и растянутую во времени (примерно на тысячелетие) продуктивность данной модели, и вероятное осознание одинаковой морфемной структуры если не всех, то большинства данных слов носителями языка, которые едва ли осознавали сравнительную древность слова *d'olqbāk* при сопоставлении с *platérāk*. Дело в том, что словообразовательные средства, выполнив свою основную эволюционную функцию обогащения лексикона, выполняют еще одну, классификационную функцию, участвуя в организации, т. е. структурировании, лексикона по его морфемному составу. Особо значима эта функция для понимания, то есть для слушающего, для которого вычленение и осмысление морфем — важная веха на пути понимания слова, особенно незнакомого или малознакомого.

В этом отношении аббревиация, скрещивающая такие пути пополнения фонда поминаций, как образование сложных наименований и словообразование, часто не отвечает требованиям, предъявляемым к словообразованию. Хорошо приживаются лишь те аббревиатуры, которые подводятся под имеющиеся в языке грамматические модели слов. Показательно в этом отношении закрепление таких аббревиатур как *вуз*, *совхоз*, *колхоз* с подведением их под мужской род в соответствии с формой, а не с «внутренней формой», соотносящей их со средним родом через последние субстантивные члены соответствующих сложных наименований — *заседание и хозяйство*; эти слова, как и слово *комсомол*, характеризуются практически всеми грамматическими свойствами существительных, они склоняются, изменяются по числам (кроме последнего — вследствие, с одной стороны, его собирательного значения, а с другой стороны, его индивидуального характера как названия единственного учреждения). Те аббревиатуры, которые не приобретают всей полноты грамматических свойств, функционируют, как правило, с определенными ограничениями, в определенных стилистических, жанровых, регионально-ведомственных границах, почти не допускаются в поззии. В грамматической недостаточности, наряду с непрозрачностью внутренней формы, ослабляющей классифицирующую функцию морфем-

ного членения и приводящей к тому, что по сути аббревиатуры воспринимаются как морфологически нечлененные (корневые) слова (как и заимствования), заключается причина, вообще говоря, отрицательного отношения к аббревиатурам со стороны лингвистического общественного мнения (их терпят, но не хвалят) — примерно такого же отношения, как и к заимствованным словам, обладающим теми же принципиальными дефектами: неясной внутренней формой (ср. известные попытки ее осознания в народно-этимологических сближениях типа *палисад* — *полусадик*) и нечеткой грамматической принадлежностью. Потому аббревиатура является особым видом словообразования, стоящим на грани словоизобретения (якобы имевшего место при образовании нескольких слов типа *кодак*) и занимающим особую позицию, отличающую его от «истинного», «регулярного», «обычного» словообразования.

Возникающие по действующим словообразовательным моделям (слово «модель» употребляется здесь в нестрогом значении как обозначение совокупности структурных элементов и способов их соединения при образовании слова) неаббревиатурного типа новые слова сразу же оказываются приписаными к той или иной части речи, обладают изначально некоторым комплексом грамматических свойств, определяющим его место в грамматической системе. Этот комплекс не вносит изменений в грамматический строй, а, напротив, соответствует действующим в языке грамматическим правилам. Этим, между прочим, новообразованные слова обычно отличаются от заимствованных. Известно, например, что заимствование русским языком существительных, обозначающих лиц женского пола, если они заканчиваются на твердую согласную, оказывается в противоречии с обычным оформлением существительных женского рода, в число которых такие заимствования должны были бы войти по смыслу. В русском просторечии появляется форма *мадама*, грамматически более соответствующая строю русского языка, чем литературное *мадам*, но вызывающая протест у тех, кому эта форма кажется «первой» (раньше подобную трансформацию претерпело слово *фрейлина*, хотя как экзотизм и теперь возможно и *фрайлейн*, и *мисс*, и *кыз*). Так называемое морфологическое освоение заимствований нередко «искажает» их первоначальный вид, что и является причиной неприятия некоторых таких форм, в то же время присоединение окончания к префиксальной или суффиксальной основе абсолютно естественно (не потому ли в русском просторечии в Средней Азии мелькало произведение от основы *кыз* 'девушка' при помощи суффикса *-и-* слово *кызимка* 'девушка', где *-им-* — аффикс принадлежности первому лицу в тюркском языке — источнике). Словообразование ведет к образованию новых слов, грамматические же свойства при этом воспроизводятся.

Воспроизведимость грамматических свойств в процессе словообразования чрезвычайно ярко проявилась в словообразовании славянских числительных за последние несколько столетий.

Как известно, новые числительные образуются в славянских (и не только в славянских) языках путем соединения уже имеющихся нумеративных компонентов, причем первый или последний из них или же грамматически главенствующий, являющиеся потенциальными носителями грамматических свойств образуемого числительного, — это уже существующие в языке числительные. Для новой, еще не окончательно выработавшей в славянских языках свои грамматические свойства, части речи такое решение простого воспроизведения при словообразовании грамматических свойств исходных слов близко к оптимальному, приближаясь по простоте к простой редупликации. *Четыреста пятьдесят восемь миллиардов семьсот тридцать два миллиона двести сорок пять тысяч сто девяносто три* обладает грамматическими свойствами последнего компонента. Здесь нейтрализуется противопоставление сочетания слов и словообразования и демонстрируется воспроизводимость грамматических свойств. Грамматические свойства воспроизводятся, но уже несколько иными путями, и в различных новых словах, образованных и попавших в прессу и литературу в семидесятых годах: *гидросмесь, киноурок, незабываемость, отцикливать, продлеика, сущностный* и др.¹

Долговечность словообразовательных средств связана с их способностью воспроизводить грамматические свойства уже существующих в языке слов. Иногда меняется модель образования новых слов, механизм соединения морфем, но сама словообразовательная морфема остается, а предзаданность грамматических свойств образуемого заново слова не меняется. Так, среди полутори полабских существительных с финалью *-ěk* < *-ik лишь два надежно соотносятся с глагольной производящей основой — *svorcěk* 'сверчок', и *d'ýjěk* 'врач'; оба они образованы в дополабский период, собственно же полабские образования на *-ěk* возникают либо как деминутивы от существительных (*klavrěk* 'мальчишка'), либо же от основ прилагательных (*glozněk* 'стекольщик'). Таким образом, изменилась словообразовательная модель, но поскольку сохранился суффикс, это не коснулось грамматической функции словообразования.

В отличие от эволюционной лексической функции словообразования, грамматическая его функция принципиально консервативна, направлена на сохранение существующей грамматической системы и ее соотнесенности с лексиконом. Как и лексическая эволюционная функция, грамматическая функция словообразования базируется на фундаментальных свойствах языка: она обеспечивает преемственность общения поколений, гарантирует устойчивость грамматического строя, необходимую для выполнения языком задач коммуникации. Именно с грамматической функцией теснейшим образом связана классификационная функция словообразовательных средств, осознаваемых как морфемы и после словообразовательного акта. В морфемном членении отражается не только происхождение слова, но и его принадлежность к тем или иным классам слов, объединяемых наличием в них определен-

ных морфем. Морфемное членение, принадлежащее синхронии, может получить такое же двоякое толкование, как и само словообразование, что и понятно, ибо оно отражает словообразовательный процесс и словообразовательную парадигматику.

Дуализм словообразования связан с двойкой содержательной природой слова как единицы лексической системы и как единицы грамматического строя языка. Словообразование порождает новые слова и как лексические и как грамматические единицы. Новые лексические единицы уже по исходному условию нужны для номинации новых явлений, но при этом совсем не нужно, чтобы они обладали певиданными до этого грамматическими свойствами. И потому грамматические свойства возникающих новых слов воспроизводят грамматические свойства уже существующих в языке слов, начиная с принадлежности нового слова к той или иной из существующих частей речи (т. е. к группе слов с определенными грамматическими свойствами).

Единство эволюционной функции обогащения лексикона и консервативной функции сохранения грамматического строя, присущее словообразованию и скрепляющее классифицирующей ролью морфемного членения, приводит словообразование в особое положение по отношению к синхроническому и диахроническому аспектам языка. Словообразование обеспечивает и пополнение словаря новыми словами, и понятность этих новых слов, вытекающую из понятности составивших их морфем и известности словообразовательной модели. Тем самым словообразование обеспечивает успешное функционирование языка как стабильного средства общения того или иного социума.

В эволюционной лексической функции словообразование должно рассматриваться как диахронический процесс пополнения словаря; консервативная же грамматическая функция, тоже обращенная к изменению языка, а точнее к предотвращению изменения, позволяет рассматривать словообразование как явление динамической синхронии. Продуктивные словообразовательные отношения между производящими и производимыми, составляющими словообразовательные ряды и деревья, могут рассматриваться как своего рода словообразовательные парадигмы. Таким образом, по своим результатам словообразование относится и к диахронии, и к синхронии. Сам акт создания нового слова, словообразовательный акт может, как и речевой акт, рассматриваться как элемент синхронии, но это именно тот момент синхронии, в котором происходит изменение языка, т. е. это и момент диахронии.

Разумеется, можно наблюдать и собственно словообразовательную диахронию: изменение словообразовательных моделей и средств в процессе их функционирования. Начинают действовать новые словообразовательные модели, возникают — заимствуются или образуются — новые аффиксы, некоторые модели перестают функционировать, некоторые аффиксы перестают использоваться. Так, в полабском языке можно отметить ряд существительных мужского рода па *-něk*; по крайней мере часть их не имеет

соотносительных прилагательных на *-n-*, а следовательно, вероятно, эти слова образованы с помощью суф. *-něk*. Интересно в этом отношении существительное *postarněk* 'пастух', образованное на базе старого **pastyrь* с новым суффиксом;ср. также: *rodňěk* 'советник' при *rod* 'совет', *taurňěk* 'каменщик' при *tauro* 'стена', и др. В результате заимствования ряда слов на *-r*, обозначавших лиц (*bard'ir* 'бюргер', *šiper* 'шкiper', *šapar* 'пастух' и др.), элемент *-r-* стал, видимо, восприниматься как суффикс лица. Это отражено в специфическом полабском *g/šär* 'пастух гусей', хотя более древнее славянское слово с этим корнем и элементом *-r-*, возможно, означало не «пастуха», а «гусака»². Такие явления диахроничны внутри самой словообразовательной системы, а не в результатах ее действия.

Сопоставительный анализ словообразования должен, видимо, учитывать его двойственную природу. Сопоставлению поддается, очевидно, прежде всего синхронический аспект словообразования, а также морфемный анализ лексикона, словообразовательная парадигматика. Вместе с тем не закрыта для сопоставления и диахрония словообразования как в аспекте результатов словообразования — пополнения лексикона новыми словами, так и в плане изменения самих словообразовательных систем.

Двойственная природа, внутренняя противоречивость словообразования, обусловленная столкновением лексической и грамматической природы слова в словообразовательном акте, является одной из внутренних причин изменения словообразования. Как и другие изменения в языке, преобразования словообразовательной системы протекают в процессе функционирования в динамической синхронии. При этом соблюдается относительное равновесие эволюционной функции пополнения словаря и стабилизирующей функции сохранения грамматического строя в процессе словообразования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Новые слова и значения: Словарь-справочник /Под ред. И. З. Котеловой. М., 1984.

² См. **goserъ* в «Этимологическом словаре славянских языков» под ред. О. Н. Трубачева (вып. 7, М., 1980, с. 82—83); по ср. укр. диал. *гусяр*, *гусир* 'гусь-гермафродит' и 'пастух гусей' (словарь Гриценко).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ГНЕЗДО КАК ЕДИНИЦА СИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И КАК ЕДИНИЦА СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. Н. Тихонов

За сравнительно короткий промежуток времени — последние 15—20 лет — словообразовательная наука сформировалась как самостоятельная отрасль языкознания — дериватология. В этот

период главные усилия исследователей были направлены на то, чтобы вскрыть существенные черты важнейших единиц словообразовательной системы (морфема, формант, производное слово, словообразовательный тип, словообразовательное гнездо и др.), выявить особенности системной организации словообразования, определить место словообразования в структуре языка и охарактеризовать основные пути и каналы взаимодействия его с другими ярусами языка, исследовать разнообразные участки и явления словообразования, ранее не получившие должного освещения, выработать метаязык описания словообразовательных объектов, совершенствовать и разнообразить исследовательские приемы и методы. Необычайно расширилась проблематика дериватологии, наметились новые аспекты изучения словообразования.

По-прежнему важным направлением в исследовании словообразования является изучение формального и семантического устройства различных единиц системы — описание словообразовательных типов, цепочек, парадигм, гнезд. Здесь пока преобладают работы описательного характера, идет накопление конкретного материала. Паряду с этим приобретает особую актуальность исследование функциональных аспектов словообразования, делаются серьезные попытки определить роль и функции различных единиц словообразования в его системной организации, как они взаимосвязаны, как входят в систему, какое место занимают в иерархической структуре языка, в чем конкретно проявляется их системообразующая роль, как они ведут себя в процессе функционирования системы.

С этой точки зрения наиболее изучены словообразовательные типы. Недостаточно описаны словообразовательные гнезда и все его структурные элементы.

Недостаточная изученность структурных компонентов гнезда в значительной степени мешает созданию полной картины гнезда, выявлению его роли в системной организации словообразования: ведь «поведение» словообразовательного гнезда в целом определяется тем, как себя ведут его элементы, как они входят в систему, каковы их внутргнездовые и межгнездовые связи, как они участвуют в упорядочении внутргнездовых связей слов (в упорядочении своих семейных, родственных отношений), какую роль играют в упорядочении межгнездовых связей входящих в гнездо слов. При изучении системообразующих функций элементов гнезда однозначно важно выявление как их внутренних, так и внешних связей.

В системном устройстве словообразования важное место занимает словообразовательный тип, который получил широкое признание как основная единица системы.

Словообразовательный тип выступает как совокупность словообразовательных пар. В словообразовательные типы объединяются словообразовательные пары с одинаковым формантом, выражающим одинаковые словообразовательные значения: Ср.: *петь*:

*по-петь = играть : по-играть -- пищать : по-пищать или играть :
на-играть-ся = плакать : на-плакать-ся = реветь : на-реветь-ся.*

В этом проявляется важнейшее свойство словообразовательного типа как основной системной единицы — повторяемость, воспроизводимость словообразовательного значения и форманта, выражающего это значение. Именно благодаря повторяемости словообразовательный тип выполняет свою главную — системообразующую — функцию.

Другое существенное свойство словообразовательного типа как основной единицы — это вхождение его во все вышестоящие единицы словообразования, т. е. участие его в иерархическом упорядочении системных отношений.

Таким образом, словообразовательный тип, будучи совокупностью словообразовательных пар — базовых элементов словообразования, представляет собой основную единицу классификации.

В словообразовательной системе русского языка исследователи выделяют различные объединения словообразовательных типов. Существует множество классификаций их, которые отражают разное понимание исследователями внутреннего устройства словообразовательной системы. Они отличаются друг от друга по составу и типам производных единиц, их объему, месту различных единиц в системе, в конечном счете — по своему внутреннему устройству.

Все существующие классификации единиц словообразования, все представления о системной организации словообразования делятся на два основных типа: к первому относятся классификации, построенные на словообразовательных типах; второй — составляют классификации, построенные с учетом не только словообразовательных типов, но и словообразовательных гнезд.

В нашем языкоzнании словообразовательная система как иерархия различных совокупностей словообразовательных типов рассматривается в работах И. И. Ковалика. Низшей единицей в ней является словообразовательный тип. Далее словообразовательные типы объединяются в более крупные единицы, которые находятся в отношениях включения и подчинения: словообразовательный разряд, словообразовательная категория, словообразовательный класс. К этому пониманию системы словообразования близка трактовка словообразовательной структуры языка Б. П. Головина.

Такое понимание системного устройства русского словообразования теперь стало общепринятым и ни у кого не вызывает ни споров, ни сомнений. Тем не менее оно не может считаться удовлетворительным, так как не учитывает высшую системообразующую единицу словообразования — словообразовательное гнездо.

Словообразовательное гнездо — это упорядоченная отношениями синхронной производности совокупность однокоренных слов.

Под однокоренными понимаются слова, имеющие один и тот же корень, который выступает как материальный выразитель их

семантической общности. Материальная и семантическая общность, обязательная для однокоренных слов, находит отражение в словарных определениях. Ср.: *синеватый* — ‘несколько синий’; *синенький* — ласкат, к *синий*; *синева* — ‘синий цвет, синее пространство (синева неба, синева воды)’; *синеть* — ‘становиться синим (синеть от холода)’; *синить* — ‘делать синим, красить в синий цвет; полоскать в воде с разведенной синькой (синить белье)’; *синь* — ‘синева, синяя краска (кубовая синь)’; *синька* — ‘действие по глаг. *синить* (синька белья), синяя краска для подкрашивания тканей, бумаги (синька для белья)’; *синяк* — ‘посиневший кровоподтек на теле’; *подсинить* — ‘подкрасить чем-л. синим, придать чему-л. синеватую окраску (подсиленная вода)’; *стеглазый* — ‘с синими глазами’; *синеокий* — ‘имеющий синие очи’ и т. п.

Все слова, входящие в гнездо, находятся в определенных отношениях друг к другу. Их отношения в гнезде строго упорядочены. Каждое производное слово имеет свое производящее (оно отсутствует только у одного — исходного — слова, возглавляющего гнездо), т. е. каждое неисходное слово в гнезде входит в ту или иную словообразовательную пару. Иначе говоря, в гнезде нет производных слов, которые не вступали бы в словообразовательные отношения. Что же касается исходных слов, то они тоже не находятся вне словообразовательных отношений. Ведь исходные слова выступают в качестве производящих для всех слов первой ступени словообразования, т. е. они тоже являются, в сущности, членами словообразовательных пар.

Отношения слов в гнезде иерархически организованы. Принцип последовательного подчинения одних единиц другим прописывает все словообразовательное гнездо. Особенно четко реализован он в гнезде в словообразовательных цепочках. Ср. по форме и смыслу слова, образующие цепь: *синий* — *синеватый* — *синеватость*; *синий* — *синеть* — *посинеть* — *посинелый*; *синий* — *синить* — *пересинить* — *пересинивать* — *пересиниваться*; *синий* — *синить* — *засинить* — *засинивать* — *засиниваться*; *синий* — *синяк* — *синячок* и др.

В структуре гнезда наименьшей единицей является словообразовательная пара. С этой точки зрения словообразовательное гнездо представляет собой совокупность словообразовательных пар. Ср.: *синий* — *синенький*, *синий* — *синеватый*, *синеватый* — *синевато*, *синеватый* — *синеватость*, *синий* — *синева*, *синева* — *синеца*, *синева* — *синесть*, *синий* — *синь* и т. д.

Словообразовательные пары в составе гнезда входят в более крупные единицы — словообразовательные цепочки и словообразовательные парадигмы. Так, словообразовательная цепочка *синий* — *синеватый* состоит из одной словообразовательной пары, а цепочка *синий* — *синить* — *насинить* — *насинивать* — *насиниваться* включает 4 словообразовательные пары: *синий* — *синить*, *синить* — *насинить*, *насинить* — *насинивать*, *насинивать* — *насиниваться*. Значит, словообразовательное гнездо — это также совокупность словообразовательных цепочек.

Словообразовательные пары — структурные части словообразовательных парадигм. Каждая парадигма — это совокупность словообразовательных пар. Так, в парадигму исходного слова *синий* входят *синеный*, *синеватый*, *синь*, *синель*, *синец*, *синица*, *синюга*, *синоха*, *синяк*, *силявка*, *досиня*, *иссина*, *пресиний*, *просинь*, *синеть*, *синить*, *синеглазый* и др. Они образуют словообразовательные пары *синий* — *синеный*, *синий* — *синеватый*, *синий* — *синь* и т. д.

Одно и то же производное слово входит и в словообразовательную цепь, и в словообразовательную парадигму. Например, *синеть* входит в цепочки *синий* — *синеть* — *посинеть* — *носинение*, *синий* — *синеть* — *засинеть* — *засинеться*, *синий* — *синеть* — *посинеть* — *посинелый*. В то же время *синеть* является членом словообразовательной парадигмы исходного слова *синий*.

Таким образом, все производные слова в гнезде находятся в отношениях подчинения. Словообразовательное гнездо имеет сложную структуру, отношения между элементами которой в синхронной системе языка строго упорядочены.

Словообразовательное гнездо как вторая основная единица системы словообразования представляет собой объединение однокоренных слов. Это корневая общность. Словообразовательные цепочки и словообразовательные парадигмы являются разными типами объединений однокоренных слов в составе гнезда: однокоренные слова в словообразовательных цепочках находятся в синтагматических отношениях, а в словообразовательных парадигмах — в парадигматических отношениях.

Признание словообразовательных типов и словообразовательных гнезд основными единицами словообразования естественно предполагает наличие между ними определенных связей и отношений: ведь они элементы одной системы.

На наш взгляд, здесь прежде всего необходимо глубже разобраться во внутреннем устройстве двух подсистем словообразования, организуемых с помощью словообразовательного типа и словообразовательного гнезда, после чего следует уже выявлять, каким путем и с помощью каких средств осуществляется связь между этими подсистемами.

Минимально словообразовательный тип включает две словообразовательные пары. Как правило, словообразовательные типы состоят из большого числа словообразовательных пар. Словообразовательный тип может состоять из сотен, реже даже из нескольких тысяч словообразовательных пар.

По общности деривационного значения словообразовательные типы объединяются в словообразовательные категории.

Словообразовательные категории выступают как более высокие в иерархическом устройстве словообразования единицы, чем словообразовательные типы, в пределах частей речи. Каждая часть речи обладает характерной для нее совокупностью словообразовательных категорий.

Совокупность словообразовательных категорий той или иной

части речи составляет ее словообразовательную систему. Так, все словообразовательные категории имен существительных вместе образуют систему словообразования этой части речи.

Совокупность словообразовательных категорий всех частей речи в их взаимосвязях и взаимодействии образует первую подсистему словообразования русского языка.

Словообразовательные типы выступают как формантные общности. Общий для всех производных слов того или иного словообразовательного типа элемент — формант. Иной тип объединения производных слов представляют собой корневые общности — словообразовательные гнезда. Противопоставление формантных и корневых объединений лежит в основе системной организации словообразования, играет системообразующую роль, поэтому описание системных связей комплексных единиц словообразования, изучение системного устройства словообразования необходимо предполагает выявление и всестороннюю характеристику его конкретных проявлений.

Словообразовательные гнезда — это, в сущности, тоже совокупности словообразовательных типов. Каждое производное слово гнезда относится к определенному словообразовательному типу. Для каждого гнезда характерен свой набор словообразовательных пар, которые повторяются в ряде конкретных гнезд, будучи представителями того или иного словообразовательного типа.

Будучи системообразующей единицей, словообразовательный тип входит в словообразовательные цепочки и словообразовательные парадигмы и выступает как их составная часть.

Словообразовательные цепочки с одинаковым набором словообразовательных пар, члены которых находятся в одинаковых отношениях, занимают одинаковые словообразовательные позиции, объединяются в один тип, составляют типовую цепочку. Ср.:

син(ий) — син-е-ть — по-синеть — носине-л-ый
рыж(ий) — рыж-е-ть — по-рыжеть — порыжке-л-ый
бел(ый) — бел-е-ть — по-белеть — побеле-л-ый и т. п.

Воспроизводимость таких структур в плане содержания и выражения и повторяемость позволяют считать их самостоятельными, отдельными единицами в иерархической организации словообразования. Обладая свойством повторяемости, они участвуют в упорядочении межгнездовых связей и отношений слов, входящих в словообразовательный тип.

Свойством воспроизводимости и повторяемости обладают также словообразовательные парадигмы. Они тоже представляют собой совокупность словообразовательных пар. Словообразовательные парадигмы с одинаковыми словообразовательными парами составляют один тип, образуют типовую парадигму. Ср. словообразовательные типы, общие для парадигм имен прилагательных *белый*, *черный*, *синий*, *желтый* и т. п. или существительных *яблока*, *малина*, *рябина*, *смородина* и др., глаголов звучания.

Организующая роль словообразовательных типов ясно просматривается и в словообразовательных гнездах. Словообразовательные пары могут повторяться в ряде гнезд. Гнезда с одинаковыми словообразовательными парами, цепочками и парадигмами составляют типовое гнездо. Ср. производные слова, составляющие словообразовательные типы, в составе словообразовательных цепочек и словообразовательных парадигм глаголов разрушения *резать*, *рубить*, *колоть* и т. п.

Для каждой части речи характерна своя совокупность словообразовательных гнезд, своя система гнезд. Совокупность этих гнезд в их взаимосвязи и взаимодействии составляет в т о р у подсистему русского словообразования.

Обе подсистемы взаимосвязаны и лишь вместе образуют целостную систему словообразования русского языка. В одно целое связывает их словообразовательный тип, который выступает как основная системообразующая единица, входит как структурный компонент во все более крупные единицы системы словообразования. Подсистемы словообразования не являются двумя разными частями одного целого, а представляют систему в разных ее сечениях, в двух разрезах.

Таким образом, в системе словообразования каждое производное слово находится в двойных парадигматических отношениях. С одной стороны, оно входит в ряд однокоренных слов (корневая общность); с другой стороны, входит в ряд одноструктурных слов (формантная общность). В составе высших единиц словообразования — типовых словообразовательных гнезд — оба отношения находят свое реальное воплощение.

Наши соображения относительно перспектив сопоставительного изучения словообразовательных гнезд на материале славянских языков вкратце изложены в пунктах VI и VII тезисов, изданных к симпозиуму. Добавим, что, к сожалению, несмотря на важную роль, которую играют гнезда в системной организации словообразования, исследование их на материале большинства славянских языков даже не начато. Больше всего в изучении гнезд сделано в русском языкознании. Однако и здесь дело не дошло до полного описания гнезд и построения их типологии.

Интересные исследования выполнены на материале украинского и белорусского языков. Они пока охватывают лишь небольшие участки обширной территории гнезд.

В заключение следует подчеркнуть, что сопоставительная славянская деривация вряд ли сможет успешно развиваться, если словообразовательные гнезда не станут ее центральным объектом.

А гнезда заслуживают серьезного к ним отношения. В наших материалах 138 576 гнездовых и 5497 одиночных слов. Это значит, что удельный вес гнездовых слов в 25 раз превосходит удельный вес одиночных слов — факт очень важный для характеристики словообразовательной системы русского языка в целом. Гнездовая лексика русского языка составляет примерно 96 %, а негнездовая — 4 %. Причем негнездовая лексика отражает в основном

пассивную часть его словарного состава. Отсюда вытекает важный вывод: основной, характеризующий признак лексики русского языка — это ее высокая гнездовая организованность. Русское слово живет в родственном окружении, семейно, и познать его до конца невозможно без глубокого изучения родственных связей и отношений. Чтобы проникнуть в природу русского слова, выявить особенности его формально-семантического устройства, необходимо глубоко и всесторонне исследовать жизнь гнезд, т. е. охарактеризовать каждое слово на фоне всей родни, в его живых связях с однокоренными словами, выявить и описать закономерности формальных и смысловых связей родственных слов.

Интенсификации исследований в этой области будут, конечно, способствовать гнездовые словообразовательные словари, которые хорошо бы иметь по всем славянским языкам. Они могут быть построены как в синхронном, так и в диахронном аспекте. Одновременно можно создавать многоязычные гнездовые словари, например гнездовой словарь восточнославянских языков. Со временем можно будет приступить к составлению общеславянского словаря гнездового типа.

О НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

З. А. Харитончик

Накопление огромного лингвистического материала об инвентаре и организации словообразовательных систем в разных языках (особенно славянских и германских), решение кардинальных теоретических проблем словообразования — проблемы основных элементов, основных единиц словообразовательных систем и параметров их описания — создали необходимую теоретическую и практическую базу для сопоставительного изучения словообразования. Реально осуществимой стала поэтому в настоящее время разработка модели-эталона сопоставительного описания словообразовательных систем языков, модели, дающей возможность установить общие и специфические свойства и характеристики словообразовательной системы того или иного языка, выявить сходства и различия ономасиологических заданий словообразовательных систем разных языков и т. д. Поскольку эта модель ориентирована на определение типологических характеристик, или языковых универсалий в сфере словообразования, она должна учитывать наиболее существенные и общие признаки сопоставляемых словообразовательных систем¹.

Не вызывает сомнения также и то, что сопоставительный анализ словообразовательных систем разных языков должен быть

комплексным, многоаспектным и направленным на установление целого ряда свойств сопоставляемых систем. Начальным его этапом должно, по-видимому, явиться определение сходств и различий в способах словообразования и наборах деривационных средств в изучаемых языках, т. е. установление того, насколько развиты или неразвиты в том или ином языке аффиксация, словосложение, конверсия и другие способы словаобразования, с последующим сравнением инвентаря деривационных средств и моделей внутри каждого способа. Имеющиеся сведения об особом месте словосложения в немецком языке, конверсии в английском и т. д. необходимо дополнить исчерпывающей информацией из других языков.

Существенным для сопоставительного исследования словообразования является и рассмотрение словообразовательной активности производящих (мотивирующих) единиц, в ходе которого уточняется роль каждого лексико-грамматического и лексического класса в деривационных процессах, определяется степень словообразовательной активности, или производящий и/или непроизводящий коэффициент как лексической системы в целом, так и отдельных ее участков, а для производящих единиц измеряется широта, глубина и направление возможных шагов деривации. Важную роль при этом играет сопоставление комплексных единиц словообразовательных систем — словообразовательных гнезд, словообразовательных парадигм и т. д.²

Значимым моментом сопоставительного анализа словообразования является выяснение ономасиологических заданий и диапазонов функционирования словообразовательных единиц, сферы их действия и имеющихся ограничений. Наличие или отсутствие коррелятивных словообразовательных средств в разных языках, совпадение или несовпадение выбора ими производящих баз детерминирует специфику организации отдельных лексических полей и соответственно лексических систем разных языков. Интересно в этом плане сравнение заимствованных словообразовательных средств в разных языках. Так, в русском и в английском языках насчитывается значительное число заимствованных аффиксов. Заимствование в разные языки из одного и того же источника, как правило, латинского или греческого, одних и тех же словообразовательных средств приводит к тесной, но своеобразной корреляции словообразовательных подсистем, обеспечивающей эквивалентность производных единиц в разных языках. Однако несовпадение диапазона действия даже генетически тождественных аффиксов в разных языках порождает сложный характер взаимоотношений коррелятивных словообразовательных моделей. Ср., например, рус. *антимир* — англ. *antiworld*, рус. *антитело* — англ. *antibody*, рус. *антабледенитель* — англ. *antiicer*, но: англ. *antimissile* — рус. *противоракетный*, англ. *antimalarial* — рус. *противомалярийный* и т. д.

Исследование указанных выше аспектов словообразовательных систем формирует основу для главного, наиболее важного, на

наш взгляд, направления сопоставительного анализа, задачей которого является описание и сравнение моделируемых значений производных слов, создание типологии словообразовательных значений и словообразовательных категорий. Именно на этом этапе вскрываются наиболее существенные, содержательные сходства и различия словообразовательных систем. Именно здесь возможно исчисление универсальных словообразовательных значений и словообразовательных категорий и определение на этом фоне специфики их конкретизации и представления в сопоставляемых языках и соответственно выяснение роли социально-культурных, исторических, прагматических и т. д. факторов в процессах словообразования.

Ономасиологическая специфика словообразовательных систем в разных языках может быть выявлена также при сопоставлении более частных аспектов их функционирования, например, в процессе анализа ономасиологических характеристик идентичных деривационных шагов. Весьма интересные результаты может дать сравнение наборов производящих баз для производных семантических коррелятивных рядов или изучение идентичности дериватов. Продемонстрируем это на примере производных признаковых слов (прилагательных и глаголов), имеющих значение сравнения.

В результате сопоставительного анализа деноминативных прилагательных с общим словообразовательным значением «свойственный тому, что обозначено производящей основой» и деноминативных глаголов со значением «совершать действие, характерное для того, что названо производящей основой» необходимо констатировать прежде всего общую для многих языков тенденцию выбирать в качестве основы для наименования статического или динамического признака имена существительные идентифицирующего типа — обозначения животных, веществ, предметов реального мира и т. д., т. е. имена естественные³. Ср., например, рус. *волчий*, бел. *ваўкаваты*, укр. *вовчий*, англ. *wolfish*, нем. *wölfisch*; рус. *ослиный*, бел. *асліны*, укр. *ослячий*, англ. *assish*, нем. *eselhaft*; рус. *ледяной*, бел. *ледзяны*, укр. *льодяний*, англ. *icy*, нем. *eisig*; рус. *масляный*, бел. *масляністы*, укр. *маслянистий*, англ. *buttery*, нем. *butterig*; рус. *обезъянничать*, укр. *малпувати*, англ. *ape*, нем. *äffen*; рус. *зміїться*, бел. *зміїца*, укр. *зміїтися*, англ. *snake*, нем. *schlangeln* и многие другие⁴.

Производящими базами для признаковых слов указанного типа могут стать также сигнфикативные имена существительные, преимущественно те из них, которые в результате общественной практики развивают вторичные значения и, становясь тем самым представителями естественного класса имен, приобретают все характеристики идентифицирующего имени⁵. Особенно показательны в этом отношении наименования лиц. Например, рус. *музыкаватый*, бел. *музыкаваты*, укр. *мужикуватий*, англ. *boorish*, *churlish*, нем. *bäurisch*; рус. *солдатский*, бел. *салдацкі*, укр. *солдатський*, англ. *soldierly*, нем. *soldatisch*; рус. *материн-*

ский, бел. мацярынскі, укр. материнський, англ. *motherly*, нем. *mütterlich*; рус. бродяжничать, бел. валацужнічаць, укр. бродяжити, англ. *tramp*, нем. *trampen* и многие другие.

Общность классов лексических единиц, из которых осуществляется выбор производящих баз для дериватов компаративного типа, создает возможность тесной корреляции соответствующих словообразовательных рядов в разных языках. Реализация этой возможности предполагает тождество выбора конкретных лексических единиц внутри классов. Такое тождество, как видно из приведенных примеров, действительно имеет место и приводит в конечном итоге к существованию в лексических системах разных языков единиц, коррелятивных как в содержательном плане, так и по своему морфологическому строению. Естественно, что в близкородственных языках степень этого тождества наиболее высока.

Ведущим принципом формирования производных слов компаративного типа в разных языках является, однако, отсутствие тождества в выборе производящих баз. Из общих классов лексики в качестве мотивирующих для дериватов со значением сравнения выбираются, как правило, лексические единицы, эквиваленты которых в другом языке, несмотря на их порою высокую словообразовательную активность в целом, не дают производных указанного типа. Особенно значительны расхождения в выборе единиц внутри общих классов в неблизкородственных языках. Ср., например, рус. *лакействовать*, бел. *лакейнічаць*, укр. *лакействувати* и отсутствие их прямых, производных по своему характеру коррелятов в английском и немецком языках. Ср. также рус. *петушиться* 'вести себя подобно петуху: впадать в смешную запальчивость, горячиться', *цыганить* 'совершать действия, свойственные цыганам: выпрашивать, выклянчивать; скитаться, бродяжничать, непрестанно переезжать с места на место', англ. *to wolf* 'совершать действия, свойственные волку: пожирать с жадностью, как волк', *to dog* 'совершать действия, свойственные собаке: ходить по пятам, выслеживать', *to duck* 'совершать действия, свойственные уткам: нырять, окунаться', нем. *krebsen* 'совершать действия, свойственные раку: пятиться назад, ползти, карабкаться' и другие. Корреляты их производящих баз в других языках вовлекаются в словообразовательные процессы с несколько иными ономасиологическими заданиями. Такое несовпадение производящих баз для семантически коррелятивных словообразовательных рядов свидетельствует, на наш взгляд, о значимости для процессов словообразования не только лингвистических свойств лексических единиц (их структурных и семантических характеристик, происхождения, частотности и т. д.), но и фоновых значений и ассоциаций, которые определяют выбор единицы как базы для сравнения, т. е. здесь становится очевидной значимость культурно-исторических и pragматических факторов. Именно с ними, по-видимому, связаны значительные различия производящих баз для деривационных рядов с единой ономасиологической направленностью, обнаруживаемые на уровне конкретных слов⁶.

К аналогичному выводу приводят нас и сопоставительное исследование идиоматичности признаковых слов данного типа. На фоне общей тенденции к актуализации в дериватах компаративного типа сигнификативно-ассоциативных компонентов производящего имени, определяющих идиоматичность данных производных, ярко видны специфика семантики и различие идиоматичных компонентов коррелятивных слов в разных языках. Случай идентичности и / или семантической близости идиоматичных компонентов в семантике коррелятивных производных в разных языках не столь многочисленны. Ср., например, рус. *отеческий* 'свойственный отцу: заботливый', бел. *бацькоўскі* 'свойственный отцу: заботливый, ласковый по отношению к кому-н.', укр. *батьківський* 'свойственный отцу: любящий, нежный', англ. *fatherly* 'свойственный отцу: нежный', нем. *väterlich* 'свойственный отцу: заботливый, внимательный'; рус. *попугайничать* 'повторять чужие слова, не имея собственного мнения', бел. *папугайнічаць* 'действовать, как попугай: повторять чужие слова', англ. *to parrot* 'болтать или повторять как попугай' и некоторые другие. Гораздо чаще наблюдается своеобразное отражение в производном семантике производящего имени, базирующееся на различных фоновых значениях коррелятивных имен существительных в разных языках, топикализация в производных разных сигнификативно-ассоциативных компонентов, что ведет к отсутствию эквивалентности коррелятивных единиц и создает чрезвычайные трудности при их переводе с одного языка на другой. Ср., например, рус. *петушиный* 'свойственный петуху: криклиwy, со срывами на высокие ноты' и укр. *півнячий* 'свойственный петуху: задиристый, запальчивый', рус. *бычиться* 'хмуриться, быть угрюмым', и нем. *ochsen* 'совершать действия, свойственные быку, волу: зубрить', рус. *лиси* 'такой, как у лисы: хитрый, лукавый, льстивый' и нем. *fuchsig* 'такой, как у лисы: рыжий, разъяренный, свирепый', рус. *свинской* 'такой, как у свиньи: грубый, примитивный; грязный, неопрятный; невежественный, некультурный' и англ. *pigish* 'такой, как у свиньи: грязный, неопрятный; жадный; упрямый' и многие другие.

Таким образом, несмотря на единую ономасиологическую направленность — эксплицитное наименование атрибутов и признаков объектов, называемых именами существительными, признаковые слова указанного типа, помимо сходства, проявляют в разных языках немало семантических различий, связанных как с различным выбором самих производящих баз для производных, так и различным выбором признаков, обозначаемых производными признаковыми словами.

Из этого также следует, что словообразование, проявляя одинаковые закономерности на уровне классов слов и различаясь на уровне конкретных лексических единиц, не в меньшей степени, чем процессы семантической деривации, участвует в создании той своеобразной языковой картины мира, которая особенно явно предстает при сопоставительном исследовании лексических систем языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кубрякова Е. С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования (на материале современных германских языков) // Структурно-типологическое описание современных германских языков. М.: Наука, 1986, с. 76.
- ² Земская Е. А. О парадигматических отношениях в словообразовании // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Випоградовские чтения I—VIII. М.: Наука, 1978, с. 66.
- ³ О членении лексики на идентифицирующие и характеризующие единицы см. подробнее: Арутюнова И. Л. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976, с. 326—356.
- ⁴ Многим из производных дериватов присуща многозначность. Следует, однако, помнить, что в данном случае они рассматриваются только в одном значении — значении, в котором присутствует элемент сравнения.
- ⁵ См. подробнее Шатуновский Г. В. Синтаксически обусловленная многозначность «имя поминального класса → имя естественного класса» // ВЯ, 1983, № 2.
- ⁶ Данные о семантике производных единиц получены из следующих лексикографических источников: Ожегов С. И. Словарь русского языка. 12-е изд. М., 1978; Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1957—1961; Тлумачальны слоўшчік беларускай мовы. У пінці тамах. Мінск, 1977—1983; Словник української мови. Т. I—XI. Київ, 1979—1980; Большой англо-русский словарь. 3-е изд. М., 1979; Большой немецко-русский словарь. 2-е изд. М., 1980; Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Springfield (Mass.), 1961.

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Д. Шлосар

Различия славянских языков в области словообразования обусловлены примерно тысячелетним дифференцированным развитием, берущим свое начало от эпохи относительного единства праславянского языка. Приблизительно 7800 слов, находящихся в словаре Sadnik—Aitzetmüller¹, по тому же источнику представляют собой 1180 этимологических гнезд. Новочешские же слова цоконного образования, находящиеся в словаре Э. Славичковой², содержащем в целом примерно 64 000 единиц, образованы от 1737 исконно чешских корней. Сравнение совершенно ясно показывает, что в течение тысячелетней истории развития отдельных славянских языков их словарный запас во много раз увеличился прежде всего за счет словообразования, в то время как количество словообразовательных основ изменилось лишь незначительно. Например, словообразовательное гнездо существительного *hora* в цитируемом выше древнеславянском словаре представлено 6 формациями. В древнечешском языке³ было 18 дериватов с корнем *hor-*; кроме того, он являлся частью сложных слов. В современном чешском языке к этому гнезду принадлежат 26 производных и ряд

сложных слов. В современном русском языке⁴ — 29 дериватов, в том числе 6 с точки зрения формы и значений, совпадающих с чешским языком. Современное словообразовательное гнездо прилагательного *hrubý* возникло из праславянской основы, причем в древнеславянском словаре мы находим только одно прилагательное *гржбъ*. В древнечешском языке представлено 6 производных слов с этой основой, в современном чешском языке мы находим 19 производных слов + сложные слова с компонентом *hrubo-*. Современный русский язык⁵ дает 23 производных слова и далее определенное число сложных слов. К ним относятся 4 формации, совпадающие с новочешскими дериватами.

Следовательно, словообразовательные гнезда в современных славянских языках представлены в гораздо большем количестве, чем это наблюдалось в позднем состоянии праславянского языка. Основные деривационные средства (префиксы и суффиксы) в большинстве своем были унаследованы из праславянского языка. Неправильно было бы, однако, думать, что процесс развития отмеченных гнезд во всех славянских языках проходил одинаково. Словообразовательные гнезда, таким образом, могут быть одним из критериев сопоставления.

Словообразовательное гнездо в языке типа чешского представляет собой один или больше деривационных рядов, берущих свое начало из общего ядра, представленного коренным или немотивированным словом. Эти ряды могут разветвляться в разных точках. Словообразовательные гнезда формируются в соответствии с так называемыми словообразовательными парадигмами. Данное понятие в чешеслаоцкую лингвистику было введено в связи с исследованием в области отглагольных дериватов в словацком языке К. Бузашовой⁶. Для остальных групп производных подобное исследование проделано не было, однако, можно думать, что и словообразовательные парадигмы десубстантивных и деадъективных формаций также будут определяться семантикой производящего существительного или прилагательного. Поэтому можно предположить, что словообразовательная парадигма имен существительных будет различаться у существительных, обозначающих лица, животных, неодушевленные предметы, места, абстрактные понятия. Словообразовательные парадигмы имен прилагательных будут, по всей вероятности, разными у качественных, относительных и отглагольных прилагательных.

Кроме того, на объем словообразовательного гнезда ограничивающим образом влияют и концы деривационных рядов, т. е. тот факт, что последний член уже не представляет возможности суффиксальной деривации. В чешском языке среди субстантивных словообразовательных типов конец деривационного ряда представлен отглагольными существительными типа *volání* и *bíti*, названиями действия с суф. -*ot* (*jekot*), деадъективными абстрактными существительными типа *veselí*, *otcovství*, типа *prázdnota* и не совсем последовательно типом абстрактных существительных с суф. -*ost*. Кроме того, сюда относятся абстрактные на-

звания обстоятельств с морфологической характеристикией *-i*, образованные от предложных конструкций (*bez vlády* → *bezvládi*). Последующая деривация невозможна и от собирательных существительных типа *žactvo / bratrstvo*, и от субстантивированных прилагательных типа *vrchní* и *poštovné*. Из этого следует, что у существительных конец деривационного ряда представлен прежде всего типами транспозиционного характера и собирательными существительными. Необходимо подчеркнуть, что, как показала Г. Непцименко⁷, отмеченные деривационные ограничения не касаются деминутивной деривации, потенциально возможной для всех субстантивов с любой семантикой.

У прилагательных конец деривационного ряда представлен причастиями типа *vedoucí, posíci*, кроме того, притяжательными прилагательными типа *otecív* и *matčív* и редко встречающимися притяжательными типа *dívčí*, образованными от названия лица.

Существенно ограничена внепарадигматическая отглагольная деривация у *-n*-основ. Так, от глагольных *n*-основ нельзя образовать названия деятеля, средств действия, названия места действия, прилагательные цели и т. д.⁸

Наблюдения над словообразовательными гнездами разного количественного состава не являются для нас самоцелью. В наши задачи входит нахождение объективного определения словообразовательных категорий. Словообразовательные категории выкристаллизовывались постепенно, подавляющее большинство из них включает несколько словообразовательных типов. Если словообразовательный тип считать пересечением множества форманта, множества семантической характеристики основы и ее характеристики на уровне частей речи, включая и множество ономасиологической категории, и, если иметь в виду, что словообразовательная категория является пересечением, не учитывающим форманты⁹, то тогда становится ясным, что дистрибуция формантов в рамках той же категории является решающим фактором при определении продуктивности. Нынешняя дистрибуция типов в категории является синхронной проекцией исторического развития категории, которое обусловлено семантическими, словообразовательными, морфологическими и фонетическими факторами. Дистрибуция, следовательно, может зависеть от:

а) семантики (например, является ли основой деривации название лица или же нелица);

б) словообразовательной структуры (например, является ли основой имя производное или непроизводное);

в) морфологических категорий (например, является ли основой имя мужского или же какого-то другого рода);

г) фонетических факторов (например, заканчивается ли основа сочетанием V + C или C + C).

Сказанное подтверждается историческим исследованием.

Дистрибуция типа (а) показывает, что речь идет о семантически дифференциированной категории или же о двух субкатегориях. Например, суффиксы притяжательных прилагательных *-uv*, *-in*,

-i, *-ský / cký* в современном чешском языке имеют следующую дистрибуцию: *-uv* сочетается с основами существительных мужского рода, называющих лица, *-in* — с основами существительных женского рода, называющих лица, *-i* — с основами существительных, называющих животных, *-ský / cký* — с основами названий лиц. Производные слова от тех же основ с *-uv / in* и *-ský / cký*, однако, не синонимы. Из этого вытекает, что производные от названий лиц представляют собой две субкатегории: притяжательные адъективы (*-uv, -in*) и притяжательные адъективы, свойственные данному роду (*-ský / cký*). О продуктивности данной дистрибуции говорит не прямо. Однако ясно, что всякая субкатегория расщепляет двумя формантами, подчиненными комплементарной дистрибуции. Речь, следовательно, идет не о конкуренции, упомянутые выше форманты служат объективно существующим категориям как единственные их средства; поэтому они непременно должны быть продуктивными.

При учете дистрибуции типа (б) непродуктивным считается тот из типов, большинство дериватов которого или же значительная их часть образованы от исконных основ. Например, абстрактные названия качества производятся в чешском языке при помощи суф. *-i* (*veselí, -ota* (*čistota*), *-ství/ctví* (*hrdinství, lajdáctví*), *-ost* (*neprodejnost*), наряду с другими формантами периферийного значения. Первые два суффикса (*-i* и *-ota*) отмечаются в сочетании с исконными адъективами, суф. *-ství/-ctví* присоединяется прежде всего к основам прилагательных с суф. *-ský / cký*, и, наконец, суф. *-ost* сочетается с адъективами любого рода. На основе данной дистрибуции первые два суффикса квалифицируются как непродуктивные, продуктивность третьего ограничена, а последний продуктивен во всех случаях.

Дистрибуция типа (в) позволяет установить взаимосвязи между деривационными тенденциями и определенными грамматическими категориями производящих слов. Так, при образовании относительных адъективов в древнечешском языке наблюдается конкуренция типов с суф. *-ový* и *-ní*. В древнечешском словаре⁹ находится большее количество репрезентантов типа с суф. *-ový*, чем адъективов с суф. *-ní*. Однако в древнечешском языке раннего периода суф. *-ový* сочетался прежде всего с основами имен мужского рода, в то время как суф. *-ní* образовывал прилагательные от основ всех родов. Следовательно, суф. *-ní* изначально был более продуктивен, что и подтвердило последующее историческое развитие. Хотя эта первоначальная дистрибуция позже стала неактуальной, тем не менее она существенно повлияла на то, что численность прилагательных с суф. *-ní* в течение исторического развития увеличилась более значительно, чем число репрезентантов типа с суф. *-ový*.

Влияние фонетического фактора (г) на продуктивность иллюстрирует история названий носителей свойств в чешском языке. Названия мужского рода в древнечешском языке образовывались при помощи суф. *-ec, -ik, -ák, -áč* и некоторых суффиксов периферий-

ного значения. Доминирующими здесь были суф. *-es* и *-ík*. На дистрибуцию праславянских суф. *-ьсь* и *-иќъ* в известной мере влияла словообразовательная структура. Суф. *-ьсь* использовался для образования названий носителей свойств от исконных основ; суф. *-иќъ* производил дериваты от производных, в большинстве случаев от отмыненных прилагательных. Однако после падения и вокализации еров эта дистрибуция сменилась дистрибуцией фонетической: в древнечешском языке суф. *-es*, в косвенных падежах изменявшийся на *-øs*, сочетался с основами, оканчивающимися на V + C (*netbalec*, *lakomec* . . .), во избежание кумуляции трех согласных, в то время как, суф. *-ík* сочетался с основами на C + C (*nedorostlík*, *menšík* . . .), прежде всего, конечно, с такими, у которых вторым согласным было *n*, являющееся компонентом продуктивных типов прилагательных: *hedvábník*, *krčemník*, *hřešník* . . . В соответствии с этим более чем половина названий носителей свойств мужского рода была образована при помощи суф. *-ík* и более, чем третья часть — при помощи суф. *-es*. В течение следующего периода интенсивно развивались типы прилагательных с суффиксами структуры V + C (*-at-ý*, *-it-ý*, *-av-ý*, *-iv-ý*, *-ou-ý*, а также суффиксы других прилагательных, в большинстве девербативов). Вследствие этого названия носителей свойств производились чаще при помощи суф. *-es*, поэтому в современном чешском языке более 50 процентов существительных мужского рода данной категории образовано посредством суф. *-es*, приблизительно одна четвертая часть — суф. *-ík*, паконец, в остальных случаях отмечаются другие форманты. Указанная фонетическая дистрибуция, разумеется, реализуется на фоне словообразования, поэтому при определении дистрибуции необходимо проводить комплексное исследование.

При исследовании синхронного состояния необходимо учитывать все четыре названные аспекта: комбинируя полученные данные, можно установить продуктивность. Степени продуктивности обязательно должна соответствовать количественная рецензентация типов, так как она является лишь суммой их исторических продуктивностей.

Несколько иная ситуация наблюдается у глаголов: полифункциональность суффиксальных формантов и факт ресуффиксации, как преобладающий способ основообразования, ведет к тому, что показателем продуктивности прежде всего является многочисленность оппозиций основ, в которые включен определенный тип, как это доказал И. Немец¹⁰.

Изучение дистрибуции формантов, относящихся к определенной категории, а отсюда и выявление продуктивности соответствующих типов, должно стать центром сопоставления родственных языков.

Источниками сопоставительного исследования могут быть:

1. обратные словари;
2. морфемные словари, составленные по корням (с вариантами), разработанные для каждого языка отдельно. Так как заимствованная лексика, собственные имена, экспрессив-

ная лексика и профессиопализмы в области словаобразования представляют собой особые парасистемы, их необходимо исследовать отдельно на фоне системы исконных немаркированных апеллятивов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.
- ² Slavičková E. Retrográdní morfematický slovník češtiny. Pr., 1975.
- ³ По словарю: Gebauer J. Slovník staročeský. Pr., 1970. Т. I—II.
- ⁴ По словарю: Worth D. S., Kozak L. S., Johnson D. B. Russian Derivational Dictionary. N. Y., 1970.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Buzássyová K. Sémantická štruktúra slovenských deverbatív. Br., 1974.
- ⁷ См.: Пещименко Г. П. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII—середина XX в.). Рг., 1980.
- ⁸ Подробнее см.: Šlosar D. Konce derivačních řad v slovotvorném systému češtiny // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity. A 34, 1986.
- ⁹ См.: Dokulil M. Tvoření slov v češtině 1: Teorie odvozování slov. Pr., 1962. S. 68—76.
- ¹⁰ См.: Немец И. Каковы пути отмыненного глагольного и отглагольного именного словообразования в славянских языках? // Сборник ответов на вопросы по языкоизнанию. М., 1958. С. 128—130; Šlosar D. Slovotvorný vývoj českého slovesa. Brno, 1981.

МЕЖСИСТЕМНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ

А. СОПОСТАВЛЕНИЕ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ
АКЦЕНТНЫХ СИСТЕМ СЛАВЯНСКИХ ДЕРИВАТОВ
(на примере южно- и восточнославянских *postverbal* муж. рода)

P. V. Булатова

Для выявления диахронических и синхронических акцентологических закономерностей в славянском (как показали исследования московской акцентологической школы двух последних десятилетий)¹ используются специальные методологии, применение которых определяется тем фактом, что в славянских языках — от праславянского периода до современного состояния — произошла смена кардинального принципа построения акцентных систем. В основе праславянской акцентной системы лежал принцип парадигматического ударения, т. е. у непроизводных выбор акцентного типа (а. т.) был немотивирован, предопределен, а у производных определялся акцентной парадигмой (а. п.) производящей основы, модифицируясь морфонологическим классом словообразовательной морфемы. В основе современных славянских акцентных систем лежит принцип категориального акцента, т. е. в организации современных акцентных систем основная роль отводится факторам морфологического, морфонологического и семантического порядка. В то время как в период парадигматической организации славянской акцентной системы наблюдалась морфонологическая зависимость морфологического типа основ от а. п. (в настоящее время эти очень древние зависимости выявлены в праславянской глагольной системе, у качественных прилагательных и др.)², то категориальный принцип построения акцентной системы предполагает, пожалуй, обратную зависимость а. т. от морфологического класса основы. Правда, такая формулировка приложима к завершающему этапу развития категориальной системы. Современные же славянские языки находятся в стадии становления категориального акцента.

Поскольку в славянских языках меняется принцип построения акцентной системы, соответственно разнятся и методы изучения диахронических и синхронических закономерностей. Если при

исследовании праславянской и раннеславянских систем используются компаративистские процедуры, основанные на внутренней и внешней реконструкции, то при анализе системы категориального ударения используются синхронические методы, которые особенно филигранно были применены А. А. Зализняком³.

Сопоставительный подход к изучению акцентуации словообразовательных классов до сих пор, по-видимому, не попадал в сферу интересов акцентологов, однако такой подход таит в себе дополнительные резервы для раскрытия механизма становления категориального акцента, выявления факторов, существенных для построения акцентной системы и мотивированных особенностями каждого языка. Очевидно, нельзя было бы отметить, что акцентологическая проблематика не должна считаться обособленной, периферийной в познании общеязыковых процессов: просодическая характеристика является обязательным компонентом языковой системы, позволяющим понять целый ряд отношений в морфологии. Итак, цель сопоставительного анализа — показать, как конкретные языки реализуют общую тенденцию перестройки акцентной системы от парадигматической к категориальной: что у них общего, что различно и какие факторы языковой системы являются определяющими при построении современных акцентных систем рассматриваемых дериватов; проследить, сохраняется ли исторически мотивированное деление на восточно- и южнославянские группы, или наблюдается иная группировка.

Сопоставительный акцентологический анализ был проведен на примере старого класса приставочных существительных мужского рода (обычно отглагольных, потому и получивших весьма условное название *postverbal*, тип *привѣд* и *прѣвод*), который остается продуктивным и до сих пор. Выбор пал на эти *composita* не потому, что они дают благодатный материал для соответствующих выводов. Скорее наоборот: поскольку эти образования оказались «крепким орешком» для акцентологического анализа, они исследовались во всех возможных ракурсах в попытке «подобрать к ним ключи»⁴. Думается, что многие суффиксальные дериваты обещают исследователю материал более благодарный с более компактными выводами.

Сопоставление проводилось на уровне акцентных систем, точнее а. т., составляющих эти системы. Здесь обычно представлена двучленная акцентная система: I а. т. — с ударением на приставке (*пѣдиг*, *вѣзглас*) и II а. т. — с ударением на корне (*закѣн*, *нарѣд*). Такой набор акцентных типов был характерен и для праславянского, в котором существовал еще а. т. с наконечным ударением (*ѣтрок* — *отрокѣ*). В праславянском (с парадигматическим акцентом) формирование этих а. т. зависело от а. п. образующей основы, от ее квалитативной характеристики, а также от долготы, краткости, сверхкраткости приставки. В современных славянских языках происходит переформирование а. т. (на основе фонетико-морфологических, морфонологических и семантических регуляторов) и наблюдается общая тенденция устранения а. т.

с наконечным ударением. Итак, сопоставлялись в основном два языка разных групп: сербохорватский (южнославянский) и русский (восточнославянский). Однако для проверки и корректировки результатов этого бинарного сопоставления дополнительно был привлечен материал других языков: словенский — с одной стороны, и украинский с белорусским — с другой.

Предлагаемая таблица идентичных postverbal из сопоставляемых языков (материал в которой сгруппирован по исконным праславянским а. п. основам: I — баритонированная, II — окситонированная, III — подвижная и с различными — долгими и краткими — приставками) показывает нарушение мотивированности генетического (этимологического) происхождения современных а. т. и дает некоторое представление о тенденциях перестройки акцентной системы данных образований в каждом языке.

русский	украинский	белорусский	сербохорватский	словенский
I.				
обед	обід	абе́д	obed	obèd—obéda
пояс	пояс	пояс	pojæs	pojâs
удар	удар	удар—удару	ûdar	udâr
подвиг	подвиг	подвиг	podvîg	podîg
прáдед	прáдід	прáдзед	prâdëd	prádëda
II.				
разум	рóзум	рóзум	razûm	razûm
замах	замах	замах	zamâh	zamâh—zamâha
валог	валог	валог	zálog	zálog—zalôga
подкён	нідкóп—підкóпу	на́дкóп—па́дкóну	podk��p—podk��nu	podk��p—podk��ra
доход	дохід—дохóду	дахб��—дахб��у	doh��d	doh��d—doh��da
III.				
народ	нарід—народу	нарðд—нарðду	nârod	národ—naróda
пророк	прорóк	праróк	prórok	prórok—proróka
расбл	расéл—расблу	расбл	rásol	rásol
зáпад	зáпад	—	z��p��d	západ (Valjavec)
пбголос	пбголос	пбгалас	prog��s	prog��s—progl��sa
нéуч	нeúк	нéук	n��uk	n��uk—neúka

Сопоставление в целом показало, что в сербохорватском, благодаря специфике сербохорватской фонетики — сохранению противопоставления гласных по долготе/краткости в ударном и заударном слоге — главным регулирующим фактором при образовании акцентных типов стала эта фонетическая особенность. Принципиально важным оказалось противопоставление долготы и краткости в заударной позиции, так как оба акцентных типа в сербохорватском имеют ударение на приставке — в I а. т. не-

перенесенное (краткое исходящее), во II а. т. — перенесенное с корня в результате штокавской ретракции (краткое или долгое восходящее). I а. т. (с “на приставке) образуется от основ с долготой на корневом гласном: *đòхвt*, *đòговоr* зđx, зteg, зхвt, Ѣспt, Ѣскn, ‘выкуп’, *нteg*, *обad*, *обbr*, *обrch*, *опad*, *пврt*, *пжr*, *пкrv*, *пзrv*, *пдsmh*, *прkd*, *прgld*, *прvk*, *прstv*, *прpuz*, *прbr*, *прlet*, *прvlk*, *үгld* и т. д. (всего ≈ 90); II а. т. (‘или’ на приставке) образуется от основ с краткой гласной: *đòвоd*, *đòход*, *đòнос*, *зхон*, *зхон* ‘съезд’, Ѣспd (наряду с Ѣспd), *ннос*, *нтeg*, *нтpis*, *đòбор*, *đòмор*, *đòсек*, *пвод*, *псвет*, *ппст*, *пкров*, *пднос*, *пдруб*, *прdlog*, *пргон*, *прлаз*, *прход*, *пртвор*, *свет*, *свез*, *ўкор*, *ўпор* и др. (всего ≈ 230). Исключение составляют основы с долготой (вторичной) с исходом на -o: звj, *нбj*, *нбj*, *пдбj*, *пкj* и т. д. Роль семантического фактора в сербохорватском языке незначительна: ср. *đòход* ‘приход, прибытие’ и ‘доход’, Ѣсток (без долготы) и Ѣсток с одинаковыми значениями ‘восток и источник’ (см. о количественном распределении акцентных типов по приставкам⁵).

В русском языке образование акцентных типов в postverbal регулируется рядом факторов: морфологическим, семантическим и морфонологическим. К морфологическим факторам относится набор определенных приставок, регулярно перетягивающих на себя ударение как въ-, нé-, прá-, рбз- (рбс-): *вýпуск*, *вýстрел*, *нéуч*, *нéдруг*, *прáдед*, *прáщур*, *рбзыск*, *рбспуск* и, напротив, никогда или почти никогда не перетягивающих на себя ударение (как *пере-*, *из-*, *раз-* и др.): *изн  s*, *извор  t*, *изг  b*, *перегов  ry*, *перепlt*, *перер  v*, *раскл  d*, *распd*, *разд  l*⁶. Важное значение имеет семантический регулятор, действие которого особенно отчетливо проявляется в омонимичных образованиях: postverbal со значением глагольного действия (унаследованного от производящей основы) имеют накоренное ударение, а с семантикой, далекой от значения производящей основы (обозначающие действующее лицо, предмет, результат или характер действия или состояние, явление) — ударение на приставке: *бтзыv* — *отзыv*, *прбод* — *првбod*, *пркун* — *прикун*, *пбезд* и *отъезд*, *пбевар* и *навар*, *дбвод* ‘доказательство’ и *дбвбд* ‘дополнительный привод’ и т. д. К морфонологическим факторам относятся особенности строения основы: основы, оканчивающиеся на две согласные, обычно входят в а. т. с ударением на приставке (*напуск*, *запуск*, *бчерк*, *насморк*, *бтпрыск*, *пбсвист* и т. д.), как и трехслоговые образования: *дбмысел*, *прбмысел*, *збберег*, *збевор*. Всего в русском языке (по словарю Ожегова) образований I а. т. ≈ 240, II а. т. — 105.

Таким образом, проведенный анализ выявил факторы, регулирующие образование современных а. т. в приставочных существительных в сопоставляемых языках и показал, что квантитативный регулятор в сербохорватском оказался более сильным, т. е. действующим без исключений (хотя утрата долгот способыствует процессу нивелировки акцентных типов), чем действие комплекса факторов в русском языке (не обладающего квантитативными ха-

рактеристиками), где исключения из выявленных закономерностей более многочисленны и разнородны. Другими словами, бинарное сопоставление (т. е. сопоставление с минимальным числом сопоставляемых языков) сербохорватского и русского языков предварительно показало, что фонетический фактор способен стать основным регулятором акцентных отношений и что пути развития категориального акцента связаны с традиционной противопоставленностью языков южнославянской и восточнославянской групп.

Вместе с тем расширение числа сопоставляемых языков за счет включения словенского (южнославянская группа) и украинского и белорусского (восточнославянская группа) вносит ряд важных коррективов в полученные выводы.

В словенском языке, где квантитативные отношения более сложные (ср. хотя бы общесловенской закон удлинения неконечного слога и проведенную менее последовательно, чем в сербохорватском, ретракцию ударения), акцентная система *postverbal* соответственно выглядит менее компактной. I а. т. с ударением на приставке имеет два подтипа: 1) *nárok* — *nároka*, *préglqd* — *préglqda*, *prílip* — *prílpa* (≈ 21 образование), 2) как бы переходный подтип ко II а. т. — с ударением на корне в косвенных падежках *náhod* — *nahóda*, *zámah* — *zamáha*, *prístav* — *pristáva* (≈ 60 образований), этот а. т. характерен для *postverbal* с исконно долгой или удлиненной приставкой (*ná-*, *pré-*, *pri-*, *ráz-* *zá-* и *ób-*, *rób-*, *prób-*). II а. т. (с ударением на корне) имеет два подтипа: 1) *dohód* — *dohóda*, *izpís* — *izpísa*, *naglás* — *naglása* (более 100), 2) *razít* — *razíma*, *zakúp* — *zakúpa* (на -*u*- 22), *narôč* (на -*ô*- 8), *izvîr*, *odlív* (32), *pojás*, *zakvâs* (14), *posmêh* (5), *izlêž* (3), дублетными формами у этого подтипа выступают образования второго подтипа I а. т. *podžúp* — *pódžip*. Итак, в словенском преобладает а. т. *dohód* — *dohóda*, который имеет тенденцию поглотить тип *náhod* — *nahóda* (среди этих образований немало дублетных форм *zámah* — *zamáha* и *zamáh* — *zamáha*). Поэтому существование а. т. *závod* — *zavôda* ('учреждение'), *náhod* — *nahóda* ('насморк') обусловлено рядом факторов — морфологических (определенный набор приставок *na-*, *za-*, *pri-*, *pro-*, *po-*, отсутствуют приставки *iz-* и *do-* и почти не употребляются приставки *o-* (*ob-*)) и семантических (см. значения, далекие от исходной основы). Подтип 2 II а. т. — с долгим нисходящим ударением на корне, как видно из приведенных примеров, имеет морфонологическое ограничение — корни с *â*, *ô*, *î*, *ã*, *ê*, *ë*. Таким образом, в словенском отсутствует единый регулятор, который бы мог, как в сербохорватском, регулировать образование а. т. Поэтому, наряду с фонетическими факторами, здесь релевантны морфонологические и семантические регуляторы.

Ситуация в украинском и белорусском в общем напоминает русскую при наличии определенных особенностей. Так, в украинском не столь разнится численность образований I а. т. (с ударением на приставке) от II а. т. (с ударением на корне), причем выравнивание осуществляется за счет увеличения образований

II а. т. (204 : 190;ср. рус. 240 : 105). В то же время по сравнению с русским идентичные образования с *-o-* в корне в украинском часто имеют в закрытом слоге (nom, sg.) ударение на приставке, а в открытом — на корне; рус. *dohód* ~ укр. *dôxid* — *dohódu*, *iznôs* ~ *íznos* — *iznôsu*. Отличительная фонетическая особенность белорусского языка — аканье — не выступает в функции основного регулятора даже в омонимичных образованиях (так, противопоставление *zahód* 'заход' и *záhad* 'запад' — скорее исключение, чем правило); ср.: современные словари, которые дают *daglâd* — *paglâd* и *dôglâd* — *pôglâd* (и т. д.) с одинаковым набором значений.

Любопытно отметить, что основы с *-o-* в корне (которые составляют весьма многочисленный пласт в данном деривационном классе) в словенском и украинском языках имеют одинаковые особенности, связанные с поведением корневого *-o-* в открытом и закрытом слогах, что обусловило наличие в этих языках аналогичного а. т. с разноместным ударением в словоформах: словен. *náhod* — *nahóda*, укр. *závíd* — *zavôdu* (словарь Гринченко начала века)⁷. Оба языка стремятся избавиться от этого а. т., но словенский идет по пути генерализации типа с ударением на корне: *dohód* — *dohóda*, а украинский — типа с ударением на приставке: *závíd* — *závodu* (в современных словарях).

Таким образом, отношения между языками исторически мотивированной классификации (южно- и восточнославянские) оказываются более сложными: налицо пересечения, схождения, обусловленные общностью тех или иных фрагментов или элементов системы, которые как раз и выявляются благодаря применению метода сопоставительного анализа.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963; Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981; Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985; Булатова Р. В. Работы советских исследователей по славянской исторической акцентологии на материале древних памятников письменности // Зборник за филологију и лингвистику. Пови Сад, 1979. ХХІ/І.

² Булатова Р. В., Дыбо В. А., Зализняк А. А. Теоретические основы праславянского акцентологического словаря // Славянское языкознание: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. М., 1983.

³ Зализняк А. А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. Вып. 8. МГУ, 1977.

⁴ См.: Булаговский Л. А. Из сравнительно-исторического комментария к восточнославянскому ударению. Ударение префиксальных образований имен и наречий // Штатика слов'янського мовознавства. 5. Львів, 1958; Булатова Р. В. Акцентуация приставочных *postverbal* о-основ в сербохорватском языке // Сов. славиановедение, 1982, 4.

⁵ Булатова Р. В. Акцентуация приставочных *postverbal*..., с. 95.
⁶ Приведем подсчеты, сделанные по словарю С. И. Ожегова (Словарь рус-

ского языка. М., 1953), чтобы наглядно представить соотношение двух а. т. внутри каждой приставки (первая цифра указывает число образований с ударением на приставке I а. т.), вторая — с ударением на корне (II а. т.): *воз-3 : 4*, *вы-22*, *до-4 : 10*, *за-10 : 45*, *из-1 : 15*, *на-3 : ≈40*, *пад-7* (II а. т.), *не-4* (postverbal с отрицанием типа *невыйз* в расчет не принималось), *о-7 : 19*, *об-6 : 25*, *от-12 : 30*, *нера-≈40* (II а. т.), *но-12 : 34*, *пра-5*, *при-8 : 35*, *про-9 : 40*, *раз-1 : 43*, *рбс-3*, *со-8* (II а. т.), *у-2 : 38*. Гринченко Б. Д. Словарь украинської мови. Київ, 1907. I—II.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ СЛАВЯНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Т. И. Вендина

В опубликованных к симпозиуму по сопоставительному изучению словообразования славянских языков тезисах нами были отмечены некоторые наиболее релевантные функциональные свойства аффиксов общеславянского происхождения (в частности, суффиксов с элементами *-к-*, *-с-*, *-ч-*), которые обладают достаточной диагностической силой, чтобы использоваться при определении сходств и различий славянских языков и рассмотрении более общего вопроса — членения словообразовательного ландшафта современной Славии. Обращение именно к этим суффиксам было продиктовано тем, что они составляют ядро словообразовательных систем всех славянских языков, являются достаточно архаичными и имеют общеславянский характер распространения. Все это позволяет их считать такими же надежными свидетельствами древнейшего членения славянских языков, как и архаичные пласти лексики или результаты наиболее древних общеславянских фонетических процессов, которые, как известно, чаще всего используются в качестве критерия при решении проблемы членения славянского языкового мира. Словообразовательный критерий при рассмотрении этого вопроса практически не использовался (исключением являются лишь работы Р. Бошковича, И. Лекова, отчасти М. Докуцила). Привлечение отдельных фактов (свидетельствующих, например, о продуктивности или, наоборот, пассивности того или иного аффикса), заимствованных из описательных грамматик славянских языков, не было систематическим и потому не позволяло составить более или менее полное представление о сходстве и особенно различии славянских языков в функционировании аффиксов общеславянского происхождения; разыскания в этом направлениишли в основном по пути выявления «уникальных» словообразовательных средств, имеющих распространение на ограниченном языковом континууме и составляющих в связи с этим специфику того или иного языка или группы языков. Исключение представляет лишь монография Р. Бошковича (1936), который убедительно показал, что, несмотря на общеславянский характер некоторых суффиксов, особенности их

использования южнославянскими языками делают их функционально южнославянскими. В связи с этим представляется, что именно функциональный подход к изучению аффиксов общеславянского происхождения может дать интересные результаты при рассмотрении вопроса о типологических сходствах и различиях славянских языков в области словообразования.

Первые (во многом еще предварительные) наблюдения над характером функционирования общеславянских суффиксов позволяют сделать следующие заключения.

I. Типологически сходных функциональных признаков у этих суффиксов в славянских языках значительно больше, чем различий. Они проявляются:

в распределении функциональной нагрузки суффиксов: например, мутационный суффикс *-к(a)₁* во всех славянских языках используется в предметном, личном и локативном значениях, транспозиционный *-к(a)₂* — в процессуальном значении, а модификационный *-к(a)₃* — в феминативном и деминутивном значениях (исключением является лишь сербскохорватский язык, в котором модификационный *-к(a)₃* в деминутивном значении не употребляется);

в характере лексической реализации словообразовательных значений суффиксов: например, мутационный суффикс *-ik₁* при образовании имен с общим значением лица во всех славянских языках используется прежде всего в атрибутивных назначениях лиц;

в семантической ориентации суффиксов при образовании имен с тем или иным значением: например, мутационный суффикс *-ak₁* при образовании имен с общим значением лица используется чаще всего в названиях лиц, имеющих оценочный характер;

в общности лексико-семантических групп имен, образуемых с тем или иным суффиксом: например, мутационный суффикс *-k(a)₁* во всех славянских языках служит для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения, помина *instrumenti*, зоо- и ботанических названий, названий видов пищи, анатомических названий;

в единстве словообразовательных связей суффиксов; например, мутационный суффикс *-ic(a)₁* во всех славянских языках сочетается преимущественно с именными основами, связи его с глагольными основами нерегулярны;

в дистрибуции суффиксов в некоторых семантических полях: например, микрополе названий предметов хозяйственно-бытового назначения во всех славянских языках обслуживается суффиксами *-k(a)₁*, *-nik₁*, *ic(a)₁*, *-nic(a)₁*;

в дистрибуции производящих основ внутри того или иного семантического поля: так, образование ботанических названий во всех славянских языках происходит, как правило, на базе именных (адъективных или субстантивных) основ.

II. Наряду с чертами, имеющими общеславянский характер, отчетливо прослеживаются признаки, свидетельствующие о суще-

ствовании словообразовательных соответствий между отдельными языками и группами языков, причем больше всего таких соответствий между восточно- и западнославянскими языками. Они проявляются:

в функциональной пагрузке некоторых суффиксов, например суф. *-ak₁*, и *-ik₁* которые функционируют как суффиксы лица и предметности, в южнославянских же языках *-ik₁* является в основном суффиксом лица, а функции суф. *-ak₁* по южнославянским языкам различны: в македонском он используется в основном как суффикс лица, в болгарском — как суффикс лица и предметности, в словенском и сербскохорватском — лица, предметности и места;

в лексической реализации словообразовательных значений, например значения лица у суф. *-ec₁*, который служит для образования названий лиц преимущественно по атрибутивному признаку или свойству (в южнославянских языках — по атрибутивному и агентивному: словенский, сербскохорватский);

в семантической ориентации суффиксов, например суф. *-nik₁*, который при образовании атрибутивных названий лиц ориентирован прежде всего на образование названий лиц по профессиональному признаку (в южнославянских языках — по качественному).

в словообразовательных связях некоторых суффиксов, например суф. *-ec₁*, для которого характерно сочетание преимущественно с адъективными основами (в южнославянских языках — с адъективными и глагольными: словенский, сербскохорватский) или суф. *-ic(a)₁*, который сочетается преимущественно с субстантивными основами (в южнославянских языках — с субстантивными и глагольными: словенский, сербскохорватский);

в активности употребления суффиксов при образовании определенных тематических групп имен, например, суф. *-nik₁* при образовании зоо- и ботанических названий (в южнославянских языках в этих группах имен он используется нерегулярно);

в устройстве некоторых семантических полей: например, в семантическом микрополе названий предметов хозяйствственно-бытового назначения наиболее употребителен суф. *-k(a)₁* (в южнославянских языках — *-ic(a)₁*); в семантическом микрополе ботанических названий активнее всего функционируют суф. *-k(a)₁* и *-nik₁* (в южнославянских — *-ic(a)₁*);

в емкости семантических полей некоторых суффиксов (например, в восточно- и западнославянских языках наиболее емким семантическим полем обладают суф. *-k(a)₁* и *-ic(a)₁*, в южнославянских языках — *-ic(a)₁*).

III. Несколько меньше таких словообразовательных соответствий между восточно- и южнославянскими языками. Они наблюдаются:

в распределении функциональной нагрузки суффиксов: например, мутационный суф. *-ec₁* функционирует здесь в основном

как суффикс лица (исключение представляет лишь сербскохорватский язык, в котором, как и в западнославянских языках, он используется как суффикс лица, предметности и места), а модификационный *-ic(a)₃* — в феминативном и демипутивном значениях (в западнославянских языках деминутивное значение этого суффикса практически утрачено);

в лексической реализации словообразовательных значений некоторых суффиксов, например феминативного значения суф. *-k(a)₃*, использующегося для образования модификаторов, обозначающих лиц женского пола и самок животных (в западнославянских языках он выступает преимущественно в названиях лиц женского пола) или значения предметности мутационного суф. *-ik₁*, привлекающегося чаще всего для образования названий предметов хозяйственно-бытового назначения (в западнославянских языках — зооназваний);

в словообразовательных связях суффиксов: например, мутационный суф. *-ak₁* сочетается преимущественно с адъективными основами (в западнославянских — с глагольными или субстантивными: польский, чешский, словацкий);

в регулярности использования суффикса в том или ином словообразовательном значении, например суф. *-ec₁* в личностном значении — при образовании атрибутивных названий лиц по их принадлежности к месту (стране, территории, городу), где они проживают (в западнославянских языках употребление его в этом значении менее последовательно);

в словообразовательной потенции основ: наиболее богаты по своим словообразующим возможностям адъективные основы, с которыми активно сочетаются суф. *-ak₁*, *-ik₁*, *-ec₁*, *-ic(a)₁* (в западнославянских — субстантивные основы, с ними сочетаются суф. *-k(a)₁*, *-ak₁*, *-ik₁*, *-nik₂*, *-ic(a)₁*).

IV. Меньше всего словообразовательных соответствий между южно- и западнославянскими языками. Они прослеживаются:

в лексической реализации словообразовательных значений отдельных суффиксов, например мутационного *-ac₁* в значении лица: в южно- и западнославянских языках (за исключением лужицкого) он используется чаще всего при образовании агентивных названий лиц, в лужицком и восточнославянских языках (за исключением украинского) — атрибутивных (в украинском — ситуация такая же, как и в южнославянских языках);

в семантической ориентации суффиксов, например модификационного *-k(a)₃* в деминутивном значении (в южно- и западнославянских языках при образовании деминутивов от имен собственных он передает оттенок ласкательности, в восточнославянских — оттенок уничижительности) или мутационного *-ik₁* при образовании атрибутивных названий лиц (в южно- и западнославянских языках он используется чаще всего в названиях лиц по качественно-оценочному признаку, в восточнославянских — по профессиональному);

в словообразовательных связях суффиксов: например, в южно- и западнославянских (за исключением лужицкого) языках для мутационного суф. *-ač₁* характерно сочетание прежде всего с глагольными основами (в лужицком — с субстантивными), в восточнославянских языках — ситуация неоднозначная: в русском он сочетается преимущественно с субстантивными основами, в украинском — с глагольными, в белорусском — с субстантивными (при образовании имен с общим значением лица) и глагольными (при образовании имен с предметно-характеризующим значением).

V. Южнославянские языки в словообразовательном отношении оказываются, таким образом, ближе к восточнославянским языкам, чем к западнославянским, хотя здесь также имеются свои особенности, что относится прежде всего к словенскому языку, демонстрирующему большую близость к западнославянским языкам (особенно к лужицкому): это сходство прослеживается, например, в функциональной нагрузке мутационных суф. *-k(a)₁* и *-nik₁*, в семантической ориентации мутационного суф. *-ak₁* при образовании имен с общим значением лица или суф. *-ik₁*, *-nik₁*, *-ec₁* при образовании ботанических названий, в лексической реализации предметного значения мутационного суф. *-nik₁*, в словообразовательных связях суф. *-ač₁*, *-ik₁* при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения, суф. *-k(a)₁*, *-ak₁*, *-ač₁*, *-ik₁*, *-ec₁* при образовании зооназваний, суф. *-ic(a)₁*, *-nic(a)₁* при образовании имен с общим значением предметности, в одинаковой избирательности производящих основ при образовании зооназваний (преимущественно субстантивные основы и т. д.)

VI. Такой характер межязыковых соответствий в функционировании наиболее архаичных суффиксов (особенно суффиксов с элементом *-K-*, выражающих наиболее «чистые», не затмленные процессами палатализации, йотации или переразложения отношения) позволяет сделать вывод о том, что восточнославянские языки являются как бы центром словообразовательного ландшафта всей Славии, к которому тяготеют западно-и южнославянские языки: именно в восточнославянских языках отражаются (а нередко и совмещаются) основные тенденции в использовании этих суффиксов, существующие в других славянских языках (и группах языков). Вместе с тем нельзя не отметить, что сами восточнославянские языки представляют собой неоднородное явление, в них отчетливо выделяются, с одной стороны, русский и белорусский языки, обнаруживающие близость к северославянским языкам, и прежде всего к польскому, а с другой — украинский, тяготеющий больше к южнославянским языкам, особенно к сербскохорватскому и болгарскому. Все это свидетельствует о существовании в славянских языках двух противопоставленных ареалов — славянского севера и юга, внутри которых существуют более дробные языковые зоны.

VII. Функциональный подход к изучению славянского именного словообразования свидетельствует о том, что несмотря на

базисное единство основного корпуса словообразовательных средств, унаследованных еще из праславянской эпохи, славянские языки в процессе их исторического развития создали широкий диапазон специфических особенностей, отражающихся прежде всего в функционировании этих словообразовательных средств, что еще раз подтверждает известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков — общность не статическая, а динамическая.

VIII. Особенno ярко расхождения между славянскими языками обнаруживаются при сопоставлении их с точки зрения:

функциональной нагрузки суффиксов: например, мутационный суф. *-nik₁* в русском, западнославянских и словенском языках функционирует как суффикс лица и предметности (значительно слабее развито у него локативное значение), в украинском, белорусском, сербскохорватском, македонском и болгарском языках он используется прежде всего как суффикс лица (реже — как суффикс предметности и места);

лексической реализации словообразовательного значения суффиксов: например, мутационный суф. *-ak₁* во всех славянских языках используется для образования имен с предметно-характеризующим значением, однако в чешском, словацком и болгарском языках он употребляется чаще всего при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения, в лужицком — *nominā instrumenti*, в русском, украинском, сербскохорватском и македонском языках — при образовании названий предметов хозяйственно-бытового назначения и зооназваний, в белорусском, кроме того, и ботанических, а в словенском — названий видов пищи и нечистот;

семантической ориентации суффиксов: например, мутационный суф. *-ic(a)₁* во всех славянских языках участвует в образовании зооназваний, однако в восточнославянских он привлекается чаще всего для образования названий насекомых, в западнославянских языках — рыб, в южнославянских — птиц;

словообразовательных связей суффиксов: например, мутационный суф. *-ač₁* в южнославянских языках, а также в украинском, польском, чешском и словацком сочетается преимущественно с глагольными основами, а в лужицком и русском языках — с субстантивными (при этом в русском, в отличие от лужицкого, у него достаточно сильны связи и с глагольными основами), в белорусском при образовании названий лиц этот суффикс активнее сочетается с субстантивными основами, а в именах с общим значением предметности — с глагольными;

активности употребления суффиксов в том или ином значении или в той или иной лексико-семантической группе имен: например, мутационный суф. *-ik₁* во всех славянских языках обладает значением лица, предметности и места, однако если в значении лица он достаточно активно используется во всех славянских языках, то в значении предметности — в основном в восточно-

и западнославянских, а в значении места — лишь в восточнославянских и сербскохорватском.

IX. Расхождения наблюдаются не только между языками разных языковых групп, что вполне естественно, но нередко и одной. Так, среди восточнославянских языков отчетливо выделяется украинский, в котором часто складывается ситуация, отличающаяся от русского и белорусского (например, активное использование мутационного суф. *-ač₁* в агентивных названиях лиц и *nominis instrumenti*), среди западнославянских — лужицкий (например, своеобразие в лексической реализации значения лица мутационного суф. *-ak₁*), среди южнославянских — словенский (например, отличия в семантической ориентации мутационного *-nik₁* при образовании атрибутивных названий лиц и *nominis loci*).

X. Различия прослеживаются и в типологических связях каждого славянского языка в отдельности с другими славянскими языками. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, отметим лишь, что анализ межъязыковых соответствий в функционировании исследуемых суффиксов свидетельствует о том, что внутри двух противопоставленных друг другу ареалов (север — юг) на словообразовательном ландшафте современной Славии выделяются более дробные языковые зоны, а именно: русско-белорусская, украинская, польско-словацко-чешская, лужицкая, словенско-сербскохорватская, македонско-болгарская.

XI. Вырисовывающаяся картина словообразовательной дифференциации современной Славии при всей своей пока еще приблизительности убеждает в том, что при решении проблемы членения славянского языкового мира и при построении типологической классификации славянских языков, наряду с данными фонетики, лексики, морфологии и т. д., должны учитываться также данные словообразования, особенно функционального словообразования, которое позволяет глубже проникнуть в словообразовательную семантику славянских языков и выявить системнофункциональные закономерности организации их словообразовательных систем.

СЕМАНТИКА ПРОИЗВОДНОГО СЛОВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ С БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

A. A. Горбачевский

1. Семантика производных слов — вторичных единиц номинации может восприниматься на фоне семантики соответствующих непроизводных слов. Производное слово, как отмечает Е. С. Кубрякова, характеризуется свойством двойной референции — «референции к миру действительности, типичной для класса слов во-

обще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации»¹.

Обращенность семантики производного слова или к миру предметов, или к миру слов находится как бы в положении дополнительной дистрибуции. В контексте, в котором высказывание, содержащее производное слово, выполняет в основном референтную функцию, обнаруживается первое свойство семантики производного слова — соотнесенность с миром предметов. В этом случае нет существенной разницы в специфике представления семантики между производным и непроизводным словом. При переводе таких слов на другие языки воспроизводится именно их семантика, а не способ ее представления.

Второе свойство семантики производного слова — соотнесенность с миром слов — проявляется, во-первых, в лексикографической практике при описании значений производных слов²; во-вторых, как своего рода художественный прием, используемый в так называемой лингвистической поэзии, и, в-третьих, — в новообразованиях.

В поэтических произведениях специфика семантики производного слова обнаруживается в тех случаях, когда производное и производящее слова соотнесены друг с другом намеренно, как, например, в стихотворении Л. Мартынова «Волненье» (сердечное волнение — волнение перезревшей нивы — океанское волнение — волны).

2. Можно предположить, что если рассматриваемая особенность относится только к формальной стороне текста и не связана с его содержанием, то в переводе она не найдет ни формального, ни смыслового отражения. И наоборот, если она существенна для содержания, то, несмотря ни на какие различия между языком оригинала и языком перевода, в переводе она будет воспроизведена с большей или меньшей точностью. Опыт лучших переводчиков свидетельствует о том, что такие особенности оригинала находят закономерное отражение в переводе. Сравним два отрывка из Б. Пастернака: 1) *И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем, Тесней, чем сердце и предсердье, За-
рифмовали нас вдвоем;* 2) *Плитняк раскалялся, и улицы лоб Был
смугл, и на небо глядел исподлобья Булыжник, и ветер, как лодочник,
греб По липам. И все это были подобья.*

Приведем эти же отрывки на польском языке (первый в переводе Я.-М. Рымкевича, второй — в переводе М. Яструна): 1) *A czego chciałbym? By po śmierci, Gdy się zamkniami w głębi słowa,
Scisnął niz serce i osierdzie Mnie z tobą wreszcie ktoś zrywał;* 2) *Roz-
palał się chodnik, ulica u czoła Smagała i kocie łby w niebo patrzyły
Spode łba, wiatr-wioslarz po lipach wiosłował, I wszystko to tylko
podobne snom było.* Представленное в оригинале соотношение однокоренных слов воспроизведено и в переводе: *сердце — пред-
сердье и сердце — osierdzie, лоб — исподлобья и kocie łby — spode
łba.* Правда, эти соответствия лексически неравноценны: *пред-
сердье — это «часть сердца, каждый из двух верхних отделов*

сердца», *osierdzie* «перикард, околосердечная сумка». Точно также нельзя поставить знак равенства между *ulicy lob i koscie lby* «булыжник». Эти отступления от буквального смысла оригинала вызваны необходимостью сохранить те формальные особенности, которые существенны для его семантики. Кроме того, в переводе М. Яструна этот прием усилен — приводится еще одна пара однокоренных слов *wiosłarz — wiosłował*, для которой нет формального соответствия в оригинале.

3. Использование противопоставления производных и непроизводных слов идет как бы параллельно с использованием паронимической аттракции (поэтической этимологии) и свойственно в основном одним и тем же авторам. Это обстоятельство самым непосредственным образом подтверждает мысль о том, что понятие производности в поэтическом произведении получает более широкий смысл, чем его лингвистическое, словообразовательное содержание³. Единственное, что сближает эти понятия в узком (собственно лингвистическом) и в широком («поэтическом») смысле, — это некоторая общность семантики. Но если в первом случае общность семантики существует реально и отношения производности характеризуются регулярностью и системностью, то во втором случае общность семантики между языковыми единицами возникает на основе их субъективного сближения; отношения производности непредсказуемы, несистемны, окказиональны. Производность в широком смысле устанавливается, как правило, между словами этимологически неродственными, совпадающими только частично в своем звуковом или буквенном оформлении, фонетически невыводимыми друг из друга с синхронной точки зрения.

Несмотря на, казалось бы, разные критерии разграничения производности в широком и узком смысле, на практике встречаются случаи, когда нельзя абсолютно однозначно провести границу между этими понятиями. Иногда поэт как бы заново восстанавливает прежние этимологические связи на основе поэтической (или пародийной) этимологии: *Туман отовсюду нас морем обстиг, В волчах волочась за чулками...* Б. Пастернак. Этимологически слово *волчы* действительно соотносится со словом *волочиться*⁴.

Не всегда последовательно разграничиваются эти понятия и в переводах: соотношение толькоозвучных, «поэтических» производных слов может передаваться соотношением словообразовательно производных, однокоренных слов. Ср. у Е. Евтушенко: *Покуда падчерица пачкается / чумаза, словно нетопырь...*

В чешском переводе (О. Машкова) этот отрывок воспроизведен следующим образом: *Popelka v popeli se popelí...*

Реальный смысл изменен полностью, сохранена только формальная особенность оригинала — отношение производности между словами. Правда, производные слова в широком смысле заменены производными словами в узком смысле.

Употребление в одной фразе нескольких слов, находящихся

в отношениях производности в широком или узком понимании этого термина, в поэтических текстах служит для актуализации той части семантики производного слова, которая референтна к миру слов. Чтобы эта функция проявилась с достаточной полнотой, необходима не только общность семантики соотносимых слов, но и определенное их различие, некоторая их контрастность (однокоренные слова с тем же значением воспринимаются как тавтологические повторы).

4. Специфика производных слов, словообразовательные возможности языка достаточно четко проявляются в новообразованиях. Их референциальный смысл теоретически можно передать средствами любого языка, поскольку естественные языки — это нежесткие системы с высокой степенью избыточности. Прагматические значения новообразований передать средствами другого языка труднее — по своей природе они вторичны и менее заметны на фоне референциальных значений.

Есть существенная разница между новообразованиями в оригинале и их воспроизведением в переводе. Новообразования в оригинале в зависимости от условий контекста референтны или к миру слов, или к миру предметов. Новообразования в переводе производны от новообразований в оригинале, это их имитация — более или менее похожая на свой прототип. Генетически они референтны к миру слов оригинала, функционально — к миру слов перевода.

Особенность перевода новообразований близкородственных языков состоит в том, что их можно передать внешне похожим образом, сохранив при этом их функциональную значимость. Правда, не все новообразования могут быть переданы адекватно и аналогичными средствами. Можно выделить несколько способов перевода новообразований с одного близкородственного языка на другой. Если рассмотреть только случаи, когда передается с достаточной полнотой референциальное значение, а прагматические значения, свойственные новообразованиям, передаются с разной степенью полноты, то таких способов можно выделить по крайней мере четыре.

1) В переводе используется та же словообразовательная модель, по которой построено слово в оригинале; и референциальные и прагматические значения передаются достаточно полно. Например: *Mir огромив мощью голоса...* (В. Маяковский) — *Opioruniwszy świat potęgą głosu...* (Перевод Ю. Тувима); *...że w podśłowie tego świata ułazłem* (Ю. Тувим) — *...что ломлюсь в подсловаья мирозданья* (Перевод Л. Мартынова).

2) «Новообразование» в переводе строится по другой словообразовательной модели, прагматические значения передаются неполностью. Так, ни в одном из польских переводов поэмы В. Маяковского «Облако в штанах» не сохраняется модель новообразования *декабрый*: Ю. Тувим и В. Ворошильский перевели причастием на *ł* — *zgrudniały* ‘сдекабренный’, М. Яструн — деепричастием *grudniejąc* ‘декабрясь’, А. Стерн — *grudniouy* ‘декабрьский’.

3) В переводе используется обычное слово — производное или непроизводное, в основном передающее референциальное значение новообразования оригинала и не передающее разных коннотаций, свойственных новообразованию. Например: *A ночь по комнате все тинется и тинится...* (В. Маяковский) — *A noc po pokoju iłem się zatula i błotem...* (Перевод Ю. Тувима); *A noc po pokoju ściele się i ściele się błotem...* (Перевод А. Стерна); *Noc ściany w szlamie zatazia, zatazia...* (Перевод М. Яструна); *A noc po pokoju gęsą się ściele...* (Перевод В. Ворошильского).

4) Некоторые новообразования, произведенные по индивидуальным моделям, могут попросту заимствоваться, разумеется, если есть соответствующая опора в заимствующем языке. Передача таких новообразований на другом языке сводится по существу к использованию механизма практической транскрипции. Так переводятся, например, многие новообразования С. Лема, обозначающие реалии «космического быта»: *gmaż* — газарь, *gredziel* — грендель, *ściorg* — сцюрг, *cknić* — цкнуть и т. д.

Выбор того или иного способа передачи новообразований в известной степени зависит от чисто субъективных причин, но прежде всего это связано с ограничениями, налагаемыми морфонологическими правилами на сочетаемость морфем, с разными сочетаемостными возможностями идентичных в этимологическом отношении языковых единиц, с особенностями функционирования аналогичных словообразовательных моделей в близкородственных языках.

Рассмотренные вопросы касаются только отдельных сторон анализа переводов и только определенного типа поэтических текстов. В производных основах находит четкое отражение поэтическая функция языка⁵. Семантика производной основы оформлена так, что внимание читателя направлено прежде всего на само сообщение, на способ его подачи, — именно здесь и соприкасается рассматриваемый вопрос, имеющий сравнительно узкое значение, с общетеоретической проблематикой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. М., 1981. С. 10.

² См.: Земская Е. А. Производные слова в толковых словарях русского языка // Современная русская лексикография. 1976. № 1, 1977.

³ Ср.: Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979. С. 112, 288—290.

⁴ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964. Т. 1. С. 346.

⁵ См.: Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сборник статей. М., 1975. С. 202.

АПЕЛЛЯТИВНЫЕ ФОРМЫ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ УРОВНЕ В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

И. Дулевичова

В языке существуют разные равноправные способы поверхностного выражения категории адресата. Они содержат в себе сему второго лица *ты*, употребляются преимущественно в разговорном языке и находятся в тесной связи с фонематическим планом языка (интонацией, сокращенными формами слов, передвижением ударения к началу слова). Генетически эти формы (*nomina adressedativa*) особенно тесно связаны с редуплицированными называниями кровного родства, используемыми в детской речи типа *мама, пана, тетя, дядя, баба, тятя* и т. п.¹ В нашем исследовании мы выделили две группы адресативных форм, иллюстрируемые нами на примере литературных текстов.

I. Апеллятивы, прежде всего обозначения родства, а также имена собственные (имена и отчества, фамилии, прозвища, клички и т. п.):

1 — *Пана, па, а чем вообще питаются хори?* (Солоухин. Выводок).

2 — *Вальк, — зовет она своего мужа. — Прогони пчелу, чокнутая какая-то, садится на руки* (Семенов. Реквием).

3 — *Голубчик, милый, вы сняли с меня тяжелый груз* (Солоухин. Наша дама).

4 — *Девочка, а девочка. Ты самая рябая в деревне? — обратился он к ней* (Вересаев. В степи).

5 — *Duży tuper, Beatto, łącz się z pewnym rzykiem* (Andrzejewski. Miazga).

6 — *Wiesz co, Bawół, ty jesteś straszny prymityw* (Konwicki. Zwierzoczekoupiór).

II. Аппозитивные словосочетания типа: мой друг, пол. *moj drogi*, фр. *mon ami, mon cheri*, с местоимением *моj*, которое в данном случае является модальным знаменателем адресата, определяющим связь диалогического характера. Отношение говорящего и адресата может выражать близкий, торжественный или, наоборот, подчеркнуто официальный вид связи, например:

7 — *Сын мой, ответил расторганно старец, ты забыл, что ты в монастыре, а не на поле браны* (Друце. Белая церковь).

8 — *Moi drodzy, ośmego maja ziemia zderzy się z kometą* (Konwicki. Zwierzoczekoupiór).

Сама форма обращения характеризуется в разговорном языке особенной интонацией и модальностью, а в близких, неофициальных отношениях — обычно сокращенным видом имени. В синтагматическом плане форма адресата часто усиливается посредством удвоения имени, что характерно для вокативных употреблений в русском языке (ср. пример 1, 4). Такой способ обозначения

адресата — явление универсальное, в функции обращения оно появляется и в польском языке. Однако в польском, литовском, украинском и других языках адресативность оформляется прежде всего на морфологическом уровне языка в форме звательного падежа: *Piotrzel / Piotrusiu!, Pētre! / Pētrai! / Petruk(ai)!* (ср. пример 5). Эти формы отличаются нейтральным, немаркированным характером. Звательный падеж имен существительных сохранился в болгарском и македонском языках, в которых склонение подверглось редукции. Именно адресативность и повлияла на сохранение этой падежной формы.

В центре нашего внимания находятся сокращенные формы appellativов и имен собственных в русском и польском языках. При этом нас интересовало, насколько эту именную (по форме, но предикативную по функции) категорию можно рассматривать как семантическое целое на словообразовательном уровне языка. Предметом исследования были собственно адресативные формы, употребляющиеся в речи людей, связанных близкими отношениями т. е. на «ты». Такое обращение может иметь вид: а) названий по родству *мама / мам*, *дядя / дядь*, *сынок*; пол. *tato / tatusiś, ciociu / ciotuś, synku / synuś, tatusiu / tato*; б) ласкательных имен вроде *Катя / Кать, Федя / Федь*; пол. *Franku / Franek, Jasiu / Janek, Marysiu / Maryś, Tomek / Tom / Tomuś / Tomcio*; в) лексикализованных обращений как с ласкательным значением *братец, браток, голубчик, лапушка*; пол. *bratku, chłopaki, dziatki, kochasiu, koleś*, так и со значением усиленительным, в которых сглаживается излишняя в сознании говорящего чувствительность, однако они тем не менее не лишены характера субъективной оценки: *голуба, дочка, паря, старик*; пол. *brachu, cōro, stara, stary (koniu)*.

Все адресативные формы, о которых идет речь, наделены экспрессивностью, фиксируемой с помощью словообразовательных средств: у существительных — это суффиксация, у прилагательных — субстантивация. Используемые средства выражения направлены на усиление основной адресативной функции этих форм. Указанная цель нередко достигается меной или квазинарушением общеязыковой конвенции. Такая процедура направлена на усиление контраста, выделяющего адресативные формы из потока речи. Отметим некоторые, наиболее существенные, на наш взгляд факторы.

Опорным, структурным элементом десубстантивных адресативных форм является сильно сокращенный гипокористический корень² с наращенным суффиксом, являющийся исходной словообразовательной основой не только для ласкательных имен типа I, II и III, но и для образования фамилии.

В словообразовательном плане языка усечение играет очень важную роль как формальное средство, усиливающее контраст по сравнению с типичной для именного словообразования суффиксацией. Суффиксация выражает модальность (эмоциональное отношение говорящего к адресату), усечение — направлено на адресативную связь. Именно путем усечения возникают в русском языке

собственно адресативные формы: *дядь, мам, Надь, Сереж* и т. п., которые в современных исследованиях приобрели статус новой звательной формы³. В этих усеченных адресативных формах так же, как и в опорных для них ласкательных именах (*дядя, мама, Надя, Сережа*), подвергаетсянейтрализации категория грамматического рода за счет усиления адресативности, поскольку в диалоге категория рода не является существенной.

Категория грамматического рода принимает на себя другую, словообразовательную функцию, становясь средством усиления экспрессии; ср. такие формы, как: *Ваня, Таня и Ванечка, Танечка* с формами *Ванчик, Танчик*.

Особенно важную роль в становлении русских усеченных адресативных форм играют фонематические средства языка. Помимо упомянутой нами особой интонации и более сильного ударения, анализируемые нами слова характеризуются, судя по всему, нарушением закона оглушения конечного гласного. Формы *Надь <дъ>, Сереж <ж>* произносятся со звонким, конечным согласным в противовес неусеченным формам имен *Демид <т>, Жорж <ш>*. Насколько это «нарушение» стало системным, показут более детальные исследования; для нас же важно нарушение фонологического закона при создании адресативных форм в разговорном языке.

Следует подчеркнуть, что в адресативах наблюдается своеобразная «игра языковыми формами». В русских адресативах это проявляется: а) на фонологическом уровне: использование квазинарушения закона оглушения конечного гласного; б) на морфологическом уровне: нейтрализация категории рода (адресативы *батюшка, матушка*) свидетельствуют о древности этого явления, которое, впрочем, тоже тесно связано с фонологическим явлением редукции неударяемых гласных; в) на словообразовательном уровне: роль усечения, столь типичного для разговорной речи.

«Игра формами» при употреблении адресативных форм наблюдается и в польском языке, хотя здесь основную роль играет морфологический фактор в виде звательного падежа, однозначно сигнализирующего наличие адресативной функции как у нейтральных, так и у ласкательных именных форм.

В польском языке звательный падеж является основным средством выражения функции и основным алтернативой в формальном плане выражения. «Игра формами» может проявляться в маркированном употреблении именительного падежа вместо звательного, что имеет определенный стилистико-эмоциональный смысл (ср. пример 6) и отмечается при употреблении как прозвищ, кличек и т. п., так и обычных ласкательных имен:

9 — *Jak ja cię, Stasiu, wychowałem!* (Kormik. Cicha śmierć).

10 — *Romuś, co cie dzisiaj ugryzło? — spytałem zboalym głosem* (Kuźniak. Widok z Ultima Thule).

11 — *Głupstwa pleciesz, Michałku — odparła ze zniecierpliwieniem* (Там же).

12 — *Nie wygłupiaj się, Zenek!* (Там же).

На словообразовательном уровне «игра формами» проявляется в комбинации усечения с категорией рода. Например, мужские ласкательные имена собственные в именительном падеже могут выступать в неусеченной и усеченной форме: *Jasio / Jaś idzie do szkoły*. Усеченные же формы женских имен в литературном языке являются собственно адресативными так же, как и русские *Катя, мамуль* и т. п. Ср.:

13 — *Och, matus, matus — wołał zduszonym ze wzruszenia głosem* (Bobińska. О *szczęśliwym chłopcu*).

14 — *Jak się masz, matusku!* (Perzyński. *Szczęście Frania*).

Иначе обстоит дело в польских говорах, где также играет роль определенное противопоставление форм.

Адресативы составляют особую подсистему; их своеобразный статус вытекает из факта, что в языке они бытуют на стыке разговорного языка и общей словообразовательной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Трубачев О. Н. История славянских имен родства. М., 1959.

² Этот термин заимствован у Е. Куриловича; см.: Kuryłowicz J. La position linguistique du nom propre. II. Onomastica 1956. Р. 1—14.

³ Ср.: Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ, проблемы обучения. М., 1979. С. 76, 219—232.

⁴ См.: Современный русский язык. М., 1981. С. 75.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И АКЦЕНТОЛОГИЯ. АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ АРХАИЗМЫ В ПРОИЗВОДНЫХ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ АКЦЕНТНЫХ ТИПОВ ПРОИЗВОДЯЩИХ

В. А. Дыбо

В сред.-болг. текстах XIV—XV вв. спорадически встречаются формы имен на *-није*, образованных от глаголов на *-i-*, *-ě/-i-*, *-a/-je-*, имеющие ударение на окончании (в условиях болг. ретракции на предпоследнем слоге): *ъченіе* Зогр. сб. № 171 (103), 325б, *ъченіе* Лих.¹ За, и *ъченіе* Ис. Сир. 98а; *ъченіа* Зогр. сб. № 171 (103), 429 б, *ъченіа* Ис. Сир. 12а, *оъченіа* ibid. 98 а; *ъченіѣ* Зогр. сб. № 171 (103), 428а, и *оъченію* Ис. Сир., 1б; и *оъченіхъ* (loc. pl.) Леств. За; въ мнѣни Ис. Сир. 45а; и въ сѣ тѣпѣни Ис. Сир. 44б—45а; и *ѣні* (loc. sg.) Ис. Сир. 139а; *ѣстоаніа* Деон. Ареоп. 98б; *ѣфани* Сб. № 758, 218а; *ѣфани* Дион. Ареоп., 163а; въ *ѣгани* (loc. sg.) Ис. Сир., 105а; и под.

В именах, образованных от тематических и от *i*-глаголов не

чужд таких акцентовок и Чуд. (XIV в.), древнейший русск. акцентуированный текст: на *прикзрасгеніе* 94³, *пожжевіе* 144³; *ѡбꙗженіе* 107¹; *оучеіе* 141¹; *ѣакленіе* 128²; *поխашеніе* (?) 85²; возможно, также *свершено* 127⁴; *копошено* (loc. sg.) 135⁴, и о *поадарено* (loc. sg.) 108¹, где вариация, обычно употребляемая в конечном слоге, при беглом письме чисто механически могла быть сдвинута с него на предшествующий слог.

На территории Славии этот тип акцентовки представлен последовательно, по-видимому, и в настоящее время, в прекмурском диалекте словенского языка¹. Материал прекмурских текстов, извлеченный М. Валявцем (Rad 56)², показывает, что в произведениях Ш. Кюзмича существительные на *-nje* от тематических глаголов, глаголов на *-n-* и *i*-глаголов имели регулярно ударение на окончании независимо от акцентного типа производящего глагола.

Тематические глаголы: (a. п. a) *vrženjè, zavrženjè, stanenjè, zleženjè*; (a. п. c) *slečenjè, odnešenjè, rašenjè, zrašenjè, poštenjè, nepoštenjè*.

Глаголы на *-n-*: (a. п. a) *sünenjè, spadnenjè, sprhnjenjè, strsnenjè*; (a. п. b) *poteknenjè*; (a. п. c) *po'rnjenjè, preobrnjenjè*.

Глаголы на *-i-*: (a. п. a) *odičenjè, oznanjenjè, postavljenjè, zgrabljénjè*; (a. п. b₁) *долгосложные — draženjè, razdraženjè, skvarjenjè, neskrarjenjè, obtrjenjè, potrdjenjè, odkupljenjè, odstopljenjè, prestopljenjè, zastopljenjè, oskrunjenjè, presvečenjè, razločenjè, služenjè, vkanjenjè, pozabljenjè* (вторично см. Plet.: *pozábiti, -im*); краткосложные — *moljenjè, nošenjè, rođenjè*; (a. п. b₂) *odloženjè, položenjè, zloženjè, seljenjè, stvorjenjè*; (a. п. c) *blagoslovlenjè, dvojenjè, goščenjè, lovlenjè, vlovlenjè, rodjenjè, narodjenjè, preporodjenjè, prirodjenjè, odpuščenjè, opuščenjè, oslobođenjè, oživljenjè, ponovljenjè, učenjè, povčenjè, priučenjè, razdeljenjè, razhladjenjè, usajenjè, zadomeščenjè, zadobljenjè* (вторично см. Plet. *zadobiti, -bim*) (см. Rad 56, с. 12—15).

Такое же ударение у Ш. Кюзмича показывает ряд имен на *-anje*: 1. *obečaná* küzm. 343, 289 bis; 2. *pripelańe* küzm. 393; 3. *zadomeščané* küzm. 146, 226; 4. *vu stiskavańáj* küzm. 337 (см. Rad 56, с. 15).

В других прекмурских текстах, однако, обнаруживаются варианты с накоренным ударением, исключительно у образований от глаголов a. п. a и b: 1. на *čišcene* nagfl. 124; 2. *gejzeňe* nagfl. 97; 3. *míšeňe* nagfl. 74; 4. *párjeňe* nagfl. 68, 184; (см. Rad 56, с. 48); 5. *kúrjeňe* nagfl. 67, 68; 6. *opouteňe* nagfl. 11; 7. на *kláčeňe* nagfl. 97; 8. *pod troušeňem* nagfl. 84; *troušeňem* ibid. 147; 9. *díčeňem* trpl. 34; 10. *dráždeňe* trpl. 24 и под. (см. Rad 56, с. 46—47). У Ш. Кюзмича, по-видимому, остаточно в ряде случаев эта вариантность отражена двойной постановкой долгот: на корне и на окончании (примеры см. в Rad 56, с. 62).

В XVI в. рассматриваемый тип акцентовки был распространен территориально, очевидно, значительно шире. Он последовательно

проводен у И. Пергошича, язык которого отражает диалекты района Вараждина, где, по словам М. Валявца, и в его время местами сохранялась подобная акцентовка (см. Rad 56, с. 16—17). Но у И. Пергошича этот акц. тип строго распределен с баритонным акцентным типом в зависимости от акц. типа производящих глаголов³.

А. п. с: тематические глаголы: 1. **donesenjé* (doneſenije 7²⁵); 2. **počtenjé* (pochtenyę 105¹², i pochtienu 45¹¹, za pochtienu 92¹²; gen. sg. pochtieniaa 216²⁴, izpočchteniaa 131²¹, od pochtieniaa 143¹⁰, i od pochtieniaa 82²⁷; dat. sg. protiu pochtienu 174²⁵; instr. sg. βpochtiem 70⁸); 3. **rastenjé* (gen. sg. od rastenię 216¹¹); 4. **rečenjé* (j protiu rechenię 132²⁷, za protiu recheniee 173³³; gen. sg. protiu recheniaa 204¹); 5. **tečenjé* (techenię 84²⁰, bis, 84²⁴, 111²⁷, techeniee 173³⁴, 175¹¹, techenię 119¹⁹; gen. sg. techeniaa 122¹⁶, 211²², teche|niaa 65¹⁷⁻¹⁸; instr. sg. techeniem 203¹¹, techeniem 180¹¹, techenięm 181⁸; loc. sing. techeny 135²², techeny 181²⁶, v techeny 110²¹, 179³⁰, 185¹², 193¹⁵, 232¹⁹, v techeny 179¹⁵); глаголы на -n/- — 1. **opomenenjé* (opomenenie 64²², loc. sg. po opomeneny 3³⁰); 2. **spomenenjé* (i βpomenenie 70¹⁸, gen. sg. βpomenenija 4¹⁶); глаголы на -i— 1. **činjenjé* (chinienię 54⁶, chinienię 211²⁶; dat. sg. chineniū 18¹⁰; pl. chineniaa 169³³, chinenyá 13²², chinčiá 185³⁵); 2. **deljenjé* (delenyę 50¹⁵, delenię 50¹⁷, 51⁹, 51²⁶, 54¹¹, 57²², delenies 225⁷, 225⁸, 225¹¹, 225¹⁷, na delenię 55²⁹, 57⁵, na delenię 56¹⁵, na delenies 235¹⁴; gen. sg. deleniaa 216³², od deleniaa 91¹, 118⁸, od | deleniā 14²⁵⁻²⁶; instr. sg. pred deleniem 48²²); 3. **dobljenjé* (doblenię 72⁵; loc. sg. doblyeny 146³, dobleny 146⁷); 4. **dopusčenjé* (dopusčenię 16²⁵, 69³¹, 120¹², dopuščeniee 7¹⁴; gen. sg. dopuščeniaa 68⁷, 69⁷, 155²², dopuščeniā 69¹⁹, dopuščeniā 196⁶, i dopuščeniaa 63⁶, prez dopuščeniā 60⁷; instr. sg. dopuščeniem 69², 69¹⁷, dopuscheniem 53⁷, zdopusčeniem 196³²; loc. sg. dopušcheny 69²⁴, 67²⁷); 5. **dvojenjé* (duoienyę 74¹¹); 6. **menjenjé* (menenię 61¹⁰, 73²⁴, 74¹; gen. sg. meneniaa 73²¹; dat. sg. meneniu 74⁸; instr. sg. meneniem 71²⁹, 73¹⁸); 7. **nameščenjé* (nameščenię 41¹¹; gen. sg. nameščenija 40²⁵); 8. **narođenjé* (loc. sg. narođieny 68²⁻³); 9. **nazveščenjé* (nazveščenię 131¹⁸, i ne na | zuešschenię 122¹²⁻¹³; instr. sg. nazveščeniem 135¹¹); 10. **odpuščenjé* (odpuščeniee 173¹⁸, i odpuščenię 30²⁴, na odpuščenię 138⁴); 11. **oslobodenjé* (loc. sg. po oblobogieny 59¹); 12. **pogubljenjé* (loc. sg. na poghublieny 149²⁹, 213¹⁰, i na po|gublieny 154¹³⁻¹⁴, po poghublieny 111²², po po|gublieny 167²⁻³); 13. **precenjenjé* (preczenię 61¹⁵, 63²⁹, gen. sg. preczeneniaa 63³, 65¹¹, preczeniā 64², i preczeneniaa 115²⁵; instr. sg. preczeniem 64⁹, 64¹⁹, 86⁷, preczeniem 65³²; loc. sg. v preczeneny 165¹⁷); 14. **pregrešenjé* (loc. sg. pre|ghrefſeny 58²³⁻²⁴); 15. **prepusčenjé* (prepusčenię 69²⁵, pre||puščenię 67³²—68¹; gen. sg. prepuscheniā 69¹); 16. **pri-pečenjé* (gen. sg. i polagh pripecheniaa 3⁹; loc. sg. pripecheny 27¹⁴; pl. pripechienniā 58¹); 17. **razdeljenjé* (razdelenię 59²⁵, razdelenies 232¹⁶, na razdelenię 57¹⁸; gen. sg. razdeleniaa 80²², razdeleniaa 11⁷, 57¹², razdelēiaa 11¹¹; loc. sg. po razdeleny 51³¹, 54²¹, po razdeleny

91²³, po razdelenii 58¹²); 18. **splačenjé* (na | βplachenię 65¹⁶⁻¹⁷); 19. **spuđenjé* (βpu|gienię 198³⁻⁴; gen. sg. βpugienyaa 179¹⁰); 20. **učinjenjé* (uchinenię 56²⁸; pl. vchinieniaa 6²⁴); 21. **umorjenjé* (umorijenię 22¹¹; instr. sg. vmorienieem 210⁶); 22. **vraženjé* (pl. vraženiaa 207⁹); 23. **zatajenjé* (instr. sg. zataieniem 45²⁶); 24. **zmirjenjé* (zmirenię 193⁴, zmirenię 192¹⁸, na zmirenię 63¹⁸; loc. sg. zmi-reny 192³⁰, po zmireny 66¹³); 25. **zvodnjenjé* (za zuodneniee 164⁴; instr. sg. zuodneniem 235¹⁸; pl. zuodneniaa 84¹⁴); 26. **zvršenjé* (gen. sg. zuerſſeniaa 182²⁴; loc. sg. po zuerſſeny 183³, i po zuerſſeny 166²) (cp. Rad 56, c. 15—16).

А. п. а: тематические глаголы — 1. **vleženje* или **vlézenje* (во втором случае с неотмечаемостью долготы первого слога: vliezenie 101²⁷); глаголы на -i— 1. **napřenjé* (napriunenie 77¹; gen. sg. do pariūenia 67³); 2. **odičenje* (na ody-chenie 4⁸, i na odychenie 41²); 3. **ostávļenje* (loc. sg. oßtaaulieni 101¹⁷, где ī=у, а ī — опечатка); 4. **pobrāčenje* (pobračehnie 53²⁰⁻²¹); 5. **ponuđenje* (ponuugienie 64¹, 138⁴; gen. sg. ponuugienia 63¹⁷, ponvvgienia 62¹⁵; loc. sg. po|nuugieni 64¹⁵⁻¹⁶, po ponuugjeni 138⁹); 6. **rānjenje* (gen. sg. od raanenia 207²⁹); 7. **zveličenje* (zue-lychenie 12⁸; dat. sg. zuelycheniu 222⁹); 8. **zadovöljenje* (образование от краткосложной основы с вторичной иммобилизацией акцента — тип "a": zadouolenie 108⁷, i nazadouoļenie 193²⁴⁻²⁵; gen. sg. od zadouolenia 108¹⁰)⁴.

А. п. b: глаголы на -i— (долгосложные) 1. **bránjenje* (gen. sg. braanenia 75¹⁶); 2. **odkúpljenje* (odkuuplenie 63²³, od|kuuplenie 80¹²⁻¹³; gen. sg. odkuuplenia 94¹⁵); 3. **odláčenje* < **odvláčenje* (gen. sg. odlaachenia 133⁹); 4. **potřdenje* (potergienie 43⁵, potergienie 96⁷; gen. sg. potergienia 120³⁰); 5. **razlúčenje* (razluu|chenye 48²⁹⁻³⁰, razlúchenie 26¹⁸); 6. **služenje* (loc. sg. szluuseni 140¹³); 7. **súđenje* (loc. sg. v ſuugieni 5¹⁴); 8. **tol-máčenje* (to|maachenie 43⁸⁻⁹; instr. sg. ztomaacheniem 41⁹); (краткосложные) 9. **govörjenje* (ghouorenie 118⁴, 184⁶, ghovorenie 184¹⁵, i za ghouorenie 174²⁵; protiu gouorenie 72¹⁸, 204³², protiu ghouorenie 111¹², 204³³, 205⁵; gen. sg. od ghouorenia 129¹³; protiu ghouorenia 66⁶, 111⁴, 204²⁴, 205⁷, i protiu ghouorenia 59¹⁹, 205³, prez protiu gho|uorenia 73¹⁹⁻²⁰; dat. sg. protiu ghouorenii 111⁷; instr. sg. protiu ghouoreniem 179²²); 10. **höđenje* (hogienie 83⁶, hogie | nie 175¹¹⁻¹², hogenie 188¹³, na hogienie 136⁷; gen. sg. hogienia 82³⁰; loc. sg. hogeni 147²¹, hogieni 75²², 82²⁴, 194³, v hogieni 117²⁶; ошибочно, по-видимому, под влиянием позиции перед союзом *i*: loc. sg. hoćieni 81²⁰); 11. **nōšenje* (noſſenie 58⁷, 104²⁰, 105¹⁴; gen. sg. noſſenia 106³⁰); 12. **obhöđenje* (obhogienie 84⁴; gen. sg. obhogienia 83²⁹; loc. sg. obhogieni 83²⁰, 83³⁴); 13. **odgo-vörjenje* (odghouorenie 151³¹); 14. **ožěnjenje* (instr. sg. oſeneniem 96², pred oſeneniem 93²⁹; loc. sg. po oſenieni 93²⁹); 15. **polōženje* (poloſenie 65¹³, 124³³, 189¹); 16. **posvedōčenje* (po|uedochenie 140¹⁹, 189¹⁸; loc. sg. po|uedocheni 151¹⁴); 17. **pripolōženje* (instr. sg. pripoloseniem 187²); 18. **prōšenje* (loc. sg. ? poproſſeni 214²⁶;

по-видимому, можно интерпретировать и как nom. pl. m. part. pass.); 19. **slōženje* (ukup блоšenie 52²²); 20. **sprōšenje* (loc. sg. бројени 35¹²); 21. **svedočenje* (бuedochenie 131¹⁷, 140¹⁶, на бuedochenie 142⁷; gen. sg. бuedochenia 142²⁴, 144¹, бuedochienia 189²⁰, 201¹⁷; loc. sg. и бuedocheni 148¹⁶); 22. **zalōženje* (зaloženie 65⁷, 65²⁴, 78², 78¹⁹, 94¹³, 181⁷, 227³⁰, zalošenie 78¹⁰, založenie 78¹³, 78¹⁵; gen. sg. i od založenia 118¹⁴; instr. sg. založeniem 79¹⁶; loc. sg. po založeni 191⁷, по založeni 79⁹⁻¹⁰, v založeni 62³¹).

Такая конфронтация систем указывает на первичность акцентуационного распределения у И. Пергошича, тогда как акцентовка в Прекмурье оказывается результатом генерализации окситонированного акц. типа. Сопоставление этих кайковско-словенских систем с реликтовой акцентотипой в сред.-болг. и др.-русск. позволяет реконструировать в именах на -(j)eňje от тематических и от i-глаголов а. п. с первичный конечноударный тип. Эта реконструкция естественным образом разрешает проблему открытого -e в соответствующих именах словенского языка и ряда кайков. диалектов, ударность которого обусловливается ретракцией ударения с конечной позиции на предконечную, т. е. *podnesénje* < <**podnesenjé*, *rasténje* < **rastenjé*; *delénje* < **deljenjé*, *narojénje* < **narojenjé* и под., с генерализацией этого типа, как в прекмурском (материалы см. в Rad. 56, с. 19–32).

Подобный выбор акц. типа у отглагольных имен, построенных на основе страд. прич. прош. вр., хорошо прослеживается в глаголах с корнями I класса (по акцентологической классификации автора, см. Дыбо В. А. Славянская акцентология, М. 1981, с. 203): 1. **býranjé*: словен. bránje (<*branjé); 2. **zvývanjé*: др.-русск. (Чуд.) эканя́ (gen. sg.), 89² ~ сред.-болг. къзкане́ же Дион. Ареоп. 88б ~ ст.-кайков. (Пергошич) zvané (odezvaní 185⁷, 231¹⁷, odezvaníe 109²³, 197¹², gen. sg. odezvaníaa 73¹⁹, 129⁸, dat. sg. odezvaníuu 184²; pozuaníe 138⁹, zazuaniaa 119¹² и др.), (в словен. zvánje, по-видимому, в результате выравнивания по вторичной акцентовке приставочных имен с этой основой); 3. **rýranjé*: словен. práne (*<*pranjé*) ~ ст.-кайков. (Пергошич) oranjé (oraní 198²¹, oraníe 230¹⁴, gen. sg. orpaníaa 7²²); 4. **oranjé*: ст.-кайков. (Пергошич) oranjé (oranié 113³¹). Ср. также имена на -tje: 1. **bytъjé*: словен. bítje < *bitjé, ср. сред.-болг. gen. sg. бытъа Зогр. сб. № 171 (103), 414а; 2. **britъjé*: словен. brítje < *britjé, ср. совр. русск. бритъ́, при тенденции к генерализации этого типа); 3. **pítъjé*: словен. pítje < *pitjé, ср. др.-русск. (Чуд.) Ѹ питъ́ (loc. sg.) 131¹ ~ сред.-болг. Ѹ питъ́ Зогр. сб. № 171 (103), 399¹⁴ б, Ѹ питъ́ (loc. sg.) Йих.¹, 2а; 4. **pétъjé*: словен. pétje < *petjé, ср. сред.-болг. пѣтъ́ Дион. Ареоп. ббб; ср. также вар. на -pъjé: русск. I пол. XIX века пѣнье (Крылов, Давыдов, Грибоедов, см. Булаховский РЛЯПП XIX в., 184–185) ~ сред.-болг. пѣніе (acc.) Цс. Кипр. 35а, пѣніа Леств. 87б, Ѹ пѣніи Леств. 126б–127а, Ѹ пѣніи же Толк. пс., 32б. Все случаи выбора такой акцентовки связываются с подвижным акц. типом глагола, тогда

как имена, образованные от глаголов неподвижного акц. типа той же классификационной группы, выбирают наосновное ударение: 1. **gýndnje*: словен. gnánje < *gъnáňje, с рефлексом «нового циркумфлекса» перед удлиненным после падения -ь- гласным; ст.-кайков. (Пергошич) odegħnańje 176⁷, 176³⁴ (без удлинения окончания); 2. **posyláňje*: словен. poslánje < *posyłáňje, с рефлексом «нового циркумфлекса»; ст.-кайков. (Пергошич) roßlanie 188¹⁹ и др. (все без удлинения конечного гласного); сред.-болг. (зап.) послáňie Исл. Сир. 18а, послáňie ibid., 19а; 3. **stýlánje*: словен. stlánje < *stýlánje, с рефлексом «нового циркумфлекса»; 4. **sýráňje*: словен. sránje < *sъráňje, с рефлексом «нового циркумфлекса», в совр. русск. генерализация конечного ударения в односложных основах этого рода, но ср. еще у Аввакума: сраниē Чуст. сб. 65¹а.⁵ Такой выбор акцента у данной группы имен полностью отвечает правилу порождения акц. типов у существительных на -je, т. к. у соответствующих глаголов в формах страд. прич. прош. вр. восстанавливаются, соответственно: (I) подвижн. акц. тип — а. п. с и (II) неподвижн. акц. тип — а. п. а: I — 1. *býranjъ, f. *býraná; 2. *zvývanjъ, f. *zvývaná; 3. *rýranjъ, f. *rýraná; 4. *oranjъ, f. *oraná; так же: 1. *býtъ, 2. *brítъ, 3. *pítъ, 4. *pétъ и *rénъ; II — 1. *gýndnjъ, f. *gýndná; 2. *sýlánjъ, f. *sýláná; 3. *stýlánjъ, f. *stýláná; 4. *sýráňjъ, f. *sýráňá; — а производные имена на -je от имен подвижного акц. типа получают обычный окситонированный неподвижный акц. тип.

Однако у рассматриваемых тематических глаголов (2 кл. корней) и у i-глаголов подвижного акц. типа страд. прич. прош. вр. по данным всех слав. языков, входящих в акцентологическое сравнение, имеют окситонированный акц. тип с постоянным конечным ударением, а существительные на -je от имен с таким ударением получали постоянное «повоакутовое» (краткостное) ударение на слоге, предшествующем суф. -bj-.

Это явное противоречие между акцентовкой производных, ожидаемой по правилу порождения, и акцентовкой, отраженной в реально засвидетельствованных формах, было разрешено пами посредством реконструкции подвижного акц. типа у соответствующих страд. прич. прош. вр. Их зафиксированное конечное ударение рассматривалось при этом как результат выравнивания акц. кривой, прошедшего уже после установления правил порождения (см.: Дыбо. 1968. С. 208–209). В дальнейшем эта реконструкция была подтверждена А. А. Зализняком, который установил на материале Мерила Праведного конечноударность членных форм рассматриваемого здесь типа страд. прич. пр. вр., что явно указывало на их первичную акцентуационную подвижность (см.: Зализняк А. А. — Славянское и балканское языкознание... М., 1979. С. 89, 121).

Если подходить с точки зрения предложенной мною системы акцентуационных валентностей (см.: Дыбо. С. 260–262), то такой прием означал замену в суф. -(j)en- причастий знака (+)

на знак (—), которым должна быть обозначена валентность элемента -(*j*)en- в составе суф. -(*j*)en-ъj-e. Иначе говоря, в сравниваемых системах было обнаружено чередование (+ ~ —) и было принято решение в пользу первичности (—)-валентности рассматриваемого морфа.

По-видимому, имеет смысл рассмотреть ряд случаев, в которых выступает прямо или завуалировано подобное чередование (+) и (—)-валентностей как для изучения возможностей данного приема, так и для получения более глубокой или более подробной реконструкции праславянской акцентной системы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящей работе исключена из рассмотрения сербо-хорватская система акцентовки соответствующих отлагольных имен, также включающая первично окситонный тип (*zvánje*, *sadržáne*, *rečéne*, *očišćéne* и под.), так как она показывает столь далеко зашедшую перестройку принципа распределения акцентных типов по направлению к устаповлению «категориального акцента», что ее привлечение на данном этапе сравнения может лишь усложнить исследование.

² В прекмурских изданиях, так же как и в тексте Нергошича (см. ниже), собственно ударение не отмечалось, а обозначались долготы способом, обычным для венгерской орографии (кроме того, в ряде случаев па первичную долготу в прекмурском указывает дифтонгизация монофтонга, а Нергошич для обозначения долгого [закрытого?] е использует графему e, заимствованную им из раппенвенгерской орографии, а также пользуется приемом удвоения гласных, причем у [в слоговой позиции]: -ii), но т. к. долгота в прекмурском и в диалекте Нергошича сохранилась лишь под ударением, то отмеченнная долгота гласного в этих текстах свидетельствует об его ударности. Из сказанного следует опибочность фонетической интерпретации М. Валявца конечного акцента в приводимых формах как краткостного (‘). Их конечная долгота является (в большинстве форм), по-видимому, результатом заместительного удлинения при налении предшествующего редуцированного. Это удлинение прослеживается в реликтах и в рефлексах на довольно обширном западном регионе южнославянской языковой области. «Краткостная» интерпретация М. Валявца основывалась, вероятно, на сплавленных им в районе Вараждина формах с сокращениями конечными ударными слогами, являющимися в этом случае вторичными (выравнивание по вариантам с безударными окончаниями?). Ниже при обобщенной записи дается панда интерпретация. Примеры из памятников приводятся в транслитерации М. Валявца, если они почеркнуты из его работы, или в оригинальной орографии при экзегерции их непосредственно из текста.

³ В дополнение к сказанному в примеч. 2 при рассмотрении материала Н. Нергошича следует иметь в виду, что в формах, образованных от глаголов а. п. a, чакорешная долгота указывает, по-видимому, на рефлекс долготного исходящего ударения («новый циркумфлекс» — ‘), в формах, образованных от долготных глаголов а. п. b, — на рефлекс долготного восходящего ударения («новый акут долгот» — '), в формах же, образованных от краткостных глаголов а. п. b, прямое указание па место ударения отсутствует, однако регуляриюе появление таких форм без указания па долготу конечного слога позволяет рассматривать их ударение как и експлeкto, выбор между чакорешным краткостным исходящим ударением (‘) и ударением па гласном e суффикса производится в пользу первого, исходя из данных совр. кайкав. диалектов (в числе прочих и по материалам М. Валявца). Примеры из Н. Нергошича приводятся непосредственно по тексту (см. переиздание: *Кадлец К. Стефана Вербенција Три-*

партитум: Словенски превод Ивана Нергошића из год. 1574 // Зборник за историју, језик и књижевност српског народа. Прво од. Књ. V. У Београду. 1909. Цифре при примерах обозначают страницу издания, цифровые индексы при них — строку сверху). В окситонированных именах долготное ударение интерпретируется как восходящее (‘) в соответствии с подобными случаями в словенском и в кайкавских диалектах (районов севернее Пригорья), близкими или тождественными приводимым по характеру словообразовательных связей и фонологических позиций.

⁴ Реконструкция рефлекса «нового циркумфлекса» в этой группе имен у Нергошича диктуется тем обстоятельством, что в его диалекте, по-видимому, не прошел процесс механического удлинения внутреннего ударного слога (как это было в словенских диалектах «литературной» группы), и рефлекс праславянского акцентированного слога остался кратким. В этом случае указываемые текстом долготы могут быть лишь отражением «нового циркумфлекса», как и в соответствующих формах причастий, от которых данные имена образованы. Поэтому приводимые М. Валявцем для интерпретации словенские и кайкавские формы типа *čiščenje*, *párjenje*, *ránenje*, *odčenje* (Plet.:ogr. — Valj.), *pobráčenje* (Plet.: kajk. — Valj.) и под. (см. Rad 56, с. 48) должны, вероятно, быть признаны вторичными и, если они реально существуют в кайкавских диалектах, возможно, являются результатом выравнивания по интонации ударного слога соответствующей группы имен от глаголов а. п. b. Конечно, нельзя считать исключенным, что такое выравнивание произошло уже ко времени И. Нергошича, однако какие-либо положительные данные для такого предположения отсутствуют, а архаический характер самого распределения делает предпочтительным выбор архаического варианта реконструкции. В словенских говорах с удлинением внутреннего ударного слога выравнивание интонации рассматриваемых имен могло происходить по ударению соответствующих инфинитивов.

⁵ Примеры из И. Нергошича следуют, по-видимому, интерпретировать как **odègnanje*, **pòslanje*. Это ударение, однако, не может быть непосредственно возведено к словенским формам с рефлексами «нового циркумфлекса», т. к. в диалекте Нергошича, очевидно, не происходила кайкавская ретракция иктуса с внутренним «циркумфлексом», о чем свидетельствует регулярное сохранение долгот в таких примерах, как 3 sg. prae. *dopaadne* 26²⁵, 58²⁸, 61²⁴, 128¹⁶, 162¹¹, *ofraadne* 191¹⁴, *ožtaane* 38⁸, 51³², 51³², 62⁷, 66¹⁷, 67¹⁸, 67²⁵, 71³³, 71²⁸, 85¹¹, 91¹⁹, 92³, 92¹⁷, не *ožtaane* 51³², *poglyne* 58²⁶, 172²⁰, не *poglynjne* 26⁵⁻⁶, *zaožtaane* 34⁹, 71⁷, 130², 137², 137², 138², 143¹⁴, 143¹⁴, 172²¹, 212²¹, 212²², 212²⁷, не *zaožtaane* 138³³, не | *zaožtaane* 2121²⁻¹³, *oschytí* 145¹², 187³³, *ožtaaní* 217²⁷, 221¹⁴, 221²⁹, *ožtâni* 44²³, *ronundi* 173⁷, *peronundi* 63⁴, 193²⁴, *peronúdi* 173¹⁰, *perotáni* 64³; 3 pl. prae. *dopaadni* 84²³, *ožtaanu* 149², *osztaanu* 217¹¹, *ožtâni* 114¹⁰, *podyghnu* 21⁶, *pozdijghnu* 21¹², *vkrâdnu* 22²⁶, *vkrâdnu* 220²⁰, *zaožtaanu* 103², 112², 151¹⁴, 220¹⁶, *zaožtaanu* 212²²⁻²³, *ronundi* 63², 63³⁴ и др. подобные. Так как ударение этих имен соответствует ударению страдательных причастий, от которых они образованы, его нужно, по-видимому, объяснять «северно-словенской» ретракцией иктуса с внутренним долготного слога, имеющего первичное ударение «типа нового акута» (см.: Дыбо С. А. С. 223—229 — в этой работе «севернословенский» диалектный регион обозначен как «восточнословенский»; а также: Дыбо В. А. О некоторых акцентологических изоглоссах словенско-кайкавской языковой области // НДЗБ., 1982, VI. С. 101—134). Что касается словенских рефлексов «нового циркумфлекса», то они, видимо, являются результатом вторичной замены ударения «типа нового акута» на рефлекс «нового циркумфлекса», явления характерного для образований с формантом -je (см. Дыбо С. А. С. 153—156).

Сокращения посточиников см.: Дыбо В. А. О реконструкции распределения акцентных типов в презенсе тематических глаголов па пешумные // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1987.

О ВОЗМОЖНОСТИ

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ СЛОВ,
ОТНОСЯЩИХСЯ К ОДИНАКОВЫМ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТИПАМ,
В РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ
(praslaw. **dłg-ostъ*=хет. *dalugašti*)

Вяч. Вс. Иванов

Одной из важнейших задач сравнительно-исторического исследования словообразования является выяснение того, в какой мере словоформы при этимологическом родстве корней и деривационных аффиксов могут быть признаны исторически тождественными. В последнее десятилетие многократно высказывался в этом отношении скептицизм, связанный с альтернативной возможностью объяснения таких слов конвергентным параллельным образованием. Представляется, однако, что могут быть сформулированы критерии, по которым идентичные производные, засвидетельствованные порознь в ряде родственных языков в ранних памятниках, могут быть надежно признаны унаследованными словообразовательными архаизмами. Для формулирования соответствующих закономерностей полезно использовать возможности, предоставляемые генеративными и компьютерными методами. Составленный для данного языка или праязыка (например, для праславянского в последних этимологических словарях, материалы которых широко использованы ниже) большой словарь словоформ может быть эквивалентен сложной системе их порождения, состоящей из набора трансформационных правил, превращающих сочетание корня с аффиксом (или несколькими аффиксами) в основу, оформленную далее словоизменительными элементами. При этом могут быть заданы таблицы корневых морфов и аффиксов, используемых в правилах порождения основ и словоформ. Можно оценить количественно величину словаря (или микрословарей для отдельных словообразовательных классов и/или семантических групп) и сложность правил порождения. Хотя при малом (микро)словаре его, казалось бы, легче задать списком (перечнем), тем не менее именно в этом случае лучше иметь правила порождения, т. е. они позволяют гипотетически заполнить случайно отсутствующие словоформы, которые теоретически возможны. При большой величине словаря можно придать на статистическом основании «веса» отдельным словообразовательным типам и относящимся к ним словоформам. Продуктивность (статистически оцениваемая в системе парадигм и в текстах, включая реконструируемые) связана обратной зависимостью со степенью архаичности, определяющей вероятность «выживания» данной формы, унаследованной от предшествующего состояния языка. Иначе говоря, предполагается, что в словообразовательной системе, как и в языке в целом¹, направление времени («стрелка

времени», если пользоваться терминологией физики²) определяется статистически понимаемой энтропией: чем чаще данный словообразовательный тип встречается в парадигме (и в тексте), тем выше его продуктивность и соответственно тем менее вероятно его отнесение к архаическим слоям словообразования. Чем больше количество информации (обратное по знаку энтропии), содержащаяся в словообразовательном правиле порождения, тем вероятнее отнесение его к предшествующим этапам истории языка. В качестве примера рассмотрим тип основ с суф. **os-ti*, служащим для образования отвлеченных производных от прилагательных. С самого начала исследования хеттского языка высказывалось предположение об изначальном тождестве хет. *dalugašti* 'длина' и польск. *długość*. Однако это не раз повторявшееся сопоставление, чаще всего формулировавшееся как относящееся к двум языкам, не считалось достоверным; Бенвенист 20 лет назад выступил с категорическим отрицанием возможности родства этих двух слов и самих содержащихся в нем суффиксов, которые он признавал только результатами параллельного развития³.

Новейшие этимологические словари праславянского⁴ не позволяют сомневаться в принадлежности **dłg-ostъ=dłg-ostъ*⁵ к праславянскому. В каждой из подгрупп славянских языков слова, восходящие к этому общеславянскому, представлены, начиная с ранних текстов: в лехитских диалектах (в польском *długość*, 'rozciągłość liniowa w przestreni, w czasie' (жен. р.), с XIV в.), также в диалектах (Zaręba, Siołkowice, Szymbacz, Domaniewek, Górnówicz, Malbork), в кашубском *długosć*, словинском — *dłeg"osc*, *dłu"osc* по Лоренцу, в лужицких (н.-луж. *długosć* 'пространственная протяженность', жен. р., засвидетельствовано с XVI в. современное *dłujkosć*, в.-луж. *dołhosć*, жен. р. 'продолжительность, длительность'), в чешском (сущ. жен. р. *dłouhost* 'продолжительность, длительность', начиная с древних текстов; ст. чеш. *dłuhost*) и словацком (*dłhost'* только как грамматический термин), словенском (*dolgost* с XVI в.) и сербохорватском (*dūgost*, *dūgost* в старых текстах с XVII в.), в старославянском (древнеболгарском) *дългост*, в русском изводе церковнославянского (*дългость*, *длъгость*), в русском (*длгость* — 'долгота как свойство, продолжительность'), в староукраинском (*дбвгість*, род. п. *довгости*, с XV в.), в белорусском (*дбвгосьць*).

Продолжаемая во всех формах этих языков основа образована от праслав. **dłgъ* 'долгий, длинный', представленного в большом числе общеславянских словосочетаний, сложных слов и производных типа **dłg-ačъ* 'высокий человек', **dłg-ajъ*, значение и производных типа **dłg-alъ* то же значение, **dłg-ul'a* с близким значением, в восточнославянском и западно-южнославянском, **dłg-inъ* 'что-либо продолговатое', **dłg-anъ* / **dłg-apъ*, значение, близкое к предыдущему, **dłg-astъ* 'длинноватый', соотношение с суф. *-osti* у прилагательных этого типа заслуживали особого исследования в силу наличия индоевропейских параллелей: **dłg-arъ* 'зпачение, близкое к предыдущему, **dłg-okъ* / **dłg-*

осъкъ ‘очень, необыкновенно длинный, долгий’, **dl'g-ośь* ‘длинный человек, нечто длинное’ (с вариантами огласовки суффикса по отдельным славянским языкам, русск. диал. *dolgúsha*, *dolgišbom* ‘воловом’ и т. п.), **dl'g-uní* ‘длина’ в западно-южнославянском и восточнославянском, **dl'go-grivъ* ‘долгогривый’ — древний копеводческий термин, вторая половина принадлежит к числу копеводческих терминов, общих для индо-арийского и праславянского, **dl'go-nogъ* (ю.-слав. **dlgo-korkъ* ‘длинионогий’), **dl'go-nosъ* ‘длинионосный’; **dl'go-pole* ‘длинное поле’, **dl'go-pršlъ* ‘длиннопшлый’, **dl'go-rokъ* ‘длиннорукий’, **dl'go-go-rťtъ* ‘с длинным острием’, **dl'go-šyjъ* ‘длиниошней’, **dl'go-uchъ* ‘длиниоухий’, **dl'go-vržъ* ‘долговязый’, **dl'go-vekъ* ‘долговечный’, **dl'go-volkъ* ‘с длинными волосами’, **dl'go-volsъ* южно-слав. **dlgo-kosъ* ‘длинноволосый’ (Słownik 1979, с. 257—269). Часть их восходит к диалектным индоевроп. архаизмам (**dylg-ota*, др.-инд. *dirgh-attā*, которые, однако, Майrhoфер⁶ считает без достаточных на то оснований независимыми друг от друга, **dl'go-bordъ*; ср. имя лангобардов и т. п.) Деривационный суффикс *-ostъ* представлен значительным числом праславянских производных от прилагательных типа **stár-ostъ*, **mqdr-ostъ*, **svět-ostъ*, **dothr-ostъ*, **div-ostъ* (*:*div-ota*), **pol-ostъ* (*:*polъ* ‘полый’), **bolg-ostъ*, **dorg-ostъ* ‘драгоценность’ > ‘радость’ **rad-ostъ* (засвидетельствовано в древненовгородском, представляющем собой архаический северо-восточный диалект праславянского), **dik-ostъ* (представлено в восточнославянском и лехитском), о.-слав. **blěd-ostъ*, **bliz-ostъ* (в южнославянском и восточнославянском), **dvrz-ostъ*, **dur-ostъ* (засвидетельствовано в восточнославянском), **běl-ostъ*, **brz-ostъ*, **bystr-ostъ*, **debel-ostъ*, **dlžn-ostъ*; ср. также фонетический вариант суффикса **bol-estъ* (от **bolbъ*), **divyj-estъ* (*:*div-ostъ*) и т. п. Поэтому, в принципе, *dylg-ostъ* могло бы (как и **dylg-ota*) быть и собственно праславянским новообразованием. Но формы других родственных языков заставляют отодвинуть дальше вглубь время возникновения этого производного, как и других, с ним связанных.

Хет. *dalug-aštī* ‘длина’ к *daluk-i* ‘долгий’ представлено вместе с *pally-aštī* ‘широта’ (=слав. **pol-ostъ* к хет. *pally-i* ‘широкий’) в новохеттских кониях архаизирующих эпических текстах, переложенные с хурритского (около середины II тыс. до н. э.) поэм об Уликумми (*na-aš da-lu-ga-aš-ti* 3 KAS. GID *pal-ħa-aš-ti-ma-aš-x* KAS. GID ‘и она в длину 3 версты, в ширину . . . верст’ о скале-матери героя Güterbock 1952) и Хедамму DUMU. SAL-LA *da-lu-ga-aš-ti-ia. . . (pal-ħ)a-aš-ti-ma-aš DANNA* ‘дочь моя в длину . . . , в ширину 1 верста’ — о дочери моря Шертапшухури⁷. При образовании *dalug-aštī-(pally-aštī)* от *daluk-i* (*pally-i*) использовалась основа без суффикса прилагательного *-i*, как у архаичных глаголов *dalugnu* ‘удлинять’; ср. модальное производное на **-l-* *dalugnu-la* ‘должное быть удлищенным’ (в древнехеттском ритуале)⁸, *daluk-ešš-* ‘стать длинным’; ср. также *park-u* ‘высокий’ (и.-е. *b^hrg^h-u*, др.-арм. *barjr*): *park-aštī* ‘высота’ по Гютербоку⁹ рядом с *palhaštī* в поэме об Уликумми: *barg-(a)nu(la)*

‘который надо сделать высоким’: *park-es-* ‘возвышаться’ при позднейшем *park-au-eš-* с тем же значением, где присутствует суф. *-au-*, в *park-eš* отсутствующий. Соответствующая основа прилагательного на *-i-* от корня *daluk-*, предполагаемая древним производным *dalug-ni-*, где *-n-i-* никогда образована инфиксацией глагольного носового аффикса в основу прилагательного **dalug-u-*, может быть засвидетельствована в форме дат. пад. мн. ч. *da-a-lu-ga-i-wa-aš* KUB XXVII 67 II 40 (иногда форма вслед за Кронассером объясняется как вторичная¹⁰). В таком случае и для праславянского не только при использовании сравнения с хеттской формой¹¹, но и на основании форм типа **dl'govъ*, **dl'govatъ*, **dl'govitъ*¹² можно было бы предположить наличие древней основы на **-i-* того же типа, что и в других индоевропейских названиях признаков-прилагательных на *-i-*, относящихся к той же семантической группе¹³ и специально выделяемых в качестве общих для анатолийского, балтийского и славянского¹⁴. При архаичности контекстов, в которых встречаются данные формы на *-aštī*, они не являются в хеттском продуктивными. Поэтому совпадение хет. *dalug-aštī* =слав. **dylg-ostъ*; хет. *palħ-aštī* =слав. **pol-ostъ* свидетельствует о происхождении их от одинаковых индоевропейских праформ. Употребление *dalugaštī. . . palħaštī* в хеттском в двух приведенных текстах сходно с ст.-слав. (др.-болг.) *длъгостъ* же и *широстъ* (Богословие св. Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского, с. 126) и допускает реконструкцию *N-*ostī, . . . N-*ostī* как приема. Для *dalug-aštī* можно думать о развитии **dlHgh- > doluk-* с особым рефлексом группы **-JH-* (ср. греч. *δολιχό-*, для которого и родственного др.-инд. *dirgha* восстановливалось **dl_rgho-*¹⁵); в таком случае хеттская и славянская формы восходят к и.-е. **dlHgh-ostī*. Хеттские формы однозначно указывают на индоевропейское суффиксальное ударение в отличие от славянских, ср. к акцентологическому противопоставлению хет. *da-a-lu-ki-eš-zī*, где ударение явно на корне.

Засвидетельствованные в хеттском параллельные глагольные формы с начальным *z-* вместо *d-* (*zalug-ni-*, написание *za-lu-ug-nu-zī*, *zaluk-ešš-*=*za-lu-ki-iš-zī*) свидетельствуют о неустойчивости *d-* в позиции перед **-JH-* после редукции корневого гласного. Анлаутное чередование *d-/z-* в этой хеттской основе объясняют ассимиляцией, происходившей из-за палатализации, очевидно, в позиции перед редуцированным гласным переднего ряда *e* в субморфе **d_el- > zal-*, тогда как в позиции перед **o > a* в субморфе *dal-* (по огласовке сопоставимым с греч. *δολιχός*)¹⁶ палатализации не происходит, это, однако, чрезвычайно проблематично¹⁷, потому что, во-первых, нулевая ступень редукции корневого гласного делает палатализацию сомнительной, во-вторых, палатализация **d* в хеттском обычно давала *š*: *šiu* ‘бог’ <**deiu-/diu-*. Кажется, однако, возможным сопоставить чередование *d-/z-* в начале этого слова с аналогичным чередованием *l-/z-* в начале слова *lamān-* *zaman-* (дат. п. *zamn-i*, род. п. *zamnūš*)¹⁸ при первой смычной *-t-* в лув. *atimaza* ‘имя’ и начальном спирантне в семитском слове

(финик. *št* и т. п.; в других иностранных языках — уральских — представлена последовательность *n..t* в возможном древнем индоевропейском заимствовании при обратном порядке *t..n* в сино-тибетском). В этом последнем случае наблюдаемое соответствие между чередованием *l/z- ~ t-* в анатолийском и семитском аллауте заставляет вспомнить о предлагаемом в последнее время сближении с сем. *[?]*r-k* для и.-е. **delg^H*¹⁹, хотя фонетическая сторона этого сближения и остается неясной. Более существенно другое: и в слове, обозначающем 'имя' (prus. *etmens*, *etens* < *[?]*men-s*, сопоставимое с лид. *ētam̥s* 'имя', возводится соответственно к **etamaⁿ-s*, ср. иерогл. лув. *ātimaⁿza=atimāza*²⁰; слав. **jъte* рус. *имя*, болг. *име*, с.-хорв. *име*, словен. *imē*, чеш. *jméno*, ст.-чеш. *jté*, слвц. *meno*, польск. *imię*, в.-луж. *tjeno*, н.-луж. *tě*, полаб. *jeita*), балтийский (к которому в этом случае примыкает славянский и албанский) отражает основу с деформацией аллаута. В этом отношении название 'имени' сопоставимо с обозначением 'долготы, длины' как признака, где в хеттском обнаруживается явная неустойчивость начального согласного (можно было бы задаться вопросом, не следует ли здесь, как и в названии 'имени', видеть отражение какой-то позднее исчезнувшей особой древней фонемы; фонетически более вероятно сближение сем. *[?]*r-(k)* с основой лув. *ara-i*, иерогл. лув. *ara*, тох. *A aryu-*²¹, ареальная основа, сближающаяся с *dalug-n-i-* только типом основы на носовой *aganniwa-* 'удлинять'. Отсюда позднейшее полное исчезновение **d-* в родственных словах западноиндоевропейских языков и в балтийских диалектах, засвидетельствованных письменными текстами: лит. *ilga-s*, латыш. *īlg-s*, прус. наречие *ilga*. Тем больший интерес представляет лит. *īlg-asti-s*, употребление которого до настоящего времени сохраняет черты сходства с хеттским, ср. параллелизм: *Kaip išbristi man, vargaienei, tokj plati platiuvelj, tokj giliū ilgasteli?* (Balys Sruoga) 'Как выбраться мне, горемыке, на такой широкой широтушке, на такой глубокой долготушке?', где *plati* 'ширь' (: *platūs* 'широкий') сохраняет связи с хет. *pali-i* (лат. *plānus*), слав. **polъ*, *ilgastis* — с хет. *dalugašti*, слав. *dylgosť*.

Новообразование и в литовском, где группа производных существительных на *asti-s* не очень продуктивна²², представляется крайне маловероятным, хотя в балтийских языках слово не представлено в ранних текстах разных традиций в отличие от славянского. Но при редкости данного суффикса в балтийском он представлен такими уникальными в семантическом отношении образованиями, как прус. *et-ni-sti-s* 'миłość', 'Gnade'²³. Поэтому кажется вероятным, что и часть восточнобалтийских, в том числе литовских, слов с этим суффиксом могла быть достаточно древней.

Таким образом, кажется надежным предположение об отражении в хеттском и балто-славянском деривационного суффикса, известного и в других индоевропейских диалектах (др.-арм. — *-(a)st-* < **(o)sti* в сочетании с основами глаголов и прилагательных и т. п.). Хотя с точки зрения общепроизводных

логии суффикс был сложным (**-os + -ti-*), в рассматриваемых производных он функционировал уже как единое целое.

В древнеармянском производное с суф. *-st-* (с синхронной точки зрения *-ast*, *-est*, *-ist*, *-ust*) образуются от основ прилагательных и глаголов: *gov-est* 'похвала': *gov-em* 'хвалю', *kor-ust* 'потеря': *kor-n-čim* 'пропадаю' и т. п. Древним является суффикс **-(e)s-ti-* в прилагательных, судя по соответствуанию архаического типа представляемого, с одной стороны, в латинских прилагательных (*agr-esti-s* 'деревенский', *cael-esti-s* 'небесный'), с другой — в санскрите, хотя этимологии таких прилагательных, предположительно содержащих этот суффикс, как др. инд. *pal-asti* 'седовласый', *pul-asti* 'с прямыми, невьющимися волосами'²⁴ остаются не до конца ясными. В ведийском очень отчетливо видны функции вторичного суффикса *-ti-* в сочетании с предпредшествующим *-a-tā-* синонимичным **-ostī* с общеиндоеuropeanской точки зрения в таких производных, как *sárv-atāti* 'полнота, благополучие': *sárva* 'весь целый', *arisfātati* 'невредимость': *āris!a-* 'невредимый'²⁵. Поэтому можно думать, что в индоевропейском диалекте, к которому восходит индо-арийский, и в суф. **-esti-* еще отчетливо выделялись обе составные части из которых вторая — вторичный суффикс **-ti-* — отождествлялась с тем же суффиксом в таких сочетаниях, как **-(o)toH-ti* > др.-инд. *-tāti*.

Суффикс, родственный рассматриваемому, был представлен и в ряде древнеевропейских западноиндоевропейских диалектов. О древности *-st-* в некоторых суффиксальных образованиях могут свидетельствовать такие этимологии, как др.-в.-нем. *vrost* 'мороз' (нем. *Frost*), др. исл. *frost*, др. англ. *forst*, *frost*, англ. *frost* (если *-s-* здесь не принадлежит глагольной основе, что может иметь место и в некоторых других случаях; др.-в.-нем. *vrist* ' срок', др. исл. *frest*, др.-англ. *first* 'отсрочка', тох. *A prast*, В *preçciya* 'время' где можно видеть след *-i-* в **-sti-*). В некоторых других древнеславянских производных этого типа не всегда легко отделить общеславянское индоевропейское наследие от достаточно ранних латинских заимствований: ср. лат. *angustia* 'узость' (этимологически тождественно слав. **oz-ostī*): др.-в.-нем. *Angst* (нем. *Angst*).

Приведенный материал и другие аналогичные формы позволяют предположить, что исходные данные для образования сложного суффикса **-es-ti-* были во многих группах древних индоевропейских диалектов. Но только в некоторых, как в балто-славянском и хеттском, были образованы полностью этимологически совпадающие производные, позволяющие думать об одинаковом лексическом заполнении хотя бы части функционально совпадающих словообразовательных классов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Вяч. Вс. Вероятностное определение лингвистического времени // Вопросы статистики речи. Л., 1958.

² Иванов Вяч. Вс. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973.

- ³ *Bonvist E. Hittite et indo-européen. Études comparatives.* Р., 1962.
- ⁴ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5; *Słownik prasłowiański*. Wrocław, etc., 1979. Т. III. Дацъль-дъбътис
- ⁵ Об ударении см.: *Дыбо В. А. Славянская акцентология.* М., 1981.
- ⁶ *Mayrhofer M. Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen.* Heidelberg, 1963. S. 47. Bd II.
- ⁷ *Siegelová J. Appu-Märchen und Uedammu-Mythus // Studien zu den Bogazköy. Texten.* Wiesbaden, 1971, S. 38. Н. 14.
- ⁸ О точных морфологических соответствиях в славянском и об употреблении данной хеттской формы см.: *Иванов Вяч. Вс.* Происхождение славянских глагольных форм на *-l-* // Сов. славяноведение, 1981, № 6, С. 91—102, там же приводится дальнейшая литература вопроса.
- ⁹ См.: *Güterbock H. G. The Song of Ullikummi // Journal of cuneiform studies,* 1952, N 4.
- ¹⁰ *Weitenberg J. J. S. Die hethitischen U-Stämme. — Academisch Proefschrift.* Amsterdam, Rodopi, 1984, § 731. P. 272.
- ¹¹ *Słownik prasłowiański*. . . S. 262—265.
- ¹² Этимологический словарь славянских языков. . . С. 207, 209.
- ¹³ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. 2. С. 782.
- ¹⁴ *Puhvel J. Balto-Anatolian lexical isoglosses // Investigationes Philologicae et Comparativaes.* Innsbruk, 1982.
- ¹⁵ *Strunk K. Verkannte Spuren eines weiteren Tiefenstufentyps im Griechischen // Glotta,* 1969, Bd. 47, Н. 3—4.
- ¹⁶ *Josephson F. Assibilation on Anatolia // Hethitisch und Indogermanisch.* Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 25. Innsbruck, 1979. *Oettinger N. Das hethitische Verbum.* Göttingen, 1979. S. 249, примечание 23, S. 447.
- ¹⁷ *Weitenberg J. J. S. Op. cit.* S. 72, 441, примечание 424.
- ¹⁸ Chicago Hittite Dictionary by Hoffner H., Güterbock H. G. Chicago, 1980. Vol. III. L—M. S. 39. *Иванов Вяч. Вс.* Прус. *emnes, emmens* ‘имя’; иерогл. лув. *atimaza:* хет. *lamān* // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 104—108.
- ¹⁹ *Levin S. Indo-European descriptive adjectives with «Oxytone» accent and Semitic stative verbs // General linguistics,* 1984, vol. 24, N 2.
- ²⁰ *Carruba O. Der Casus auf — sa des Luwischen // Investigationes Philologicae et Comparativaes,* I, 1982; *Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь.* Е—Н. М., 1979. С. 28—29; *Иванов Вяч. Вс.* Прус. *emnes.* . . .
- ²¹ *Puhvel J. Hittite etymological dictionary.* Berlin, 1984. S. 178.
- ²² О типе литовских имен существительных на *-(a)-sti-* см.: *Skardžius P. Lietuvių kalbos žodžių daryba.* Vilnius, 1943. S. 366 (§ 212); *Otrebski J. Gramatyka języka litewskiego.* Т. 2. Nauka o budowie wyrazów. W-wa, 1965. S. 248 (§ 414).
- ²³ См. к анализу этого слова: *Топоров В. Н. Указ. соч.* С. 108, а также: *Schmalstieg W. P. An Old Prussian grammar: the phonology and morphology of the three catechisms.* University. Park; London, The Pennsylvania University Press, 1974. S. 75.
- ²⁴ *Барроу Т. Санскрит.* М., 1976. С. 155.
- ²⁵ *Елизаренкова Т. Я. Грамматика ведийского языка.* М., 1982. С. 169.

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА И ЕГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ (на материале имен прилагательных русского, болгарского и чешского языков)

И. С. Иванова

Взаимосвязь словообразования и семантики постоянно привлекает внимание лингвистов. Только за последние годы появилось немало работ, рассматривающих семантическую сторону словообразовательных процессов и явлений, в том числе исследование М. Н. Янценецкой «Семантические вопросы теории словообразования» (Томск, 1979). В большинстве своем они выполнены на материале какого-то одного языка, хотя не менее актуально освещение данной проблематики в сопоставительном плане, особенно с привлечением фактов близкородственных языков. Анализ плана содержания родственных языков, в частности, славянских, позволяет обнаружить, наряду со сходством словарного состава и основного корпуса словообразовательных аффиксов, глубокие различия, составляющие их языковую специфику.

Сопоставительное изучение семантической стороны словообразовательных процессов стало возможным благодаря высокому уровню развития современной славянской лексикографии, а также фундаментальным теоретическим исследованиям по славянской лексикологии и словообразованию (работы Ив. Лекова, М. Докулила, Н. И. Толстого, Г. П. Непшиенко, О. Г. Ревзиной, Т. И. Вендиной и др.).

Наибольший интерес представляет изучение словообразовательных связей лексем, входивших в общеславянский лексический фонд. Выступая в качестве производящих, подобные лексемы мотивируют большое число производных со сходным набором аффиксов. Анализ этих лексем показывает, насколько сходство семантики производящих слов и словообразовательных формантов обусловливает семантическое сходство производных, а также на каких этапах словообразовательных процессов проявляется своеобразие сопоставляемых языков.

Многие исследователи предлагают рассматривать в сопоставительном плане словообразовательные гнезда, выявляя в них черты лексической микросистемы. Такой путь представляется продуктивным. Однако задача, поставленная в настоящей работе, предполагает несколько иной подход — от анализа семантики слов, сходных в трех языках, к их словообразовательным связям.

Особенности семантической структуры слова на лексическом уровне проявляются в такой системной организации, как лексико-семантическая группа (далее ЛСГ).

В основе выделения ЛСГ и ее последующей стратификации на лексическом уровне лежит принцип однотинности семантических структур ее членов. В соответствии с этим принципом данную ЛСГ можно представить в виде структуры поля, где имеется ядро, периферия и промежуточные ярусы.

Одной из таких ЛСГ, члены которой входили в общеславянский лексический фонд, является группа прилагательных, обозначающих тепловое восприятие. Выделение данной ЛСГ в русском, болгарском и чешском языках, а также анализ семантики ее членов основывается на данных толковых, двуязычных словарей указанных языков, а также словарей синонимов и антонимов. См. схему.

Анализ данных лексем по типовой словообразовательной парадигме позволил выделить «ядерные» прилагательные, которые образуют полный набор производных в трех языках.

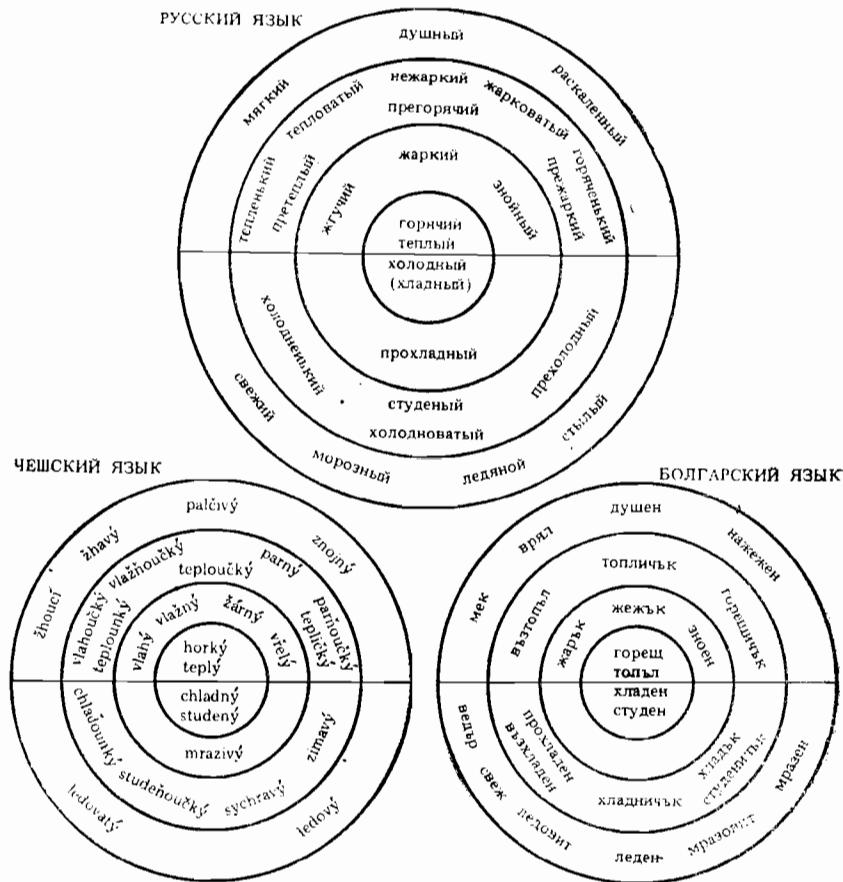
На периферии находятся лексемы, у которых обозначение теплового восприятия реализовано либо в производных значениях; либо в оттенках значений. На следующем ярусе расположены прилагательные, имеющие в трех языках только одно прямое значение. Как правило, это производные от других членов данной ЛСГ. Следующий ярус составляют лексемы, совпадающие по своим прямым и переносным значениям, но различающиеся по словообразовательной активности.

Как показывает дальнейшее исследование, ядерные прилагательные в трех языках являются вершинами соответствующих словообразовательных гнезд, сопоставительный анализ которых представляет большой интерес. Однако для решения поставленного вопроса о своеобразии взаимодействия семантической структуры сходных лексем и их словообразовательных связей гораздо эффективнее анализ по словообразовательным парадигмам.

В словообразовательных парадигмах ядерных лексем трех языков, на первый взгляд, наблюдается много общего, так как семантическая структура левых членов парадигмы (производящих лексем) сходна по языкам, формально сходен и набор аффиксов, присоединяющихся к сопоставляемым лексемам. Однако более пристальный анализ выявляет отличие аффиксов в частных словообразовательных значениях и продуктивности.

От анализируемых имен прилагательных образуются существительные со значением отвлеченного признака, существительные с конкретным значением «носитель или предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим прилагательным», имена прилагательные со значением большей или меньшей степени интенсивности качества, наречия и глаголы.

Сопоставление показало, что наибольшие различия наблюдаются у аффиксов производных существительных. Так, суф. *-ost* продуктивен для русского и чешского (*-ost*) языков и непродуктивен для болгарского. В болгарском языке продуктивны образования от анализируемых лексем с суф. *-ina*, а в русском и чешском языках они относятся к устаревшим или диалектным формам.

Различия могут затрагивать и частные словообразовательные значения аффиксов: например, суф. *-iц(a)* имеется и в русском, и в чешском языках, однако в русском языке дериват *теплица* обозначает помещение, а в чешском — источник: *teplice*.

Отмечены и такие случаи, когда в одном языке суффикс присоединяется к интересующим нас основам, а в другом — нет; ср. рус. *-ак/-як* — *тепляк* (областное), в чешском — *teplicky*; в болгарском сходных образований нет. Примечательно, что нередко дериваты, отсутствующие в литературном языке, имеются в диалектах.

Наименьшие различия в словообразовательных формантах обнаруживаются при образовании от анализируемых основ наречий и глаголов, у которых отмечаются значения «наделять признаком, названным мотивирующим прилагательным» или «приобретать признак, названный мотивирующим прилагательным».

Сопоставительный анализ семантической структуры правых членов словообразовательных парадигм (производных слов) показал, что различия в их семантике обусловливаются не только своеобразием словообразовательных значений формантов. Важную роль играет семантика конкретного лексико-семантического варианта (далее ЛСВ), мотивирующего производное слово.

В рассматриваемой группе наиболее полно усваивают прямые и переносные значения мотивирующего прилагательного имени существительные со значением отвлеченного признака (*холодный — холодность, топъл — топлина, chladný — chladnost*), наречия (*теплый — тепло, топъл — тепло, studený — studeno*) и частично глаголы (*теплый — теплеть, топъл — топля, studený — studeněti*). Но возможны образования и от одного ЛСВ (*горячий — горячить*).

Отадъективные прилагательные мотивируются чаще всего каким-то одним ЛСВ производящего слова (*теплый — тепленький, студен — студеничък, teplý — teplovčký*). Во всех этих случаях в качестве мотивирующего выступают свободно-номинативные или переносные значения лексем.

Среди конкретных существительных, образованных от данных прилагательных, встречаются производные с идиоматичной семантикой (*теплица, теплушка; болг. топлик; чешск. tepláky*). Интересно отметить, что эти существительные мотивированы лексически или фразеологически связанными значениями лексем: *холодный* ‘употребляемый в охлажденном виде’ (о пище) — *холодник* ‘борщ’; *teplý* ‘защищающий от холода’ — *tepláky* ‘теплый спортивный костюм’. Именно эти члены словообразовательных парадигм дают наибольшие расхождения по сопоставляемым языкам. Отмеченные в этих случаях смысловые приращения обусловлены национально-культурными компонентами значения.

Таким образом, своеобразие словообразовательных связей производящего слова, его словообразовательные потенции зависят, с одной стороны, от семантической структуры, обусловленной лексико-семантической системой в целом; с другой стороны, — от словообразовательной системы языка, набора формантов и их значения. Специфика семантики производного слова определяется конкретным ЛСВ мотивирующего слова, значением словообразовательного форманта и, в отдельных случаях, смысловыми приращениями. Поэтому для описания национального своеобразия соотношения семантической структуры слова и его словообразовательных связей, т. е. для определения национальной специфики родственных языков в этом плане, необходимо сопоставительное исследование и семантической структуры производящего слова, и частных словообразовательных значений аффиксов, и типов смысловых приращений.

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЛАВЯНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Й. Ирачек

На данном этапе развития научно-технической революции, стимулирующей расширение словарного состава посредством использования самых разнообразных продуктивных словообразовательных моделей, вопросы специальной терминологии являются весьма актуальными.

Для корректного сравнения словообразовательной характеристики нескольких языков необходимо полное, тщательное описание словообразования данных языков. То же самое касается, конечно, и описания словообразовательных отношений в той или другой специальной терминологической системе.

Любое лингвистическое исследование специальной терминологии предполагает и понятийное овладение отдельными терминами, поэтому мы избрали объектом сопоставления словообразовательные процессы в сфере лингвистической терминологии, точнее, одной ее подсистемы, попытка на которой не представляет для нас затруднений. Лингвистическая терминология, как справедливо пишет В. М. Сергеевина, «чрезвычайно сложная область терминологии в силу наличия в науке о языке разнообразных школ и направлений, изобилующих присущей лишь им терминологией»¹.

Сопоставительное изучение словообразования славянской лингвистической терминологии осуществлялось на основе фундаментального Словаря славянской лингвистической терминологии (далее ССЛТ)². К числу преимуществ этого словаря, по нашему мнению, относится то, что в нем регистрируется прежде всего общепризнанный, более или менее стабилизированный метаязыковой аппарат.

Нами привлекались к исследованию русский и чешский языки; сопоставление проводилось на материале терминологии раздела «Структура слова».

Были исследованы (1) термины, равномерно используемые в данных двух языках, (2) термины, исходным языком которых был в одних случаях чешский, в других — русский. При этом учитывались термины, действительно употребляющиеся, но индивидуальные, приводимые в ССЛТ на первом месте, т. е., например, чеш. *desubstantivum*, но не *desubstantivale*.

В ходе анализа были сделаны следующие выводы:

а) в чешском языке несколько непоследовательно употребляются латинские и исконные термины; ср., например, *nomina agentis, n. actoris, n. rei, n. instrumenti* и т. д. при отсутствии латинского эквивалента у *jména vlastnosti*;

б) в одном из исследуемых языков отсутствует соответствующий эквивалент; ср., например, в чешском *jména podle příslušnosti* — в русском *о*, в чешском *přechýlená jména* — в русском *о* (хотя в специальной литературе можно в последнее время встретить наименование «феминативы», в академической Грамматике-80 они называются «существительные со значением женской»³, см. с. 200), или наоборот в русском — *существительные субъективной оценки*, а в чешском *о*;

в) нарушена последовательность подачи терминов с числовыми коэффициентами в чешском. Так, например, ССЛТ на с. 320 на первом месте приводит *kompozitum* 1 и только потом *složené slovo*, *složenina*; в следующем абзаце приводится *vlastní (pravé) kompozitum* и только потом *kompozitum* 2;

г) иногда в ССЛТ отсутствует соответствующий эквивалент, хотя в действительности он существует, например чешскому *slabičná zkratka* в русском языке соответствует *слоговое сокращение*. Следует, однако, отметить, что оба термина неточны; на самом деле это аббревиатуры, возникшие из сочетания начальных частей слов;

д) на наш взгляд, некоторые исходные термины не совсем удачны, например чеш. *primární (neodvozené, prvoční) slovo*; более точным в синхронной дериватологии нам представляется выражение *nemotivované* или *značkové slovo*.

В сопоставительном чешско-русском плане нами было установлено большое сходство в типе словообразовательной структуры лингвистических терминов, в частности, как у исконных наименований (*složené slovo* — сложное слово, *slovotvorný* — словообразовательный, *zdvojený* — удвоенный, *pismenný (zkratka)* — буквенный (аббревиатура), так особенно у интернационализмов (*transpozice* — транспозиция, *suffixace* — суффиксация, *prefixálně-sufixální* — префиксально-суффиксальный, *opomazilogická struktura* — ономасиологическая структура, *lexikalizace* — лексикализация и др.

Существуют, однако, и некоторые расхождения в структуре чешских и русских лингвистических терминов. Остальные формальные расхождения в словообразовательной структуре сопоставляемых 92 терминов незначительны. Так, например, были установлены только два расхождения типа «составной термин» — «многословное описание» (*zeslabující adjektiva* — прилагательные со значением ослабления качества), S + S pl — S + S sg (*jména vlastnosti* — названия свойства, производное слово — сложное слово (*zkratkový* — сложносокращенный, *vzájemnostní* — взаимопротивопоставленный) или расхождение в употреблении приставки *bezafixální derivace* — неаффиксальная деривация.

Мы не ставили перед собой задачи дать исчерпывающий анализ словообразовательной структуры лингвистических терминов. Нам хотелось только обратить внимание на некоторые характерные для словообразовательной структуры черты русских и чешских лингвистических терминов, зарегистрированных в ССЛТ.

однословный термин двусловный термин
4 расхождения (из общего числа 92 исследуемых терминов это составляет приблизительно 4,3 %)

словообразование	<i>tvoření slov</i>
усечение	<i>usekávání slov</i>
основосложение	<i>kmenové kompozitum</i>
знак	<i>номенклатурный знак</i>

и о н А+С	
-----------	--

имена деятеля	<i>jména člena</i>
имена жителей	<i>obyvatelská jména</i>
имена действия	<i>dějová jména</i>
названия мест	<i>místní jména</i>
гнездо (слов)	<i>slavní čeleď</i>

исконный термин	<i>internacionální termín</i>
15 расхождений (16,3 %)	

соположение	<i>juxtapozice</i>
отмыненное слово	<i>denominativum</i>
отглагольное слово	<i>deverbativum</i>
от наречное «	<i>deadverbiale</i>
уменьшительные существительные	<i>deminutiva</i>
увеличительные «	<i>augmentativa</i>
ласкательные «	<i>hypokoristika</i>
притяжательные прилагательные	<i>posesiva</i>
усложнительные «	<i>intenzifikující adjektiva</i>
внутреннее сложение	<i>ezocentrické kompozitum</i>
внешнее сложение	<i>exocentrické</i>
соединительное сложное слово	<i>kopulativní</i>
взаимопротивопоставленное	<i>reciproční</i>
определительное «	<i>determinační</i>
удвоенное «	<i>reduplikované</i>

Словообразовательные и ономасиологические способы, превалирующие в русской терминологической лексике по сравнению с чешской, преобладают и в исследованной нами терминологии: а) сложение (сложносокращенный, основосложение, взаимопротивопоставленный), б) употребление несогласованного определения (особенно в названиях ономасиологических категорий типа *имена деятеля*).

Кроме того, нами было установлено большее тяготение к интернационализмам в чешской лингвистической терминологии (*juxtapozice* — соположение, *denominativum* — отмыненное слово, *deminutiva* — уменьшительные существительные, *posesiva* — притяжательные прилагательные, *determinační kompozitum* — определительное сложное слово и т. д.).

Можно предполагать, что отмеченные чешско-русские структурные расхождения существуют и в других терминологических подсистемах.

Систематическое изучение словообразовательной структуры отдельных терминологических систем славянских языков может быть наиболее эффективным только тогда, когда будут созданы сопоставительные терминологические словари славянских языков типа ССЛТ. Необходимость создания подобных словарей является очевидной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сергеинина В. М. К проблеме сопоставительного изучения лингвистической термиологии // Лексика, терминология, стили. Межвузовский сборник. Горький, 1977. Вып. 6. С. 95.

² Slovnik slovanské lingvistické terminologie = Словарь славянской лингвистической терминологии = Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology. Рг., 1977. Д. 1.

³ Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.

ВАРИАНТНОСТЬ ОСНОВ НА *-i*, *-o* И *-a* В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Л. В. Куркина

Историко-генетическая характеристика системы словообразования той или иной славянской языковой группы основывается на сопоставительном изучении явлений словообразования отдельных славянских языков / диалектов с учетом территориального и исторического аспектов. При исследовании близкородственных систем словообразования основное внимание направляется на выявление частных диалектных различий, которые касаются преимущественно степени продуктивности и особенностей функционирования определенных словообразовательных типов. Отличительные особенности диалектных систем словообразования, с одной стороны, отражают и продолжают отношения исходной системы, а с другой, — свидетельствуют о неодинаковой реализации единой системы связей и соотношений, унаследованной из праславянской эпохи. При описании словообразовательной системы южнославянской языковой группы первостепенное внимание уделяется тем словообразовательным типам, которые отличительно характеризуют эту группу в целом и противопоставляют ее северославянским языкам. В исследованиях И. Лекова¹, Р. Башкевича², наметивших основную проблематику сопоставительного изучения южнославянского словообразования, именно в плане противопоставления «юг—север» определяются отношения суффиксов *-ica/-ka*, *-nica/-ka*, *-ota/-ostъ*, в топонимии *-ča/ø*. Но, как показывают сравнительно-исторические исследования, южносла-

вянская языковая группа не образует единства, она состоит из двух более или менее однородных диалектных комплексов — западного и восточного. В наибольшей степени прослеживается непрерывное историческое развитие и генетическое тождество для западных диалектов, объединяющих словенский язык с западными диалектами сербохорватского языка (кайкавским, чакавским, западно-штокавским). Единство этой диалектной группы удостоверяется общими явлениями в фонетике, морфологии, лексике, а также наличием общих характеристик в системе словообразования. Именно в западной части южнославянской языковой области получают особое развитие суффиксы *-ača*, *-ot'a*, *-lyja*³, *-ajъ*, *-tev/-tva*, *t-ъje*⁴, *-ad*⁵, *-uljъ/-ulja*⁶, *-oba*⁷. В восточной — болгаро-македонской — области образования с этими суффиксами очень ограничены. К новообразованиям западных диалектов южнославянских языков могут быть отнесены и некоторые другие явления в области словообразования, в частности, активное использование суффиксов *-tъ/-tъ/-ta* для образования *nominis actionis* от глагольных основ. Этот тип образований представляют словен. *brěst* ж. р. 'брод' ~ *brěsti*⁸, *kläst* ж. р. 'корм' ~ *klästi*, *plěst* ж. р. 'плетение' ~ *plěsti*, *prěst* ж. р. 'придение' ~ *prěsti*, *obrěst* ж. р. 'прибыль, выигрыш' ~ *obrěsti*⁹, *zijät* ж. р. 'яма, бездна' ~ *zijáti*, *obstrět* 'ореол, сияние' ~ *obstrěti* и т. д. Для этого ареала очень характерен еще один тип образований — бесприставочные корневые имена, производные от глагола, типа словен. *pâh* — *pēh* м. р. 'толчок; засов; толкушка, ловушка' (~*p(e)hati* 'толкать'), *pîh* м. р. 'ветер' (~*pîhati* 'дуть'), *pêr* м. р. 'гнилой ствол' (~*peréti* 'гнить').

Предметом нашего рассмотрения будет один тип именных образований, мало исследованный на материале южнославянских языков. В западной части южнославянской языковой области получает особое развитие вариантность однокоренных имен с основообразующими элементами **-i*, **-o* и **-a*. Для раннего праславянского языка эти показатели основы трактуются как суффиксы, выполняющие чисто структурные функции расширителей основы¹⁰. Для эпохи, когда произошло фонетическое изменение *i > y*, *o > ſ*, можно лишь условно говорить о суффиксах, поскольку конец основы стал показателем грамматического рода и соответственно показателем парадигматического класса имени. В тех языках, где представлена корреляция по твердости — мягкости согласных, имена на **-i* и **-o* различаются твердым и мягким исходом основы (ср. рус. *блазен* и *блазень*, польск. *gran* и *grań*). Там же, где эта корреляция отсутствует, исходные суффиксы **-i* и **-o* не имеют материального выражения (ср. словен. и с.-хорв. *vrt*), и противопоставленность однотипных имен осуществляется чисто парадигматически. Варианты однокоренных имен развиваются в системе отлагольных и отмычных образований. Различия в исходе основы нередко сопровождались различиями в корневом вокализме (ср.: др.-рус. *разъ* и *rѣзъ*, *плотъ* и *плеть*). Исследование этого типа имен на древнерусском мате-

риале показало, что в эпоху, когда чередования сохраняют еще свою активность, для отглагольных основ с показателем *-i наиболее характерна огласовка *e*, для основ на *-o и *-a — огласовка *o*¹¹. С развитием тенденции к обобщению корневого вокализма характерной особенностью основ на *-i становится тождество по вокализму с однокоренным глаголом. С утратой мотивирующих связей морфонологические варианты развиваются вторичное противопоставление по роду с помощью основообразующих элементов (ср.: др.-рус. *племъ* — *племъ*, *оплотъ* — *оплота*). В результате деривационных преобразований древние основообразующие элементы становятся составной частью суффиксов *-ьк*, *-ьк-*, *-ок*, *-ак*, *-ук* и т. д. Параллелизм основ проникает в систему суффиксальных образований, следствием чего было развитие суффиксальных вариантов типа *-ьсь/-ьса*, *-ьникъ/-ьница*, *-тъ/-ть/-та* и т. п.¹² Таким образом, в праславянском языке древние именные основы предстают в сильно измененном, перестроенном виде. В позднепраславянскую эпоху и в отдельных славянских диалектах противопоставленность по роду основ на *-i/-o* и *-a*, с одной стороны, и основ на *-i* и *-o* — с другой, становится достаточно регулярным явлением. Для системы праславянского реконструируется значительное число парадигматических вариантов на **-i*, **-o* и *-a*. По данным «Этимологического словаря славянских языков» и «Праславянского словаря» уже на праславянском уровне выступали как соотносительные варианты продолжения слав. **blaznъ / *blaznъ, *baxorъ / *baxorъ, *bridъ / *brida, *brusъ / *brusъ, *brъstъ / *brъstъ, *bъrtъ / *bъrtъ, *bytъ / *bytъ, *čadъ / *čadъ, *čemergъ / *čemera, *čepelъ / *čepela, *čerěnъ / *čerěnъ / *černъ / *černa / *černъ, *činъ / *čina, *čipъ / *čipa, *grana / *granъ / *granъ, *grēda / *grēdъ / *grēdbъ, *grōda / *grōdъ / *grōdbъ, *grōzъ / *grōzъ, *gъrbъ / *gъrba, *gъrčъ / *gъrča, *gyra / *gyrъ / *gyrъ, *klētъ / *klētъ, *klēčъ / *klēča, *kogъtъ / *kogъtъ, *kolovъrtъ / *kolovъrtъ* и т. д. Как правило, соотносительные варианты не имеют общеславянского распространения, они сосуществуют в системе как территориальные образования, как явления диалектно ограниченные.

Основная часть вариантов приходится на диалектные новообразования позднепраславянской эпохи, но в некоторых случаях можно с достаточной определенностью говорить о древнем балто-славянском наследии. В работах Р. Эккерта, который занимался исследованием вопросов балто-славянских отношений на материале основ на *-i*, находим следующие примеры: праслав. **grēdъ / *grēda* — лит. *grindis* ж. р. ‘доска, брус’ и *grindà* ‘половая, мостовая доска’, праслав. **gordъ / *gordъ* — лит. *gardis, gardas*, праслав. **večerъ / *večerъ* — вост.-балт. **vakaras* и латыш. *vakari* и т. д.¹³

Вариантность по роду по-разному проявляется в славянских языках. В истории русского языка и его диалектов как регулярное явление прослеживается морфологическая противопоставленность имен на **-i/-o* и *-a*¹⁴. Другим ареалом, где наиболее полно реализуется парадигматическая вариантность всех видов, явля-

ется северо-западная часть территории южнославянских языков. Центром инноваций можно считать область словенского языка, в диалектах, периферийных по отношению к центру — хорватско-кайкавском и чакавском — морфологическая вариантность по роду проведена не так четко и последовательно. Слабее всего родовые варианты однокоренных имен представлены в восточной — болгаро-македонской группе южнославянских диалектов. В системе словенского языка парадигматическая вариантность имеет следующие особенности. Во-первых, вариантность характеризует не только приставочные образования, но, что особенно важно, корневые имена. Во-вторых, здесь активный, регулярный характер носит противопоставленность по роду у основ на **-i* и **-o* (ср. *grēz* м. и ж. р., *kāt* м. и ж. р.) и у основ на **-o/-i* и *-a* (ср. *māz* м. р. и *máza*, *gōt* м. р. и *gōta*). Вариантность охватывает значительное число слов, активизация этой модели является чисто словенским новообразованием. В своей значительной части морфологические варианты не различаются по значению и выступают на правах семантических дублетов. Примером тому могут служить словен. *gāz* м. и ж. р. = *gáza* ‘тропа, дорога’, *glād* м. р., *glād*, *i* ж. р. ‘голод’ и с.-хорв. *glād* м. р. = *glād* ж. р., словен. *krāt* м. р. = *krāt* ж. р. ‘один раз’ и с.-хорв. *krāt* м. р. = *krāt* ж. р. то же, словен. *lakāt* м. р. = *lakāt*, *kič* ж. р. ‘локоть’, *mrāv*, м. р. = *mrāv* *i* ж. р. ‘муравей’, *gnēd* м. р. = *gnēd* ж. р. ‘ветка с красными ягодами’, *klēč* м. р. = *klēč*, *i* ж. р. = *klēča* ‘скала, утес’ и т. д.

В однородной языковой системе варианты складываются на основе взаимодействия частных диалектных систем, систем разных функциональных стилей. Одни варианты более употребительны, другие менее (ср. архаичные словен. основы ж. р. *lakāt*, *klēč*, *gnēd* и т. п.). Одним из наиболее активных способов преодоления избыточности в языке является семантическая дифференциация соотносительных вариантов. В языке развиваются определенные типы семантических отношений между вариантными основами. Так, в системе отглагольных образований происходит специализация значений в следующем направлении: имена мужского рода обозначают действие по их производящему глаголу, а имена женского рода характеризуются более конкретными значениями. Ср. словен. *glēd* м. р. ‘смотрение’ и *glēd*, *i* ж. р. ‘направление взгляда’, *kōv* м. р. ‘кузничная работа’ и *kōv*, *i* ж. р. ‘подкова’, *tēt* ж. р. ‘помол’ и *tēt*, *i* ж. р. ‘зерно, песок’, *tēt* м. р. ‘метание’ и *tēi*, *i* ж. р. ‘отруби’, *rēz* м. р. ‘резание’ и *rēz*, *i* ж. р. ‘отрезок, кусок’, *sēd* м. р. ‘сидение’ и *sēd*, *i* ж. р. ‘насест’, *rēz* м. р. ‘вязание’ и *rēz*, *i* ж. р. ‘связующее средство’, с.-хорв. *pād* м. р. ‘падение’ и *pād*, *i* ж. р. ‘низина, падь’. Как видно из примеров, частично семантическое противопоставление поддерживается и различиями в ударении. В ряде случаев существительные с показателем *-i* ж. р. получают оттенок собирательности: ср. с.-хорв. и словен. *mlād* ж. р. ‘молодняк’, с.-хорв. *ced* ж. р. ‘детвора’, *zēlen* ж. р. ‘зелень’ и т. п.¹⁵

В подавляющем числе случаев наблюдается лишь частичное совпадение значений у соотносительных вариантов. Имена женского рода нередко берут на себя часть семантической нагрузки мужского варианта. Так, мужской вариант *lät* выступает в трех значениях: 'метелка у овса, проса', 'колос' и 'кукурузный початок', а за женским вариантом закрепляется только третье значение. У имен женского рода активнее, чем у соответствующих мужских вариантов, идет процесс конкретизации значения, развитие конкретных, контекстуально обусловленных значений. Ср. *pläst* м. р. — 'копна сена', а вариант женского рода — 'слой', 'сенный перегар', 'гниющие зеленые всходы под снегом', 'плуг', 'копна сена'.

В основе семантического разграничения лежит соотнесенность морфологических вариантов с разными значениями производящей основы. Ср. *ręć* ж. р. 'огонь' и *ręć* 'забота' — *ręci* 'жечь', 'заботиться'. Сосуществование вариантов в системе приводит к лексикализации имен, разрушению тождества слова и образованию омонимов, как это имеет место в случае словен. *tđl* 'помол' и *tđlj*, обозначение насекомого. Сходным путем устраивается семантическая дублетность в других славянских языках и, в частности, в русском языке.

Морфологическая вариантность, получившая особую активность в словенском языке, в какой-то своей части базируется на явлениях, унаследованных из эпохи, когда словообразовательные процессы подчинялись тенденции к выравниванию производной основы по производящей. В результате общих пережитых процессов в части славянских диалектов парадигматическую вариантность развиваются одни и те же основы. Ср. словен. *vēz* м. р. и ж. р., рус. диал. *вяз* и *вязь*; словен. *pläst* м. р. и ж. р., рус. *пласт* и диал. *пласти*; др.-рус. *мѣль* и рус. *мель*, польск. *miał* и *miel*; рус. диал. *груд* 'куча, груда' и *грудь*, белор. *груд* 'холм' и *грудзі* pl. *tant*; словен. *tđl* и *tđlj*, рус. *мол* 'помол' и *моль* и т. п.

В подавляющем большинстве случаев варианты основ складываются в диалектах позднепраславянского языка. В историческую эпоху тенденция к развитию вариантности наиболее полно реализуется в двух славянских ареалах: у южных славян в области словенского языка, а на остальной славянской территории — в русских диалектах. Это явление отличительно характеризует западно-южнославянскую группу диалектов и вместе с тем объединяет эту диалектную группу с одной частью северно-славянских языков — русскими диалектами.

При отборе и реконструкции слов для праславянского лексического фонда встает вопрос: когда и в каких случаях имена с разными основообразующими показателями должны рассматриваться как параллельные, самостоятельные слова, а в каких случаях за ними сохраняется статус вариантов. В «Этимологическом словаре славянских языков» и «Праславянском словаре» в решении этого вопроса нет последовательности. В подавляющем большинстве случаев имена с исходом на **-i*, **-o* и *-a* трактуются

как морфологические варианты, и такое решение оправдано, когда варианты семантически слабо разграничены. Но в обоих словарях можно найти немало примеров разделной трактовки по существу семантически тождественных вариантов. Так, в одном случае не различающиеся по значению имена типа чеш. *čerel* м. и ж. р. 'лезвие режущего орудия', рус. *груз* и *грусь* 'вес, тяжесть' даются в словарях как варианты одного слова и рассматриваются в одной словарной статье, а в другом аналогичном случае мужской и женский вариант выделены в самостоятельные статьи. Ср. *čadъ* и *čadъ* (макед. *чад* м. и ж. р. 'дым, чад' и рус. *чад* и *чадъ* то же), **bytъ* и **быть* (словен. *bit* м. и ж. р., рус. *быть* и *быт* 'существование'), **brъstъ* и **brъstъ* с общим значением 'побег, ветка'. Целесообразно и оправдано разделение морфологических вариантов и признание за ними статуса самостоятельного слова только в том случае, когда в диалектах прослеживается устойчивая направленность к семантическому противопоставлению и лексикализации вариантов, как это имеет место у слов типа *tělъ* — *tělъ*, *molъ* — *molъ*, *cérъ* (ср. болг. *цеп* м. р. 'принадлежность ткацкого станка') — *cérъ* (ср. болг. *цеп* ж. р. 'цепь').

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Леков Ив. Словообразователни склонности на славянските езици. С., 1958.
- 2 Божковић Р. Развитак суфикса у јужнословенској језичкој заједници // ЈФ XV, 1936. С. 1—155.
- 3 Ibid.
- 4 Orzechowska H. Oznaczeniowe formacje odsłowne w językach południowosłowiańskich. Wrocław etc., 1966.
- 5 Boryś W. Collectiva w gwarach serbskochorwackich // RS XXXIII, 1, 1972. С. 33—46.
- 6 Warchol St. W sprawie genezy i funkcji sufiku *-ula* w słowiańskich nazwach osobowych i apelatywach // Z polskich studiów slawistycznych. Ser. 3. Językoznanstwo. W-wa, 1968. S. 55—63.
- 7 Neweklowsky G. Zur Derivation der Substantive in der südslawischen Sprachen // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 1, 1978. S. 226.
- 8 Słownik prasłowiański. Wrocław etc., 1976. Т. II. S. 45.
- 9 Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. V. IV. La formation des noms. P., 1974. P. 692—695.
- 10 Słownik prasłowiański I. S. 58—59, 80.
- 11 Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969. С. 43—53.
- 12 Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974. С. 132 и след.
- 13 Эккерт Р. Православянские диалектизмы среди именных основ на *-i* // Исследования по славянскому языкоизнанию. М., 1971. С. 486—495; Eckert R. Die balto-slawischen Wortentsprechungen // ZfSl 1977, Bd. XII, Н. 5. S. 579—589.
- 14 Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984, гл. II; Шамина Н. А. Явления родовой синонимии в русском языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Казань, 1971.
- 15 Frančić V. Budowa słowotwórcza serbskochorwackich kolektywów. Kraków, 1961. S. 61.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

O. Мартинцова

1. Пытаясь определить специфику современного подхода к решению некоторых общетеоретических аспектов проблематики окказионализмов, мы наметили возможные пути сопоставительного изучения окказионализмов в зависимости от целей сопоставления. Так, например, предметом исследования может служить вопрос, как посредством окказионализмов в сравниваемых языках реализуется словообразовательный потенциал эквивалентных лексем. В этом случае важно установить, протекает ли заполнение свободных мест в словообразовательных парадигмах этих лексем сходным или же различным путем. В качестве примера приведем эквивалентные лексемы *datel* (чеш.) и *дател* (рус.), у которых окказионализмы *datlice* и *дятлиха* в равной мере заполняют семантическую ячейку названия самки.

Возможен и иной подход к сопоставительному изучению окказионализмов. Можно, к примеру, поставить вопрос о связи процесса создания окказионализмов со словообразовательными процессами, характерными для современных славянских литературных языков.

Именно эта проблема и будет находиться в центре нашего внимания, однако прежде мы кратко остановимся на определении окказионализмов и на возможном аспекте их изучения.

2.1. При определении понятия-термина «окказиональное слово» мы будем исходить из точки зрения, высказываемой в работах В. Б. Лопатина, И. С. Улуханова и ряда других лингвистов¹.

Под окказионализмами мы понимаем слова, возникающие в ходе языкового высказывания и употребляющиеся в рамках текста, составной частью которого они являются. Характерной особенностью окказионализмов является одноразовость употребления.

2.2. Образование подобных слов отмечается во всех сферах общественной коммуникации, причем существует зависимость между их образованием и характером нормы отдельных коммуникативных сфер, т. е. нормы отдельных разновидностей языка, а также коммуникативных и стилевых норм. Поэтому, с нашей точки зрения, методически вполне обоснованным является не только системный, но и коммуникативный подход, т. е. необходимо учитывать, с какой коммуникативной сферой те или иные окказионализмы связаны генетически и функционально.

Заметим, что для познания словообразовательного механизма, для установления эквивалентности, параллелизма и асимметрии в функционировании словообразовательного аппарата родственных языков особенно большое значение имеет сравнение окказионального словообразования в гетерокоммуникативных сферах.

Это можно проиллюстрировать на примерах из чешского и словацкого языков. В чешском языке образование окказиональных деминутивных глаголов с формантом *-k-* типа *uklidkat*, *smrčkat* отмечается в сфере цепринужденного общения, при языковых контактах с детьми, но не встречается в функциональных сферах литературного чешского языка. В словацком языке, в отличие от чешского, словообразовательный тип уменьшительно-ласкательных глаголов признан литературной нормой — окказиональные уменьшительно-ласкательные слова типа *rozzvonkať*, *uvravkať* используются в функциональной сфере литературного языка, в художественной сфере.

2.3. При словообразовательном анализе окказионализмов, встречающихся в литературных высказываниях, основным методологическим принципом, по-видимому, будет сопоставление со словообразовательной нормой литературного языка. На основе этого выделяются две группы окказиональных слов. В первую входят слова, примыкающие по своей словообразовательной форме к словообразовательным типам, характерным для современной литературной нормы. Другую группу составляют так называемые нетиповые окказионализмы. Они образуются посредством периферийных способов и отличаются от общепринятой словообразовательной нормы.

3. Ниже в сопоставительном аспекте будет рассмотрена взаимосвязь между окказиональным словообразованием и словообразовательными процессами современных литературных языков, конкретно — чешского, польского и русского. Сравнение материала этих языков позволяет прийти к выводу об идентичности характера данных процессов: типовые словообразовательные процессы имеют свои параллельные проявления и в сфере окказионального образования. Речь идет, главным образом, о процессах более общего характера, о процессах интернационализации и гибридизации. Это проявляется в использовании при образовании окказионализмов параллельных средств, т. е. в использовании словообразовательных основ и аффиксов иноязычного происхождения. К ним относятся префиксы *anti-//anty-// анти-*, *super-//super-*, суффиксы *-ismus-//izm/-изм*, *-izace//izacija//изация*, префикссоиды *mini-//мини-*, *mikro-//микро-*, части сложных слов *-ология*, *-лог*, *-мания*, *-ман* и некоторые другие. Использование этих средств обусловлено действием процесса интернационализации словарного запаса, что на словообразовательном уровне проявляется в повышенном употреблении иноязычных элементов при образовании новых слов в научной, профессиональной и публицистической сфере. Следует отметить также активное сочетание отечественных основ с иноязычными словообразовательными элементами во всех трех сравниваемых языках.

Ниже на конкретных примерах будет проиллюстрирован процесс гибридизации.

Максимальное сходство между современным чешским, польским и русским языками обнаруживается при образовании существи-

тельных и прилагательных с помощью префиксов *anti-* и *super-*. Использование этих префиксов для образования окказионализмов свидетельствует об изменении их статуса в словообразовательной норме всех трех языков. Так, не только увеличивается количество новых слов с данными префиксами в научной и публицистической сферах, возрастает их эмпирическая продуктивность, но также изменяется и их функционально-семантическая значимость. *Anti-* в узальных именах существительных выражает: 1. 'направленный против того, что выражено производящим словом' чеш. *antimilitarismus*; пол. *antymilitarizm*; рус. *антимилитаризм*; 2. 'выражает противоположное свойство, противоположность' чеш. *antičástice*; пол. *antycząstka*; рус. *античастица*; 3. 'недостаток какого-либо знака, содержащегося в значении производящего слова'. Этот семантический спектр префикса *anti-* отражается и в окказионализмах. Ср.: 1. чеш. *antinásilí*; пол. *antyrząd*, *antyimport*; рус. *антиэстетизм*; 2. чеш. *antiprémie*, *antizázrak*; пол. *antystosunek*; рус. *антиделовитость*; 3. чеш. *antimatematik*, *antilidé*; пол. *antyzona*; рус. *антиактриса*, *антимужчина*. Особым проявлением гибридизации являются слова с приставкой *anti-*, выражающие недостаток какого-либо признака, наряду с негативной оценкой явления, человека, как, например, чеш. *antidomácnost*, пол. *antyomatka*, рус. *антимужчина*.

Приставка *super-* так же, как и *anti-*, в окказиональных образованиях указанных языков сочетается с основами существительных иноязычного и отечественного происхождения, обозначающих предметы, растения, живые существа, людей, абстрактные понятия: чеш. *superpotkan*, *superřepa*, *superboháč*, *superpila*, *superlesk*; пол. *supernarty*, *superšpioch*; рус. *суперребенок*, *суперсовременность*. Отмечается также с прилагательными: чеш. *superneukázněný*; пол. *superrozsądzny*; рус. *суперсложный*.

Что касается других иноязычных префиксов, то в их использовании для образования окказионализмов (в отличие от префиксов *anti-* и *super-*) в сравниваемых языках уже нет столь большого сходства. На основе имеющегося у нас материала в польском и русском языках *ultra-//ультра-* используется в большей степени, чем в чешском (напр., пол. *ultranowoczesność*; рус. *ультрачувства*). В чешском языке нами зафиксировано также несколько имен прилагательных, например, *ultralehký*. Префикс *гипер-* используется как в чешском, так и в польском языках (чеш. *hyperpracovna*, *hypervýkonný*; пол. *hiperprzecena*).

Примером параллельного употребления элементов иноязычного происхождения является также *мини-* (чеш. *miniskleniček*; пол. *mini-gąbka*; рус. *мини-лошадка*), *микро-* (чеш. *mikrožemlička*; пол. *mikrosklepik*; рус. *микропорыв*, *микрораздник*), *-мания* (чеш. *známkomanie*; пол. *kursomania*; рус. *дипломомания*, *микромания*), *-логия//логия//логия* (чеш. *dolazníkologie*; пол. *hierarchologia*, *butologia*; рус. *кинология* (т. е. *киноведение*)).

В связи с проявлениями гибридизации в сфере окказионального образования особую актуальность приобретает вопрос о типи-

зации образования гибридных лексем, о выходе их образования за рамки конкретных словообразовательных моделей типа «*super- + имя существительное*», «*мини- + имя существительное*» и т. д. Речь идет о том, что, видимо, в настоящее время некоторые гибридные образования возникают на фоне формирующейся модели более общего характера, т. е. схемы, которую можно выразить формулой «*элемент иноязычного происхождения, выражающий меру, степень свойства + производящее имя существительное, прилагательное*».

Помимо идентичных словообразовательных средств, в каждом из сравниваемых языков при образовании окказионализмов используются и другие средства иноязычного происхождения. В силу специфики исторического развития чешского, польского и русского языков, несовпадения темпа заимствования иноязычных элементов и т. п., при образовании окказионализмов в этих языках, помимо идентичных, используются и различные словообразовательные средства иноязычного происхождения. Это проявляется, в частности, в сосуществовании отечественных и иноязычных синонимичных аффиксов. Приведем в качестве иллюстрации хотя бы один пример. В чешском, в отличие от русского и польского языков, названия свойств образуются при помощи как суф. *-ost*, так и суф. *-ita*. В ряде случаев встречаются такие варианты, как *objektivnost* — *objektivita*, *aktivnost* — *aktivita*. Активизация использования иноязычных элементов в настоящее время обуславливает образование окказиональных вариантов с суф. *-ita* к дериватам с суф. *-ost*. Например, наряду с *muzikálnost* возникает окказиональное *muzikalita*.

С современными словообразовательными процессами связано и создание окказионализмов как вариантов образований вследствие экспансии параллельных словообразовательных типов; ср. у прилагательных деривацию при помощи суф. *-ovský//owski//овский*; чеш. *četníkovský*, наряду с узальным *četnický*; пол. *hobystowski*, *spikerowski*, наряду с *hobystyczny*, *spikerski*; рус. *сейдовский*, наряду с *сейфовый*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. следующие публикации: Buzássyová K. O vztahu potenciálnych a príležitostných odvodených slov k jazykovej norme // Z teórie spisovného jazyka. Br., 1979; Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // ВЯ, 1957, № 4; Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Pr., 1974; Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973; Мартинцова О. Окказиональные слова и сопоставительное изучение // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков: Тезисы международного симпозиума. М., 1984; Новое в русской лексике: Словарные материалы — 77, 78, 79. М., 1980, 1981, 1982; Smółkowa T., Tekiel D. Nowe słownictwo polskie (przymiotniki i przysłówki). Wrocław, 1977; Узуханов И. С. Узальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // ВЯ, 1984, N 1; Zagrodnikowa A. Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie. Kraków, 1982.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛЕНГА

И. Неквапил

0. Предметом нашего внимания будут служить некоторые интересные особенности сленга, выявляемые при сопоставительном изучении его с другими формами существования языка, в частности с литературным языком, а также при систематическом сравнении сленгов двух (нескольких) языков.

1. Определение терминов и понятий

В чехословацкой (отчасти и англоамериканской) лингвистике, в русистике для обозначения данного феномена обычно используются четыре термина-понятия: арго, жаргон, сленг и социальный диалект. Наиболее однозначным представляется последний, обобщающий, термин, хотя и в русистике, и в богемистике его адекватность справедливо подвергается сомнению. В соответствии с чешской традицией в рабочем порядке сленг определяется как более или менее нелитературные средства выражения, характерные для определенной социальной среды¹.

2. Типология подходов к изучению сленга

Существуют три подхода к изучению сленга: а) лексикографический; б) грамматический; в) коммуникативный. В целом превалирует первый подход (именно он и доминирует в книге Я. Губачека о чешском сленге)², впрочем, зачастую он дополняется грамматическим, resp. словообразовательным анализом. Грамматический подход применен в другой книге того же автора³, а также в некоторых работах Ц. Каастойчевой о русском сленге⁴. Коммуникативный подход к сленгу разработан недостаточно⁵, хотя он и имеет важное значение для сопоставительного изучения сленга различных языков.

3. Место сленга в чешской и русской лексике

В результате проведенного исследования⁶ мы (вместе с другими авторами) можем утверждать, что при значительном сходстве чешской и русской лексики (Я. Влчек⁷ отмечает, что в чешском и русском языках 60 % слов являются формально и семантически тождественными или же сходными), сленг в абсолютном большинстве случаев представляет собой область расхождений (справедливость сказанного подтверждает сопоставление студенческого сленга).

4. Конфронтация ономасиологических приемов

Анализ показал, что в русском и чешском студенческом сленге применяются в принципе тождественные ономасиологические приемы⁸. Очень продуктивным является так называемое семантическое словообразование. Кроме того, помимо образования новых

слов (т. е. словообразование в узком смысле слова), широко используются механическое сокращение и искажение структуры слова.

5. Выбор ономасиологического признака

5.1. Детальное сравнение чешского и русского студенческого сленга нами проводилось на материале лексической микросистемы «обозначения градации баллов (отметок)⁹». Нами было установлено, в частности, что обозначение градации баллов в чешском и русском сленге имеет ряд сходных признаков, на основании чего можно заключить, что в сленге сравниваемых языков существуют общие семантические тенденции.

5.2. Выбор ономасиологического признака релевантен при оценке степени экспрессивности соответствующего сленгового слова¹⁰. Так, чем характернее предмет, обозначенный в имени деятеля, для определенного действия, тем менее экспрессивным является обозначение и наоборот. Проиллюстрируем сказанное на примере существительного *vidlák* 'нездешний студент' (чеш. *rě-spolní student*, буквально: 'студент, который ходит через поле'), где в качестве производящей основы используется существительное *vidle*, обозначающее предмет, лишь весьма отдаленно связанный с хождением по полю, т. е. здесь речь идет скорее о свободной ассоциации между полем и орудием труда, применяемым при полевых работах. Слово *vidlák* фиксирует сельское происхождение студента, оно имеет ярко выраженный экспрессивный характер. Данное существительное не утратило бы свою экспрессивность даже в том случае, если бы на месте суф. -ák был нейтральный формант -ař.

6. Особенности тенденции универбизации в сленге

6.1. Транспозиция рода у слов, заканчивающихся на -ák. Формант -ák используется при универбизации словосочетаний с определяемым членом не только мужского рода (ср.: студ. *třeřák*=student třetího ročníku nebo *třelí ročník*, рус. эквивалент 'студент третьего курса или же третий курс'), но и женского и среднего рода (студ. *rýsovák*=rýsováci prkno, *deska* 'чертежная доска'). Сказанное усиливает экспрессивность производного слова. Факт транспозиции рода у слов на -ák можно, очевидно, объяснить двумя причинами: обычным автоматизмом образования новых слов (поскольку формант -ák в чешском сленге относится к наиболее продуктивным), а также стремлением к образованию действительно необычных названий.

6.2. Продуктивность грамматической формулы предложения (S_{nom})—VF. То, что в литературном языке можно выразить, например, только при помощи формулы (S_{nom})—VF— S_{acc} , в сленге передается при помощи формулы (S_{nom})—VF. Итак, сленговые глаголы типа *parovat* (ж.-д.) (лит. 'vyrábět páru' — 'производить пары'), *výletovat* (туррист.) (лит. 'podnikat výlety' — 'уступлять пары'), *zmetkařit* (производств.) ('vyrábět zmetky' — 'рашивать экскурсии'),

'производить брак') относятся к деноминативам со значением 'делать, производить то, что обозначает мотивирующе существительное'. При сравнении их синтаксической и семантической структуры с соответствующим литературным эквивалентом противопоставляются непереходные и переходные глаголы, причем пациент (участник типа «пациент») литературного слова включается в семантику сленгового глагола. Это подтверждается невозможностью распространения такого сленгового глагола соотвествующим пациентом: **výletovat výlet* или **výletovat dálkový pochod*. Объектная валентность литературного глагола отсутствует у глагола из сленга. Сленговый глагол выступает в грамматической формуле предложения (S_{nom})—VF, то время как соответствующий литературный эквивалент — в формуле (S_{nom})—VF—Sacc.

Кроме участника типа «пациент», в семантику сленгового глагола может включаться и «средство» (турист., воен. *bagrovat* — лит. 'jist lžicí, resp. *bagrem*'); «место» (турист. *cancat* — лит. 'psát do památníku, resp. *cancáku*'); «способ» (*černit* — лит. 'jet bez platné jízdenky, resp. *načerno*]). Следует отметить, что интерпретация приводимых сленговых глаголов *bagrovat*, *cancat*, *černit* осложняется наличием этих же лексем в литературном языке, где они имеют, разумеется, иное значение.

7. Синтаксическая и морфологическая характеристика глагола в литературном языке и в сленге

Здесь речь идет о выявлении синтаксических (или морфологических) сигнализаторов различных видов значения (т. е. литературного и сленгового) одного и того же глагола. Валентностный потенциал, resp. валентностные свойства сленговых глаголов (т. е. имеющих сленговое значение), находятся под воздействием валентностных свойств тех литературных глаголов, значение которых они принимают. Если глагол, resp. значащий компонент глагола, приобретает другое значение, то одновременно он заимствует у глагола, значение которого приобретает, его валентностный потенциал и утрачивает вместе со своим исходным значением свой собственный исходный валентностный потенциал. В ходе анализа языкового материала были выявлены следующие типы отношений между литературным и сленговым глаголами.

а) Литературный глагол обычно имеет при себе объект, а сленговый глагол, как правило, распространяется только авербильным определением; ср. воен. сленг. *razit* — лит. *jít*. В литературном языке *razit* имплицирует объект, в военном сленге же оно выступает без объекта и сочетается, как правило, с каким-нибудь авербильным определением; т. е. лит. *razit co* — воен. сленг. *razit kam* (под влиянием лит. *jít kam*). Другими словами, валентностный потенциал литературного глагола *jít* обусловил валентностный потенциал сленгового глагола *razit*.

б) Если литературный глагол, как правило, сочетается с авербильным определением, то сленговый глагол обычно имеет

только объект; ср. телевизион. сленг. *vjíždět* — лит. *pouštět*. См.: лит. *vjíždět kam* — телевизион. сленг. *vjíždět co* (адекватно лит. *pouštět co*).

в) Литературный и сленговый глаголы управляют объектом, кроме того, литературный глагол, в отличие от сленгового, может сочетаться с авербильным определением; ср.: ученич. сленг. *položit* — лит. *udat*; лит. *položit co kam* — ученич. сленг. *položit co* (адекватно лит. *udat co*).

г) Проявление синтактико-семантической адаптации слов может наблюдаться и на морфологическом уровне, например, при использовании рефлексивации: литературный глагол управляет объектом, а сленговый глагол сочетается только с возвратной частицей: ср. воен. сленг. *zašíť se* — лит. *schovat se*. См.: лит. *zašíť co* — воен. сленг. *zašíť se* (адекватно лит. *schovat se*).

8. «Little Languages»

Несколько иную направленность будет иметь сопоставление неславянских языков. Больше тождество окажется в области так называемого семантического словообразования и вообще там, где словоиздание тесно связано с психикой носителей языка. Явно интернациональный характер имеют способы, при помощи которых образуются Little Languages (этот термин мы используем вслед за Вентворт-Флекслер¹¹). Данные способы сходны как для чешского, словацкого и русского, так и для английского и французского языков. Основную роль здесь играют субституционный, транспозиционный и маскирующий типы. Впрочем, при их изучении мы выходим за традиционные рамки естественных языков.

Словацкие Little Languages достаточно подробно описаны Ондрусом¹².

Перевод М. А. Осиповой

ПРИМЕЧАНИЯ

- Подробнее см.: Губачек Я. О традиции в изучении сленга в чешском языке // ВЯ, 1980, № 2; Nekvapil J. Plzeňské konference a sborníky o slangu a argotu // Slavia 53, 1984.
- Hubáček J.* O českých slanžích. Ostrava, 1979.
- Idem. Oponomaziologické postupy ve slovní zásobě slangu. Pr., 1971.
- Карастойчева Ц. Конструктивно обусловленные значения — источник заобогащивания на младежки сленг // Български език 28, 1978.
- См. подробнее: Nekvapil J. Některé sociolinguistické aspekty výzkumu slangu // Sborník přednášek z III. konference o slangu a argotu v Plzni 24.—26. ledna 1984. Plzeň, 1987.
- Nekvapilová B., Nekvapil J. Заметки о сравнении чешского и русского студенческих сленгов // Там же.
- Vlček J. K porovnání slovní zásoby v ruštině a češtině // Slavica Pragensia. VII. Pr., 1965.
- Неквапилова Б.* Несколько замечаний к речи советских студентов // Sborník přednášek z II. konference o slangu a argotu v Plzni 23.—26. září 1980. Plzeň, 1982. S. 93—100.
- Подробнее см.: Nekvapilová B., Nekvapil J. Заметки о сравнении чешского и русского студенческих сленгов...
- Nekvapil J. Několik poznámek k využívání formantu — ák ve slanžích a a ve spisovném jazyce // Naše řeč 68, 1985. S. 9—13.

¹¹ Wentworth H., Flexner S. B. Dictionary of American Slang. N. Y., 1960.

S. 607.

¹² Ondrus P. Sociálne nárečia na Slovensku I. Br., 1977.

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛОВ С УЧЕТОМ СПОСОБА ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ¹

Э. Першика

Основной методологической тенденцией современного синхронного словообразования является изучение словообразовательных явлений в их системных связях. Типология производных номинативных единиц осуществляется на основании общности разных признаков, их формы или содержания. Ниже будет показана роль системного изучения глаголов для понимания их синхронных словообразовательных особенностей, во внимание будет принят способ глагольного действия (СД) как один из содержательных критерии систематизации.

Способы действия в грамматиках обычно рассматриваются в разделах морфологии, при этом словообразовательные значения некоторых формантов определяются неодинаково с точки зрения собственно словообразования и СД. Ряд авторов², однако, утверждает, что способы действия — это «лексико-грамматические разряды» глаголов, объединенные в преобладающем числе случаев общим словообразовательным значением.

Объединение глаголов по СД определяется в настоящей работе как словообразовательно-семантический класс. В него входят производные глаголы с разными аффиксами и близкими словообразовательными значениями, т. е. глаголы разных словообразовательных типов. Их объединяет основной семантический компонент, передающий значение СД. Он является архисемой класса. На базе второй общей семы выделяется словообразовательно-семантический подкласс. На следующем уровне классификации на основании структурных и семантических признаков выделяется словообразовательный тип.

В настоящей работе исследуются системы глаголов двух классов, обозначающих: А. Начало глагольного действия. Б. Конец действия.

К исследованию привлекались глаголы всех групп славянских языков, в частности, русского, болгарского, украинского, чешского и словацкого; были учтены результаты изучения данной проблематики (способов действия) как в конкретных языках, так и в сопоставительном плане³.

Каждый из двух наблюдаемых классов является сложной формально-семантической системой. Как было установлено, характерной особенностью исследуемых языков является особое богатство

и в семантическом, и в структурном планах класса начинательных глаголов, неоднократно изучавшихся в самых разных аспектах⁴.

Внутрисистемное сопоставление глаголов одного класса позволяет определить набор семантических признаков, составляющих словообразовательные значения типов. Архисемой класса А является признак начало. В результате комбинации этого признака с семой продолжительность обособляется подкласс глаголов индоативного СД, противопоставленный подклассу ингрессивных глаголов — оппозиция, отмеченная еще Г. К. Ульяновым, Ф. Ф. Фортунатовым и В. В. Виноградовым⁵. В плане семенного анализа она осуществляется иной комбинацией семы начало — с семой достижения результата, целостного осуществления действия.

Анализ и сопоставление языков по структурам и развитию значений классов показывает, что славянские языки располагают значительными словообразовательными возможностями для индоативного выражения начала глагольного действия. Это общее значение может модифицироваться по следующим признакам: по характеру действия во всех славянских языках, а в болгарском и по отношению к количеству объектов или субъектов действия, т. е. выражается эксплицитно индоативно-мультиплактивный СД; в зависимости от наличия или отсутствия действия, выраженного мотивирующей основой, в прошлом субъекта (болг. *заям*, *поднося*, *проходя*; чеш. *prohlednout*), наличия желания для совершения действия (болг. *доспи ми се*, *прияде ми се*) и др. На основе этих, а также структурных признаков внутри классов выделяются словообразовательные типы. Номинативный потенциал класса А определяется комбинациями 12 сем в 8 словообразовательных значениях, выражаемых 12 формантами (приставками *за-*, *вз-*, *до-*, *на-*, *по-*, *под-*, *при-*, суф. *-и-* и некоторыми комбинациями префиксов и суффиксов). Из всех формантов в болгарском используются 11, в русском 5, в украинском 3, в словацком и чешском по 4. Это свидетельствует об известной специализации средств выражения начинательности в большинстве из славянских языков и экспансии этого значения в болгарском языке. По выражению индоативности — синтетично (приставкой *за-*) или аналитично (лексическими средствами) — восточнославянские языки и болгарский резко противопоставлены западнославянским (чешскому и словацкому).

В результате развития одинакового значения у разных приставок возникает синонимия в выражении СД. Болгарский характеризуется не только большим количеством префиксов, выражавших начинательность, но и использованием аффиксов: *-и-*, *-е-* + *ми*, *ме*, *ми се* (*духна*, *грейна*, *долюти ми*, *заболи ме*, *доспи ми се*, *дорамее ме*).

Классу начинательных глаголов семантически противопоставлен класс Б финитных глаголов. Его обобщающая сема — миус начало, т. с. конец действия мотивирующей основы⁶. Словообразовательное значение выражается во всех языках об-

щим префиксом *до-* (*do-*). Оно является полным антонимом значения первого словообразовательного типа в классе А, выражаемым приставкой *за-* в болгарском, русском и украинском. Антонимия проявляется и в формализованных выражениях комбинаций сем, которые строятся вполне симметрично по составу и структуре, только с обратным знаком.

Ингрессивному значению возникновения действия второго подкласса класса А соответствует значение *пра*-*кращение* действия подкласса в классе Б. Оно реализуется в 4 типах приставками *от-*, *вид-*, *пре-/пере-* и *раз*. По формулам структуры значения они тоже симметричны типам с ингрессивным значением класса А.

Класс Б ограничен формально и семантически по сравнению с классом А. Им передаются только 6 из 12 сем класса А и используются только 4 форманта. Но его, хотя и частичная, симметричность классу А свидетельствует о структурирующей роли СД, с одной стороны, по отношению к значениям внутри классов; с другой — по отношению ко всей глагольной лексике. Этот план является вторым аспектом системного исследования глаголов с учетом СД. В ходе его решаются две задачи, которые невозможно осуществить описательным и изолированным изучением аффиксов или СД. Целью словообразовательного анализа является: выявить некоторые факторы продуктивности типов, более широкой или узкой валентности аффиксов или их функционально-стилистических особенностей. Целью лексического анализа является: установить, какими лексико-семантическими возможностями располагают эти классы.

Анализ показал, что в пределах одного класса словообразовательные значения противопоставлены друг другу, их дальнейшее развитие связано с нюансировкой основного значения класса. В каждом из языков появляется словообразовательная синонимия; ср.: болг. *дотрябвам* — *потрябвам* — *притрябвам*, *полетя* — *литна* и др.; рус. *пожелать* — *возжелать* и т. д. Таким образом, структура класса создается сначала в процессе дивергенции, а затем — конвергенции.

На базе основного значения класса создаются новые связи, которые выходят за рамки класса, в нашем случае это антонимические связи. Они стимулируют развитие второй структуры (второго класса) в направлении, намеченном первой структурой. Рассматриваемые классы ограничивают поле темпоральных СД как более широкой системы, в которой лексемы предопределяют семантическое значение друг друга. Появляющаяся симметрия некоторых типов разных классов создает между ними отношения словообразовательной антонимии, проявляющейся в лексической системе. В большинстве из рассматриваемых языков устанавливаются словообразовательно-семантические антонимические связи между приставками: *за-/до-*; *за-/от-*, *пре-*; *до-, при-, по-/от-*; *раз-/от-*; *пре-(пере-)*.

С другой стороны, выражение одним формантом нескольких

словообразовательных значений уменьшает его коммуникативную значимость. Это ведет к новым изменениям словообразовательной и лексической систем. Происходит внутрисистемное *перераспределение* формантов, находящихся в синонимических отношениях, по продуктивности, активности или по стилистической функции. Эта закономерность проявляется не только в пределах одного класса, но и в рамках всей системы словообразовательных средств, используемых для выражения данного значения. Так, например, суф. *-н-* в болгарском слабо продуктивен как носитель ингрессивного значения, так как является основным средством обозначения одноактного СД. Приставка *въз-* (*воз-*) стилистически отмечена и в болгарском, и в русском. В выражении ингрессивного значения основную функцию выполняют такие приставки как: *по-, раз-* и др.

За аффиксами закрепляются и связи с конкретными словообразовательными основами (лексемами). Так, широкие сочетательные возможности приставки *за-* (обозначения начинательности) ограничивают использование других приставок для выражения этого же значения. Для выражения определенного словообразовательного значения обычно одна основа сочетается только с одним из синонимических аффиксов. Это ведет к ограничению лексической дублетности, ср.: *поехать* — ингресс., *заехать* — атенуат., *понасям* — ингресс., *занасял* — результат.

Анализ словообразовательных систем начинательных и финитных глаголов показал, что существует несколько видов причин ограничения сочетаемости аффиксов: формальные ограничения (невозможность дублирования приставок); семантические причины. В числе последних выделяются:

а) грамматико-семантические причины: начинательное значение совместимо лишь со значением несов. вида из-за наличия семы 'продолжительность' действия, поэтому приставка *за-* не присоединяется к глаголам сов. вида и к двувидовым глаголам;

б) словообразовательно-семантические причины: СД приставки совместимо со значением СД, выражаемым производящим глаголом. Большая часть приставок не комбинируется с другими СД, поэтому не присоединяется к префиксальным глаголам. Самые широкие комбинаторные возможности имеют приставки *за-* и *до-*, но они соединяются выборочно с определенными основами. Ограничение накладывается на семантическое дублирование, т. е. наличие семы 'начало' в производящем глаголе препятствует присоединению приставки со значением 'начало действия'. В болгарском, где сочетаемость приставки *за-* более широкая, чем в русском и украинском, допустимы некоторые комбинации ее с результативными глаголами, при этом основное иихоативное словообразовательное значение модифицируется добавлением сем 'множественность субъекта или объекта', т. е. значение продолжительности действия принимает вид цепи (ряда) последовательных действий, осуществляемых одним или множест-

вом субъектов; ср.: *заумираме* — много субъектов, а *заопитвам*, *запосрецам*, *завлизам* — много раз;

в) лексико-семантические причины ограничения комбинаторных возможностей, по существу, близки словообразовательно-семантическим. Так, индоативное значение несовместимо с лексическим значением 'начала' в производящем глаголе или со значениями, которые не фиксируют развитие действия во времени, в частности, значение экзистенциальности или модальности глаголов типа *быть*, *мочь*, *стать*, *лежать*.

Намеченные здесь синхронные соотношения словообразовательной валентности, продуктивности, а также семантических и стилистических особенностей глаголов отражают формирование и историческое развитие рассматриваемых единиц. В этих рамках возникли и утвердились формы, являющиеся коммуникативно значимыми в своих отношениях с остальными членами не только определенной системы, но и всех других, пересекающихся с ней систем. Итак, словообразовательная систематика является продуктом словообразовательной парадигматики. В результате этих словообразовательных процессов возникло реальное богатство лексем, синонимов и антонимов.

В заключение отметим, что предложенный здесь подход к анализу словообразовательно-семантических глагольных классов дает возможность экономно описать их формально-семантические параметры как в одном языке, так и в сопоставительном плане, исследовать их влияние на функционирование, сочетаемость, продуктивность и активность словообразовательных средств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья печатается со значительными сокращениями: в ней опущены словообразовательные типы и классы, а также иллюстративный материал из разных славянских языков.

² Ср.: Бондарко А. В. Виды глагола и способы действия в русском языке // Рус. яз. в нац. шк., 1971, № 2. С. 7. Панова К. Начини на глаголното действие в съвременния български език. С., 1974. С. 33.

³ Sekaninová E. Sémantická analýza predponového slovesa v ruštine a slovenčine. Br., 1980; *Idem*. Vyjadrenie inchoatívnosti a ingrésivnosti dejia v ruštine a slovenčine. Českosl. rusistika, XXVI, 1.

⁴ Тихонов А. Н. Способы выражения начищательного значения глаголов в русском языке // Тр. Узбекского гос. ун-та. Самарканд, 1959; Демиденко Л. П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, 1963, т. 248; Шелякин М. А. Функции и словообразовательные связи начищательных приставок в русском языке // Лексико-грамматические проблемы глагола. Новосибирск, 1969; Sekaninová E. Ор. сиl., и др.

⁵ Ср.: Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972. С. 411 и др.

⁶ Отрицательному знаку здесь приписывается значение, противоположно указанному признаку, а не просто отсутствие признака.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА НА *-nie/-nie* В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

О. Г. Ревзина, Зд. Новакова

В близкородственных языках — русском и словацком — представлены примерно одни и те же возможности семантического развития и синтаксического функционирования отглагольных имен на *-nie/-nie*. Сохранение у таких имен видовых и залоговых противопоставлений в словацком языке, вообще говоря, не препятствует реализации того семантического цикла, этапы которого М. Сотак обозначает как отглагольное существительное — девербатив действия — постдевербатив¹. Изменение значения отглагольного имени во многом предопределено семантикой мотивирующего глагола, его содержательными валентностями. Например, отглагольные имена на *-nie/-nie* от перформативных глаголов, произнесение которых уже означает осуществление самого действия, не содержат исходно признака процессуальности (*обвинение* — *obvinenie*, *позволение* — *dovolenie*, *подозрение* — *podozrenie* и под.). С помощью имен на *-nie/-nie* регулярно называется объект, возникший в результате какого-либо действия (ср.: *вязание*, *чтение*, *письмание*, *обозначение*, *изображение*). Собственно постдевербативы в меньшей степени подчиняются системным закономерностям и относятся к идиоэтническому (в смысле С. Д. Кацнельсона) уровню типологических различий (ср.: *svitanie* — *рассвет*, *vymeskanie* — *пропуск* и т. п.).

Но статус имен на *-nie/-nie* в русском и словацком языках неодинаков. Неслучайна устойчивая традиция в словакистике относить отглагольное имя к сфере глагола (М. Сотак рассматривает отглагольные существительные на *-nie* — в отличие от девербативов и постдевербативов — именно как формальную категорию в системе глагола), в то время как по отношению к русскому языку более адекватным оказывается лексикалистский подход² и, вслед за В. В. Виноградовым, подчеркивание «определенности», присущей именам на *-nie*. Характерна в этом отношении та легкость, с которой имена на *-nie* в русском языке образуют форму множественного числа. Такие формы, как *рассуждения*, *страдания*, *подозрения*, *терзания*, *унижения*, *вспоминания*, *наслаждения*, *возражения*, *затруднения*, используются совершенно регулярно и часто независимо от реального значения единственности-множественности³. В словацком языке форма множественного числа имени на *-nie* — редкое явление. Например, в словацком тексте романа Маргиты Фигули «Тройка гнедых» (Tri gaštanové kone)⁴ на 217

всего четыре формы множественности имен на *-nie* встретились во множественном числе. Словацкое имя на *-nie* 47 представлены во множественном числе систематически переводится формой множественного числа, ср.: *Hneď ma to nútalo zastat'*, i ked'

som nechcel *vzbudit'* vážne *podozrenie* v tých dvoch 'Это заставило меня остановиться, хотя и не хотелось возбуждать подозрений у провокатора'; . . . Ked' naraz niekto otvoril, vošiel a vyrúšil ma *z domania*'. . . кто-то, войдя в комнату, прервал мои *размышления*'; Že toto všetko prijíma pokojne a *nežiada vysvetlenie* 'Приимает все как должное и не требует объяснений'; Najradšej by som bola, keby si sa *vzdal túlania* po svete 'Лучше всего, если ты бросишь свои *считания* по белу свету'. Даже если в контексте подчеркнут семантический признак множественности, имя на *-nie* употреблено в единственном числе; ср.: . . . Kde sa končí *reťaz* prekážok a *trápenia*? ' . . . Как выйти из *полосы* бесконечных мытарств и *страданий*?'; Hoci ma to stálo mnoho *utrpenia*. . . 'Несмотря на все испытания' . . .

Можно предположить, что «глагольный» статус имен на *-nie* в словацком языке и, условно говоря, «именной» статус существительных на *-nie* в русском языке поддерживается тем, какие синтаксические позиции они чаще занимают в предложении и какие семантические функции при этом выполняют. В известной статье П. Адамца⁵ отмечается, что в зависимости от позиции этот класс имен может «терять свою глагольность или адъективность» или наоборот проявлять содержащуюся в этих именах скрытую предикативность в полной мере. Показательными являются употребления не в функциональных стилях (научном и особенно публицистическом, где нередки синтаксические кальки), а в языке художественной литературы и в разговорной речи.

И в русском, и в словацком языках имена на *-nie/-nie* могут выступать в позиции подлежащего, входить в состав глагольного сказуемого, служить дополнением, выступать в функциях различного рода обстоятельств, а также быть главным и зависимым членом в составе именной группы. Но одни из этих позиций равнозначны для обоих языков, а другие используются чаще в одном из них. Отмечаются следующие основные типы употребления имен на *-nie/-nie*.

1. Имя на *-nie/-nie* выступает как знак текстовой (речевой) транспозиции предшествующего глагола — мотивирующего по отношению к этому имени или синонимичного ему; ср.: Вдруг услышала: Александра Прокофьевна *шилает* на кухню. И это *шилание* Ольгу Васильевну пронзило. . . (Ю. Трифонов. Долгая жизнь); Lenže ja už nie som chlapec, *neposmeškujte!*! — Aké posmekovanie!? Ved' vám to pekne vrvávím. . . (V. Šikula. Vlha).

В других случаях имя на *-nie/-nie* квалифицирует обозначенное прежде действие или явление, смещаясь в позицию предиката: Bolo už dosť neskoro a mama kázala, aby sme si my tiež polihali. Ale nebolo to nijaké spanie.

2. Имя на *-nie/-nie* называет действие или состояние, а глагольная форма указывает на фазисную модификацию: Poberali sa zo školy, skočilo sa im *vyučovanie*; Tma hustla, . . . a naše *vyčkávanie* zdalo sa nekoniecnyt' (M. Figuli. Mladost'); В саду началось поскрипыв-

вание и шуршание, точно деревом терли по известке (А. Толстой. Гиперболонд инженера Гарина).

3. Имя на *-nie/-nie* называет явление, служащее объектом восприятия, переживания со стороны субъекта, который может быть назван эксплицитно или подразумеваться: Najviac jej ležalo na srdci *chystanie dreva*; . . . zretel'ne sme počuli každú vlnku v potoku a *luhotanie vody* po kamenech (M. Figuli. Mladost'); Неумолкаемое журчание слушалось за шторой (А. Толстой. Гиперболонд инженера Гарина).

Имена на *-nie/-nie* в позиции грамматического субъекта сочетаются также с предикатами иной семантики.

4. Имя на *-nie/-nie* входит в состав именного сказуемого, либо входит в состав глагольной части предложения в качестве восполняющего компонента при семантически опустошенном глаголе. Этот тип широко представлен как в русском, так и в словацком языках, хотя формы его реализации не вполне совпадают. В русском языке, начиная со второй половины XIX в., отмечается количественный рост глагольных сочетаний «из глагола с почти замершим . . . конкретным значением, и из зависимого от глагольного существительного, которое и раскрывало суть, содержание действия»⁶ (типа *нанести оскорбление*, *находить применение*, *оказывать давление*, *произвести впечатление* и др.). Такие аналитические обороты связывались прежде всего с книжным языком. В словацком языке имя на *-nie* регулярно включается в более разговорные конструкции; ср. обороты с *dat'* sa do čoho 'приняться за что-либо' и особенно *pustiť* sa do čoho 'взяться за что-либо': Ženy sa *pustili* znova do pradenia; Stará matka znova sa *pustila* do pletenia zapäsky. . . ; *pustila* do pletenia snúrek z l'anových nití. . . , *pustili* sme sa do jedenia, . . . *pustili* sme sa . . . do *zbierania* jahôd (M. Figuli. Mladost'). В русском языке здесь возможен только инфинитив. Данную конструкцию можно рассматривать как поддерживающую «глагольность» имен на *-nie*. Характерно, что имя на *-nie* легко реализует в таких примерах валентность прямого объекта, но с трудом допускает при себе определение.

Имя на *-nie/-nie* может, конечно, называть объект и при полнозначном глаголе и обозначать «понятия конкретно-предметного или абстрактно-предметного характера», по выражению П. Адамца; ср. словацкие примеры: Mama chystá *jedenie* Fiodorovi; Zavše vynechal v meste u pánov *pílenie*. . . ; Voda čl'apotala . . . a prehlušovala *rukanie* dreva na ohnisku. Такой объект может вводиться и с помощью предложного управления: Panie v meste bezlak čím d'alej, tým menej platia za *pílenie* a *rúbanie*; . . . a že tento oddych spojovala s tým srdcevrúcim čakaním (M. Figuli).

Среди глагольных распространителей обращают на себя внимание такие случаи, которые в одинаковой степени типичны как для русского, так и для словацкого языков. Так, состояние субъекта при совершении какого-либо действия регулярно выражается предложно-падежной формой *с + имя на -nie/-nie* в творительном падеже: *с недоверием*, *с удивлением*, *с облегчением*, *с подозрением*, *с наслаждением*.

дением, с пренебрежением и под.:ср. словацкие примеры: Mama se tiež usmeje s ul'ahčením; . . . a s opovržením sa díval úkosom do steny. . . ; Ked' sa otvorili dvere, i bez pozrenia vedela, že ide ona z ochkaním a vzdýchaním (M. Figuli. Mladost'). Столь же обычна конструкция *от + имя на -ние/-nie* для указания на причину состояния или действия субъекта: *от волнения (od vzrušenia), от удивления (od prekvapenia), от мучений (od trápenia)*. Значение предизначенности регулярно выражается в словацком языке конструкцией *на + имяна -nie* в винительном падеже, соответствующей русской конструкции с предлогом *для*:ср. pluh na oraníe, doska na mienenie; V rukách mala ostrý kuchynský nôž a triesku. Štiepala z nej triesočky na rozžihanie pri podkurovaní . . . ; V tú chvíľ'u na zákrute naozaj videla l'udí s lopatami, sekera mi a kolmi na podoberanie skál (M. Figuli. Mladost'). Но при обращении к обстоятельственным значениям мы сталкиваемся и с такими, которые показательны для словацкого языка и слабо представлены в русском. Интерес представляют, в частности, имена на *-nie* в функции временных обстоятельств.

4. В сочетании с предлогами *pred, po, pri* имя на *-nie* образует предложно-падежную форму, указывающую соответственно на предшествующее, последующее и одновременное действие или состояние по отношению к действию, выраженному глагольной формой: *Pred spaním notievali ruské piesne; Všetci občania sú povinní hned po bubnovaní dat' hradskú do poriadku; Na posiedkach pri pradení rady sme víťali najmä tetku Macúchoviu*.

В русском языке, конечно, вполне правильны *перед гулянем, перед купаньем, после гуляния, после купанья, при прощании, при нагревании и т. п.*, однако далеко не всякое имя на *-ние* с легкостью образует данную предложно-падежную форму, и в целом такие конструкции используются довольно ограниченно. Особенно существенно здесь указание на одновременность действия (в сочетании с предлогом *pri/pri*). Регулярный способ выражения дополнительного действия — деепричастный оборот, придаточное предложение. Данная позиция, таким образом, является «глагольно ориентированной», при этом в словацком языке, видимо, любое имя на *-nie* может передать дополнительное действие с сочетанием с предлогом *pri*. И такие конструкции очень частотны, они бросаются в глаза как характерные в выборке примеров употребления имен на *-nie*. Они включаются как в общие высказывания (где могут приобретать оттенок условного значения), так и — что важно — в высказывания, имеющие референцию к конкретной ситуации: . . . ale zaujalo nás chlpaté zvieratko . . . ; čo skákalo z haluže na haluz. Pri skákaní zhodilo dve šušky skoro nám na hlavy; Našej mame vraj pri tom rozprávaní stislo srdce; Do rána napadal nový sneh, zahladil všetky stopy, ktoré vrba pri ľahani vyryla do pola; Ved' hovoríme, že sa jej rozum pri umieraní prevračia, tratí sily, tak je s človekom (M. Figuli. Mladost'). В русском языке в таких случаях появляется предлог, лексически выражающий временное значение; ср. Старик сделал исключение в своем образе жизни

в честь приезда сына: он велел впустить его в свою половину во время одеванья перед обедом (Л. Толстой. Война и мир).

Позиция временного детерминанта, как представляется, поддерживает статус имени на *-nie* как глагольной формы. Как и в оборотах типа *pustila sa do pletenia*, имя на *-nie* в этих случаях почти не принимает определений (не считая притяжательных прилагательных, указательных местоимений), здесь имеется сходство с георундием. Существенно и то, что в таких конструкциях употребляются глаголы конкретного физического действия, относящиеся к бытовой, разговорной лексике. Таким образом, такие употребления постоянно присутствуют в сознании носителей языка, являются для него органичными.

5. Имена на *-ние/-nie* могут выступать в составе именной группы в качестве управляющего и зависимого слова. Отглагольное имя, выступая подчиняющим словом, сохраняет те валентности, которые были присущи глаголу; ср. в начальствовании армией, участвовал в связывании квартального с медведем..., возможность исправления себя от всех пороков..., посвятить свою жизнь услугам князю Николаю Андреичу, чтению ему книг... (Л. Толстой. Война и мир). Такие блоки скрытой предикативности могут занимать в предложении разные синтаксические позиции (актанты при глаголе, сирконстанты), формируя предикаты второго порядка. В позиции зависимого слова имя на *-ние/-nie* активно участвует в генитивных конструкциях, с объектным и субъектным родительным падежом.

Пожалуй, можно сказать, что в русском языке употребление имен на *-ние* сдвинуто именно в сторону именных групп. И здесь кажется очень существенной позиция имени на *-ние* в генитивных конструкциях с определительным значением типа *предмет исследования, минута ожидания, способ передвижения* и под. В составе именной группы отглагольное имя получает в наибольшей степени возможность развернуть свои субстантивные свойства — и прежде всего, с помощью согласованного определения, назвать такой признак, который нельзя поставить в связь с глагольной личной формой. Что же касается родительного определительного, то в этой основной присловной позиции имени на *-ние/-nie* максимально уходит, как представляется, от заложенного в нем глагольного значения. Естественные трансформации типа *чтение книг → читать книгу, глотатели шлаг → глотать шлагу, желание славы → желать славы*⁷, но ни улыбка ободрения, ни улыбка успокоения, ни тон снисхождения или слезы раскаяния подобным трансформациям уже не подлежат, а соотносятся с согласованным определением (*ободрительная улыбка, снисходительный тон* и под.). Говоря о признаке объемности, свойственном родительному падежу, С. Д. Кацнельсон подчеркивает, что этот признак «лежит в семантической сфере. Он служит целям актуализации предметного понятия с помощью категории целого и части...»⁸. Восприятие понятия как предметного, т. е. указывающего на целостный и имеющий пространственную, но не временную локализацию объект, как раз

и стоит за именем на *-nie* в определительных генитивных конструкциях. Они, конечно, представлены и в словацком языке, но показательны именно для русского (ср. улыбка ободрения — *pozvudzujsí úsmev*, улыбка успокоения — *usrokojúci úsmev*).

При исследовании языковых явлений очень важно обращаться к фактам поэтического языка, поскольку именно в нем раскрываются внутренние потенции языковой системы. Для русской поэтической традиции в целом в двадцатом веке характерно употребление отвлеченных имен в форме множественного числа, в том числе и имен на *-nie*; ср. в поэтических произведениях М. Цветаевой: С моими дикостями — и тихостями, С моими радугами заплаканными, С подкрадываниями, забарматываньями; За наши *не-гулянья* под луной; Смерть. Жест. *Никаких хотений*, и под. В поэтическом языке также отчетливо проявляется, как генитивная конструкция преобразует «глагольный статус» имен на *-nie*. В случае смещенной (метафорической) номинации здесь даже и субъектный родительный не трансформируется в предложение; ср. из М. Цветаевой: *Отчаянье трубы заводской* — * *заводская труба отчаивается*; *Нарастание грозных вод, пот* — **грозные воды нарастают*; *Поражение соников* — **сонмы терпят поражение*. Конструкция с родительным определительным, в которую отвлеченное имя входит как определяющий компонент, — это также излюбленная конструкция поэтического языка, причем имя на *-nie* опять-таки с легкостью употребляется в форме множественного числа (ср.: *в нимбе разуверения и знания; великая ложь лицезренья; всех отчаяний гнездо, край челований молчаливых, широты забвений и зон и др.*).

Интересно, что наиболее яркие примеры родительного определительного в словацком языке также обнаруживаются в поэтических произведениях: . . . *Zovšadial' zvrčia potčičky, akoby bola jar* — / *sviatok bičovania*. . . ; *Bolo to prvého mája roku 1962* — / *Anno Domini v mojej tenkej kronike spomianania* (M. Kováč)⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Soták M. *Dejové substantíva v slovenčine a v ruštine*. Br., 1978.
- 2 Комри В. Номинализация в русском языке: словарно задаваемые группы или трансформированные предложения? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV: Современная зарубежная русистика. М., 1985.
- 3 Это отмечается в монографии Й. Дulewiczowej: *Dulewiczowa I. Nomina actionis we współczesnym języku rosyjskim*. W-wa, 1976. О значении множественного числа у отвлеченных существительных см.: Ган В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.
- 4 Figuli M. *Tri gaštanové kone*. Br., 1979. Рус. пер.: *Фигули М. Тройка гнездых* // Словацкие повести и рассказы. М., 1975; *Idem*. *Mladost'*. Br., 1984.
- 5 Адамец П. О семантико-спираксических функциях девербативных и деадъективных существительных // ДВШ. Филол. науки, 1973, № 4.
- 6 Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1982, с. 450.
- 7 Примеры трансформаций, предлагаемые в кн.: Молошная Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках. М., 1975, с. 56.
- 8 Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 42.
- 9 Kováč M. *Písanie do snehu*. Br., 1978.

К ВОПРОСУ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ДИСТРИБУТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

3. *Rudnik-Karvat*

Предметом нашего исследования является словообразовательная категория дистрибутивности в польском и русском языках. В современной литературе имеются работы, сопоставляющие русские дистрибутивные глаголы с чешскими и словацкими. Соответствующие работы на польско-русском материале отсутствуют.

Дистрибутивность понимается нами как распределенность действия на относительно самостоятельные кванты в отношении ко множественному объекту или субъекту. Переходные дистрибутивы коннотируют только множественный объект, непереходные — множественный субъект.

Дистрибутивность действия совмещает два инвариантных семантических элемента: распределенность, или расчлененность, и множественность, плюральность. Речь идет о внутренней множественности, понимаемой нами как свойство самого действия, выражаемое следующими семантико-словообразовательными группами глаголов: итеративными (рус. *хаживать*, пол. *chadzać*), многоактными (рус. *мигать*, пол. *migać*), дистрибутивными (рус. *понадать*, пол. *pospadać*), кумулятивными (рус. *настроить*, пол. *nabudować*), комплективными, или тотальными (рус. *вымереть*, *изрезать*, пол. *wymrzeć*, *wyciąć*), репетитивными (рус. *перечитать Пушкина*, пол. *przeczytać ponownie Puszkina*; ср.: *перечитать все книги*, *przeczytać po kolej większe książki*), глаголами копирования (рус. *переписать стихотворение*, пол. *przepisać wiersz*), креативными, или реформативными (рус. *перестроить дом*, пол. *przebudować dom*), дивертивными (рус. *разобрать книги*, *разойтись*; пол. *rozebrać książki*, *rozejść się*), партитивными (рус. *докупить сукна*, *присесть*, *дописать несколько строк*, *отлить воды*; пол. *dokupić sukna*, *dopisać kilka wierszy*, *odlać wody*). Перечисляя глаголы, мы не претендуем на полную, исчерпывающую классификацию глагольной плюральности. Мы хотим только в общих чертах наметить, какие глаголы, кроме дистрибутивных, обладают семантическим элементом плюральности. О словообразовательных импликациях множественности в связи с рассматриваемой категорией дистрибутивов в польском и русском языках речь будет идти ниже.

Сопоставляя словообразовательную систему дистрибутивов в польском и русском языках, мы констатируем, что в обоих языках дистрибутивы образуются путем префиксации. В общих чертах нет существенных различий в наборе используемых словообразовательных средств. Польские и русские дистрибутивные префиксы по формальному облику и целом соответствуют друг другу; ср. польский префиксальный формант *po-*, образующий моно- и полипрефиксальные дистрибутивы: *porzucić zabawki*, *pospadać*, *poliprejeksalny* дистрибутивы: *porzucić zabawki*, *pospadać*,

poowychodzić, ropaśwurysywać; рус. *по-*, подобно польскому, образует моно- и полипрефиксальные дистрибутивы: *побросать игрушки, попадать, повыходить*; ср. также русский префикс *пере-*, образующий монопрефиксальные дистрибутивы: *перекусать кошеч, перелаять, переругать* и пол. *prze-*, образующий немногочисленную группу дистрибутивов: *przebadać pacjentów*.

Расхождения обоих рассматриваемых языков в области дистрибутивов наблюдаются в распределении словообразовательных средств. Так, отсутствует симметричное соответствие между словообразовательными моделями дистрибутивов; по-разному строится иерархия отдельных словообразовательных моделей в польском и русском языках. В русском литературном языке основную продуктивную словообразовательную модель в системе дистрибутивов составляют монопрефиксальные глаголы с префиксом *пере*: *перекусать кошеч, перелаять, переругать, перерубить, перемыть* (редко *помыть*) *посуду, переболеть* (обо всех или многих), которым в большинстве случаев соответствуют польские образования с префиксом *ро-* — монопрефиксальные: *pogryźć, pokąsać, porąbać, rotuć* (в *pogryźć, pokąsać* возможно также результативное значение), двупрефиксальные: *rozmywać*, а также кумулятивные глаголы: *nawypuślać, nauiągać*, и комплективные *zwymyślać*.

Обращает внимание наметившаяся в русском языке, в отличие от польского, тенденция к специализации многофункционального префикса *пере*. Данный префикс обслуживает прежде всего глаголы, объединенные семантическим признаком плуральности, дистрибутивные (*перекусать кошеч*), репетитивные (*перечитать Пушкина, но и перечитать все книги с дистрибутивным значением*), глаголы копирования (*переписать стихотворение*), креативные со значением ‘сделать что-нибудь вновь и иначе’ (*перестроить дом*) и другие. В польском языке такой тенденции нет. Префикс *prze-* выполняет функции, характерные для русского префикса *про-* и *пере-*, причем продуктивен префикс *prze-* с результативным значением; ср., например, глагол *przeczytać* и соответствующий ему русский глагол *прочитать*.

В польском языке монопрефиксальные дистрибутивы с префиксом *prze*-немногочисленны, данная словообразовательная модель представлена лишь несколькими глаголами: *przebadać pacjentów, przepiątać uszniów, przeliczyć zebrańych, pieniażdże, przerachować, przeszukać kąty, kieszenie, przejrzeć, przetrząsnąć, przeaniektować, przerobić zadania* и немногие другие. Эти дериваты образованы от глаголов *lisyć, rachować, szukać, ankietać*, лексически выражают дистрибутивность.

Основную продуктивную словообразовательную модель образуют в польском языке полипрефиксальные дистрибутивы с приставкой *ро-*: *poowychodzić, porozjeżdżać (się), ponawypisywać, ponawybierać*. Префикс *по-* является универсальным средством образования дистрибутивов почти во всех славянских языках, кроме лужицких и сербскохорватского. Этот префикс многофункционален. Преодоление его многофункциональности в некоторых языках

(в польском, чешском, словацком, украинском, белорусском и в меньшей степени в русском) происходит путем образования с помощью этого префикса полипрефиксальных дистрибутивов. Тип полипрефиксальных, вернее, двупрефиксальных дистрибутивов (трехпрефиксальные дистрибутивы представлены изолированными примерами — *ponasdziąć*), образованных при помощи префикса *по-*, представлен также и в русском языке, но в отличие от польского это характерно, главным образом, для разговорной речи. Согласно норме русского литературного языка, употребление биплексных образований свидетельствует об отсутствии литературного вкуса. Однако, вопреки цуристическим ограничениям, данные дистрибутивы встречаются у мастеров слова не только в диалогах, но и в авторской речи, например у Булгакова, Тендрякова, Казакова и других, хотя справедливости ради отметим, что для этих писателей характерно обращение к стихии разговорного языка.

В русском языке данная словообразовательная модель дистрибутивов характеризуется меньшей продуктивностью и частотностью, чем в польском. Благодаря активности префикса *ро-* в польской разговорной речи намечается способность к образованию полипрефиксальной деривационной цепочки: *ponawypisywać, ponaposprowadzać*. Интересно, что предпоследнее звено в этой деривационной цепочке составляет префикс *на-* с кумулятивным значением. Данный префикс отличается большой активностью и среди других приставочных формантов монопрефиксальных основ, образующих двупрефиксальные дистрибутивы прежде всего в русском языке: *понаделать, понакупить, понавешать || понавешивать || понавесить*. Большая продуктивность дистрибутивных биплексов от кумулятивных основ с префиксом *на-* в русском языке обусловлена внутрисистемным фактором. Кумулятивы, как правило, представляют собой *perfectiva tantum*. Так как в польском языке с самого начала развития рассматриваемой словообразовательной категории установился деривационный узус образовывать дистрибутивные биплексы только от основ несовершенного вида, то лишь некоторые имеющиеся в языке однопрефиксальные кумулятивы могут стать словообразовательной основой дистрибутивов; ср. *narzucać : ponarzucać, nanosić : ponanosić*. Продуктивность двупрефиксальных и трехпрефиксальных кумулятивов типа *nawypisywać, naposprowadzać* от префиксальных основ делает возможным образование многочисленной группы полипрефиксальных дистрибутивов типа *nawypisywać : ponawypisywać, naposprowadzać : ponaposprowadzać*. В русском языке допустимо образование биплексных дистрибутивов как от основ несовершенного, так и совершенного вида. Этот деривационный узус, уходящий корнями в историю языка, способствует продуктивности дистрибутивов уже на первой ступени деривации. В польском языке, как мы видели, из-за структурных ограничений развитие дистрибутивов может быть передвинуто на последующие деривационные ступени.

Характерную для обоих исследуемых языков тенденцию к специализации функций, к выразительному, четкому их оформле-

нию можно проиллюстрировать еще одним примером: для словообразовательной системы дистрибутивов в польском языке характерна модель с редуцированным префиксом *po-*: *porozgisac*, *porostawiać*, *porowieszać*, *porowracać*, *porowstawać*, *poroznać*. Чтобы избежать омонимичности дистрибутивов сов. вида *porwacać* ‘вернуться’ (обо всех, многих) и вторичных имперфективов *rowtacać* ‘возвращаться’ язык образует новые глаголы с дистрибутивным значением путем добавления второго префикса *po-*.

В заключение можно сказать, что структурное оформление дистрибутивности в польском и русском языках осуществляется по-разному. В русском языке продуктивна словообразовательная модель с префиксом *пере-*. Данный префикс специализируется на обозначении множественности, плуральности действий, включающей дистрибутивность, наряду с репетитивностью, креативностью, значением копирования и подобными значениями. В польском языке на обозначении дистрибутивности специализируется префикс *ро-*. Многофункциональность этого префикса в монопрефиксальных образованиях обусловила возникновение новой словообразовательной модели полипрефиксальных глаголов, имеющих исключительно дистрибутивное значение. Словообразовательная модель биплексов представлена также в русском языке, но она не столь продуктивна и отличается меньшей частотностью, чем в польском.

К СОПОСТАВИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ГИБРИДНЫХ СЛОВОСЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Л. Н. Смирнов, З. Н. Стрекалова

В современных славянских литературных языках активно протекают процессы интернационализации словарного состава, что обусловлено действием как внутриструктурных, так и экстралингвистических факторов (межъязыковая интерференция, расширение и интенсификация межнациональных и международных контактов в эпоху НТР и т. п.). Эти процессы осуществляются различными путями и способами: в славянские языки все больше проникают интернациональные (международные) слова и морфемы, способствующие увеличению в каждом из них фонда интернациональных языковых элементов; эти элементы воздействуют на лексико-семантическую и словообразовательную системы славянских языков, что проявляется, в частности, в возникновении новых словообразовательных формантов и моделей; создаются лексические кальки и неологизмы по интернациональным образцам и т. д.

Возможность сочетания интернациональных элементов (основ,

суффиксов, префиксов) со славянскими ведет к образованию разного рода так называемых гибридных слов. В связи с этим можно говорить о языковой гибридизации в широком и узком смысле слова. При широком понимании к классу гибридов относятся все типы производных слов, в структуре которых сочетаются элементы славянские и иноязычные (как правило, интернациональные). К интернациональным основам может присоединяться славянский суффикс;ср.: рус. *банкротство*, *официантка*, *реализовать*; болг. *бароков*, *кокетлив*, *дискче*; словац. *absentérstvo*, *normovač*, *servírka*; пол. *reagować*, *serwirowiec* и т. п. Другой тип представляют слова, у которых интернациональная основа сочетается со славянской приставкой; ср.: рус. *подкатегория*, *перекомбинация*; словац. *nadrealizmus*, *predscéna*; пол. *podkultura*, *nadfiolet* и т. п. Интернациональный компонент может выступать в обрамлении славянских морфем; ср.: рус. *надклассовый*, *полупредикативный*; болг. *безпреценциозен*, *едоцилиндр*; словац. *bezkonfliktový*, *najdynamickejší*, *viacaspektový*; пол. *najfatalniejszy*, *nadklasowość* и др. Большую группу составляют гибридные образования с интернациональными префиксами (префиксояндами) типа рус. *антиокислитель*, *архиважный*, *квазичастица*, *субподряд*, *супербложка*, *суперпоеzd*, *ультразвук*; укр. *антіречовина*, *ультрашвидкий*; болг. *антимастица*, *ултракъс*; словац. *antihmotá*, *arcizločinec*, *infraohrev*, *pseudoslovenský*, *ultrapravica*; пол. *kontrwywiad*, *kwazicząstka*, *metajęzyk*.

Паконец, следует отметить гибридные словосложения типа рус. *гидронос*, *дисковод*, *метеосводка*, *роликобежец*, *стереоснимок*, *шумопеленгатор*, *самоорганизация*; укр. *аэрозйомка*, *гідрозвузол*, *драмгурток*, *телебачення*; болг. *авиоснимане*, *автоплуг*, *електроуред*, *кабелодържач*; словац. *autonehoda*, *elektroliečba*, *fotozádza*, *servokormidlo*, *akcieschopný*, *vzduchotechnika*; чеш. *autodílna*, *elektrospotřebič*, *turbodmychadlo*; пол. *mlynkomikser*, *autokierowca* и т. п. Подобные сложные слова характеризуют узкое понимание гибридизации.

Распространение гибридных слов в современных славянских языках — одно из проявлений более общей тенденции интернационализации словарного состава, несомненное отражение лексико-семантического и словообразовательного освоения интернациональных элементов, важный способ номинации и неологизации. Процессы гибридизации заслуживают пристального внимания и детального изучения как на материале отдельных славянских языков (среди авторов, исследующих этот вопрос, можно назвать В. Н. Григорьева, Г. П. Галаванову, В. Мейстржику, И. Ирачека, О. Мартищову, Л. Двонча, Д. Буттлер, А. Загродник и др.), так и в сопоставительном плане (см., например, работы М. Шимчака, М. О. Маликовой).

В данной статье мы хотим поделиться своими предварительными наблюдениями над славянскими гибридными словами, главным образом словосложениями и близкими к ним образованиями, и наметить некоторые задачи их сопоставительного изучения.

Гибридные словосложения, которые состоят из славянских и интернациональных компонентов, «имеющих с формальной и семантической стороны характер основ»¹, представлены во всех современных славянских литературных языках. Значительную часть слов этого типа можно отнести к числу новообразований (хотя, конечно, сложные слова гибридного характера употреблялись в славянских языках и раньше; ср., например, словацк. *quasisláda*, встретившееся нам в тексте середины XIX в. — Slovenskje národné noviny). Продуктивность и регулярность образования сложных гибридных слов в настоящее время, видимо, связана с заметной активизацией в современных славянских литературных языках способа словосложения вообще. «Краткость и семантическая емкость многих сложений зачастую предопределяет предпочтительность их употребления по сравнению с соответствующими им словосочетаниями»². В частности, это проявляется в сфере терминологической лексики и в разговорной речи.

Уже предварительные наблюдения показывают, что в одних славянских языках рассматриваемый тип новообразований является весьма активным и продуктивным, в других — менее продуктивным (к первым можно отнести польский и русский языки, ко вторым — болгарский и сербохорватский языки). В этом плане материал славянских литературных языков обследован еще недостаточно. Необходимо дальнейшее уточнение состава сложных слов гибридного типа в отдельных славянских языках. При этом очень важно опираться на данные, полученные в результате экспертиз разнообразных по жанру и стилю текстов, так как материал, фиксируемый толковыми словарями отдельных славянских языков и соответствующими словарями иностранных слов, как правило, является далеко не полным. Сопоставительный анализ полученных данных поможет установить удельный вес гибридных словосложений в лексико-словообразовательной системе отдельных славянских языков, а также наметить более строгую градацию современных славянских литературных языков по степени активности и продуктивности рассматриваемого типа новообразований, составляющих открытый ряд.

Важно также уточнить набор интернациональных морфем, активно сочетающихся со славянскими основами, выявить объем и ограничения такой сочетаемости. В этом отношении по отдельным славянским языкам, видимо, можно будет установить определенную избирательность. Так, в словацком и польском языках в последние годы весьма продуктивны гибридные образования с интернациональным элементом *super-*, причем подавляющее число их является искажениями. В толковом «Словаре словацкого языка» (Slovník slovenského jazyka. Br., 1959—1968) не отмечено ни одного подобного гибридного слова. В словацком «Словаре иностранных слов» (Ivanová-Salingová I., Maníková Z. Slovník cudzích slov. Br., 1979) есть только слово *supervel'mos*. Между тем в словацких газетах и журналах за последние годы (*Pravda*, Život, Rohláč) нам встретилось немало подобных гибридов, на-

пример: *supercitlivý*, *superčistý*, *superdôležitý*, *superhustý*, *superhviezda*, *superlod'*, *supermačka*, *supernáradie*, *superplochý*, *superstroj*, *supervodič*, *supervodivý*, *superzbraň*, *superzložitý* и др. Аналогичная ситуация в современном польском языке, ср. *superbohater*, *supercieżki*, *superczuły*, *superdrogi*, *supergwiazda*, *superisłota*, *superłotnisko*, *supermiasto*, *superobrabiarka*, *superodrzutowiec*, *superpiłka*, *superlwardy* и др. Эти гибридные образования встречаются в языке прессы, но не отмечены словарями современного польского языка (Słownik języka polskiego. W-wa, 1958—1969; Słownik języka polskiego. W-wa. 1978—1981).

Заметно увеличилось в последнее время число подобных слов и в русском языке. В выпусках «Новое в русской лексике» (1980, 1981, 1982) отмечены гибриды *супервальцы*, *суперженщина*, *супержулик*, *супернарод*, *супериовинка*, *суперновость*, *суперстрый*, *суперотвал*, *суперплоский*, *суперпредприятие*, *суперсильный*, *супертяжелый*, а также окказионализмы: *супербетон*, *супергороджанин*, *суперребенок*. К этому перечню можно добавить также зафиксированные нами слова: *супергород*, *суперпровод*, *супертруба* («Москва», 1982), *супермозг*, *суперокисный* («Знание—сила», 1984), *суперпоезд* («Правда», «Сельская жизнь», 1984). С другой стороны, в болгарском языке, например, гибриды, образованные по этой модели, встречаются значительно реже; ср.: *супербик*, *суперсила*.

В сопоставительном плане важно установить общие или сходные и специфические черты типов гибридного словосложения, их словообразовательной структуры.

Во всех современных славянских литературных языках представлены субстантивные и адъективные гибридные образования, причем и в тех, и в других интернациональный компонент может занимать как препозитивное, так и постпозитивное положение. Не вдаваясь в детальный анализ словообразовательной структуры и мотивационных отношений гибридных словосложений, охарактеризуем лишь два основных типа этих слов.

1. Интернациональный компонент выступает как первая часть гибридного словосложения.

Набор подобных интернациональных компонентов в отдельных славянских языках в значительной мере совпадает; ср.: пол. *aero-*, *agro-*, *anti-*, *arcy-*, *bio-*, *elektro-*, *ekstra-*, *energo-*, *foto-*, *hiper-*, *hydro-*, *-infra*, *kontr-*, *makro-*, *meta-*, *mikro-*, *mini-*, *proto-*, *pseudo-*, *super-*, *ultra-*, *wice-*, и др., например: *agromiasto*, *arcydzieło*, *arcyduńskoły*, *bipierwiastek*, *elektrownia*, *ekstragatunek*, *fotopowielacz*, *hiperjdro*, *hydroskrzydło*, *infradźwięk*, *mikropaństwo*, *minisamochód*, *ultralewica*, *wiceprzewodniczący* и т. п.; рус.: *авиа-*, *авто-*, *агро-*, *аэро-*, *био-*, *блиц-*, *вибро-*, *видео-*, *гермо-*, *гидро-*, *диско-*, *инфра-*, *квази-*, *кино-*, *контр-*, *космо-*, *макро-*, *макси-*, *мета-*, *метео-*, *микро-*, *мини-*, *мото-*, *пневмо-*, *пневдо-*, *радио-*, *стерео-*, *супер-*, *теле-*, *термо-*, *ультра-*, *фермо-*, *фото-*, *электро-*, *энерго-* и др., например: *авиастроение*, *автолихач*, *агроучеба*, *аэросъемка*, *биозапытка*, *блицепоход*, *вibrогаситель*, *видеозапись*, *гермоперчатка*,

гидроузел, дисковод, инфракрасный, кинонеделя, макромир, метаязык, метеосводка, микрокапельки, мотолодка, пневмоизлучатель, радиоразговор, стереонаушники, телепередача, термостойкость, ультраповизия, фермовоз, фотобумага, электророзажигалка, энерговооруженность и т. п.; болг. *авио-, авто-, аэро-, био-, диско-, электро-, энерго-, кино-, колтра-, макро-, мино-, нормо-, петроло-, фото-, хидро-* и др., например: *авиоснимание, автолепенка, аэро-снимка, дискохөвъргач, електрозварчик, енергоснабдяване, кино-преглед, минохөвъргачка, нормочас, петролопровод, радиоуребда, фотоизложба, хидровъзел* и т. п.

Интернациональные компоненты могут выступать и в качестве второго определителя к уже функционирующему сложному слову; ср. рус.: *автомотолюбитель, агролесомелиорация, аэрофотосъемка, супервертолет*; словац. *stereoradioprijímač*, что подтверждает их словообразовательную продуктивность.

Объем лексической сочетаемости интернациональных компонентов рассматриваемых сложных слов в отдельных славянских языках может не совпадать. Дальнейшее изучение этого вопроса может показать интересные сходства и различия в данном отношении.

2. Интернациональный компонент выступает как вторая часть гибридного словосложения. Ср. рус.: *ветроэнергетика, самоорганизация, сверхмикроскоп, высокоэффективный, многокомпонентный* и др.; болг. *кофеферма, цвеклокомбайн, четвъртфинал* и др.; словац. *protiargument, rýchloanalýza, sebareflexia, vel'koséria, vysokoefektívny* и т. п. Здесь интересно определить возможности «принимающей» славянской деривационной базы и прежде всего разряды слов, особенно активно сочетающиеся с интернациональными элементами; ср., в частности, пол. *rólautomatyczny, rólfantastyczny, róbfeudalny, róbmetal, samodyfuzja, samoindukcja, samokontrola, samokrytyka*; словац. *protiagitácia, protiakcia, protidemonstrácia, protielektróda, protimanéver* и т. д. В этом отношении между славянскими языками также есть определенные сходства и расхождения. При наличии общих интернациональных компонентов, препозитивных и постпозитивных, в гибридных словосложениях по отдельным славянским языкам может варьироваться славянская основа: в одних случаях она оказывается сходной по значению и внешнему облику (с учетом соответствующих формальных различий во языках); ср.: укр. *инфрачертоний*, пол. *infraczerwony*, словац. *infračervený*, болг. *инфрачарен*, но рус. *инфракрасный*; в других — синонимические славянские основы сочетаются с общим интернациональным элементом, образуя тождественные по значению гибриды; ср.: рус. *антивещество*, укр. *антиречовина*, словац. *antihmota*, пол. *antymateria*. Значительный интерес представляет вопрос о параллельном функционировании и конкуренции синонимических интернациональных и славянских компонентов, в зависимости от меры которых тождественные по значению производные выступают то как сложные славянские или интернациональные слова, то как словосложения гибридного ха-

рактера; ср., например, рус. *супермикроскоп — сверхмикроскоп, суперплоский — сверхплоский, интердисциплинарный — междисциплинарный* и т. п.; словац. *antidemokratický — protidemokratický, neovitalizmus — novovitalizmus*.

Гибридные слова в современных славянских языках могут участвовать в дальнейшем словоизвлечении, выступая в качестве производящей базы; ср., например, словац. *autodoprava > autodopravca, elektrorýyt > elektrorýtectvo, spoluautorstvo > spoluautorstvo* и др.; пол. *hiperpoprawny > hiperpoprawność, supernowoczesny > supernowoczesność* и т. п.

Особый интерес представляет проблема нормативно-стилистической оценки гибридных словосложений. Необходимо еще раз подчеркнуть, что данный тип сложных слов является сравнительно новым: многие лингвисты обращают внимание на его активизацию в словообразовательной системе современных славянских литературных языков новейшего периода. Однако в отношении их нормированности, «литературности» высказывались скептические или даже отрицательные оценки, которые постепенно преодолевались.

Осторожно-скептическое или просто негативное отношение к рассматриваемым новообразованиям проявлялось в чехословакской лингвистической литературе. Однако, уже в 60-е годы эта позиция была пересмотрена. Так, Ф. Данеш подчеркивал, что нет смысла защищать язык от гибридных слов только потому, что один из компонентов сложного слова не является исконно чешским³. Анализируя материал словацкого языка, Я. Гороцкий указывал, что потребности языкового общения вынуждают употреблять гибридные слова, что их нельзя отвергать⁴. На материале польского языка эта проблема затрагивается в ряде работ М. Шимчака, писавшего: «Известно, что гибриды, как правило, подвергаются гонению. Возникает принципиальный вопрос, как мы должны оценивать такого рода формации с точки зрения правильности и чистоты языка. Сегодня ответ на этот вопрос уже однозначен. Слова типа *asprofeczny, antyprawieścę, arcydzieło* и т. п. в польском языке являются правильными⁵. Этому вопросу уделено внимание также в монографии А. Загродник «Новые слова и выражения в прессе», где процессы гибридизации описываются на материале польских неологизмов. Наблюдения автора складываются в общую картину интенсивной интернационализации словообразовательной системы польского языка на современном этапе. Вместе с тем автор отмечает: «С точки зрения языковой нормы вызывает тревогу массовое образование новых слов по схематичным стереотипным моделям, например, с ферментами *mini-, mikro-, super-*⁶.

Весьма интересны наблюдения над стилистическими особенностями функционирования гибридов в отдельных славянских языках, которые показывают, что гибридные образования являются принадлежностью не только научного и научно-популярного стиля (где они распространены в наибольшей мере), но и получают все большее применение в публицистике, проникают в разговор-

ную речь, в художественную литературу, где используются как яркое экспрессивное средство, в частности, для выраженияironии, юмора, ср. пол. *śmiechologia*, *babokracja*, *papierkomania*, *zebraniomania*, *darmosil*, *archimalpa*, *superśpioch*, *superbzik* (например, в устной речи: «... wśród licznych brzków miał jednego superbzika») или словац. *hypernedosiahnitélný*, *maxilekvica*, *superbdelost'* и др. Немало гибридных словосложений употребляется в устной речи, в профессиональном языке, в сленге; часть из них, несомненно, остается за пределами литературной нормы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Martinčová O.* Tzv. hybridní složeniny jako lexikální inovace // *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*. 13. W-wa, 1974. S. 171.
- 2 *Галаванова Г. И.* Словообразовательные модели с *авиа-*, *авто-*, *аэро-*, *био-* и др. в Словаре русского языка // Современная русская лексикография. 1976. Л., 1977. С. 144.
- 3 *Daneš F.* Vývoj češtiny v období socialismu // *Problémy marxistické jazykovědy*. Pr., 1962. S. 322.
- 4 *Horecký J.* O nových pojmenovaniach z cudzích jazykov // *Kultúra slova*. Br., 1970. čís. 2. S. 36.
- 5 *Slownik języka polskiego*. W-wa, 1978. T. 4. Wstęp. S. XIII.
- 6 *Zagrodnikowa A.* Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie. Kraków, 1982. S. 277.

ОБ ОДНОМ ТИПЕ КОНВЕРСИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (флективная деривация)

С. М. Толстая

Говоря о конверсии как способе словообразования, обычно имеют в виду переход основы мотивирующего слова в сферу словоизменения другой части речи, сопровождаемый сменой грамматических характеристик, типа парадигмы и возможными морфонологическими модификациями основы. Однако такой переход (смена или модификация парадигмы) может происходить и в пределах одной части речи (существительного). Тогда в качестве словообразовательного средства выступает не набор словоизменительных характеристик другой части речи, но другие словоизменительные показатели (другие значения грамматических признаков или другие формальные элементы) той же части речи (для существительного — показатели числа, рода, одушевленности / неодушевленности, личности / неподличности, определенности / неопределенности, падежной парадигмы или типа склонения). Такой способ внутрисубстантивного словоизменения особенно характерен для ономастики (топонимии, отчасти антропонимии), однако он встречается в большинстве славянских языков и в других лексических сферах, в частности, в примыкающей к ономастике географической, календарной, в меньшей степени ботаниче-

ской номенклатуре и в некоторых разрядах нетерминологической лексики. Преимущественное распространение этого типа деривации в сфере ономастики и пограничных с ней сферах может быть объяснено характерными для этих сфер особенностями номинации и связанными с ними механизмами и способами словообразования, а именно — распространенностью номинации «вторичного» типа, использующей уже имеющиеся ономастические единицы (ср. словоизменение фамилий на базе личных имен, прозвищ или топонимов, распространенность патронимических моделей в топонимии и т. п.), затем «асемантичностью» ономастических словообразовательных моделей, для которых суффиксальные средства оказываются слишком семантически конкретными.

Более 20 лет тому назад П. Смочинский в своем докладе на I Международном ономастическом конгрессе в Кракове обратил внимание на один из типов такой морфологической, главным образом, внутрисубстантивной (внутриименной) деривации, которую он называл флективной деривацией¹. Речь шла о явлении лексикализации косвенных словоформ собственных имен, входивших в состав сложных ономастических единиц (прежде всего топонимов и микротопонимов) — явлении, известном в диалектах, памятниках письменности, современном просторечии. П. Смочинский анализирует случаи типа *na Matejkach*, *na Kopernice*, свидетельствующие о том, что формы род. ед. *Matejki*, *Kopernika* в составе названий улиц *ulica Matejki*, *ulica Kopernika* стали восприниматься как формы соответственно им. мн. и им. ед. ж. р. и вследствие этого приобрели все морфологические черты этого типа имен. Данный тип деривации, таким образом, связан с компрессией составных наименований и предполагает стадию употребления косвенной формы имени в качестве несклоняемой (*ulica Matejki* → *Matejki*, *ulica Kopernika* → *Kopernika*), а также существование омонимии грамматических (падежных) форм, позволяющих отождествить косвенные формы с «лексическими» формами именительного падежа других парадигм.

Подобные примеры известны и другим славянским языкам, хотя они не всегда имеют тот же конечный результат. Например, в аналогичных русских конструкциях с названиями улиц и других микротопонимических объектов, процесс может остановиться на стадии усечения (эллипса) родового термина, а собственное имя может остаться несклоняемым, ср. *площадь Свердлова* → *Свердлова* (я выхожу на Свердлова). Этот же результат представлен в календарных терминах, лексикализующих форму род. ед. имени святого, ср. украинские названия праздников: *Дмитра* (*Гмитра*), *Луки*, *Маковея*, *Andrea* и т. д., в которых консервации этой формы способствуют и наиболее типичные синтаксические конструкции: *на Андрея*, *до Андрея*, *против Андрея*, *назади Андрея*, требующие как раз формы род. п. имени.

Даже в пределах одного типа дериватов возможны разные результаты (конечные стадии) этого процесса. Напр., русские фамилии, восходящие к формам род. мн. соответствующих антро-

понимов (имен, прозвищ, фамилий) типа *Черных*, *Петровых*, в одних случаях (чаще всего) дают несклоняемые формы: *Петровых*, *Невинных* и т. п., в других — склоняемые формы: *Черных*, *Черныха*, *Черныху* и т. д., в третьих — колеблющиеся формы: *Крученых*, род. п. *Крученыха* и *Крученых*, дат. п. *Крученыху* и *Крученых* и т. д.²

В рассмотренных Н. Смочинским явлениях флексивной деривации (лексикализации косвенных словоформ) присутствует некоторый элемент случайности, объясняемый зависимостью самого акта деривации от возможности воспринять ту или иную косвенную форму как одну из «лексических» форм. Вместе с тем сам процесс вторичной ономазии путем морфологической (флексивной) деривации вполне закономерен и связан с указанными выше ономасиологическими особенностями данного класса имен. В случае сопротивления языкового материала он останавливается на стадии неизменяемого собственного имени, а при благоприятных условиях (при возможности омонимического осмысления) приводит к полной смене словоизменительного типа мотивирующего слова.

По сравнению с лексикализацией косвенных словоформ, предполагающей в качестве условия эллипсис синтаксической конструкции и омонимию словоизменительных форм, значительно менее случайными и в своих результатах, и в самом механизме деривации оказываются явления так называемой плуралитации, т. е. лексикализации словоформы Им. мн., при которой мотивирующее (производящее) имя редуцирует свою числовую парадигму, а мотивированное (производное) слово становится именем *pluralia tantum*. Этот тип конверсии чрезвычайно распространен в славянской топонимии. К нему принадлежат целые пласти топонимов патронимического происхождения (типа вост.-слав. названий на *-овцы*, *-ицы*, *-овичи*, *-иничи*), производные от соответствующих фамилий или прозвищ. До сих пор кое-где еще можно наблюдать исходную стадию этого процесса: так, в полесском селе *Зосинцы* Ельского р-на Гомельской обл. большинство жителей носит фамилию *Зосинец*. Как и в случае лексикализации косвенных словоформ, описанном Н. Смочинским, в этом типе деривации в качестве формального средства выступает смена грамматических характеристик: если антропонимы (фамилии) типа *Зосинец*, *Костюкович* обладали нормальной парадигмой обоих чисел, то производные от них топонимы *Зосинцы*, *Костюковичи* являются существительными *pluralia tantum*. То же происходит и с апеллятивами *дуб*, *брод*, *холм* при их топонимизации: *Дубы*, *Броды*, *Холмы*. Вместе с тем плуралитация представляет собой во многих отношениях совершенно иной тип деривации, чем флексивная деривация у Н. Смочинского. И дело не только в том, что она не зависит от возможности омонимического отождествления словоформ и не связана с синтаксическими условиями эллипсиса составных названий. Развличие этих двух типов лежит в ономасиологической плоскости: в случае лексикализации косвенных слово-

форм отсутствует ономасиологический акт, а имеет место лишь трансформация уже имеющегося имени, а при плуралитации данного типа акт словообразования сопутствует ономасиологическому акту топонимизации антропонима или апеллятива (в других случаях — антропонимизации или терминологизации).

В топонимии всех славянских зон обнаруживается большое число параллельных названий в форме единственного и множественного числа, например, *Студеница* и *Студенице*, *Студенец* и *Студенци*, *Локвица* и *Локвице*, *Дубравица* и *Дубравице*, *Кованевац* и *Кованевци* и т. п. в южнославянской области³, *Dębina* — *Dębiny*, *Gorzycy* — *Gorzycy*, *Krzynka* — *Krzynki*, *Kuźnica* — *Kuźnice*, *Oleśnik* — *Oleśniki*, *Rudnik* — *Rudniki* и т. п. в польской топонимии⁴, и т. д. Очевидно, что мы имеем здесь дело с двумя разными топонимическими моделями — сингулятивной и плуративной, что в ряде случаев находит подтверждение в их географическом распределении: есть зоны, где отчетливо преобладают один или другой тип⁵. У восточных славян, в частности в Полесье, можно встретить еще немало случаев двойственности названий одних и тех же населенных пунктов: *Головница* и *Головицы*, *Голубица* и *Голубицы*, *Кочище*, *Кочица* и *Кочиши*, *Щедрогор* и *Щедрогоры* и т. п. В этих колебаниях отражается конкуренция сингулятивной и плуративной моделей. Исторически соотношение этих двух моделей в топонимии и соответствующих им процессов плуралитации складывалось по-разному для разных топонимических категорий, разных языковых ареалов и разных исторических периодов, но несомненно, что сама возможность такого альтернативного распределения в топонимии связана с неревантиностью для топонимов грамматического противопоставления по числу, т. е. утратой числа как словоизменительной категории. Наряду с закономерными, мотивированными процессами плуралитации или сингуляризации (каким, например, считается сингуляризация южнославянских топонимов на *-ичи*), для части названий следует предполагать вторичную (немотивированную) плуралитацию или сингуляризацию под влиянием продуктивной топонимической модели.

Кроме топонимии, плуралитация широко представлена в славянской, особенно восточнославянской, народной календарной терминологии, ср. полесские названия праздников типа *Коляди*, *Громницы*, *Гости*, *Благовестники*, *Вшестники*, *Крестители*, *Щодрики*, *Роздва*, *Русалки*, *Хрестьы*, *Радовицы*, *Водохрища*. Особый интерес, однако, представляют плуралитация в группе календарных названий, мотивированных антропонимами — именами или народными эпитетами христианских святых; ср. полеск. *Вакулы*, *Вареары*, *Ганни*, *Головосеки*, *Паликопы*, *Илажки*, *Параски*, *Пятенки*, *Савы* и т. д.; рус. *Аграffены-купальщица*, *Аксиньи-полухебницы*, *Антипы-полюбчица*, *Василычи-зимние*, *Дары-худые проруби*, *Галиники*, *Кузьмы-богатыри*, *Маккавеи* и т. д. Как и в топонимии, форма множественного числа в названиях праздников не имеет никакой опоры в семантике и является сугубо

формальным средством морфологической деривации. В большинстве случаев приведенным названиям-плуративам соответствуют на других территориях или в других народных традициях термины-сингулятивы, омонимичные именам святых (*Варвара*, *Головосек*, *Аграфена-купальница* и т. д.). Следует предполагать, что некоторые календарные плуративы представляют собой вторичные образования, возникшие из сингулятивов под влиянием характерной для названий обрядов и праздников модели *pluralia tantum*: *именины*, *поминки*, *святки*, *петровки* и т. п. Хотя категория *pluralia tantum* является по своей природе лексико-грамматической, а не словообразовательной, ее устойчивая связь с определенными семантическими группами существительных привела к тому, что форма множественного числа приобрела статус словообразовательной модели, и плурализация стала использоваться как формальное средство деривации, паряду с аффиксацией и другими словообразовательными средствами.

Вопрос о соотношении и границах словоизменительных и словообразовательных значений в сфере категории числа существительных продолжает остро дискутироваться⁶, однако что касается фактов, рассматриваемых в данной работе, то принадлежность к области словообразования как будто не вызывает сомнения.

В самом деле, семантическая независимость топонимов от мотивирующих их антропонимов или апеллятивов (географических, ботанических терминов и др.), не позволяющая считать их разными значениями одного слова, для современного состояния топонимии бесспорна и поддерживается регулярными деривационными связями между названиями поселений и названиями их жителей (независимо от направления деривации — от названия жителей к топониму или от топонима к названию жителей). Менее очевидна семантическая самостоятельность календарных названий типа *Варвара*, *Варвары* ‘день св. Варвары, Варварин день’, где можно усмотреть нечто подобное метонимическому переносу типа *сочинения Пушкина* → *Пушкин* (ср. *изучать*, *читать Пушкина*)⁷. Вместе с тем эти названия могут интерпретироваться и как явления безаффиксной конденсации составного наименования типа *Исаакиевский собор* → *Исаакий*, рассматриваемой в рамках словообразования⁸.

Однако решающим доводом в пользу отнесения подобных фактов топонимической и календарной номенклатуры к словообразованию (а не семасиологии) оказываются их формальные признаки. Анализ плуративов — топонимов и календарных названий обнаруживает, что для них характерна не только редукция числовой парадигмы, но и смена других грамматических характеристик.

Так, польские топонимы-плуративы патронимического происхождения типа *Markowice*, *Karłowice* формально соответствуют не Им. мн., а Вин. мн. мужского рода. Однако исторически они не являются лексикализацией формы Вин. мн., в отличие от при-

меров, рассмотренных Н. Смочинским, где косвенная форма имени была обусловлена синтаксисом исходного составного названия. До XIV в. эти имена имели окончание *-icy* и формально совпадали с соответствующими патронимами⁹. Можно думать, что именно эта смена флексии, поддержанная формировавшейся категорией одушевленности / неодушевленности, была знаком деривационного акта топонимизации антропонима (до этого топонимическое и антропонимическое значения синкретически совмещались в одной лексеме). Смысл замены *Markowicy* → *Markowice* был, однако, не в лексикализации формы Вин. мн., а в «отключении» перелевантной для топонима категории одушевленности / неодушевленности, что привело к лексической эманципации плуративов. Этот процесс коснулся не только топонимов патронимического происхождения, но и топонимов, производных от других названий лиц, например *Grotniki*, *Kuchary*, *Piekary* и т. п.¹⁰

Аналогично польским, сербскохорватские топонимы типа *Ribariče*, *Popovče* (распространенные в зоне Кралево, Лесковца и др.) формально соответствуют также Вин. мн., т. е. тоже имеют сравнительно с мотивировавшими их патронимами модифицированную парадигму муж. рода, но в отличие от польских, сербскохорватские названия в форме Вин. падежа ареально ограничены и соответствуют «нормальным» формам Им. мн. с флексией *-i* на других территориях (*Ribarići*, *Popovci*).

Точно так же польские названия стран типа *Włochy*, *Czechy*, *Prusy* отличаются от мотивирующих их этонимов *Włoch*, *Czech*, *Prus* не только числовым парадигмой, но и отсутствием нормальной для таких слов категории личности / неличности (Им. мн. *Włosi* ‘итальянцы’, но *Włochy* ‘Италия’), а также нестандартными формами косвенных падежей (*w Włoszech*, *na Węgrzech*, *do Niemiec* и т. д.).

Восточнославянские названия праздников, в том числе и мотивированные антропонимами, тоже изменяются по образцу неодушевленных существительных и этим противопоставляются соответствующим личным именам. Ср. характерные полесские примеры: *Колись на Варвары* ничого не рабили, а *на Саву* {т. е. *на Савы*} — результат актуального фонетического перехода *ь* → *у* после губных! матали клубки на матужки (Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл.); *Коляду вуганяли на Кресыциели* (там же); *На Олэксий*, *на вэсни*, девушки гадают (Лисятичи Пинского р-на Брестской обл.); *На гэтый Юрэй* збирающа вовкы вси у кучу (Ласицк Пинского р-на Брестской обл.); *Ведъма малако адбирае пад Пасный Иван* (Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл.). Примеры показывают, что не только плуративы, но и названия праздников, имеющие грамматическую форму ед. числа, формально выделены из парадигмы соответствующих антропонимов и могут считаться их дериватами. Таким образом, смена формальных характеристик мотивирующего слова становится как бы компенсацией бесформенности конверсии как способа деривации, а словоизменительные и морфонологические по-

казатели в таких случаях приобретают дополнительное — словообразовательное — значение.

Недавние полевые разыскания в области метохийской топонимии и микротопонимии, проведенные сотрудниками сектора ономастики Сербской Академии наук, обнаружили еще один, до сих пор не отмеченный тип названий, совпадающих по форме с Род. мн., который для данных говоров может также быть тождествен Мест. мн.; *Lôžâ, Osojâ* и т. п.¹¹ Как и в случае с сербскими топонимами, совпадающими с формами Вин. мн., здесь пока трудно сказать, являются ли обнаруженные формы примерами флексивной деривации, подобно примерам, рассмотренным П. Смочинским (в таком случае для них следовало бы найти исходные составные названия, содержащие формы Род. мн. или Мест. мн.), или же мы имеем дело с особыми морфологическими средствами топонимизации, которые лишь омонимичны падежным флексиям косвенных словоформ, тем более, что, по сообщению С. Стиюовича, описанные им топонимы не имеют других словоизменительных форм.

Подобно категории числа, падежа, одушевленности / неодушевленности (личности / неличности), грамматическая категория рода также может включаться в систему морфологической деривации в рамках отдельных разрядов лексики. В некоторых топонимических системах, в частности впольской и — в меньшей степени — восточнославянской, средний род топонима, по-видимому, начинает восприниматься на определенном этапе развития и функционирования топонимии как специфический или характерный топонимический показатель, о чем свидетельствуют массовые примеры параллельных отадъективных или подобных им названий ясенского / мужского и среднего рода при общем преобладании в этой категории топонимов форм среднего рода: пол. *Kurów — Kurowo, Leśna — Leśno, Lipowa — Lipowo, Ropów — Popowo, Sosnowa — Sosnowo, Wichów — Wichowo* и т. д. В Полесье и в этом случае отмечены дублетные по роду названия одних и тех же населенных пунктов типа *Споров — Спорово, Здитов — Здитово*, причем формы среднего рода — новые. Хотя исторически грамматический род топонима и может объясняться родом соответствующего географического термина (*село, город, весь* и т. п.), впоследствии форма среднего рода явно приобретает независимый и универсальный характер. Этим объясняются колебания в названиях, обычно отражающие экспансию среднего рода.

Таким образом, рядом с развитой системой собственно деривационных (словообразовательных) средств, обслуживающих основной корпус апеллятивной лексики, в славянских языках существует область морфологической (в том числе флексивной) деривации, использующей в качестве средств словоизделия различные словоизменительные показатели (числа, падежа, одушевленности / неодушевленности, личности / неличности, типа парадигмы, рода) и обслуживающей периферийные и особые в онома-

сиологическом отношении сферы лексики, такие как топонимия, антропонимия и пограничные с ними в структурном или функциональном отношении слои апеллятивной лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Smoczyński P.* O derywacji fleksyjnej w słowiańskiej onomastyce (zarys problematyki) // I Międzynarodowa slawistyczna konferencja onomastyczna. Księga referatów [-Prace onomastyczne. 5]. W-wa etc., 1961.
- 2 Вопреки грамматикам, специальным исследованиям и нормативным руководствам, констатирующим и предписывающим несклоняемость фамилий этого типа (см.: *Unbegain B. O. Russian surnames*. Oxford, 1972. S. 18, 32—33, 174—176; *Калакуцкая Л. П. Склонение фамилий и личных имён в русском литературном языке*. М., 1984, С. 143—145), реально наиболее распространенные из них и структурно простейшие (со стертой мотивированностью) свободно склоняются по субстантивному склонению муж. рода.
- 3 См. *Imenik mesta u Jugoslaviji sa poštama i teritorijalno nadležnim sudovima i javnim tužilaštvima* (Stanje novembra 1965). Beograd, 1965.
- 4 См. *Skorowidz do mapy Polski* w podziałce 1: 500000. W-wa, 1956.
- 5 Для южнославянских нар на -ié/-ií установлено достаточно четкое ареальное распределение: в центральной сербохорватской зоне преобладают плуративы на -ií, а в периферийных — топонимы ед. числа на -ié. См.: *Rospond S. Południowosłowiańskie nazwy miejscowości z sufiksem *-itj-*. Kraków, 1937. S. 120.
- 6 *Соболева П. А. Лексикализация множественного числа и словообразование* // Лингвистика и поэтика. М., 1979; *Булатова Л. П. Еще о грамматическом статусе категории числа существительных в русском языке* // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 120—130; *Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка*. М., 1984. С. 169—172.
- 7 См. *Василевская Л. И. Синтаксические возможности имени собственного (метонимический перенос у антропонимов)* // Проблемы структурной лингвистики 1981. М., 1983. С. 156—166.
- 8 См. *Виноградова В. П. Стилистический аспект русского словообразования*. М., 1984, с. 63—66.
- 9 *Taszycki W. W sprawie pochodzenia nazw miejscowych typu Konary, Piekarzy itp* // *Taszycki W. Rozprawy i studia polonistyczne*, t. I. Onomastyka, W-wa etc., 1958. S. 174, 177; *Idem. Rzekomo patronimiczne nazwy miejscowości (Znaczenie przyrostka -ic)* — Ibid., S. 205—214; *U[rbańczyk] S. Nazwy patronimiczne* // Encyklopedia wiedzy o języku polskim. W-wa etc., 1978. S. 211—212.
- 10 *U[rbańczyk] S. Nazwy służebne* // Encyklopedia wiedzy o języku polskim. W-wa etc., 1978. S. 213.
- 11 *Стиюович С. О одном специфичном топономастичном моделе у сливи Белог Дрима* // ЈФ, XXXVIII, 1982. С. 123—130.

К МОРФОНОЛОГИИ ДЕМИНУТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СЛАВЯНСКОМ

В. Г. Чурганова

В последнее время распространилось мнение, что морфонологические преобразования отражают в общем виде диахронные фонологические процессы; иногда дело преподносится таким обра-

зом, что создается впечатление тождественности морфонологического преобразования определенному фонологическому историческому процессу в языке. Однако более внимательный анализ показывает значительную автономность морфонологической системы и способность ее к собственно морфонологическим историческим изменениям. Примером морфонологической системы, которая является результатом последовательно наслаждающихся друг на друга чисто морфонологических диахронных преобразований исходной морфонологической системы (непосредственно отражавшей фонологическое преобразование) может служить выбор вариантов уменьшительных суффиксов мужского рода в русском языке. Этот выбор регулируется сложным правилом, учитывающим исход словообразующей основы и ее акцентный тип. Определенным коррективом служит слоговой состав основы (односложность — неодносложность) и вид акцентного контура неодносложной основы (см. Чурганова 73 § 21).

типы основы	согласный исход основы		
	шипение	заднеязычные	прочие
и-основы	—	ък	ък
о-основы	—	ък	ъс
ю-основы	ик	—	ис
и-основы	ък	(ък)	ъс

Анализ материала показывает: это состояние легче всего представить как возникшее в итоге последовательных морфонологических трансформаций следующей системы выбора (табл. выше).

Этот этап характеризуется наложением на праславянскую систему распределения суффиксов diminutivi, связанную с типами основ производящих имен, фонологического процесса, называемого третьей палатализацией заднеязычных. Последняя однако, по-видимому, не происходила, если суффиксу предшествовал шипящий исход основы (возникший в результате ѹтации или первой палатализации). Этот запрет и обусловил возникновение вариантов ък/ъс и ик/ис.

Второй этап:

вид основы	о-основы		ю-основы		и-основы			
	заднеязычн.	прочие	и-основы	шипение	прочие	и-основы	заднеязычн.	прочие
акц. парадигма	ък	ъс	ик	—	—	ъс	—	ък, (ъс)
a	ък	ъс, ик	ик	ик	(ис), ик	ъс, ик	ък	ък
b	ък	ък, ѿс	—	ик	—	ък	ък	ък, (ъс)
c	ък	ък, ѿс	—	ик	—	ък	ък	ък, (ъс)

Важнейшим для него является 1) проникновение варианта ък в диминутивы от и-основ на заднеязычные и 2) прогрессирующее распространение суффикса ък в производных от о-основ

акцентной парадигмы с. Второе обусловлено смешением о- и и-основ и распространением в о-основах падежных форм и-основ преимущественно по признаку акцентной подвижности (ср. Аванесов 68, 11). Смешение о- и и-основ приводит к допущению варианта ъс также и в образования от первоначальных и-основ. К частным процессам этого периода относится, вероятно, проявление тенденции к обобщению варианта ик в ю-основах за счет вытеснения ис, который становится факультативным стилистически окрашенным вариантом.

Для третьего этапа характерно распространение суффикса ик в уменьшительных от о-основ акцентной парадигмы б, мотивированное, очевидно, тем, что ю-основы относились преимущественно к этому акцентному типу.

Два последних этапа отражены в древнерусских памятниках¹:

Производные от о-основ

На заднеязычные: а) вну́чъкъ Новг. I лет. 1340 г., садачъкъ, приимъчъкъ, пото́чъкъ, язычъкъ, осéчъкъ (|| с?), (сажъцъ), вражъкъ, (ковъчежъцъ), коврижъкъ, овражъкъ, (кърчажъцъ), острожъкъ Космогр. 1670 г. 411, жемчужъкъ, учужъкъ (б?); б) бычъкъ Кн. расх. Болд. мон. 1587 г. 63, крючъкъ Зап., Служ. XIV в. Син. 601 л. 72, (клобучъцъ), (дьячъцъ) и дьячъкъ, горшчъкъ, лоша́чъкъ, оловяничи́къ, ормячъкъ, ишечъкъ, темлячъкъ, батожъкъ Ав. Ж. 1673 г. 24, мъши́къ, па́стушъкъ; с) (лучъцъ Ж. Варл. Иос. XIV в. л. 101б), скочъкъ (?), (облачъцъ ГА XIII—XIV 218) и облачъкъ, волочъкъ, наволочъкъ, сорочъкъ, рожъкъ (с из *б), дружъцъ и дружъкъ XVII в., ложъкъ, мозжъкъ Дм. XVI в., лужъкъ XVI в., кружъкъ, бережъцъ и бережъкъ XVII в., (мъши́цъ цслав.) и мъши́къ, потроши́къ Дм. XVI в., обушъкъ.

На прочие: а) укропъцъ, хлѣбъцъ, братъцъ, ушатъцъ, оградъцъ, огородъцъ, съводъцъ, часъцъ (||б), отласъцъ, обрусьцъ, убрусъцъ, ставъцъ (||с?), язвъцъ, агньцъ, меринъцъ, боранъцъ XVI в., бѣльванъцъ, чванъцъ, курганъцъ, сукъманъцъ, кафтанъцъ, колчанъцъ, загонъцъ, номоканунъцъ, лальцъ, тульцъ, сандальцъ, шандальцъ, оскирльцъ, прѣстолъцъ, вѣтрыцъ ЧПЗ 796, пропоръцъ, потиръцъ, кумиръцъ Г. Амар. XIII—XIV в. л. 24в, товаръцъ (?) Грам. новг. посад. Вас. Ник. в Ригу XIV—XV в. Обнор. № 39, товаръцъ Козмогр. 1670 г. 134; б) стѣльни́цъ и стѣльникъ, кѣтьцъ Мерило Прав. XIV в. 26 и 59, крестьцъ, кутъцъ, кустъцъ и кустикъ, передъцъ (б?) и передъкъ XVII в., пысъцъ, тазикъ (?) Заб. Быт цариц 718 1688 г., буравъцъ, ушевъцъ (?), покровъцъ, прѣкровъцъ (?), хѣлми́цъ, тельцъ, сокольцъ, колыцъ (?), столъцъ, козыльцъ, котъльцъ и котликъ Кн. П. Моск. I 646 1598 г., угольцъ Пал. 1406 г. пл. 137г, 138в, 139г, одръцъ, дворъцъ, бобрикъ (из и-осн.?); топоръцъ и топоръкъ XV в.; с) погрѣбъцъ, пѣртыцъ и пѣртъкъ, цѣбътъцъ и цѣбътъкъ, платъцъ, мостъцъ, кокотъцъ (?), молотъцъ, омутъцъ, градъцъ и градъкъ, бродъцъ Грам. Кирил.-Белозер. мон. 120 1434 г., судъцъ, городъцъ и городъкъ, лѣсьцъ и лѣськъ, носъцъ, поясъцъ Оп. им. Ив. Гр. 41 1583 г., возъцъ, глазъцъ, об-

разъцъ, поставъцъ (||a?)/*островъцъ* и *островъкъ*, боровъкъ XVII в., *теремъцъ* и *теремъкъ*, *коныцъ*, *вѣньцъ*, *гѣрнъцъ*, *гѣршъкъ*, *озеръкъ*, *колохольцъ*.

Производные от *и*-основ

На заднеязычные: *b) вѣршикъ, тѣржькъ; c) сучьцъ* (цслав.) и *сучькъ* Назиратель л. 133 об. XVI в.

На прочие: *a) пупъкъ, кубыцъ и кубыкъ; b) чеснъкъ, колъкъ (?)*, подолъкъ ЧНЗ, 9б; *c) дубъкъ, рядъкъ, медъкъ* Юр. Пр. XIV 129г, *домъкъ* и *домъкъ* ВМЧ Дек. 1—5 15 XVI в., *сынъкъ, станикъ, долъкъ, полъкъ, боръкъ, даръкъ, листъкъ* Юр. Пр. XIV 275г, *ледъкъ*.

Производные от *i*-основ (также < конс. осн.)

*a) мишеицъ, олеицъ, фелонъцъ; b) путыцъ и путикъ, чѣрвицъ, огницъ, жеравыцъ; c) зѣбръкъ XVII в., тополькъ (?: два тополка), сторожъкъ (*i-/jo*-осн.).*

Производные от *ю*-основ

На шипящие (также из заднеязычных): *b) мечикъ* (и *мечицъ*), *лучикъ* XVII в., *ключикъ* Козма Инд. 87 XVI в., *овкачикъ* (?) или *a?*, *пожикъ* (и *пожицъ*), *крыжикъ, ужикъ* (*b?*), *плащикъ, ковицъ* XV в. *c) мужикъ, обручикъ*.

На прочие: *b) кораблицъ, корабицъ, корабликъ* XVII в. (и *корабльцъ*), *буравликъ* (*b?*) Назиратель, *дожникъ* XVII в. и *дѣжгъцъ* (из **c?*), *коникъ* и *коныцъ* XVII в., *ларикъ* Заб. Разр. 380 1624 г. (и *ларыцъ*, *веприкъ* Акты Уст. II 187 1609 г., *(пузыръкъ?)*: *пузырки* Вен.), (*монастыръцъ* и *монастыръкъ* XV в.)

Производные от «*с*»-основ

a) стѣльчикъ, старычикъ, яловычикъ; b) образычикъ, жеребычикъ.

Особые случаи

Ряд отклонений от представленного выше выбора, по-видимому, связывается с древней вариантностью основ. Например, регулярное использование суф. *ъk* при образовании уменьшительных от *i*-основ с формантом *-ъt-*: *локътъкъ, когътъкъ* (в *кокотъках* (?)) Сказ. о куре и лисице 201), *лапътъкъ* Горе Зл. 7 — может быть объяснено исходным атематическим склонением этих имен, ср. в старославянском: род. мн. *лакъти*, *ноготь*; твор. мн. *лакты*, *ногты* (Вайан 129). Вероятно, с первичным атематическим склонением связывается и форма *зѣбръкъ* XV в. Образования *медѣдъкъ* XVII в. и *голубъкъ* XVII в. также согласуются с вариантностью их производящих, ср. едва ли новое среднеболг. *медѣдъ* (Вайан 125) и более широко распространенный подобный твердый вариант *gol'bъ* (см. ЭССЯ VI 215—217).

В некоторых случаях у нас нет достаточных оснований для выбора между *ю*- и *i*-основами, например, в именах с суф. *-уѣ*, которые зафиксированы, как правило, поздно. В современном

языке они регулярно образуют уменьшительные с суф. *-ъk*. Первичность этого подтверждается древнерусским *кляпышъкъ* Плат. Бор. Год. 18 1589 г. Отдельные ранние отклонения от первичного выбора, возможно, объясняются неустойчивостью парадигм склонения у производящих из-за их иноязычного происхождения, например, приведенные выше *ларьцъ, монастыръцъ* и *монастыръкъ*; ср. также колебания парадигм склонения у имен на *tel'*, *ar'*, *ur'* в старославянском (см. Вайан 129—131, Шахматов 102—103).

В устанавливаемом распределении четко прослеживается связь древнерусской системы как с первоначальной системой выбора, так и акцентологическими параметрами, которые определили направление перестройки этой первоначальной системы.

То, что первоначальный характер выбора определялся наложением на систему, связанную исключительно с делением корпуса существительных по типам основ², фонологической модификации, определяемой позициями запрета и разрешения третьей палatalизации заднеязычных, подтверждает и сохранившееся в современном русском языке распределение первичных уменьшительных суффиксов у основ среднего рода: *облачко* (*облако*), *молочко* (*молоко*), *яблочко* (*яблоко*), *лычко* (*лыко*), *яичко* (*айцо*), *ушко* (*ухо*), *брюшко* (*брюхо*), но *кружево* (*кружево*), *словцо* (*слово*), *сенцо* (*сено*), *поленце* (*полено*), *морцо* (*море*), *мясцо* (*мясо*), *болотце* (*болото*), *копытце* (*копыто*), *шильце* (*шило*), *ружьецо* (ст. русск. **ружейце*; *ружѣё*), *копьецо* (ст. русск. *копейце*; *копѣё*), *пряслице* (морфонологически *pr'asl'ece*, ср. древнерусск. *съвасльце*; *прасло*), *ожерелице* (ст. русск. *ожерелѣцо*; *ожерелье*), *платыще* (ст. русск. *платейце*; *платѣ*). Архаический характер этого распределения показывают и древнерусские факты, представленные в «Материалах...» И. Н. Срезневского.

Южнославянскую систему выбора в ее близком к первоначальному виде легко представить, например, по старосербской системе, отраженной в словаре Дж. Даничча. Она отличается от древнерусской, с одной стороны, отсутствием перераспределения по акцентуационным параметрам, с другой стороны — обобщением праславянского *-c-* в уменьшительных суффиксах *ic/ъk* и *ic/ik*, а имена: заменой во всех случаях, т. е. и после исходов основ на шипящие (также из заднеязычных), вариантов *ъk* и *ik* на *ic* и *ic*. Последнее произошло уже после проникновения в *и*-основы на заднеязычные суффиксы *ъk*.

Производные от *о*-основ

На заднеязычные: *бѣличујујуцъ, ковчежицъ, доходицицъ*.

На прочие: *агицъ, братицъ, вѣницъ, грыницъ, колыцъ, коњицъ, ободицицъ, покровицъ, пѣасицицъ, тоболицицъ, цѣѣтицицъ*; из Дополнений к основному тексту: *крестицицъ, оуставицицъ, чашицицъ*.

Производные от *и*-основ

На заднеязычные: *вѣришицъ, тѣржицъ* (?)

На прочие: *долькъ* и *дольцъ*, *ðѣлькъ* (**dělkъ* и-осн.?), *поменькъ*, *поупъкъ*, *станькъ*, *сынькъ*.

Производные от *i*-основ

Мѣльцъ, *цръсъцъ*.

Производные от *jo*-основ

На шипящие: *ключицъ*, *крышицъ*.

На прочие: *коницъ*, *кораблицъ*, *манастирицъ* и *манастиръцъ*, *стрыцъ*, *оуцицъ*.

О том, что в южнославянских языках происходила генерализация суффиксальных вариантов с *s* за счет *k*, свидетельствует, по-видимому, сохранение в этих языках следов старого распределения в реликтовой группе производных имен на *ъсъk* от *i*-основ женского рода, ср. древне- и среднеболг. *мышъка* XIII в. (<**mýška* от **mýš*), *въшъкъ* XIV в. (<**vъšъkъ* от **vъšš*), но *дѣвъръца* (<**dvъrъca* от **dvъrъ* < **dvъrъbъ*), *тръстъца* (<**trъstъca* от **trъstъbъ*) и под. В первых двух лексемах содержится *ъk* — вариант суф. *ъs*, а не вариант суф. *ъk/ъk* диминутивов от *a*-основ: на это указывает ударение среднеболг. *въшъкъ* (правило выбора акцентных типов см. Дыбо СА 148). Ср. древнерусск. *дѣчъкъ* (Зализняк 85 147), акцентовка которого также свидетельствует о суф. *ъs/ъk* *i*-основ, а не суф. *ъk/ъk* *a*-основ, который требовал выбора неподвижного акцентного типа исключительно с наоснбвным ударением.

По отношению к древнерусской и старосербской системам старопольская является в значительной степени перестроенной и продвинутой по пути утраты следов исходного распределения.

Производные от *o*-основ

На заднеязычные: a) *jѣyczek*, *koniuszek*, *kozuszek*, *letniczek*, *orzeszek*; b) *byczek*, *dyjaczek*, *klobuczek* и *kłobuczek*, *ręczniczek*, *ptaszek* (b?); c) *krążek* и *krązec*, *łęczek*, *łęzec*, *mieszek*, *mózdzek*, *okrążek*, *proszek*.

На прочие: a) *chłopiec*, *kłebek* (a?), *bratek* и *braciec*, *bratrzyk*, *ogródek* и *ogrodziec*, *obrusiec*, *baranek* и *baraniec*, *dzbanek*, *kaganek* и *kaganiec*, *bębenek*, *kliniek*, *młynek*, *koprek* и *koprzyk*, *proporzec*, *jaźwiec* и *jaźwic*; b) *bobek*, *chwoscik*, *czechlik*, *gierzek*, *goździk*, *kociotek* и *kotlik*, *kołek* и *kolik*, *koziotek* (*koziotk*, *kozlek*) и *kozleć*, *osiętek* и *oslik*, *owieseck* и *owsik*, *psek*; c) *brodek*, *członek*, *czolnek*, *garnek* и *garniec*, *grobek*, *gródek* и *grodziec*, *kęsek*, *kociec*, *kwiatek*, *lasek*, *młotek*, *mostek*, *nosek*, *obrazek*, *pasek*, *powrozek*, *prętek*, *rąbek*, *zwonek* и *zwoniec*.

Производные от *u*-основ

c) *borek*, *darek*, *dębiec*, *domek*, *dotek*, *listek*.

Производные от *i*-основ

a) *jelenek*, *pierścieniec*; b) *pieprzyk*; c) *czyrwiec*, *gościec*, *goździec* и *goździk*, *jaziec* и *jazic*, *piecyk*.

Производные от *jo*-основ

На шипящие: b) *jeżyk*, *kołaczek*, *koszyk*, *mieczyk*, *nożyk*, *płaszczek*; c) *jeżdżyk* (c?).

На прочие: a) *pokoik*, *pieniążek*; b) *chmielik*, *konik*, *królik*, *oltarzyk*; c) *kijec*, *łojek*.

Особые случаи

В старопольском обнаруживается та же группа «первичных отклонений», что и в древнерусском (см. выше): *nogietek*, *nogtek*, *miedźwiadek*, *gołubek*, *pasturzek*. Из собственно польских заслуживают внимания лексемы: *kołaczek*, которая образована как бы от варианта производящего **kolakъ*, засвидетельствованного в южнославянских языках (Sławski II 364), и *pieniążek*, отнесение производящего которой к «*jo*-основам» вызвано результатом третьей палatalизации и которая может отражать изначальное состояние. Древнейший атематический характер производящей основы, может быть, отразился в диминутиве *jelenek*.

Из старопольского материала можно сделать следующие выводы:

1. Производные от *jo*-основ сохраняли в старопольском свое первоначальное распределение (отношение *o*-основ с корнем на *-j*: *kijec*, *łojek* — к правилу выбора остается неясным для праславянского).

2. В уменьшительных от *i*-основ сохранялся суф. *-yc*, но при исходах корней на согласные, подвергавшиеся «органическому» смягчению, они испытывают экспансию суф. *-ik*.

3. Суф. *ik* вторгается также в группу первичных *o*-основ с сочетаниями согласных (в основном, возникших в результате падежния редуцированных): *bratrzyk*, *koprzyk*, *kotlik*, *oslik*, *owsik*, *czechlik*, *chwoscik*, *goździk* (последнее, правда, может быть образованием от *i*-основы).

4. Образования от *o*-основ испытывали мощную экспансию суф. *-yk* во всех акцентных типах, так что суф. *-yc* сохранился лишь в отдельных вариантах. Следы первичной большей устойчивости в производных от акц. парадигмы *a*, возможно, отражаются в префиксации *ik* и *yk* в диминутивах от акц. парадигмы *b*, возможно, отражает вариант *kolik*.

5. Неустойчивость правила выбора, вызванная конкуренцией суффиксальных морфов (и, вполне вероятно, стилистическое расщепление в системе выбора), могла быть причиной отдельных случаев проникновения *yc* не только в группу производных от *i*-основ, но и в дериваты от *o*-основ на заднеязычные.

Соотношение рассмотренных систем выбора позволяет предположить для праславянского представленную в начале работы первичную систему выбора морфов уменьшительных суффиксов на основе *jo*-основ, основанную на принятии мужского рода от *o*-, *jo*-, *u*- и *i*-основ, основанную на принятии позиции запрета третьей палatalизации заднеязычных после шипящих (иное отношение к проблеме см.: Бернштейн 74 § 18).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Примеры из словарей И. И. Срезневского, Дж. Даничича и старопольского не документируются. Расшифровки отсылок при древнерусских примерах см.: Указатель источников Словаря русского языка XI—XVII вв. М., 1975; Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Введение, инструкция. М., 1966; ЧИЗ и Вен. — по: Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV в. М., 1982.
- ² Инвентары суффиксов относительно числа типов основ сокращены: *o*- и *i*-основы присоединяют *-ъk*, *u*-основы — *-ъk*. Причины этого сокращения — уже проблема ранней праславянской истории.

Принятые сокращения

- Аванесов 68 — Аванесов Р. И. К истории чередования согласных при образовании уменьшительных в праславянском. Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. М., 1968.
- Бернштейн 74 — Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974.
- Вайан — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Дыбо СА — Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1981.
- Дж. Даничич — Даничић Ђ. Речник из књижевних старина српских. Биоград, 1863—1864. I—III.
- Зализняк 85 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- «Материалы» Срезневского — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. 1893—1912. I—III.
- Чурганова 73 — Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Шахматов — Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
- ЭССЯ VI — Этимологический словарь славянских языков. М., 1979. Вып. 6.
- Stawski II — Stawski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1958—1965.

Б. СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ЯЗЫКА-ЭТАЛона

Н. В. Альтман, В. Н. Шевчук

В настоящей работе проводится сопоставление отлагольных словообразовательных гнезд в русском и английском языках и ставится задача выявить как общие, так и специфические черты в их структуре. В качестве инструмента исследования, позволяющего соотносить описание с уровнем языковых универсалий, применяется искусственный язык-эталон аппликативной модели, представляющий собой практически неограниченный способ моделирования всех отношений на словообразовательном уровне: производности, равнопроизводности, образования цепочек, пара-

дигм, гнезд и рядов. Описание фактов конкретного языка с применением этого аппарата есть выявление ограничений, которые реальный язык накладывает на универсальный язык модели.

Словообразовательное гнездо понимается авторами как совокупность однокоренных слов, связанных отношениями словообразовательной деривации, что, как выяснилось, не тождественно совокупности однокоренных слов вообще, даже если родство этих слов не только обнаруживается при этимологическом анализе, но представляется очевидным и в синхронном плане. Словообразовательное гнездо подается в виде иерархически организованной системы с указанием отношений последовательной производности и равнопроизводности, сложности деривационного шага, т. е. всего того, что характеризует как структуру гнезда в целом, так и структуру каждого из входящих в него слов. Искусственный язык-эталон (формульная запись и графический аналог¹) позволяет последовательно и единообразно представить большое количество языковых фактов как в одном языке, так и в двух или нескольких языках; таким образом, он оказывается инструментом сопоставительного анализа разных языков, в нашем случае — русского и английского.

Ярко выраженный синтетический характер русского языка и тенденция к развитию аналитизма в английском проявляются на словообразовательном уровне прежде всего в том, что русский языковой материал отличается большим разнообразием, большей глубиной и сложностью гнезд, чем английский.

На рисунках представлены суммарные графы отлагольных гнезд в русском (рис. 1) и английском (рис. 2) языках, и это различие показано наглядно; можно добавить, что в русском имеется 160 типов отлагольных гнезд, а в английском — только 115; в русском языке максимальная сложность гнезда (т. е. количество образующих его словообразовательных структур) достигает 21, а в английском — 16.

В обоих языках есть гнезда со сходной или даже одинаковой структурой; это, как правило, гнезда небольшой сложности (3—4) и минимальной глубины. Структура таких гнезд обычно такова: исходный непроизводный глагол — производный глагол, отлагольное существительное, отлагольное прилагательное. Различия же проявляются в структуре более сложных гнезд, и здесь интересны некоторые общие закономерности. Прежде всего это касается частеречного состава гнезда: так, для русского языка характерна развитая глагольная ветвь, включающая производные от производных глаголов: например, от глагола *делать* на первом такте производности возможны образования типа *вделать* / *вделывать*, *возделать* / *возделывать*, *делаться*, *доделать* / *доделять*, *наделать*, *недоделать* / *недоделять*, *сделать*, а на следующем такте — *вделаться* / *вделываться*, *возделваться*, *доделяться*, *сделаться* и др.; производные наречия относительно редки (реализация этой потенции зачастую не имеет словообразовательного характера, а достигается благодаря регулярной грамматической

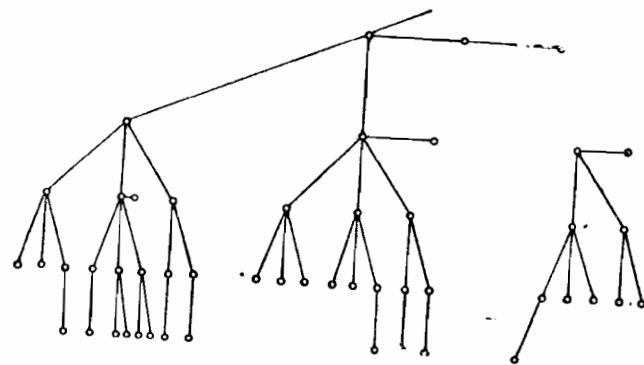

Рис. 1

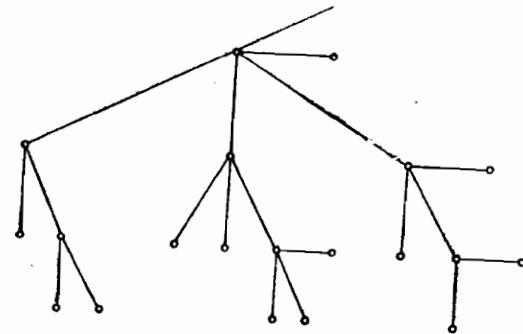

Рис. 2

форме деепричастия); в английском, напротив, глагольная ветвь не имеет большой глубины (не встретилось ни одного глагола, производного от производного глагола), зато больше развита адъективная ветвь, и в связи с этим часто встречаются наречия, производные от прилагательных в 85 типах гнезд из 115 описанных: *glitteringly, helpingly, unhesitantly, indicatively, murderously, stirlessly, selfsustainedly, suitably*.

Для английского языка структура производных, относящихся к отглагольной ветви, исчерпывается списком, составляющим пять R-структур: R_1R_1O *regain*, $R_2R_1R_1O$ *remagnification*, $R_3R_1R_1O$ *intermixable*, $R_3R_3R_1R_1O$ *unmisled, undisprovable*, $R_2R_3R_1R_1O$ *overmournfulness, repainting, remeering*; для русского этот список доходит до 20, например, — производные этой ветви из гнезда от глагола *делать* R_1R_1O *вделать / вделывать*, $R_1R_1R_1O$ *вделаться / вделываться*, $R_2R_1R_1O$ *вделка, вделывание*, $R_2R_3R_1R_1O$ *поддельность, сдельщик, сдельщина*, $R_2R_2R_3R_1R_1O$ *сдельщица*.

Производные от девербального существительного моделируются шестью структурами в английском и пятнадцатью в русском; интересно, в частности, что для третьего такта этот набор идентичен в обоих языках: таковы, например, одноструктурные производные типа $R_1R_2R_1O$, $R_2R_2R_1O$, $R_3R_2R_1O$: *представительство-*

вать, учительствовать, учительница, просительский и prohibition, protectione, nonsubtraction, weightless, nontransportation, yearnful.

В английском появляются два типа наречий, которых нет в русском, в частности, наречия типа *unusefully, wishfully, transformationally, wonderously*. В русском на четвертом такте производности встречаются глаголы, существительные и прилагательные, аналогичных которым нет в английском, например: $R_1R_1R_2R_1O$ *орабочиваться / орабочиться*, $R_2R_2R_1R_1O$ *застройщица, созастройщик*, $R_2R_3R_1R_1O$ *устойчивость, устремленность*, $R_3R_2R_1R_1O$ *выставочный* и др. Ветви, отражающие состав производных от девербального прилагательного, в основном, совпадают в сравниваемых языках, но в английском эта ветвь, как правило, более развита по сравнению с остальными ветвями гнезда, ср., например, производные этого типа в английском гнезде от глагола *persuade*: *persuasive, persuasiveness, unpersuasive, unpersuasiveness, unpersuasively, nonpersuasive, nonpersuasively, persuasible, unpersuasible, persuasibility*.

Таковы, вкратце, результаты сопоставления словообразовательных гнезд двух языков различных групп, проведенного с помощью искусственного языка-эталона. Намечены типологические свойства гнезд, которые важны при сопоставительном изучении словообразовательной системы: глубина, сложность, частеречный состав, структура отдельных ветвей. Можно назвать и еще один параметр: равномерность / поляризованность. В нашем случае тенденция к поляризации для отглагольных гнезд имеет место в обоих языках, но характер ее для каждого из языков особый: в русском языке тенденция к поляризации проявляется в интенсивном развитии идентифицирующей ветви, а в английском — транспонирующей ветви.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О языке-эталоне см., например: Соболева П. А. Моделирование словообразования // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972; Гинзбург Е. Л. Гнезда сложных слов русского языка: Дис. . . . канд. филол. наук. М., 1967.

О СООТНОШЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ (на материале сопоставительного анализа русского и немецкого языков)

И. Онхайзер

1. Предполагая общую сравнимость словообразовательных систем русского и немецкого как неблизкородственных языков, сопоставление должно основываться на общей методологии (включая

чая общую терминологию). Такой методологической базой может служить ономасиологический подход в понимании М. Докулила¹. При этом ономасиологические категории — и в рамках этих категорий словообразовательные категории как семантическая модель, абстрагирующаяся от конкретных словообразовательных типов, — являются *«tertium comparationis»*.

Сопоставляя реализации словообразовательных категорий, можно установить различные способы языков выражать отдельные значения специализированными для этого выражения словообразовательными средствами. Кроме того, при сопоставлении выявляется различная активность отдельных групп мотивирующих слов внутри словообразовательных категорий и типов, которая связана с их семантикой и «деривационной историей». При последовательном сопоставлении, таким образом, проявляются сходства обеих систем, а также лакуны. Как показывают наблюдения, специфика словообразовательных систем русского и немецкого языков отражается не столько в наличии / отсутствии определенных словообразовательных категорий и способов образования, сколько в частотности их реализации и в семантическом наполнении моделей².

Если предположить наличие тождественных номинативных и коммуникативных пужд обоих языковых обществ, то возникает необходимость проследить, какими способами, выходя за рамки тождественных словообразовательных категорий, они удовлетворяются.

2. Так как ономасиологические категории могут реализовываться не только деривацией, но и сложением, семантической деривацией и составными наименованиями, ономасиологический подход позволяет органически включить компенсационные (и вариативные) приемы, как в области словообразования, так и вне его. При этом выявляется ряд относительно регулярных типов компенсаций.

В области словообразования они выступают, во-первых, как компенсации между производными прямой и опосредованной мотивацией, например, *Helfer* (отглаг.): *помощник* (отсубст.-отглаг.). Таким образом, и с точки зрения сопоставления языков, подтверждается справедливость положения, что результаты транспозиции как производящие единицы можно включить в те же категории, где мотивирующие их слова действуют как ономасиологический мотив.

Во-вторых, существует компенсация между разными способами словообразования, например, между деривацией, сложносуффиксальным способом и словосложением. Центром этого типа компенсаций является отымененное словообразование существительных и прилагательных.

Характерные для общей ономасиологической категории ономасиологический мотив и ономасиологический базис плюс связь между ними («ономасиологическая связка» в терминологии Е. С. Кубряковой) реализуются разными степенями эксплици-

ности, что отражается или в сложном ономасиологическом мотиве, или в эксплициитном, уже производном, ономасиологическом базисе; ср. *вафельщик*: *Waffelbäcker*, *плечистый*: *breitschultig*, *мебельщик*: *Möbellischler* и мн. др.

В-третьих, регулярные компенсации наблюдаются между относительными прилагательными (в сочетании с существительными) и первыми компонентами сложных слов, ср.:

ОП (< C)+C *водяной пар*: (C+C) *Wasser dampf*
ОП (< C < Γ)+C *изолировочный*: [(C < Γ)+C], (Γ+C) *Isolierungs- Entlade-*
разгрузочный

ОП (< Γ)+C *стиральный*
ОП (< Γ)+C *успокоительный* (Γ+C), [(C < Γ)+C] *Wasch- Beruhigungs-*

И здесь можно доказать существование дополнительных компенсационных отношений между прямой и опосредованной мотивацией (ср. выше: *разгрузочный*: *Entlade-*). Компенсации выходят за рамки словообразования в случаях перехода из одной части речи в другую (ср. *успокоительный*: *beruhigend*) или при семантической деривации (так, регулярная многозначность «отвлечение» действие → результат, объем действия» в нем. часто выступает как эквивалент русских производных данного словаобразовательного значения).

Эквиваленты словообразовательных конструкций в виде аналитических оборотов мы считаем компенсациями только тогда, когда перифразы значения словообразовательных категорий в определенной степени типизированы, когда они обладают определенной устойчивостью. Иначе, т. е. при меньшей воспроизводимости и большей вариативности перифраз, поднимается вопрос о сравниваемом номинативном статусе по отношению к производным.

Различная мотивация при обозначении одного и того же денотата (типа *подснежник*: *Schneeglöckchen*) при рассмотрении регулярных компенсаций не учитывается. Сопоставляя конкретные словообразовательные ряды и гнезда, надо, однако, иметь в виду, что отношения производности могут быть прерваны заимствованиями или другими видами супплетивизмов.

3. Изучение межъязыковых компенсаций позволяет сделать выводы о характере внутриязыковых компенсаций³.

В области словообразования это отражается в выборе определенного словообразовательного типа из ряда возможных типов одноименной словообразовательной категории, ср. *холодильник*: **холододатель* (но — в другом значении: *охладитель*). При сопоставлении близкородственных языков здесь открывается весьма интересная область и для межъязыковой компенсации⁴.

Внутриязыковой компенсацией можно считать выбор опосредованной, а не прямой мотивации, ср. *помощник*: **помогатель*, а также выбор определенного способа словообразования.

Компенсации действуют между словообразованием и семантической деривацией / переходом в другую часть речи, ср. *der Lehr-*

nende при невозможности или узко специальном употреблении *der Lerner*, или между словообразовательной конструкцией и аналитическим оборотом, ср. *выстилать паркетом*: **паркетировать* (но: *бетонировать*).

Внутриязыковые компенсации нужны и в таких случаях, когда определенные образования стали идиоматичными и обладают ограниченной сочетаемостью (ср. *любитель искусства*: **любитель правды*, но: *правдолюб*⁵) или когда производное соотносится только с одной семемой многозначного слова (ср. *Kriecher* ‘подхалим’ соотносится с переносным значением глагола *kriechen*, прямое значение отражается в субстантивированном причастии *der Kriechende*).

Формально-смысловые отношения, лежащие в основе ономасиологических категорий, могут привести к синонимии или к варьированию, если они реализуются однокоренными образованиями. Сюда относятся: а) аффиксальная синонимия (*тубинист* — *турбинщик*); б) синонимия между производными прямой и опосредованной мотивации (*entmenschen* — *entmenschlichen*); в) синонимические отношения между производными разных способов словообразования (*плечистый* — *широкоплечий*) и г) между устойчивыми словосочетаниями и универсабациями (*вечерняя газета* — *вечерка*). При создании эквивалентности нередко наблюдается переплетение компенсации и варьирования (*краснеть* — *erröten, rot werden*; *вечерняя газета*, *вечерка* — *Abendzeitung*). Надо, однако, учесть, как в приведенных примерах, возможную функционально-стилистическую и смысловую дифференциацию, которая сопровождает оба явления.

4. Кроме приведенных типов компенсаций можно отметить взаимную компенсацию лексико-словообразовательных и грамматических средств. В этой связи было указано на лексикализацию грамматических форм, как например, числа (*выбор* : *выборы*, *Wahl: Wahlen*) или надежка (*ночью*)⁶. В историческом словообразовании отмечались случаи перехода производных в грамматические формы⁷.

Подобная компенсация возможна благодаря определенному изоморфизму между значением отдельных словообразовательных и грамматических категорий, как например, между словообразовательной категорией субъектности, называющей совокупность однородных предметов, категорией единственного числа в обобщенно-субъектном значении и — чаще — множественного числа, которым можно обозначить совокупность как нерасчлененное множество. Семантическая близость проявляется при переводе субъектных имен с помощью существительных во множественном числе, ср. *Arbeiterschaft* — *рабочие*, *Ärzteschaft* — *врачи*. Другие возможные эквиваленты одновременно выявляют семантическую дифференциацию: субъектные обозначают не просто совокупность, относящуюся к определенному учреждению и т. п. Ср.: *Ärzteschaft* — *врачебный персонал*, —*ое сословие*, *Studenten-*

schaft — *студенчество, коллектив студентов* (одного учебного заведения).

Другая связь между значением словообразовательной категории и категории числа отражается в русских эквивалентах немецких отглагольных существительных, категориальное значение которых сопровождается значением частотности, интенсивности, ср. *Gefrage* — (бесконечные) *расспросы*, наряду с эквивалентами, выражющими то же самое значение словообразовательным средством (*Lauferei* — *беготня*). Для русского языка было указано на возможный параллелизм между значением аспектуальности и категорией числа отглагольного существительного (*я знаю о вашах ссорах* = *я знаю, что выссоритесь, я знаю о вашей ссоре* = *я знаю, что вы поссорились*)⁸.

Внутри- и межязыковые компенсационные связи устанавливаются между словообразовательной категорией «женственности» и грамматической категорией мужского рода, потому что как немаркированный член оппозиции слова мужского рода могут применяться к обозначению лица как мужского, так и женского пола. При трансформации глагольных выражений довольно регулярно создается согласование по полу подлежащего типа *er siegte* — *er ist Sieger, sie siegte* — *sie ist Siegerin* (он победил — он победитель, она победила — она победительница), с другой стороны, есть несоответствия в случаях, как *die Siegermacht* — *держава-победительница*. В первых компонентах сложных слов обычно отражается обобщенное значение (*Studentenwohnheim, Lehrerbildung*) — обозначение лица женского пола употребляется только тогда, когда это важно для выражения именно этого значения. Данное соотношение аналогичным образом отражается в образовании производных, как например, относительных прилагательных (*учительский, studentisch*), качественных прилагательных (*schülerhaft*, но окказионально: *sünderinnenhaft* — с выделением женственности) и субъектных существительных, как *учительство* (включая учителей и учительниц).

Описанный параллелизм существует между грамматическими категориями и модификационными словообразовательными категориями⁹, не выражающими реляционное значение. Внутриязыковое вариативное использование подобных параллелей в речи наблюдается сравнительно редко, между тем как содержащие реляционные грамматические значения глагольно-именные и падежные конструкции часто чередуются с соответствующими производными. Представляется, что употребление параллельных конструкций обусловливается определенной функциональной — синтаксической и /или стилистической — необходимостью.

Центром компенсации словообразовательного значения грамматической категорией является категория надежка. Нередко говорилось об изоморфизме словообразовательного значения производного существительного и актантного, объектного, инструментального и локативного значений (глубинных) надежкой¹⁰.

Аналогичным образом можно передать значение таких производных с помощью «проформ» с определительными придаточными, если нет словообразовательного эквивалента. Явления, похожие на внутриязыковую компенсацию, встречаются в разговорной речи типа: *дай, чем писать*. Внутриязыковое варьирование часто наблюдается в тексте, где производные выступают как своего рода анафоры или катафоры более комплексных выражений.

Отношения, изоморфные падежным значениям — и это оказывает непосредственное влияние на ряд регулярных межъязыковых компенсаций, — существуют и между компонентами сложных слов, между относительными прилагательными и определяемыми ими существительными и между ономасиологическим базисом и мотивом дериватов через имплицитированную ономасиологическую связку.

Так, в немецких сложных словах, а также в сочетаниях с отыменными относительными прилагательными наблюдаются отношения принадлежности, субъектные, объектные, инструментальные и локативные отношения, которые передаются падежными или предложно-падежными конструкциями, если аналогичные словообразовательные средства или способы образования отсутствуют. Однако значение отношения к адресату, по нашим наблюдениям, в производных почти не реализуется (допустимы слова типа *Äthiopienhilfe* — помощь Эфиопии конструкции же с относительным прилагательным исключены **äthiopische Hilfe* — аналогичное положение наблюдается в русском языке). Межъязыковые компенсации в виде относительных прилагательных или падежных оборотов при переводе немецких композитов на русский язык нередко объясняются системными и нормативными / узульными ограничениями русского словообразования: в русских сложных словах с двумя субстантивными компонентами явно преобладают объектные отношения, реже встречаются субъектные и инструментальные. Активностью сложных слов, выражающих объектные отношения¹¹, объясняется, в свою очередь, менее частотное употребление относительных прилагательных в этом значении (типа *бройлерное производство*). При отглагольных существительных, обозначающих лицо, мы не смогли найти относительное прилагательное, передающее (в сочетании с существительным) значение объекта. Тут явно произошла специализация средств, так как в древнерусском языке еще отмечается обороты типа *чтение книжное, убийство Аеблово*; в других случаях сочетание «относительное прилагательное+существительное», например, *братское ненавищие*, вытеснилось сложным словом (*братоненавищие*), так как у прилагательного развилось качественное значение¹².

5. При изучении соотношения словообразовательных и грамматических категорий в связи с межъ- и внутриязыковой компенсацией и вариацией следует, однако, учитывать основное различие между словообразованием и грамматикой. Словообразовательные правила и отношения представляют собой потенцию, их реализа-

ция не обязательна. Морфологические категории и правила обязательны, они отличаются более высокой степенью регулярности как в отношении их применения, так и в отношении формальных средств выражения.

Была высказана мысль, что содержание любой словообразовательной конструкции можно передать синтаксической конструкцией, но не наоборот. При этом, однако, не учитывается функциональное различие: синтаксические конструкции прежде всего служат характеристике временных мыслительных структур, т. е. структур, описывающих ситуацию, о которой говорят¹³. Сюда примыкают словообразовательные окказионализмы, множество немецких нелексикализованных сложных слов. Производные, как правило, обозначают понятийные структуры, относящиеся к классам объектов. По сравнению с формами словоизменения и синтаксическими конструкциями они обладают более высокой степенью автономности, что касается также и устойчивых словосочетаний (составных наименований). Благодаря упомянутому изоморфизму определенных словообразовательных и грамматических категорий, взаимная компенсация, однако, возможна.

6. В настоящей статье мы ограничились рассмотрением соотношения словообразовательных и грамматических категорий с точки зрения потенциальной компенсации, наряду с другими видами компенсации, выявляемыми при сопоставлении словообразовательных систем разных языков. В противоположность этому в области отглагольных словообразовательных категорий отражается не столько изоморфизм с грамматическими категориями, сколько латентное сохранение грамматических категорий глагола. Так, например, отглагольные транспозиционные существительные дублируют общее частеречное значение процессуальности, однако такие характерные глагольные категории, как вид и время, в изолированных производных утрачены. В определенных контекстах, соотносимых с глагольной конструкцией, они могут быть актуализованы. Значение завершения действия имплицируют производные со словообразовательным значением результата действия или некоторые имена деятеля типа *победитель*. Что касается категории времени в производных, можно говорить лишь о значении, похожем на неактуальное настоящее, или же об относительном времени, конкретизирующемся контекстом. Обычно оно поддерживается лексическими средствами, иногда «двойной» транспозицией, как, например, *вчерашняя беседа, застращенная встреча*.

Соотношение грамматических и словообразовательных категорий в области отглагольного словообразования представляет особый интерес под углом зрения того, как грамматические и лексико-синтаксические особенности глагола (например, валентность) влияют на его словообразовательные потенции, на возможные значения производных¹⁴. Как показали сопоставительные исследования, существуют многие параллели в функционировании отглагольного словообразования и в неблизкородственных языках¹⁵.

7. В отдельных ономасиологических категориях межъ- и внутриязыковые компенсации и вариации реализуются по-разному. Предпочтение определенных способов номинации в рамках этих универсальных категорий может быть связано с употреблением номинативных единиц в разных функциональных сферах одного языка; при сопоставлении языков весьма дифференцированно отражается номинативная специфика сравниваемых языков в целом, функциональная и парадигматическая организация их словарного состава. Так как словообразовательная система является неотъемлемой частью номинативной системы языка, сопоставительное изучение словообразования не может быть оторвано от сопоставления систем номинации, о чем и свидетельствуют установленные компенсации и вариации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ср. *Doklil M. Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*. Pr., 1962.
- ² *Ohnheiser I. Sprachkonfrontation auf dem Gebiet der Wortbildung: (Aufgaben, Methoden und Ergebnisse — dargestellt auf der Grundlage des Russischen und Deutschen)*. Diss. B. Leipzig, 1981.
- ³ Подробнее ср.: *Ohnheiser I. Zwischen- und innersprachliche Kompensationen und Variationen in der Benennungsbildung // Probleme der sprachlichen Nominierung*. Leipzig, 1982. S. 142—148.
- ⁴ Ср., например, статьи: *Волоцкая З. М.; Стракова В.*
- ⁵ Ср.: *Никитевич В. М. Субстантив в составе номинативных рядов (к проблеме деривационной грамматики)*: Автореф. дис. . . д-ра филол. наук. М., 1973.
- ⁶ Ср.: *Гак В. Г. Грамматика и тип словаря // Слово в грамматике и словаре*. М., 1984. С. 43.
- ⁷ Ср.: *Азарх Ю. С. Проблемы связи словообразования и формообразования в истории русского языка: (имя существительное)*: Автореф. дис. . . д-ра филол. наук. М., 1982, с. 44.
- ⁸ См.: *Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований*. М., 1980. С. 352.
- ⁹ Это касается, напр., и соотношений между превосходной степенью прилагательных (в эпитетном значении) и словообразительно модифицированными прилагательными.
- ¹⁰ Ср., например, статья: *Кубрякова Е. С.*
- ¹¹ Объектные отношения также активно реализуются в отыменных существительных, напр., *мороженщик, вафельщик* и мн. др.
- ¹² См.: *Andreesen W. Untersuchungen zur Translation von Substantiven zu Adjektiven im Altrussischen*. München, 1972. S. 56, 87.
- ¹³ См.: *Motsch W. Überlegungen zu den Grundlagen der Erweiterung des Lexikons // Studia grammatica*. XXII. Berlin, 1982. S. 108.
- ¹⁴ Ср., например: *Buzássyová K. Sémantická štruktúra slovenských deverbalív*. Br., 1974.
- ¹⁵ Ср.: *Schau M. Zum Zusammenhang von Basissemantik und Ableitungsfähigkeit des Verbs im Russischen und Deutschen*. Diss. A. Leipzig, 1982.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЛОКАТИВНЫХ ПАДЕЖЕЙ В РОДСТВЕННЫХ И НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Ю. Г. Панкрац

Человек живет в пространстве и времени. Естественно, что эти фундаментальные категории человеческого бытия не могут не быть отраженными в естественных языках. Язык обладает спецификой отражения объективного физического пространства. Несомненно, что реальное физическое пространство не соотносится прямо ни с одной языковой категорией и в то же время «пронизывает» многие из них. Мысль человека может быть построена и вербализована только в топологическом пространстве. Понятие о выражении пространственной ориентации с помощью языковых средств давно существует в языкоznании и логике. Аристотель в «Категориях» выделяет совокупность предикатов, которые можно высказать о бытии. Среди них — класс пространственных обозначений («где»), включающий наречия места и падежные обороты с локативом (см. комментарии к этому положению Аристотеля у Э. Бенвениста)¹.

Понятие локации рассматривается наряду с такими кардинальными категориями языка как номинация и предикация. В широком понимании локация есть ориентация говорящего в пространстве и времени посредством языковых средств². К сфере локации в языке относятся системы падежей и предлогов, прежде всего с пространственными и временными значениями; пространственные и временные наречия *Nomina loci* в словообразовании; времена глагола; модальности; дейксис различного типа и некоторые другие языковые явления. Среди этих средств важную роль играют локативные падежи в надежной грамматике. Локативный падеж понимается здесь как падеж, который характеризует местоположение или пространственную ориентацию действия или состояния, называемого глаголом. Выделение локативных падежей как надежей сирконстантной группы, противопоставленных прочим падежам, не вызывает никаких трудностей и, хотя спор о количестве этих падежей и их номенклатуре продолжается, справедливо считается, что средства выражения локативных падежей чрезвычайно разнообразны и представлены на разных уровнях языка. «Локалистическая» / «нелокалистическая» интерпретация функций категории падежа отразилась на понимании самой этой кардинальной категории. «Локалисты» в отличие от «нелокалистов» исходят из положения, что «локальные» (относящиеся к пространству и времени) функции падежей являются более конкретными, базисными по сравнению с более абстрактными «грамматическими» функциями категории падежа. Они даже идут дальше, подчеркивая как в онтологическом, так и в хронологическом плане главенствующую и доминирующую роль пространственных

отношений, лежащих в основе всех других типов отношений. Интересным в этом плане является тот факт, что в онтогенезе, в процессе развития ребенка осознание пространственных отношений вещей предшествует осознанию временных отношений, употребление наречий места наблюдается значительно раньше, чем наречий времени. С другой стороны, в случаях повреждения определенных зон левого полушария мозга пациенты могут адекватно идентифицировать коммуникации событий, но не коммуникации отношений. Причина заключается в том, что за коммуникациями событий лежат процессы наглядного мышления, лишь выражающиеся в речевой форме (их можно показать — *Девочка плачет*). Коммуникации отношений же требуют участия операций пространственных соотношений, совмещающих соотносимые элементы целого высказывания в единой, как отмечает А. Р. Лурия, — симультанной (квазипространственной) структуре (см.: *круг под квадратом, брат отца, отец брата и т. д.*)³.

В силу разнообразия средств выражения локативных падежей в разных языках предметом типологического и сопоставительного изучения языков может явиться само распределение локативных значений по разным уровням, их классификация, а также сравнение средств выражения локативных падежей на том или ином уровне строения языка. Интересной задачей сопоставительного изучения языков может считаться определение сфер действия каждого отдельного локативного значения (не случайно некоторые из них входят в число атомарных предикатов) или всех локативных значений в их совокупности.

Наряду с морфологическими системами падежей и набором предлогов для выражения локативных падежей используются и средства словообразования, в связи с чем при сопоставлении языков возникают особые проблемы выявления специфики передачи локативных значений в области словообразования, с одной стороны, и сравнения сфер действия частных приемов моделирования в системе словообразования, — с другой. Но самой интересной проблемой такого сопоставления представляется, по нашему мнению, определение специфики словообразования при передаче локативных значений и причины использования именно словообразовательных средств в разных языках для выражения тех значений, которые входят в систему локативных падежей. В терминах современной лингвистической науки этот подход может быть охарактеризован как ориентирующийся на обнаружение связей между глубинными падежами и их поверхностными реализациями и выявление, таким образом, специфических номинативных функций этих разных поверхностных реализаций.

Прежде чем попытаться ответить на поставленные выше вопросы, представляется важным отметить особенности «преломления» локации в таких кардинальных частях речи, как имя и глагол. В лингвистике сложилось представление, что предметное значение, выражаемое именами существительными, связано прежде всего с пространственными характеристиками объективной

реальности, тогда как отражение отношений между ними, прежде всего репрезентируемое глаголами, связано с временными отношениями⁴. Однако недостаточно, например, квалифицировать предел у глагола только как временную границу действия. Дискретный акт действия, например англ. *take* — ‘брать’, предполагает лицо — агенс, находящееся в определенной точке пространства, предмет — объект, который этим лицом «передвигается» к иной точке пространства. При этом агенс перемещает объект к себе, если сам агенс является точкой отсчета, или в каком-либо ином направлении, к какой-то третьей точке пространства. Само действие «взятия», «захватывания» предполагает, таким образом, идею не только временных, но и пространственных границ (в отличие от глаголов *спать, есть*, которые выражают состояние, процесс). Однако «преломление» пространственного значения в имени и глаголе разное. Если в имени локация статическая, т. е. в результате, например, акта субстантивного словообразования обозначение получает определенную точку в пространстве, то в глаголе локация динамическая, направленная, т. е. в результате, например, префиксального глагольного словаобразования фиксируется часто перемещение в пространстве, сопровождаемое сменой точек в системе координат, причем так же, как и у предлогов с динамической локализацией, возможно указание на исходную или конечную точку движения, либо на путь, траекторию движения. Все это обусловливает различие в отображении локативных падежей в сфере самого глагола по сравнению с именем. Локатив в глаголе есть прежде всего указание на направление движения, в сфере же имени — указание: а) на местонахождение объекта (ср. *подсвечник*) или б) на нахождение чего-либо в самом объекте (ср. *купальня*), либо, наконец, в) на сам объект как отправную точку какого-либо действия (*punt-fishing* ‘ловля рыбы с плота’, *свалка* ‘там, где находится’ и ‘туда, куда сваливают мусор’, *космодром* ‘откуда улетают в космос’ и т. д.). Здесь следует отметить, что в отличие от суффикса, выступающего как классификатор или классный показатель, префикс модифицирует готовое слово и только уточняет значение исходной основы, т. е. происходит своеобразное «перетекание», трансформация предлога в приставку, отсюда и аналогичные с предлогом компоненты пространственного (локативного) значения у префиксальных производных (ср.: *долететь до берега*).

Особый интерес в субстантивных производных вызывают случаи, имеющие место в разных, в том числе и неродственных языках, когда агентивные или субъективные и локативные значения совмещаются в производном. Это хорошо видно на примере deverбативов (ср.: *судомойка* — ‘работница’ и ‘помещение’, англ. *smoker* — ‘курильщик’ и ‘вагон для курящих’). Здесь имеет место прежде всего семантическая деривация — развитие наименования места вторичной семантической функции, вследствие чего оно фактически становится вторичной формой имени находящегося в нем предмета. Однако существовать для предмета или объекта

действительности значит находиться где-либо, т. е. быть локализованным в определенной части действительного пространства. Вот почему приписывание предикативного признака действия или состояния, характеризующего предмет, месту, в котором тот находится, вполне естественно⁵. Более того, А. Вежбицкая полагает, что элементы со значением места в глубинной структуре выполняют функцию субъекта. Так, она отмечает, что мы не можем воспринимать событие глобально, если мы не видим вовлеченных в него участников, или, по крайней мере, места, где происходит событие. Зафиксированное событие предстает в глубинной структуре как предикат, приписанный какому-либо месту⁶. В данном случае «локативность служит инвариантным категориальным признаком существительных, который ориентирован па деонат субстантивных имен и представляет предметы как пространственные субстраты, «вместилища» соответствующих признаков⁷.

Отмечая специфику передачи локативных значений словообразовательными средствами следует подчеркнуть, что в отличие от морфолого-сintаксических способов выражения локативных падежей, служащих передаче пространственного дейксиса как отношений между предметами и явлениями, причем отношений ситуативно обусловленных и потому меняющихся, мыслящихся как временные, нестабильные, словообразовательные средства служат для фиксации определенных связей и именования связей и отношений, мыслимых как закрепленные, постоянные, присущие именуемому предмету по природе (ср. *сахар находится в блюдце, в чашке, в шкафу*, однако *сахарница*). Локативные значения, выражаемые морфологическими падежами или предложными оборотами, создаются для данного конкретного описания и для данного конкретного высказывания. Локативные значения, выраженные специальными словообразовательными средствами, имеют иной характер — именуемые здесь отношения составляют внутренний мотив обозначения, а, следовательно, отношения здесь фиксированные, мыслятся как неотъемлемый атрибут предмета или явления. Ср. англ. *punt-fishing* ‘ловля рыбы с плата’, *wrist-watch* ‘часы на руке, запястьи’, *кровавый* — ‘с кровью на (ноже)’, ‘с кровью в (биштекс)’. В конечном счете это приводит к существенной дифференциации разноуровневых средств: словообразование стремится сформировать особую ономасиологическую и функционально семантическую категорию, объединяющую значением локации как таковой, прочие же средства формируют приемы обозначения ситуационно релевантных, а значит изменчивых характеристик пространства.

В то время как в сфере морфологических падежей и в сфере предложных оборотов локативная семантика связана с передачей широкого круга ориентационных значений, в сфере предметной и признаковой номинации словообразовательными средствами число таких значений существенно меньше. Так, например, *Nomina loci* в славянских языках, как отмечает З. М. Волоцкая, за немногочисленными исключениями, объединяются значением

«там, где» (ср. однако примеры, приведенные нами выше, выражающие значения «туда, куда», «откуда»). Закрепление отношений наблюдается не только при образовании *Nomina loci*; ср. примеры с относительными прилагательными: *лесной зверь* ‘зверь в лесу’, но *лесные дары* ‘дары из лесу’. Поскольку почти каждый объект в силу «занятия» определенной точки в пространстве сам может выступать, в свою очередь, как ориентир, то некоторые характеристики, связанные с его пространственным обликом, могут быть использованы в качестве мотива обозначения, ср. *намордник, междуречье*. Восходят подобные производные, конечно, к словосочетаниям, что и отличает их от *Nomina loci*, в которых локативное значение для создания обозначения новой точки в системе координат используется прямо, а не косвенно, опосредовано.

В универсальной сетке обозначений, покрывающей пространственную систему координат, лишь единичные точки этого пространства «заняты» словообразовательными средствами номинации. Интересно установить, одинаковые ли точки в этом пространстве занимают словообразовательные модели родственных и неродственных языков. Особый интерес вызывает также своеобразие реализации локативных сем не только в словообразовательных системах разных языков, но и в разных частях речи, каждым отдельным способом словообразовательного моделирования одного языка.

Таким образом, открываются возможности сопоставления языков по таким параметрам, которые еще не являлись предметом специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бенекист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 108.

² Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 353—354.

³ Теория речевой деятельности. М., 1968. С. 208.

⁴ Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении. М., 1978. С. 108.

⁵ Максакетян А. Г. Вопросы парадигматики словообразовательных категорий (семантическая интерпретация категориального синкрестизма отлагательно-субстантивных словообразовательных типов в современном русском языке): Дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1983. С. 113—114.

⁶ См.: Wierzbicka A. Lingua mentalis. The semantics of natural language. Sydney, 1980.

⁷ См.: Максакетян А. Г. Указ. соч. С. 417.

⁸ Wołocka Z. Опыт сопоставительного описания словообразовательной категории *Nomina loci* в славянских языках // Acta Universitatis Lodzienis. Seria I, zeszyt 33. 1979.

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ С ПОМОЩЬЮ ЯЗЫКА-ЭТАЛОНА

П. А. Соболева, М. Д. Барченкова

Исследования в области контрастивной лингвистики подразделяются на две категории.

1) Общетеоретические контрастивные исследования, которые являются частью языковой типологии. Одной из существенных задач этой области исследования является построение универсального метаязыка, с помощью которого можно измерить близость и удаленность, сходства и различия тех или иных языковых явлений (в данном случае словообразовательных) различных языков.

2) Конкретные контрастивные исследования, которые являются частью прикладной лингвистики, преследуют цель обнаружения области интерференции сопоставляемых языков и предсказание иерархии трудностей, с которыми столкнутся изучающие данные языки¹.

Искусственный язык-эталон (или метаязык), с помощью которого проводится контрастивное исследование, представленное в настоящей статье, неоднократно описывался как в нашей стране², так и за рубежом³. С помощью этого метаязыка выполнено описание словообразовательных гнезд и рядов на материале русского, белорусского, английского, французского, шведского, сербохорватского и других языков.

Применяемый нами язык-эталон представляет собой универсальную формульную и графическую запись (в виде векторных графов) словообразовательных структур слов, словообразовательных гнезд и словообразовательных рядов. С помощью этого языка-эталона можно проводить сравнение словообразовательных систем как близкородственных, так и не близкородственных языков.

В предлагаемой статье будут представлены результаты контрастивного исследования английских и русских словообразовательных рядов глагола в области суффиксации и префиксации⁴. Под словообразовательным рядом понимается класс слов, объединенных тождеством словообразовательного форманта, иерархически упорядоченный отношениями производности.

В табл. 1 представлены глагольные словообразовательные ряды английского языка в области суффиксации. Наибольшей сложностью, как видим, отличается словообразовательный ряд на *-i(fy)*, а наименьшей — ряд на *-en*. Относительно большая глубина отличает ряды, образованные суффиксами греко-латинского происхождения, по сравнению с исконным рядом на *-en*. Все суффиксальные ряды являются гетерогенными, состоящими из гомогенных подструктур: непроизводных, отыменных и отадъективных. Полностью отсутствуют отглагольные подструктуры.

Таблица 1

Формант ⁵	Словообразовательные ряды			Словообразовательные подряды		
	слож- ность	глу- бина	суммарные графы	непроизв. глаголы	отымен. глаголы	отадъективн. глаголы
<i>-i(fy)</i>	6	3				
<i>-ate</i>	5	3				
<i>-ize/-ise</i>	4	2				
<i>-en</i>	3	2				

Сопоставительные данные по суффиксальным рядам английского и русского глагола представлены в табл. 2. К объединяющим признакам относится наличие общих типологически существенных структур⁵ в области отыменной и отадъективной глагольной суффиксации. Приведем примеры из английского и русского языков.

Структура первой ступени производности: R₁O (непроизводные, но членимые глаголы) — читать, висеть, тушить, рисовать; *dispose, demonstrate, satisfy, happen*.

Таблица 2

Язык	Суммарный ряд суффиксальных рядов	Непроизв. глаголы	Отглаг. глаголы	Отыменные глаголы	Отадъект. глаголы
русский					
английский			—		

Структуры второй ступени производности: отыменные глаголы R₁R₂O — обедать, кормить, сплетничать, шефствовать, газировать; *functionate, sundify, federalize, haslen*; отадъективные глаголы R₁R₃O — дорожжать, чистить, бодрствовать, краснеть, миловать, подличивать; *authenticate, humidify, federalize, shorten*.

Структуры третьей ступени производности: $R_1R_3R_2O$ — *нервы — нервный — нервничать, норма — нормальный — нормализовать, стекло — стеклянный — стекленеть; syllable — syllabic — syllabicate, France — french — frenchify, nation — national — nationalize.*

К отличительным признакам относятся следующие.

1) Типологически существенные для русской суффиксации отглагольные структуры типа R_1R_1O (*свестить — свистнуть, читать — читывать*), $R_1R_1R_1O$ (*писать — записать — записывать*) полностью отсутствуют в системе английской суффиксации. Последнее вполне согласуется с типологией морфологической структуры сопоставляемых языков: с одной стороны, преобладающий словообразовательный характер категории вида и способов глагольного действия в русском языке⁶ и, с другой стороны, отсутствие суффиксальных словообразовательных средств для передачи видовых значений и значений способов действия в английском языке, где подобные категории выражаются либо чисто грамматическими средствами (*Continuous / Noncontinuous, Perfect / Non-Perfect*), либо лексическими (широкое распространение послелогов типа *up, down, off*, фразовых глаголов типа *give a look, take a walk, have a ride*).

2) Система суффиксации развита сильнее в русском языке, чем в английском: а) количественное превосходство русских суффиксов (12) над английскими (4); б) суммарный граф суффиксального глагола английского языка почти полностью вкладывается в суммарный граф суффиксального глагола в русском языке (см. табл. 2), при этом русские ряды превосходят английские по сложности в два раза (соответственно 15 и 7); в) словообразовательные ряды русских глаголов характеризуются большей глубиной, чем английские (соответственно 4 и 3). Перечисленные признаки подчеркивают большую степень синтетичности русского глагола по сравнению с английским.

3) Для русской суффиксации характерны структуры более высокой, чем в английском, ступени производности — третьей: типа $R_1R_1R_1O$ (*ловить — выловить — вылавливать*), $R_1R_1R_2O$ (*земля — приземлить — приземлять*) и четвертой: $R_1R_1R_1R_1O$ (*дергать — дернуть — выдернуть — выдергивать*), $R_1R_1R_1R_3O$ (*сухой — сушить — засушить — засушивать*), $R_1R_2R_2R_1O$ (*завидовать — зависть — завистник — завистничать*) и др.

4) Английские глагольные суффиксы выполняют только транспонирующую функцию, в то время как русские глагольные суффиксы могут быть как транспонирующие, так и модифицирующие (*-ыва- / -ива- и -ну- носят только модифицирующий характер*).

5) Английские суффиксальные ряды гетерогенные (ср. отменные и отадъективные глаголы, образованные при помощи суффикса *-ate*: *vaccine_a — vaccinate_v, valid_a — validate_v* или при помощи суффикса *-i(fy)*: *dandy_a — dandify_v, rare_a — rarefy_v*). В русском языке, наряду с гетерогенными рядами *-a/-ai-, -u/o, -ствова/-ствуј, -e/-ej, -ова/-уј-*), имеются гомогенные ряды с суффиксами, способ-

ными образовывать глаголы только от какой-нибудь одной части речи (от глаголов, как *-(ы)ва-/-(ы)вај-/ива-/ивај-, -н-/ну-*; от существительных, как *-нича-/ничај-*; от прилагательных, как *-ича-/и чај-*). Вообще наличие монофункциональных аффиксов в языке возможно, видимо, лишь при широком наборе словообразовательных формантов. Чем меньше формантов, тем выше их полифункциональность, что и наблюдается в английском суффиксальном глаголе, где имеющиеся четыре суффикса полифункциональны, т. е. образуют гетерогенные ряды. Наличие гомогенных рядов в русском глаголе связано с большим арсеналом суффиксов.

Результаты анализа префиксальных рядов английского и русского глагола выявляют совпадение некоторых типологически существенных отглагольных структур, что и служит объединяющим признаком префиксации русского и английского глагола. К этим структурам относятся R_1R_1O (*лить — вылить, быть — забить; elect — reelect, arrange — prearrange*); $R_1R_1R_2O$ (*жена — женить — оженить, plane — emplane — disemplane, dust_a — dust_v — dedust*); $R_1R_1R_3O$ (*белый — белить — побелить, сухой — сушить — высушить, wide — widen — unwiden, feminine — feminize — defeminize*).

К отличительным признакам относятся следующие.

1) Способность шести английских префиксов транспонировать в глаголы другие части речи: существительные (*bus_a — debus_v, camp_a — encamp_v, robe_a — disrobe_v, sex_a — unsex_v, wit_a — outwit_v*), прилагательные (*nude_a — denude_v, pretty_a — bepretty_v, able_a — disable_v*). В русском языке префиксы глагола могут быть только модифицирующими.

2) Гетерогенность английских префиксальных рядов, выражающаяся в способности некоторых префиксов образовывать глаголы одновременно от разных частей речи (ср.: *compose_v — decompose_v, fame_a — defame_v и mean_a — demean_v*). В русской префиксации все ряды чисто гомогенные и исключительно отглагольные.

Сопоставление русских и английских макрорядов показывает, что к признакам изоморфизма сопоставляемых языков относятся более сильное развитие глагольной префиксации, чем суффиксации. Количественное превосходство префиксов над суффиксами подтверждается более высокими показателями сложности и глубины префиксальных рядов по сравнению с суффиксальными (см. табл. 3).

Сопоставление аффиксальных макрорядов английского и русского глагола позволяет их квалифицировать как зеркально симметричные с точки зрения двух существенных категорий словообразовательного уровня языка: гомогенности / гетерогенности, с одной стороны, и транспозиции / модификации, с другой (см. табл. 4).

Английские префиксы и русские суффиксы, с точки зрения указанных категорий, ведут себя абсолютно идентично. Однако английские суффиксы и русские префиксы ведут себя зеркально противоположно.

Таблица 3

	Английский язык		Русский язык	
	Тип рядов			
	суффиксальный	префиксальный	суффиксальный	префиксальный
сложность	7	10	14	18
глубина	3	4	4	5
количество рядов	4	12	21	29

Таблица 4

Категория	Английский язык		Русский язык	
	Тип рядов			
	суффиксальный	префиксальный	суффиксальный	префиксальный
гомогенность	—	+	+	+
гетерогенность	+	—	+	—
транспозиция	+	+	+	—
модификация	—	+	+	+

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Fisiak J.* The Polish—English contrastive project. Papers and studies in Contrastive Linguistics, vol. 1. Karpacz conference on contrastive linguistics, vol. 1. (december 1971). Рознай, 1973. S. 8—9.

² См.: *Соболева П. А.* Апликативная грамматика и моделирование словообразования: Автореф. . . дис. д-ра филол. наук. М., 1970; *Соболева П. А.* Моделирование словообразования // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972; *Гинзбург Е. Л.* Исследование структуры словообразовательных гнезд // Проблемы структурной лингвистики 1972. М., 1973.

³ См.: *Soboleva P. A.* Investigation of a word-building system on the basis of AGM // *Semiotica*, Mouton, N 1, 1970; *Soboleva P. A.* Derivational structure of the Russian Lexicon // Trends in Soviet Theoretical Linguistics / Ed.-F. Kieler. D. Reidel Publishing Company. Bordrecht, Holland, 1973; *Ölofsson Y.* Dem applicativa modellerna ett universellt system för språklingvistisk analys tillämpet på verbalsubstantiv in svenska // — Slovo, 1975, N 9; *Jachnow H.* Wortbildung und ihre Modellierung, anhand des serbocroatischen Verbelbezeichniss. Wiesbaden, Hurrassowitz, 1978; *Jelitte H.* Die abstrakten Nominalbildungen im Russischen. Verlag Peter Lang. Frankfurt am Main; Bern, 1982.

⁴ См. также: *Барченкова М. Д.* Типологическое исследование словообразовательных рядов английского глагола в сопоставлении с русским: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. М., 1982.

⁵ Типологическая существенная структура обладает высокой моделирующей силой в естественном языке.

⁶ Ср.: *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947; *Авилова Н. С.* Виды глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

К ИЗУЧЕНИЮ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

Т. М. Судник

Двуязычие, будучи средой, насыщенной межъязыковыми связями, способствует стихийному анализу слова, которое воспринимается (и не может не восприниматься) сквозь призму его иноязычного эквивалента¹. Отсюда типичная для ситуаций двуязычия актуализация внутренней формы слова и эксплицитность моделей словообразования — своего рода «дисперсия» слова, едва ли возможная в других условиях. Лексические соответствия так или иначе оцениваются двуязычными с точки зрения структурного подобия, в результате складывается система межъязыковых тождеств и различий моделей словообразования, которая намечает пути и сферу проявления интерференции в этой области.

Наблюдения над давним двуязычием в ситуации реликтовых литовских островов на территории Белоруссии дают множество примеров словообразовательной интерференции. Их число и многообразие убеждают в том, что словообразовательный аспект речи выполняет свою достаточно важную роль в установлении того единства способов выражения, к которому приходят литовский и белорусский в условиях контакта: «смешанный язык с двумя терминами» — как результат длительного двуязычия — стремится к изоморфизму обоих терминов, к симметрии их словообразовательных моделей.

Исследование этой темы предполагает исчернивающее единобразное описание систем словообразования контактирующих литовских и белорусских говоров в парадигматическом (выявление всех элементов словообразования и их функций) и синтагматическом (перечень правил сочетания элементов и ограничений на них) планах. Здесь приводятся предварительные материалы к обзору типовых форм словообразовательной интерференции.

Среди них прежде всего выделяется такой четко выраженный тип, как заимствование формантов. Ср., например, продуктивные префиксы *da-*, *pad-*, *raz-* в литовских говорах: *da-žiurēti* ~ да-глядáть, да-глédеть; *da-padėdinēti* ~ да-памагáть, *pad-kaldinēti* ~ пад-кбыва́ть; *raz-dailýti* ~ раз-ձялі́ць — Зетела (Дятловский р-н Гродненской обл.); *da-néšč* ~ да-нéсци, *ras-sa-kýč'* ~ рас-казáть — Гервяты (Островецкий р-н Гродненской обл.); продуктивные деминутивные суффиксы *-yuk(a)*, *-uk* в белорусских говорах: *vad-ýk-a*, *trav-ýk-a*, *pac-ýk-a*, *bratav-ýk-a*, *Mary-ýk-a*, *čyl'-ýk*, *sabac-ýk*, *paric-ýk*, *Andr-ýk*, *Vinč-ýk*, *Kaz'-ýk*, *úyk-a*; *čyl'-ýk*, *sabac-ýk*, *paric-ýk*, *Andr-ýk*, *Vinč-ýk*, *Kaz'-ýk*, *úyk-a*; *čyl'-ýk*, *sabac-ýk*, *paric-ýk*, *Andr-ýk*, *Vinč-ýk*, *Kaz'-ýk*, *úyk-a*; префикс и т. д. — Пеляса (Вороповский р-н Гродненской обл.); префикс и т. д. — Пеляса (Вороповский р-н Гродненской обл.); префикс и т. д. — Пеляса (Вороповский р-н Гродненской обл.).

Разумеется, часты и многообразны примеры калькирования: ср. лит. *pry-budzinēc'*, *ad-budzinēc'* ~ бэр. *пры-бывáть*,

ад-бывáць (*deráicis prybyudziněja, abbyudziněja* ~ месяц пры-бывáе, *ад-бывáе*) — Пеляса; *ap-si-éic'* ~ *аб-ысці-ся*, *un-kl'agdz'-inēc'* ~ *у-гавár-ысаць*, *un-shył'c'* — *у-гръць* и т. д., вплоть до особенно впечатляющих сходств в универбации, ср. *ras-si-ko-ne-véikc'*, *ras-si-ko-ne-darýc'* ~ *рас-чаго-не-рабиц-ча* ‘разлениться, распуститься’ — Гервяты. Здесь следует учитывать параллельные случаи и у левой аффиксации, ср. бесприставочные формы лит. *níkti* ~ бlr. *číznuć*, польск. *czeznać* ‘вянуть, прощадить’ — Зетела; удвоение аффикса (ср. глагольные формы с дистрибутивным значением *usím papadálá* ~ *vis'ém papádav'au* — Гервяты); симметрию в порядке следования компонентов слова (ср. возвратный аффикс на конце слова в литовских глаголах с приставкой или случаи двойной рефлексивизации, как бы суммирующие литовские и белорусские правила сочетаемости: *ap-si-žániino-si* ~ *na-ci-жанілі-ся* — Зетела, и т. п.).

Менее очевидным, но при этом более глубоким проявлением интерференции является семантическое подравнивание литовских и белорусских словообразовательных элементов, установление между этими элементами регулярного однозначного соответствия. Такие межязыковые соответствия пронизывают, в частности, систему глагольного префиксального образования, позволяя с точностью, не знающей исключений, синтезировать параллельные разноязычные формы от эквивалентных основ. Иллюстрацией могут служить наблюдения над структурой семантических полей лит. *un-* ~ бlr. *у-* (Гервяты), обнаруживающие их конгруэнтность: *у-нёсці ў хáту* ~ *un'-n'ášč pírk'ón*, *у-крóйць хléба* ~ *un-ržk'c' diábos*, *канўста у-кísla* ~ *kopústai un-rúgo*, *вялікі вéцер* — не мбжна *у-стáйць* ~ *dzíd'alis véjas* — *n'atóbžna unstovéč'*, *у-стóյкаімся і у-прóсімся* ~ *un-sistuk'ánsim ir un-siprašsím*, *у-касіj травы* ~ *un-šienaváu žoljs* и т. д.; ср. также на примере одного гнезда: лит. *un-kás'c'* ~ бlr. *у-капáць*. 1. ‘вкопать’: *unkás'c' šílas žámen* ~ *укапáць шул у зямлю*; 2. ‘накопать определенное количество’: *unkás'c' búl'b'u* ~ *ўкапáць бульбы*; 3. ‘смочь вскопать (обычно с отрицанием)’: *žám'a kietáki n'atóbžna unkás'c'* ~ *зямля цвёрдая, что не мбжна укапáць*).

Обращает на себя внимание использование словообразовательных средств для осуществления интерференции на других уровнях — в частности, морфологическом, синтаксическом. Ср., например, суффиксиацию как способ нейтрализации среднего рода в белорусских говорах при ориентации на литовскую модель распределения по грамматическим родам: *гнáзд-бк*, *ст-бк*, *вядбр-чык*, *бярд-чык* и т. п. (Пеляса) или другой пример — сращения типа *жытамажсів*, *ярынысяјбá*, *бульбиկапáне*, *буракоўрвáне* и т. п. (Пеляса) в белорусском как компромиссе, с помощью которого в языке закрепляется препозиция генитива, диктуемая литовским синтаксисом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. наблюдения Л. В. Щербы над лужицко-немецким двуязычием: «... немецкий эквивалент [...] отнюдь не является переводом, а входит в комплекс представлений, образующих лужицкое слово» (Щерба Л. В. Восточно-лужицкое наречие. Иг., 1915. Т. 1. С. 87).

В. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОВ

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ И ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИМ МЕТОДОМ (на материале Диалектологического атласа русского языка)

Ю. С. Азарх

Работа над региональными томами и сводным Диалектологическим атласом русского языка (ДАРЯ), а также исследования последнего времени по исторической и современной диалектологии позволили выделить новые единицы диалектного членения русского языка — центральные и периферийные говоры¹. Первые являются наследниками древнего ростово-суздальского диалекта. Это говоры, окружающие Москву, и ближайшая к столице северо-восточная территория говоров Владимирско-Поволжской группы². На основе центральных говоров складывался литературный язык. Говоры Центра — это зона новообразований, возникавших в тот период, когда Ростово-Суздальская земля была окраиной восточнославянского языкового континуума. В эпоху воззвышения Москвы говоры Центра начинают играть ведущую роль в распространении инноваций, ставших затем нормой литературного языка. Современные периферийные говоры передко сохраняют архаические языковые особенности древнерусского (общевосточнославянского) периода. Это объединяет их с некоторыми диалектами белорусского и украинского языков.

Синхронные различия в словообразовании между диалектами и русским литературным языком выражаются прежде всего в функциональной нагрузке и сочетаемости общих для них словообразовательных морфем, в продуктивности разных способов словообразования, моделей с тождественными формантами и словообразовательным значением, в словообразовательной структуре групп слов одной части речи, связанных определенными семантическими отношениями (родо-видовыми, целого и части, наличием / отсутствием того или иного семантического компонента и т. п.). По ряду вариативных признаков языковой системы говоры Центра в меньшей

степени отличаются от литературного языка, чем периферийные говоры. В последних чаще отмечается сохранение продуктивности архаических общеславянских словообразовательных типов. Например, в русских говорах Карелии не только воспроизводятся, но и образуются отсубстантивные прилагательные с нулевым суффиксом типа *кѣстый* ‘худощавый’, *простѣрый* ‘просторный’, *рѣмзѣй* ‘ленивый, озорной’ <*рѣмза* ‘лентяй, озорник’³.

Число диалектных словообразовательных аффиксов в русских говорах относительно невелико; чаще они отмечаются в современных периферийных говорах. Подобные аффиксы, во-первых, могут быть результатом слияния общеславянских суффиксов. Таков, например, суф. *-ияг* < *-ън-ј-а-² у собирательных типа *бабнѣг*, *фубнѣг*, *лягушнѣг*, характерных, по данным ДАРЯ, КПОС⁴ и ряда исследований, для современных новгородских и псковских говоров. Это, во-вторых, модификации общеславянских аффиксов в зонах интенсивной этнической интеграции. Подобного происхождения, видимо, суф. *-иг(а)* в названиях ягод типа *брусиїга*, *землянїга*. Слова на *-ига*, членные и производные, распространены в говорах, где носители русского языка длительное время контактируют с представителями финно-волжской языковой общности. Зона сплошного распространения названий ягод на *-ига* является продолжением ареала названий ягод на *-ика* в говорах Центра и юго-восточной диалектной зоне. Обширность ареала названий ягод на *-ига* (ряд говоров Центра с существованием моделей на *-ика/-ига*, соседние с ними говоры Костромской группы, кировские говоры) и устойчивость этой модели обусловлены, вероятно, и сходством «ягодных» суф. *-ик(а)* и *-ига(а)*, финск. *-ikk(a)*. Кроме того, суффиксальные согласные принадлежат к одному классу фонем, а оппозиция по глухости / звонкости не существенна при противопоставлении словообразовательных морфем в русском языке. В-третьих, это иноязычные аффиксы, вычленившиеся у ряда формально-семантически однотипных заимствований. Таковы, например, вариантные суффиксы *-айда/-анда* у глаголов звучания типа *бурайдать* / *бурандать* ‘бурчать’, которым присущее дополнительное значение интенсивности действия. Эти глаголы распространены в северной диалектной зоне с концентрацией, по данным ДАРЯ, в онежских и лачских говорах. Модель эта сформировалась вследствие интенсивных контактов русских с карелами и утвердилась в частных диалектных системах (ЧДС).

Для современных диалектов и литературного языка типичны противопоставленные различия на всех языковых уровнях⁵. В словообразовании подобные различия проявляются в существовании функционально тождественных моделей, различающихся формантами и особенностями словообразовательной базы. В русском языке к противопоставленным словообразовательным моделям относятся, например, названия зарослей деревьев одного вида: *березнѣг/-к*, *фубнѣг/-к*, *осиннѣг/-к* в говорах Северо-Запада; *березнѣг/-к*, *фубнѣг/-к*, *осиннѣг/-к* в гдовских говорах; *березнѣк*, *фубнѣк*,

осиннѣк или *березник*, *фубник*, *осинник* в большинстве говоров Центра и литературном языке; *березнѣг*, *фубнѣг*, *осиннѣк* в ряде говоров северо-восточной диалектной зоны; *березник*, *фубник*, *осинник* в юго-западной диалектной зоне; *березнѣк*, *фубнѣк*, *осинник* в говорах Горьковской подгруппы Владимирско-Поволжской группы и соседних с ними говорах Центра и юго-восточной диалектной зоны. Особенно отчетливы противопоставленные различия в словообразовании при сопоставлении однокоренных дериватов разных ЧДС, если подобные образования принадлежат к одной лексической группе семантически связанных слов. Противопоставленные диалектные различия обнаруживаются и в продуктивности идентичных словообразовательных типов в разных диалектах и литературном языке.

Непротивопоставленные различия в словообразовании не были предметом специальных исследований. Существование функционально близких, но не тождественных словообразовательных моделей, характерных для одних территориальных диалектов или литературного языка и отсутствующих в других диалектах, может быть выявлено при сопоставлении отдельных звеньев словообразования в ЧДС и литературном языке. Непротивопоставленные модели характерны для современных периферийных говоров. Например, по наблюдениям Е. А. Некрасовой⁶, в говоре д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. функционируют собирательные и вещественные имена типа *клопа*, *мухѣ*, *дымѣ*, *кора*. Им свойственны дополнительные значения усиленности и отрицательной оценки, что подчеркивается передко сочетанием подобных собирательных и вещественных имен с определениями типа *ненаказанная*, *несосвѣтная*, *неугасимая*, *огребнѣя*. Подобные экспрессивные наименования нерасчлененного множества предметов и массы вещества могли сформироваться, во-первых, при непродуктивности словообразовательных категорий собирательности и вещественности, что характерно для современных говоров южной диалектной зоны, где в функции собирательных имен передко выступают словоформы мн. числа. Во-вторых, падежная и числовая парадигмы в качестве словообразовательного средства выражения собирательного значения, усиленности и экспрессивности могли использоваться при существовании в ЧДС флексий *-а* и *-и/-ы* в Им. п. мн. числа и дополнительном распределении этих флексий у существительных разного грамматического рода и/или различных лексико-грамматических разрядов. Подобная ситуация могла сложиться на периферии ареала флексии *-а* у существительных ср., муж. и жен. рода в южнорусских говорах, что характерно для ЧДС д. Деулино. Здесь собирательные и вещественные существительные на *-а* образуются от тех имен муж. и жен. рода, которые либо имеют флексию *-и/-ы* в Им. п. мн. числа, либо не употребляются во мн. числе; ср., например: Што такай-та *мухѣ*? У сваҳ'и-та йес'т' *мух'u*, ай наам'ён'и пашъва⁷.

Говоры Центра являются зоной иррадиации, откуда распространяются в периферийные говоры явления, общие для первых

и литературного языка. Например, модель наименований невзрослых существ с разноаффиксными основами ед. и мн. числа (*гусенок* / *гусята*) сложилась в центральных говорах не позднее второй половины XV в.⁸ Подобные образования, будучи нормой литературного языка, известны на всей территории русского языка. По данным ДАРЯ, в говорах северо-восточной диалектной зоны распространены дериваты аналогичной модели с суф. *-он(о)к-* в обеих числовых формах. Наличие островных ареалов этой модели в ЧДС разных диалектных зон свидетельствует в пользу предположения о том, что эта сохранившаяся в периферийных говорах модель является праславянским регионализмом⁹. В ряде говоров не только распространяется словообразовательная модель говоров Центра и литературного языка на *-онок/-ата*, но и возникают типологически идентичные модели названий невзрослых существ на базе исконных для данных говоров аналогичных словообразовательных типов. Таковы, например, образования типа *гусенёнок* / *гусенята* и *гусёнок* / *гусенята* в западной диалектной зоне; *гусятёнок* / *гусятёнки* и *гусёнок* / *гусятёнки* в переходной зоне, где сталкиваются конкурирующие модели говоров Центра и литературного языка, с одной стороны, и говоров северо-восточной диалектной зоны, с другой стороны, т. е. на южной границе ареала образований с суф. *-он(о)к-* в обеих числовых формах; *телёк* / *телята* у образований со связанным корнем в говорах юго-восточной диалектной зоны.

На лингвистической карте могут быть представлены этапы усвоения периферийными говорами модели, характерной для говоров Центра и литературного языка. Во-первых, это сосуществование однокоренных дублетов разных словообразовательных типов при общности корня (производящей основы) для ЧДС, говоров Центра и литературного языка, но сохранение исконной для говора модели у диалектных лексем с корнями (производящими основами), не известными литературному языку: *березняг* / *березняк*, *дубняг* / *дубняк*, *осинняг* / *осинник*, но *бредняг* ‘заросли ивы’. Подобная ситуация характерна для ряда говоров Северо-Запада. Во-вторых, это дополнительное распределение производящих основ у конкурирующих моделей: суф. *-няг*, *-нюг* в сочетании с не-производными и *-ник* с производными и опрошенными основами: *березняг*, *бредняг*, *дубняг*, но *осинник*, *кустбник*. Такая ситуация типична для ЧДС на границах зоны сплошного распространения модели с суф. *-няг* и для островных ареалов этой модели в северной диалектной зоне и в среднерусских говорах. В-третьих, лексикализация диалектной модели, когда она представлена лишь отдельными словами: *березняк*, *дубняк*, *осинник* и т. д., но *ельняг/-к*, изредка *ельняг/-к*. Это характерно для говоров на периферии зоны сплошного распространения дериватов с суф. *-няг*.

Иновации говоров Центра могут стать нормой литературного языка. Например, названия ягод на *-ика* вытеснили дублеты архаической модели с суф. *-иц(а)*, которая сохранялась в книжном языке вплоть до начала XVIII в. Иновации периферийных говоров

обычно не утверждаются в литературном языке, даже если данная словообразовательная модель имеет обширный ареал и продуктивна. Например, сингулятивы на *-йнина* ограничены в основном территорией Северо-Запада. Они возникли вследствие роста дублетов на *-ина* от конкретных существительных.

Лингвистическая карта может отражать продуктивность / не-продуктивность словообразовательной модели. Сигналом непродуктивности модели является факт ее сосуществования с конкурирующей моделью литературного языка. Карта передко показывает, что по мере приближения к территории говоров Центра продуктивность диалектной модели постепенно угасает. Она начинает быть приметой архаического слоя говора, может сохраняться лишь в определенных словосочетаниях. Например, в ряде говоров западной половины северо-восточной и юго-восточной диалектных зон архаическая модель с суф. *-он(о)к-* в обеих числовых формах сохраняется лишь в род. п. мн. числа или только при счете в сочетании с количественными числительными¹⁰.

Диалектная словообразовательная модель тем устойчивее в современных говорах, чем больше зона ее сплошного распространения. Величина ареала словаобразовательного типа в современных говорах обычно отражает его продуктивность в диахронии. Диалектная модель наиболее уязвима на границах ареала и в территориально удаленных от него островных ареалах. При этом структурная и фонематическая близость формантов диалектной и конкурирующей с ней модели литературного языка и говоров Центра могут способствовать устойчивости в ЧДС исконной для нее модели. Примером могут служить образования на *-няг* и *-ига* в современных говорах, противопоставленные дериватам на *-няк* и *-ика* в литературном языке и ряде говоров Центра.

Лингвистическая карта может указывать и направление, в котором распространяется более продуктивная из конкурирующих моделей. Ареал более жизнеспособной модели может иметь вид клина (клиньев) на своей границе (границах), острье которого обращено в сторону интранции данной модели. Для более продуктивной модели характерно и наличие территориально близких к основному островных ареалов, стущение которых также отражает направление наступления данной модели. Примером может служить конфигурация ареалов названий ягод на *-ика* и *-ига*, вытесняющих в юго-западной и северной диалектной зонах архаическую модель дублетов на *-ица* / *-ицы*.

Диалектные словообразовательные модели, не отраженные в памятниках письменности и не свойственные современным говорам Центра и литературному языку, как правило, имеют на карте ограниченную компактную территорию. У подобных моделей обычно отсутствуют не обусловленные миграцией населения территорииально удаленные от основной зоны распространения островные ареалы. Подобные величина и конфигурация ареала типичны для новообразований периферийных говоров. Нередко эти новообразования в современных говорах лексически ограничены. Чаще

они формируются в переходных для двух старых конкурирующих моделей зонах, там, где продуктивность этих моделей относительно ненеяслика. Таковы, например, новообразования типа *брусёнка* / *брусёйка*, *землёнка*, *костёнка*, параллельные таким, как *брусица*, *земляница*, *костяница* и *брюшица*, *земляника*, *костяника*, редко их вариантам на *-ига*, в западной половине северо-восточной диалектной зоны. Названия ягод на *-(н)ка* представляют собой суффиксальные дублеты субстантивированных стяженных форм прилагательных типа *брусёна* / *брусёна*, *земляна*, *костяна*. Последние сохраняются на периферии ареала образований па *-(н)ка* со сгущением па юго-восточной его окраине.

Иновации в словообразовании могут быть представлены на карте и рядом территориально близких небольших островных ареалов. Такова, например, конфигурация ареала названий ягод па *-иха* (*брюшьха*, *земляниха*, *черниха*) в восточной половине северо-восточной диалектной зоны. Это переходная зона, где угасает продуктивность конкурирующих более старых моделей названий ягод па *-ица* и *-ига*.

Территории говоров Центра обычно не свойственны островные ареалы диалектных моделей, не употребительных в современном литературном языке. Сохранение подобных островных ареалов в зоне распространения противопоставленной модели типично для периферийных говоров. Островные ареалы диалектной модели, территориально удаленные от своего центрального ареала, — следы исторических миграционных потоков. Так, островные ареалы названий зарослей деревьев па *-иляг* сохраняются в тех периферийных говорах, которые являются наследниками древнего новгородского диалекта.

Данные лингвогеографии показывают, что расширение словоизпроизводственной базы дериватов определенной модели обычно происходит не в центре ее ареала, а в направлении от центра к периферии, что отражает рост продуктивности модели во времени и пространстве. Например, названия полей, с которых убран урожай, типа *овсийце*, *ржийце*, характерны для ядра ареала модели наименований открытых пространств с суф. *-иц(e)*, а их дублеты, образованные от прилагательных (*овсёйище*, *ржёйище*), как бы обрамляют ядро ареала.

Для диалектов характерна тенденция к прозрачности формально-семантических связей производных слов. Эта тенденция обнаруживается в замене немотивированных в синхронии образований мотивированными номинациями. Подобный процесс охватывает и давно сложившиеся лексические группы. Так, на всей территории русских говоров, наряду со старыми, уже не мотивированными названиями ботвы гороха, огурцов, картофеля, свеклы типа *бот* / *ббот*, *ботва* / *бботвъ*, *тыйна*, *натыйна*, *тётыйва* и др., а также наряду с названиями ботвы, семантически не связанными с видом растения типа *ветви*, *листья*, *плети*, *стебли*, *трава*, отмечаются новообразования — производные от видовых названий растений. При этом в ЧДС возможно образование слов одной

лексической группы разных словообразовательных моделей. В говорах одной диалектной зоны встречаются в одной микросистеме производные типа *горбовина*, *картбвица*; *горбовина*, *огуречник*; *горбовина*, *картбвник*; *горбовина*, *картбшик*; *горбовина*, *свёкольница*; *горбовина*, *свёкольник* и др. в северо-восточной диалектной зоне; *горб(о)вина*, *огурёшник*, *картбшик*, *свёкльник*; *горбхия*, *гуркбвник*, *бульбвник* и др. в юго-западной диалектной зоне. Реже в ЧДС одной зоны отмечаются однотипные новообразования данной лексической группы. Такой языковой ландшафт указывает, что процесс формирования новых словообразовательных моделей у названий ботвы растений еще не завершился. Раньше складывается лексический ареал, объединяющий однокоренные дериваты разных моделей. Позднее происходит территориальное распределение моделей внутри лексического ареала, постепенно выделяются внутри общего лексического ареала микрозоны, где предпочтительнее новообразования той или иной модели.

Итак, данные лингвогеографии помогают выявить ряд существенных различий в словообразовании при сопоставительном изучении диалектов и литературного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектическое членение русского языка. М., 1970; Образование северорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970; Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972; Бромлей С. В. Лингвистическое содержание понятий «центральные» и «периферийные» говоры // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983.
- ² См. грушировку русских говоров: Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Указ. соч.
- ³ См.: Новикова Е. И. Безаффиксное словообразование имен прилагательных в русских говорах Карелии и сопредельных областей // Северорусские говоры. Л., 1984. Вып. 4.
- ⁴ Картотека Псковского областного словаря. Ленинград, ЛГУ.
- ⁵ См.: Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962.
- ⁶ См.: Некрасова Е. А. Существительные женского рода па *-а*, образованные от существительных женского и мужского рода с безударным или нулевым окончанием, в говоре д. Деулино Рязанской области // Диалектологический сборник. Рига, 1968.
- ⁷ Пример см. там же.
- ⁸ См.: Богатова Г. А. Из истории существительных со старой основой *-ет-*. // Вестник МГУ, 1968, № 2; Азарх Ю. С. К истории словообразовательных типов названий детенышей и детей в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1976. М., 1978.
- ⁹ См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1974. С. 204.
- ¹⁰ См.: Бромлей С. В., Булатова Л. П. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972. С. 98.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯВЛЕНИЯ МОТИВАЦИИ СЛОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ДИАЛЕКТЕ

О. И. Блинова

Сопоставительное изучение разных языков и разных форм одного и того же языка в последние десятилетия получило широкое распространение, что иллюстрируют, в частности, материалы двух форумов языковедов: всесоюзной конференции по теоретическим вопросам языкоznания¹ и международного симпозиума по сопоставительному словообразованию славянских языков². Обсуждается большой круг вопросов сопоставительной лингвистики: философские основы и методы сопоставительного языкоznания, принципы, аспекты, уровни и направления сопоставительного анализа, возможности сопоставительного метода, единицы и категории сопоставления — производные слова, словообразовательные категории и парадигмы, словообразовательные средства и модели и т. п. В настоящей статье представлены итоги сопоставительного анализа явления мотивации слов в разных формах русского языка — литературном языке и диалекте — с учетом лишь некоторых аспектов этого явления: видов мотивации, типов смысловых отношений мотивационно связанных слов и формальных средств их выражения, материального состава мотивационных пар и цепочек и т. д. В качестве основной единицы сопоставления была избрана пара мотивационно связанных слов, дополнительной — мотивационная цепочка³.

В результате сопоставления выявлена общность и различия в явлении мотивации слов литературного языка и диалекта.

Общность явления мотивации слов в литературном языке и диалекте⁴ составляют: а) категориальная сущность явления мотивации (мотивационных отношений слов); б) типы и виды мотиваций слов (лексическая мотивация и структурная, мономотивация и полимотивация, односторонняя и разносторонняя мотивация, мотивация текстовая и метатекстовая); в) типы актуализации (воспроизведения) мотивационных отношений в речи (полная и неполная, контактная и дистантная); г) типы смысловых отношений мотивационно связанных слов разных частей речи (например, действие → орудие действия: *молотить* → *молотилка*; действие → субъект действия: *учить* → *учитель*); д) формальные средства выражения типов смысловых отношений мотивационно связанных слов; например, тип отношения действие → субъект действия в литературном языке и диалекте выражен:

Глагол → Основа глагола +

—тель (учить — учитель)
—ул (бегать — бегун)
—ник (охотиться — охотник)
—ак (рыбачить — рыбак)
—чик (созиць — ворчик);

е) явление множественности мотиваций, или полимотивация, приводящая к варьированию мотивационного значения и мотивационной формы слов; например, в литературном языке и диалекте *кедровник* 'лес, состоящий из кедровых сосен' мотивируется двумя словами: словом *кедр* 'кедровая сосна' и словом *кедровый*, отсюда — при мотивации *кедровник* ← *кедр* его мотивационное значение равно 'лес (из) кедра', а мотивационная форма — *кедр-овник*; при мотивации же *кедровник* ← *кедровый* его мотивационное значение — 'кедровый лес', а мотивационная форма — *кедров-ник*; ж) совпадение материального состава многих мотивационно связанных пар (рыба → рыбак, лес → лесной, белить → побелка) и мотивационных цепочек (лось → лосиха, лосенок, лосинный); з) процессы, сопровождающие явление мотивации слов; например, процесс лексической ремотивации («народной этимологии»): лит. *дынка* ← *дым*, *веер* ← *весьть*, *свидетель* ← *видеть*; диал. *каротелька* 'сорт моркови' ← *короткий*, *гармофон* 'граммофон' ← *гармонь*, *скупилайнт* 'спекулянт' ← *скупать*; процесс структурной ремотивации: лит. *метель* ← *метелица*; диал. *сват* ← *сватун*, *ухват* — *ухватник*; и) связь явления мотивации с другими лексическими явлениями — синонимией, антонимией, паронимией, варьированием слова; к) функции мотивации в тексте и метатексте: функция информативная, функция скрепы, стилевого разнообразия, функция экспрессивности (средство создания эмоциональности, контраста, ритмизации речевого текста и т. д.), функция эстетическая (средство создания образности, звуковых картин)⁵.

Различия явления мотивации слов в литературном языке и диалекте проявляются:

а) в количественном соотношении разряда мотивированных и немотивированных слов: в литературном языке процент мотивированных слов составляет 69,2 % (анализ произведен на базе отрезков бровь — бязь (в 500 слов) и к — киноискусство (1500 слов), в диалекте процент мотивированных слов выше: он равен 73,1 % (проанализирована соответствующий отрезок словарника среднеобского диалекта с учетом общерусских, диалектно-просторечных и собственно диалектных слов объемом в 1614 единицы);

б) в материальном составе мотивационно связанных пар и мотивационных цепочках, что наблюдается прежде всего в парах и цепочках, состоящих из диалектных компонентов (*лонись* 'в прошлом году' → *лонской* 'прошлогодний'), из диалектного и общерусского (*листовный* → *листовик* 'листственный лес'), реже — из из общерусских единиц (*каленый* → *калина*, *копить* → *копейка*);

в) в неодинаковой способности одних и тех же слов литературного языка и диалекта вступать в отношения лексической или структурной мотивации; например, *брусника* в литературном языке вступает только в отношения структурной мотивации (*брусника* ↔ *жимолость* или *брусника* ↔ *голубика* и под.), в среднеобских говорах *брусника* вступает не только в отношения структурной мотивации, как и в литературном языке, но и в отношения лексической мотивации (*брёсный* 'белый' → *брусника*);

г) в формальных средствах выражения одних и тех же типов смысловых отношений мотивационно связанных слов; например, тип отношения слов-мотиваторов «признак» → «ягода, характеризующаяся этим признаком», — в литературном языке и диалекте имеет неодинаковые средства своего выражения:

Литературный язык

Прилагательное → основа прилагательного + -ика (черный → черника, голубой → голубика, костяной → костяника и т. д.)

Диалект

Прилагательное → основа прилагательного + -ика (шерный → черника), или + -ига (голубой → голубига), или + -ица (кислый → кислица), или + -ка (земляной → землянка);

д) в большем количестве слов диалекта, по сравнению с литературным языком, подвергшихся действию процесса лексической ремотивации на основе у становления новых мотивационных отношений на базе смысловых или фонетических сближений; например, *винг* 'бинт' → *навивать* 'обматывать' («Новый *винг* навит на руки у Кольки, видно, у медички был, *винг* она ему навила». Пинежье), *манитофон* 'магнитофон' ← *манить*, *приманивать* («Заведет этот *манитофон*. Весь день сидит. Приманивает его, он и сидит». Приобье); в среднесосских говорах выявлено более двухсот слов, подвергшихся процессу лексической ремотивации;

е) в большем количестве слов диалекта, по сравнению с литературным языком, подвергшихся процессу структурной ремотивации, осуществляющему разными способами: посредством наречия формантной части, или путем ее «вычленения», или посредством преобразования конца слова, осознаваемого в качестве форманта, например, *турнепс* → *турнёнЕЦ* и *турнёнКА*, *бандит* → *бандИСТ*, *кроншинеп* → *кроншинЕЛЬ* (ср.: *коростЕЛЬ*, *дунЕЛЬ*, *дйтЕЛЬ*), *планировать* → *планОВАТЬ*;

ж) в неодинаковом соотношении функционального использования актуализации (воспроизведения) отношений лексической и структурной мотивации в литературном языке и диалекте, что проявляется прежде всего при употреблении мотивационно связанных пар и цепочек в экспрессивной и эстетической функциях в сопоставляемых типах русского языка; например, для литературного языка, с его разветвленной системой стилей, с взаимодействием устной и книжно-письменной форм использование мотивации в эстетической функции более характерно, чем для диалекта; парадигма употребления мотивационно связанных слов в экспрессивной функции в диалекте не так разнообразна, как в литературном языке, в том числе в его разговорном стиле: мотивация как средство создания каламбура, илеоназма, языковой игры — редкое явление в диалектной речи.

Итоги произведенного сопоставления позволяют сделать вывод о том, что разные аспекты явления мотивации слов могут служить важными типологическими характеристиками литературного языка и диалекта. Так, в отличие от диалекта, для слова-поголовья литературного языка свойствен менее высокий процент мо-

тивированных слов (около 70 %), отсутствие диалектных лексических единиц в составе мотивационно связанных пар и цепочек, специфическая приверженность слов определенных тематических разрядов к актуализации отношений лексической или структурной мотивации; специфический набор средств выражения отдельных типов смысловых отношений мотивационно связанных слов (например, названий леса, названий ягод, лиц, помещений и др.); слабая активность процессов лексической и структурной ремотивации слов; более широкий диапазон и большее разнообразие функций актуализованных отношений лексической и структурной мотивации в разных типах литературной речи: функция скрепа (Ей становилось *страшно*, *страх* был испытывающий, тягучий, словно рассчитанный надолго — В. Распутин), средство создания илеоназма (Не может быть, что не пробьется на *волю вольную* ручей — В. Солоухин), каламбура (Счастливым днем считают супруги Шашковы из Москвы четверг, подаривший им сразу *четверых* близнецов — В. Кирюхин), средство создания комического эффекта, сарказма, сатиры (Откуда летят «летающие» тарелки? — Комс. правда), контраста (Человек не в *разгадке* плазмы, а в *загадке* соблазна — А. Вознесенский), одно из средств языковой игры (А. «У тебя нет *остеохандроза?*» Б. «*И хандроз, и хандрит, и все на свете*». Русская разговорная речь); в художественной речи — средство создания поэтического образа, в роли ключевых слов (Счастье быть частью материи, *жить*, где *жить* нижут бактерии, *живь*, где *жизнь выжить* надеется, *живь*, где *жизнь ядрами* делится — С. Кирсанов), как одно из средств создания художественных приемов, «поэтической техники»: аллитерации (Чу! как *ухалица ухает...* — Н. Некрасов), анафоры (*Покраснела рябина, посинела вода, месяц, веадник унылый, уронил провода* — С. Есенин), для точной рифмовки (*Жизнь моя праздник. Всегда неспокойный, сегодня он знойный, а завтра морозный, а все-таки праздник, великий и грозный* — Л. Мартынов), для организации внутренней рифмы стиха (*Цвет мой, горицвет мой, гори, гори, гори,* с понижением тона — А. Прокофьев) и др.

Для диалекта характерно: более высокий, в отличие от литературного языка, процент мотивированных слов (более 73 %), наличие собственно диалектных и диалектно-просторечных лексических единиц в составе мотивационно связанных пар и мотивационных цепочек (*баский* 'красивый' → *баса* 'красота', *башка* 'ум, сообразительность' → *башковитый* 'умный, сообразительный'), специфический набор средств формального выражения смысловых отношений мотивационно связанных пар и мотивационных цепочек ⁶, продуктивность процессов лексической и структурной мотивации, более широкий, чем в литературном языке, диапазон вариантирования внутренней формы слова, меньшее разнообразие функциональной направленности мотивации, чем в литературном языке: для диалекта наиболее характерными являются информативно-коммуникативная и экспрессивная функция мотивации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Типы языковых общинностей и методы их изучения: Телицы М., 1984.
- 2 См.: Союзоместное изучение словообразования славянских языков: Тезисы международного симпозиума (декабрь 1984). М., 1984.
- 3 См.: Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Томск, 1984.
- 4 Фактический материал извлечен из разных источников; в их числе: Грамматика-70, Грамматика-80, толковые словари русского литературного языка и диалектов, включая «Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья» (Томск, 1982—1983. Т. 1—2), тексты публицистические, художественных произведений, диалектной речи и др.
- 5 Ср. данные работ: Блинова О. И. Указ. соч. С. 135—162; Наумов В. Г. Явление мотивации слов в системе диалекта. Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Томск, 1985. С. 12—14.
- 6 О типах смысловых отношений мотивации связанных слов и формальных средствах их выражения на материале среднебоских говоров см.: Демешкина Т. А. Типы смысловых отношений мотивации связанных слов: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Томск, 1984.

ВЛИЯНИЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА ОБРАЗОВАНИЕ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В РУССКОМ ОСТРОВНОМ ГОВОРЕ В ПОЛЬШЕ

И. Грек-Пабисова

Настоящая статья является попыткой на примере образования степеней сравнения прилагательных показать соотношение словообразовательной системы островного русского говора с польским и русским литературными языками.

Носителями русского говора в Польше являются старообрядцы, бежавшие около 200 лет тому назад с территории Псковщины. Их говор оставался без всякого контакта с общерусским и русским литературным языком свыше 150 лет. В течение всего этого времени говор испытывал влияние со стороны польского языка. С послевоенного периода возобновился контакт с общерусским языком (впрочем довольно ограниченный: поездки к родным в СССР, книги, реже — печать, обучение русскому языку как иностранному в школе, начиная с 5 класса начальной школы).

В новых условиях язык окружающей среды оказал сильное влияние на лексику, произошли определенные фонетические изменения¹, появились новые или сохранились архаические конструкции; заметились довольно сильные сдвиги в семантике². Меньше сказалось влияние польского языка в морфологии. Неожиданно интересные процессы произошли в словообразовании. Как показали исследования, словообразовательная система островного говора, находящегося длительное время в иноязычном окружении, развивается довольно самостоятельно. Ее зависимость от системы родного общенационального языка с течением времени

уменьшается. Перестают действовать некоторые тенденции, господствующие на исконной этнической территории.

В качестве примера приведем суффикс существительных *-инк-(a)*³, являющийся в русском языке более поздним, чем *-ин-(a)*. Он засвидетельствован в памятниках, начиная с XVII столетия⁴. О его развитии свидетельствуют частные фиксации в XVIII и XIX вв. В диалектных записях слова с этим суффиксом появляются лишь в середине XIX в., т. е. на полтора столетия позже, чем в литературном языке. В островном русском говоре в Польше формант *-инк-(a)* используется в сингулятивно-деминутивной функции. Слов с *-инк-(a)* мало; в основном они называют однородные компоненты массы или скопления, например: *kanf'et'inka, bab'inka* ‘одна бисерина старообрядческой лестовки-четок’. В этой функции суф. *-инк-(a)* в русском литературном языке очень продуктивен. В настоящее время отвечается новое значение (или оттенок значения): суффикс присоединяется к существительным, выражающим абстрактные понятия, не делимые семантически на части, например, *смешинка*. Такого типа существительных в нашем говоре нет. Не зафиксирован также суф. *-инк-(a)* в значении места, пространства, характеризующегося признаком, выраженным в основе. В данном значении он появился не раньше середины XIX в., например, *гнилинка*. Этот суффикс не зафиксирован также в значении субстантивированного названия признака, проявляющегося в слабой степени: *хитринка*. Вместе с тем этот суффикс в рассматриваемом говоре появляется в функциях, неизвестных русскому языку, но характерных для языка польского, например, в функции образования феминативов от мужских обозначений типа *žydav'inka* от *žydav'in* ‘мерзавец, негодяй’ (vot *žydav'inka b'abъ; b'it janjan'u, žydav'inku, fs'o ravn'o n'e papr'av'il'ts'*).

Намечается следующий процесс: заимствованные говором слова получают не только характерную говору огласовку, но и включаются в словообразовательные модели говора. Например, заимствованные слова на *-isko* подключены к диалектной категории на *-ице*: *kartoflisko > kartafl'iščъ; hartafl'an'iščъ*; заимствования из немецкого языка на *-chen* типа *Gläschen* подключаются к категории слов на *-ка*: *Gläschen > gl'askъ*.

Таким образом, получается довольно нестрагая картина словообразовательных моделей и типов в говоре.

Такое взаимодействие словообразовательных средств двух родственных языков сказалось и на системе степеней сравнения прилагательных.

При анализе степеней сравнения прилагательных в русском островном говоре в Польше мы находим способы образования, свойственные как русскому языку, так и польскому. Сохранились и древние формы, вышедшие из употребления в современном русском литературном языке.

Сравнительная степень образуется по трем моделям.

Первая модель — соответствует русскому литературному языку. По этой модели образуется сравнительная степень от оте-

чественных и заимствованных прилагательных с помощью суф.
-ей, -е, -ие без флексии. Эта модель отмечается у небольшого числа прилагательных. Заметим, что эти же прилагательные параллельно образуют и флексивные формы:

холодный — *xъładn'ej//xъładn'ejšyj;*

легкий — *l'ag'ošč̄ l'ag'ošyj, l'okšyj (tam u n'ix l'ag'ošč̄ v'oz-dux; l'okšyji kusk'i atl'ałyγ'čjut 'отскакивают' d'al'sh);*

молодой — *mat'ož̄, mat'otš̄, mat'až̄/mat'otšyj, mat'ožyj, mat'atšyj (on mal'ož̄ p'aru got at jan'y: stop ja jъdč'o raz był mat'otš̄, kak kal'is't'i był; nu D'omъ nav'ern' mat'až̄ tam got al'i sk'ol'kъ za b'at'ku; al'i stop mat'ožyj on był to by v'yśr'vtv' jan'o m'ož̄);*

старый — *star'ej, st'ar̄, st':rš̄//star'ejšyj, st'aršyj ('etъ an'a jišč'o mn'ohъ star'ej, da? p'vern' sto star'ej, an'a tam kъłtъ ras'm'idis't'i l'et; maj'a s'astr'a zъ m'an'a st'ar' p'jat' l'et; on, zn'ac'ił st'aršyj vas? an'y už'o star'ejšyj m'en'a, tak paum'or'l'i fs'i; tam už'o tak'iz st'aršyj l'ud'ej n'et gar'ast');*

сильный — *s'il'n'ej//s'il'n'ejšyj (fcar'a s'il'n'ejšyj mar'oz był, a s'iv'odn'i už'o n'et);*

тяжелый — *t'až'el'sh̄ || t'ažel'ejšyj (al'i tap'er' g'oršyž źyt'j'o, t'až'el'sh̄; j'es'l'i t'ažel'ejšyj z'arn'o, to ast'an'icst, l'okšyji atl'ałyγ'čjut d'al'sh);*

теплый — *t'apl'ej;*

здравый — *zd'vrav'ej (sraj'ej rab'oty k'in'd'uuk to t'ucšyj, zd'vrav'ej)*⁵.

Вторая модель соответствует русскому литературному языку, но имеет свои диалектные особенности. По этой модели прилагательные образуют сравнительную степень с помощью суф. -ши и оконч. -ий: *b'ol'syj, m'en'syj, l'učsyj, st'aršyj, m'atšyj, g'oršyj.* Они представлены в говоре в такой же форме, как и в литературном языке. Сюда относятся также прилагательные *x'učyj* 'худший', *v'yšyj* 'высокий' и *n'išyj* 'низкий', имеющие на месте -ши-диалектный суффикс -šč- (с ч твердым, после которого окончание -ый). В отличие от русского литературного языка все прилагательные этой группы функционируют в значении сравнительной степени: *s'av'odn' b'ol'sh̄ j̄ žar'a čem fcar'a; kag_bał'soj m'śaj'et, tak P'atr'oskъ m'en'sh̄j; št'oby ja kak raz był m'atšyj, tak'oj v r'asym v'ak'u, to ja by in'akš̄ s v'am'i p'g'var'il; on t'ucšyj jes't' kak ty; a pal'ak'i jišč'o t'ucšyji t'ud'i kak n'ašy; nu, jan d'es'it' l'et st'aršyj za jan'u; ty m'ajis b'apku (жену) n' tak'uju kak fs'e, al'i ja m'aju g'oršuju; f sab'ak'i x'učyj źys'a, a kot na p'ar'in'tx sp'it; on jišč'o tap'er' v'yšyj stat.*

Третья модель — диалектиная. По этой модели сравнительная степень от отечественных и заимствованных прилагательных образуется путем присоединения суффиксов и флексий -š-yj, -šč-yj, -eјš-yj, -oš-yj: *int'el'ig'entšyj (rajin'ofs'k'iži b'yl'i int'el'ig'entšyj), dar'oščyj (jes't' tak'ož, štъ dar'oščyj, a jes't', d'ěšav'ejšyj), l'okšyj, gl'upšyj (от glub'ok'ij) (kad'a gl'upšyj rad'a, n' v'asl'o it'i n'ad), kar'otšyj, slad'oščyj (kupl'onyj slad'oščyj i ag'edy),*

tał'oščyj (от tałst'oj || t'olstyj) (r'an'sh̄ tak'im t'onk'im g'olęsztm, a pat'om tał'oščym), kr'ep'oščyj (ty ačk'i kr'ap'oščyj m'ajis), dar'oščyj, dat'oščyj (kal'is't'i r' dat'oščym xad'il'i, dat'oščyj fs'o); cys't'ejšyj (u n'ix jaz'yk tam cys'l'ejšyj, xъładn'ejšyj, d'ěšav'ejšyj, fkus'n'ejšyj, gr'az'n'ejšyj, żarc'ejšyj (t'utykъ żarc'ejšyj b'ud'it rad'a); tan'ošyj (от t'annuj 'дешевый') (a tam t'annuj s'uby, tan'ošyj cym tnt), garn'ošyj, m'ak'ošyj.

У прилагательных *молодой* и *мягкий* имеется вариант *mat'ožyj m'axčyj*⁶ (pak'a był mat'ožyj, to budav'als' 'строил себе дом'; n'e, on n'e st'aršyj, on mat'ožyj, mat'ožyj p'aru got).

Такая модель образования сравнительной степени в говоре обусловлена, с одной стороны, сохранением архаичного древнерусского способа⁷ (по крайней мере, в отношении некоторых слов), с другой — сильным влиянием польского языка. Здесь не только сказывалось влияние словообразовательных типов, но и воздействовала аналогия по отдельным польским словам;ср.: *cys't'ejšyj* — пол. *czyścęjszy*; *s'il'n'ejšyj* ('etъ kak c'yan zъłaz'-yts' 'пшел об заклад' sa z'm'ejim, kto s'il'n'ejšyj, kto razd'aw'it k'am'en tot s'il'n'ejšyj) — пол. *silniejszy*; *t'anšyj* || *t'an'syj* (za j'etъw' ź'ondu 'правительства' t'anšyji škaf'y) — пол. *tańszy*; *v'uššyj* 'уже, более узкий' (šyr'ok'j̄ dar'ogъ to paſl'a zd'es' i tak'až' p'er'is'ik'ajit' etъ v'uššyj) — пол. *węzszy*. Некоторые прилагательные представляют собой заимствования, фонетически приспособленные к говору: *pr'ij'omnyj* 'приятный' — *pr'ijemn'ejšyj* — пол. *przyjemniejszy*; *t'atr'uj* 'легкий, простой' — *łatv'ejšyj* — пол. *łatwiejszy*.

Остается выяснить, что представляют собой прилагательные *m'en'e, st'ar'e (a čas't' ast'atłs' tam... al'i tam m'en'e ast'atłs'; maj'a s'astr'a zъ m'an'a st'ar' p'jat' l'et)*, где конечный гласный -е можно считать сокращением -ее, -ей или же присоединением к основе на сonorный суф. -e, что весьма необычно для нормированного языка.

В говоре имеются словообразовательные варианты одного и того же слова, так: *mat'otšyj — mat'ožyj — m'atšyj — mat'otš — mat'ož — m'atš; star'ejšyj — st'aršyj — star'ej — st'ar' — l'okšyj — l'ag'oščyj — l'ag'ošč; m'axčyj — m'ak'ošyj; st'atšyj — slad'oščyj — slad'ošyj — slad'ošč; t'až'el'syj — t'až'el'sh̄* и др.

В говоре превосходную степень образует довольно ограниченное число прилагательных (около 20). Формы превосходной степени построены по одной модели⁸: к склоняемым прилагательным сравнительной степени присоединяется приставка *naj-* и *na-*: *najst'aršyj, najx'uščyj, najgt'ipšyj, najm'il'ejšyj, najkras'iv'ejšyj, nab'ol'syj, n'imat'ošyj, n'el'ag'oščyj, nag'oršyj, nast'aršyj, n'yažn'ejšyj.*

Как уже было сказано, прилагательные на -eјšyj имеют значение сравнительной степени. Поэтому для выражения превосходной степени в говоре привлекается по образцу польского языка приставка. Такой способ образования известен и русскому литерату-

турному языку, особенно старшего периода. Возможность присоединения приставки *na-*, наряду с *naʃ-*, дополнительно подтверждает влияние польского языка, так как только в польском языке (в говорах) эта приставка функционирует как показатель превосходной степени.

Вследствие продуктивности префиксально-суффиксального образования превосходной степени, а также широкого употребления описательных форм прилагательные сравнительной степени и сохранили свое основное значение — выражение более высокой степени качества.

Итак, мы показали, что в русском говоре старообрядцев в Польше, помимо диалектной, сохранилась отчасти и древняя система степеней сравнения. Кроме того, говор использовал словообразовательные модели языка окружающей среды, т. е. польского языка. Использованию заимствованной модели содействовало сохранение более древнего состояния родной системы. Вследствие этого в говоре возросла словообразовательная вариантность слов, что впрочем не стало помехой для коммуникации. В случае возникновения омонимов говор находит способы их устранения: так, от слова *глубокий* простая сравнительная степень — *gl'ipršyj*, т. е. формально она должна была бы совпадать со сравнительной степенью от *глупый*, однако в говоре сравнительная степень *глупый* образуется описательно: *g'oršyj gl'ipryj* (*st'aršyj g'oršyj gl'ipryj*, *čut mal'oduj*).

Картина степеней сравнения в говоре становится ясной и логичной, если ее рассматривать на фоне родного русского литературного языка, сопоставленного с польским языком окружающей среды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди фонетических изменений главными являются: продвижение процесса отвердения *r* и *ч* (как известно, *r* и *ч* в некоторых исковских говорах отвердили полностью или частично), появление неслогового *ў* на месте *ъ* (например, *k'uduy svaj'i uaxm'atyji vz'aq'a da pačas'aqa, y'oškaj tayk'oj'eč'ya*).

² О механизмах семантических сдвигов под влиянием языка окружающей среды и других факторов см: *Grek-Pabisowa I. Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy*. W-wa ets., 1983.

³ См. на эту тему: *Grek-Pabisowa I. Rzecznikni na -in/a/, -ink/a/ w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców w Polsce // Slavia Orientalis, 1978, Rocznik XXVII, 2.*

⁴ См.: *Максимов В. И. Суффикс -ин-/а/ с выделительным значением // Материалы по русско-славянскому языкознанию*. Воронеж, 1973; *Он же. Распределение и функционирование некоторых словообразовательных типов (моделей) в общепародном русском языке и в говорах // Диалектическая лексика*, 1974.

⁵ Диалектный материал для настоящего исследования собран из словаря русского островного говора в Польше, насчитывающего 10.000 слов. (*Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*, W-wa, 1980). Кроме того, материал пополнен записями, не использованными в словаре. В говоре лишь несколько десятков прилага-

тельных (около 60) образует степени сравнения суффиксальным способом. Превалируют другие способы выражения сравнения.

⁶ Эти формы образованы, по-видимому, путем употребления флексии *-ый* вместо суф. *-e-*.

⁷ Как известно, в древнерусском языке изменяемые краткие формы сравнительной степени прилагательных очень рано перестали употребляться в роли определения, вследствие чего потеряли способность к словоизменению. Этот процесс начинает отражаться в словарях с XII в. (См.: *Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка*. М., 1964. С. 349—51). Полные же формы *на-ейш-, -айш-* очень долго, до начала XIX в., сохраняли значение сравнительной степени.

⁸ Зафиксированы лишь 2 случая иного образования путем прибавления приставки *naʃ-*, *na-* к прилагательным положительной степени: *n'jud'obnyj* (*vot 'ety mn'e n'jud'obnyj bašmak'i*) и *n'bal's'eniyj* (*pat'om pr'išl'i my v n'bał's'eniyj tak'oj bnd'ynek*).

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ДЕРИВАТОВ В ГОМОГЕННОМ И ГЕТЕРОГЕННОМ ДИАЛЕКТНОМ КОНТИНУУМЕ

Г. П. Клепикова

Известно, что подход к изучению фактов, традиционно относимых к сфере деривации, обнаруживает некоторые особенности принципиального характера — в зависимости от того, принадлежат ли эти факты языковым системам, определяемым как единичные, или как совокупности единичных систем. Понятиями «единичная система», в том числе «частная диалектная система» (ЧДС), «совокупности единичных систем» («совокупности ЧДС») оперирует прежде всего теория и практика новейших исследований по описательной славянской диалектологии, ставящих и решавших задачу моделирования разных типов языковых систем (ср. труды представителей московской диалектологической школы, прежде всего Р. И. Аванесова и его учеников). Под ЧДС понимают отдельный диалект (говор одного нар. пункта), рассматриваемый как далее неделимая единица диалектного членения; ЧДС является в известном смысле аналогом других видов единичных систем, — такой, например, как «система литературного языка» (=СЛЯ). Совокупность ЧДС в рамках одного национального языка определяется как «система систем», выступающая в предельном случае как «система диалектного языка» (СДЯ), а в остальных — как ее фрагмент¹. Совокупность лингвистических объектов, имеющих статус «(отдельного) языка» («отдельного диалектного языка») может служить основой для построения макромодели — «сопоставительной модели» (СМ), с помощью которой возможно конфронтативное изучение явлений различных уровней в данной совокупности языков (resp. их диалектов)². Следует подчеркнуть, что в ряде исследований получила конкретную разработку идея интерпретации в качестве «системы систем» не только совокупности гене-

тически гомогенных лингвистических феноменов (близкородственные языки и их диалекты), но и гетерогенных (отдаленно родственные языки и их диалекты)³. Общей чертой моделирования языковых систем типа ЧДС, СДЯ, СМ является их квалификация по параметру «гомогенность // аллогенность», или в терминах вариантологии — «константность / вариантность», т. е. установление того, какие звенья изучаемой системы являются общими, тождественными для всех сопоставляемых языков, и какие — вариативными, содержащими варианты (=альтернанты)⁴. Вместе с тем типы языковых систем различаются, по крайней мере, в одном важном отношении: варианты (вариативные звенья) в ЧДС территориально не маркированы и реально существуют в речи одного коллектива говорящих; вариативность в СДЯ, СМ выступает как маркированная в территориальном отношении и не реализуется в речи одного коллектива говорящих, т. е. не соотносится с каким-либо конкретным говором⁵; СДЯ, СМ выступают, таким образом, как иерархизованные максимальные наборы языковых явлений, зафиксированных в определенной совокупности ЧДС.

В сфере деривации как отражение принципиального различия между типами языковых систем, по-видимому, может рассматриваться специфическое для каждого из типов соотношение между формальной производностью и производностью (=мотивированностью) по смыслу. При изучении суффиксальной деривации в масштабах определенного диалектного континуума (одного национального языка или нескольких близкородственных языков) наблюдается следующее явление.

1. Дериваты (лексемы, содержащие корень R и суф. sf₁, sf₂, ...) могут характеризоваться семантическими различиями, выражая семеи S¹, S², S³, ..., как в одной ЧДС (d_I), так и в различных ЧДС (d_{II}, d_{III}, d_{IV}, ...); следовательно, явление производности предстает как возникающее на пересечении отношений формальной производности и производности по смыслу. Ср.:

1. (a) L ₁ (R + sf ₁) ~ S ¹	или (б) L ₁ (R + sf ₁) ~ S ¹ _{d_{II}}
L ₂ (R + sf ₂) ~ S ²	
L ₃ (R + sf ₃) ~ S ³	

2. Дериваты могут быть семантически тождественными и выражать одну семему (S), — в одной или нескольких ЧДС. Ср.:

2. (а) L (R + sf ₁) ~ S _{d_V}	или (б) L (R + sf ₁) ~ S _{d_{VII}}
L (R + sf ₂) ~ S _{d_{VI}}	
L (R + sf ₃) ~ S _{d_{VII}}	

Различие указанных ситуаций состоит в том, что в первом случае комбинации корня R и суф. sf₁, sf₂, ... определяются как самостоятельные лексемы (L₁, L₂, L₃, ...), для которых вопрос о фактической членности / нечленности на синхронном уровне решается с учетом словообразовательных цепочек иного рода

(R₁ + sf, R₂ + sf, R₃ + sf, ...), а во втором — как словообразовательные варианты одной лексемы (L), ибо палило тождество семантики; возможность синхронного вычленения словообразовательных формантов несомнена⁶.

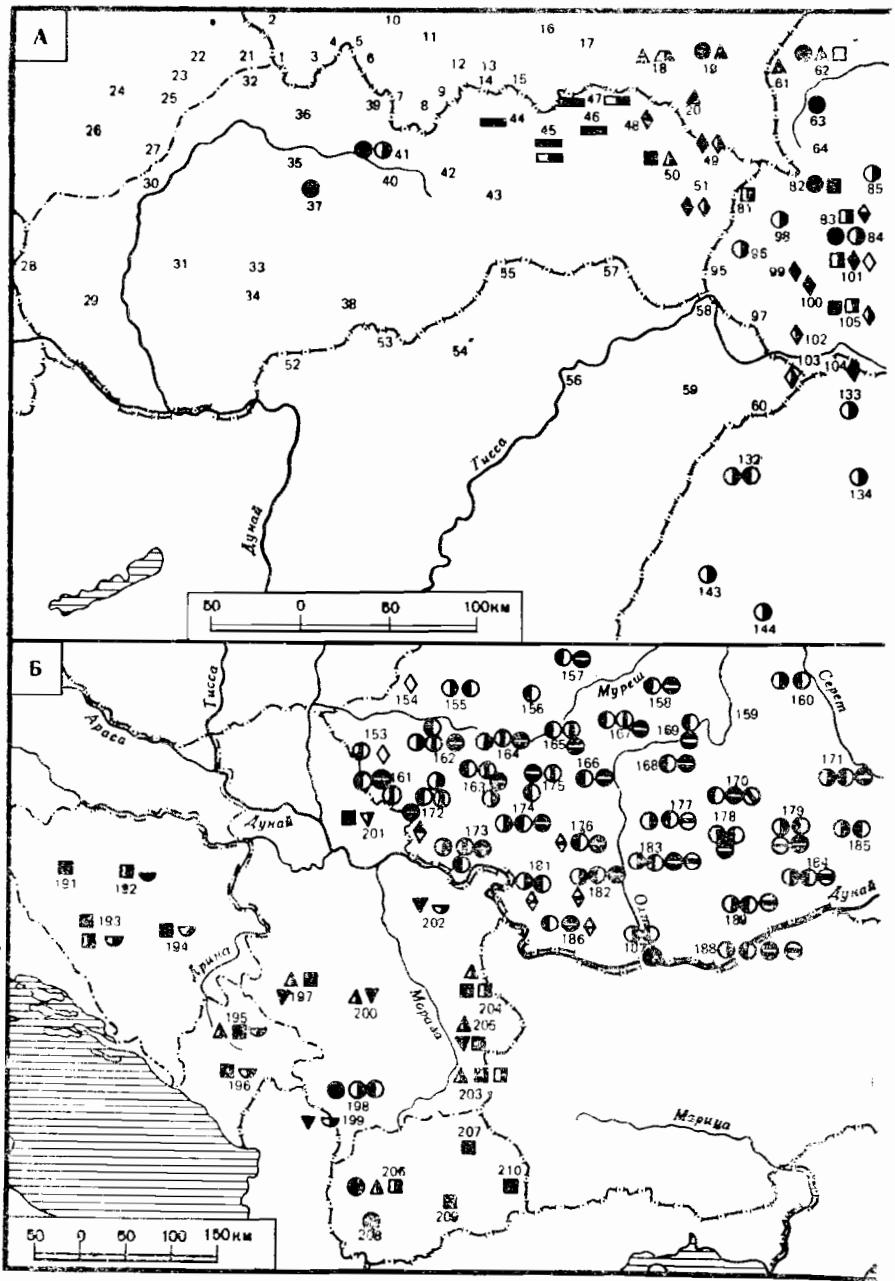
Следовательно, фиксируемые в ЧДС и их совокупностях формально тождественные дериваты могут оцениваться различным образом — в зависимости от характера соотношения словообразовательных и семантических структур. Так, амбивалентными, встречающимися в отдельных ЧДС и в их совокупностях, являются ситуации, когда однокоренные дериваты имеют одну и ту же семантику (фиксации этого явления в отдельной ЧДС редки). Именно поэтому, применительно к совокупности ЧДС (в континууме диалектов одного языка, или близкородственных, или — далее — отдаленно родственных языков) указанное выше определение деривации может быть уточнено: словообразовательная производность — это прежде всего формальная производность, т. е. преобразование исходной (гипотетической) основы с помощью деривационных средств, которая может сопровождаться / не сопровождаться изменениями в семантике производного (семантическая производность, семантический сдвиг и под.).

Далее излагаются некоторые наблюдения над соотношением формальной производности и производности по смыслу в генетически гетерогенном диалектном континууме (по данным около 150 нас. п.)⁷, представляющем фрагмент территории, которая обследуется в «Общекарпатском диалектологическом атласе» и на которой зарегистрированы дериваты м. р. с корнем *kopVl*: *kopVl*-₀, *kopVl*'-_{a[e]}, *kopVl*-_{ec}, *kopVl*-_{ak}, *kopVl*-_{če}, *kopVl*-_{an}, *kopVt[< l]-dan*, *kopVl*-_{uk}, *kopVt[< l-n']-ak*, *kopVl*-_{cun}, *kopVl*-_{aš}⁸; в некоторых населенных пунктах зафиксировано более одной лексемы, поэтому общее число анализируемых единиц (с учетом омонимов) — около 350. Лексемы с корнем *kopVl* выражают семеи: 1 'внебрачный ребенок (общее название)', 2 '～(мальчик)', 3 'ребенок (общее название)', 3.1 'трудной ребенок', 4 'мальчик', 4.1 'подросток', 5 'сын', 6 'сырота', 7 '(побочный) побег кукурузы', 8 'ниша'⁹. Значительная семантическая амплитуда перечисленных дериватов позволяет выявить ряд типов соотношений словообразовательных и семантических структур в ареале заданном пространстве карпато-балканской зоны.

А. Типы соотношений словообразовательных и семантических структур в отдельных ЧДС.

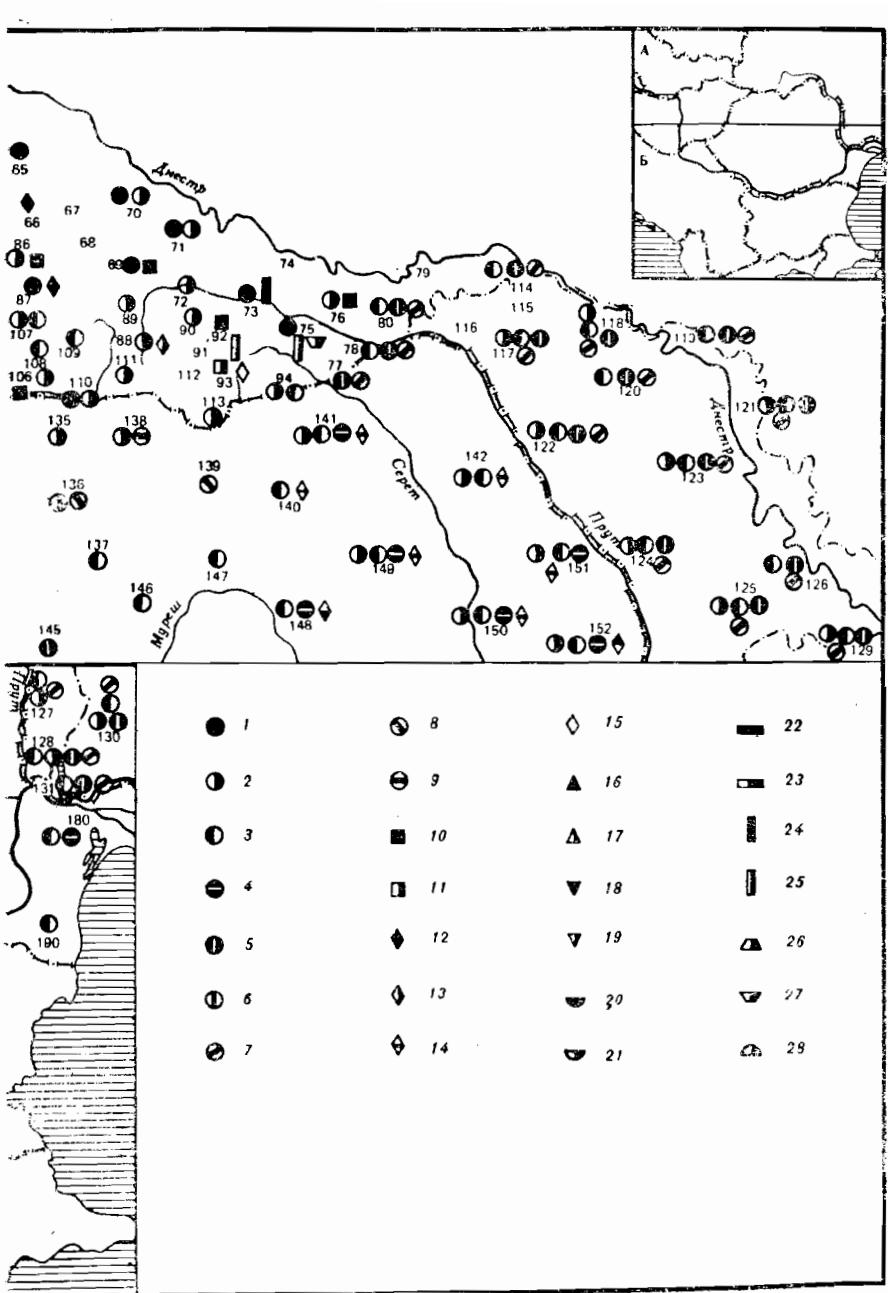
1а. «одна лексема: одна семема» (L ~ S [L=R + φ, sf]) — пп. 20, 37, 44, 47, 48, 61, 63, 65, 66, 72, 81, 85, 89, 90, 92, 96, 98—100, 102—104, 106, 109, 111, 113, 133р—135р, 137р, 139р, 143р—147р, 154р, 156р, 190р, 191, 207—10; ср. *kopu'l'ak* 1 (20), *'kopil* 1 (37), *'kɔrgɔc* 1 (102), *copt'ül* 3 (137р).

1б. «одна лексема : одна семема + синтагма (=Synt)» (L ~ S_i, L ∈ Synt ~ S_{II} [L=R + φ]) — 160р, 185р; ср.: *c"opil"* (*cočíl'*) 3, *copil* (*fácut*) *din flori* 2 (185р).

Карта 1. Семантика дериватов с корнем *+kopVl-*

1. *copVl-ø ~ S₁*, 2. *copVl-ø ~ S₂*, 3. *copVl-ø ~ S₃*, 4. *copVl-ø ~ S_{3,1}*, 5. *copVl-ø ~ S₄*, 6. *copVl-ø ~ S_{1,1}*, 7. *copVl-ø ~ S₅*, 8. *copVl-ø ~ S₆*, 9. *copVl-ø ~ S₇*, 10. *copVl-^a[e] ~ S₁*, 11. *copVl-^a[e] ~ S₂*, 12. *copVl-ec ~ S₁*, 13. *copVl-ec ~ S₂*, 14. *copVl-ec ~ S₇*, 15. *copVl-ec ~ S₈*, 16. *copVl-⁽¹⁾ak ~ S₁*, 17. *copVl-⁽¹⁾ak ~ S₂*, 18. *copVl-če ~ S₁*, 19. *copVl-če ~ S₂*, 20. *copVl-⁽¹⁾an ~ S₁*, 21. *copVl-⁽¹⁾an ~ S₂*, 22. *copVl-[l/r]-dan ~ S₁*, 23. *copVl-[l/r]-dan ~ S₂*, 24. *copVl-^uk ~ S₁*, 25. *KopVl-^uk ~ S₂*, 26.

copVl-[l/r]-n'ak ~ S₁, 27. *copVl-cun ~ S₂*, 28. *copVl-aš ~ S₂*. Расшифровка значений: 1. 'внебрачный ребенок общее название', 2. 'внебрачный ребенок мальчик', 3. 'ребенок общее название', 3.1. 'грудной ребенок', 4. 'мальчик', 4.1. 'подросток', 5. 'сын', 6. 'сирота', 7. '(побочный) побег кукурузы', 8. 'ниша'.

При составлении карты использована бланковка «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА).

1 в. «две лексемы : две семемы» ($L_1 \sim S_1$, $L_2 \sim S_{II}$ [$L = R + \emptyset$, sf]) —пп. 18, 50, 62, 76, 86, 101, 140р, 153р, 192, 194, 196, 199, 200—202; ср.: *ko'pyl'ak* 1, *ko'pyrñak* 2 (18), *ko'pyt* 1, *ko'pyl'ak* 2 (62), *copil* 4.1, *cobil'ët* 8 (153р).

1 г. «две лексемы : две семемы + синтагма» ($L_1 \sim S_1$, $L_2 \in \text{Synt} \sim S_{II}$, $L_2 \sim S_{III}$ [$L = R + \emptyset$, sf]); ср.: *copkil* 3, *copil de strânsură* 2, *copkilët* 7 (142р), *copil* 3, *copil facut de fată mare* 2, *copilët* 7 (181р).

2 а. «одна лексема : две (и более) семемы» ($L \sim S_1$, $S_{II} \dots$ [$L = R + \emptyset$, sf])—а) пп. 41, 70, 71, 78, 80, 84, 107, 108, 110, 114, 119, 120, 122, 123, 126, 127, 131, 132р, 136р, 138р, 155р, 157р, 158р, 161, 163р—170р, 173р, 175р, 180р, 198; ср.: *'kopyt* 1, 2 (70), *c'opil* 3, 3.1, 4.1, 2 (163р); б)—пп. 45, 47, 49, 51; ср.: *ko'pyrdan* 1, 2 (47), *'kopylec* 1, 2 (49).

26. «одна лексема : две (и более) семемы + синтагма» ($L \sim S_1$, $S_{II} \dots L \in \text{Synt} \sim S_{III}$ [$L = R + \emptyset$]) —пп. 94, 117, 118, 121, 124, 128—130, 162р, 177р—179р, 183р, 184р, 187р—189р; ср.: *ko'pk'-il* 3, 4, 5, *ko'pk'il di buru'jeni* 2 (117), *cop'il* 3, 3.1, *c'opil* 7, *copil din flori* (188 р).

2 в. «одна лексема : две (и более) семемы + другая лексема» ($L_1 \sim S_1$, S_{II} , $L_2 \sim S_{I(II, III)}$ ($L = R + \emptyset$, sf)) —пп. 105, 148р, 174р, 176р, 186р, 193, 203, 204; ср.: *'koryl'a* 1, 2, *'korylyc* 2 (105), *copil* 3, 3.1, 2, *copilëte* 7 (174р).

2 г. «одна лексема : две (и более) семемы + синтагма + другая лексема» ($L_1 \sim S_1$, S_{II} , $L_1 \in \text{Synt} \sim S_{III}$, $L_2 \sim S_{IV}$ [$L = R + \emptyset$, sf]) —пп. 141р, 149р—152р, 171р, 172р, 182р; ср.: *copt'íl* 3, 3.1, *copil de lele* 2, *copt'iliët* 7 (141р), *copil* 3, 3.1, 4.1, *copil facut de copila* 2, *copilët* (172р).

3 а. «две лексемы : одна семема» (L_1 , $L_2 \sim S$ [$L = R + \emptyset$, sf]) —пп. 19, 69, 73, 82, 83, 87, 88, 93; ср.: *'kopyt*, *ko'pyl'ak* 1 (19), *'kopol'a*, *'kopolyc* 2 (83).

3 б. «две лексемы : одна семема + третья лексема» ($[L_1 : L_2] : L_3 \sim S_1 : S_{II}$ [$L = R + \emptyset$, sf]); ср.: *'koryl'uk*, *koryl'cun*, 2, *'koryl* 1 (75), *kopila:k*, *kopilan* 2, *köpi:le* (195), *kopi'le*, *kopi'l'ce* 1, *kopi'l'ak* (205).

Б. Типы соотношений словообразовательных и семантических структур, отмеченные в исследуемом континууме диалектов.

1. «одна лексема : несколько семем» ($L \sim S_1$, $S_{II} \dots S_n$).

а. $L (= R + \emptyset) \sim S_{I-VII}$) *'kopil'* 1 (208) : *ko'pyt* 2 (76) : *copt'íl* 3 (137р) : *copil* 3.1 (182р) : *copil* 4 (145р) : *cópil* 6 (139р) : *c'ópt'íl* 7 (138р) : *'kopil* 1, 2 (110) : *kópil* 1, 2, 3 (198) : *ko'pk'il* 3, 4, 5 (128) : *copii* 3, 3.1 (180р) : *copil* 3, 3.1, *c'opil* 7 (188р) : *copil* 3, 3.1, 4.1 (172р) : *copil* 3, 3.1, *c'opil* 6 (170р)...

б. $L (-R + -a[e]) \sim S_1$, S_{II} : *köpi:le* 1 (195) : *'kopol'a* 2 (83) : *'koryl'a* 1, 2 (105);

в. $L (-R + -ec) \sim S_1$, S_{II} , S_{VII} , S_{VIII} : *'korylyc* 1 (104) : *'kopolyc* 2 (103) : *copilët* 7 (140р) : *cobil'ët* 8 (153р) : *ko'pyl'ec* 1, 2 (51);

г. $L (-R + -ak) \sim S_1$, S_{II} : *ko'pyl'ak* 1 (19) : *kopilak* 2 (205);

Таблица 1. Число дериватов с корнем *+kopVl-*

Значение	Суффиксы										Общее число
	<i>-o</i>	<i>-a(e)</i>	<i>-ec</i>	<i>-ak</i>	<i>-če</i>	<i>-an</i>	<i>-dan</i>	<i>-uk</i>	<i>-n'ak</i>	<i>-cun</i>	
1	18 (гг)	21 (гг)	9	4	5	1	4	1			63
2	59 (гг)	10 (гг)	7	8	1	6	2	2	1	1	98
3	70 (гг)										70
3.1	32										32
4	20										20
4.1	10										10
5	19										19
6	3										3
7	7		13								20
8			2								2
Общее число	238	31	31	12	6	7	6	3	1	1	337

д. $L (-R + -če) \sim S_1$, S_{II} : *kopil:lce* 1 (202) : *kopil:lce* 2 (201);

е. $L (-R + -dan) \sim S_1$, S_{II} : *ko'pirdan* 1 (46) : *ko'pyrdan* 1, 2 (45);

ж. $L (-R + -uk)$ ~ S_1 , S_{II} : *kopyl'uk* 1 (73) : *kopyl'uk* 2 (75).

2. «несколько лексем : одна семема» (L_1 , $L_2 \dots L_n \sim S$).

а. $L_1 \dots L_n (-R + \emptyset, -a[e], -ec, -če, -'ak, -an, -dan, -'uk) \sim S - kopyt$ (88) : *'kopile* (207) : *kopil:lce* (197) : *ko'pyl'ec* (51) : *ko'pyl'ak* (19) : *ko'pyrdan* (47) : *kopilan* (192) : *kopyl'uk* (93) (1) 'внебрачный ребенок (общее название)'.

б. $L_1 \dots L_{11} (-R + \emptyset, +a[e], -ec, -če, -'an, -dan, -'ak, -n'ak, -cun, -as) \sim S - kopil$ (110) : *'kopile* (206) : *'koryl'ec* (49) : *kopil:lce* (201) : *kopil:a:k* (200) : *kopyl'uk* (93) : *ko'pyrdan* (45) : *kopilan* (195) : *kopyl'cun* (75) : *ko'pyrñak* (18) : *kopil'la:s* (204).

в. L_1 , $L_2 (-R + \emptyset, -ec) \sim S_{VII} - c'ópil$ (188р) : *copilët* (148р).

Таким образом, представляется, что изучение фрагментов словообразовательной подсистемы в генетически гетерогенном диалектном континууме должно начинаться с описания типов соотношения лексико-словообразовательных и семантических структур; на следующем этапе устанавливаются общие и вариативные звенья сопоставительной модели, представляющей максимальный набор зарегистрированных в данном континууме языковых явлений. Один из способов построения СМ — конструирование семантического поля с включением в него всей совокупности семем (1—8 — см. выше)¹⁰; каждая клетка сетки-модели в отдельных ЧДС содержит соответствующие однокоренные (или разнокоренные) лексемы. Далее возможно сравнение конфигураций лексем в поле,

Таблица 2. Число дериватов с корнем *+korVl-* в зонах генетически гетерогенных диалектов

Значение	Суффиксы			Число лексем (в отношении к их числу — в табл. 1)
	<i>-s</i>	<i>-a(e)</i>	<i>-es</i>	
1	18	21		39/[63]
2	59		7	66/[98]
3	70			70/[70]
Число лексем (в отношении к числу в табл. 1)	147 [238]	21 [31]	7 [31]	175/337

что позволяет делать заключения о характере варьирования в СМ, и — соответственно — в соотносимой с нею совокупности ЧДС.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Подробнее Калнынь Л. Э. О задачах и предмете описательной диалектологии // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1970, № 5. С. 419; *Она же*. Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1976. С. 3 и сл.; *Она же*. Диалектологический аспект проблемы «язык» и «диалект» // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1976, № 1. С. 43 и сл.; см. также: Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962. С. 8, 9—12 и сл.; Аванесов Р. И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. В Межд. съезд славистов. М., 1963. С. 296 и сл.
- Теоретическое обоснование этого типа модели см.: Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981. С. 10 и сл.
- Примером этого для грамматического уровня является: Цивьян Т. В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979. Применительно к разным уровням диалектных систем неблизкородственных языковых феноменов сходные идеи см.: Судник Т. М., Цивьян Т. В. К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия (балтославянский и балканский языковые союзы) // Славянское языкознание. IX Межд. съезд славистов. М., 1983. Из идеи возможности построения СМ для изучения лексико-семантического уровня в диалектах карпато-балканской зоны исходят и составители ОКДА. Подробнее о нем: Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981. С. 6 и сл.
- Калнынь О. Э. Диалектологический... С. 43 и сл.
- Там же. С. 43; см.: Клерикова Г. П. Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и в совокупности языковых систем // Сов. славяноведение, 1980, № 2. С. 76.
- Klepikova G. P. Соотношение словообразовательных и семантических структур и их возможное отражение в Вопроснике ОКДА // Prace językoznawcze, zesz. 61. Kraków, 1979. S. 51—52; *Она же*. Однокоренные производные и семантическая дифференциация (к вопросу об их отражении в программе ОКДА) // ОЛА. 1976. М., 1978. С. 63 и сл.
- На карте 1, представляющей исследуемый диалектный континуум, по техническим причинам нас. п. 132—190 даны без указателя «р», который означает, что материал рекартографирован из румынских атласов (в тексте пункты даны с «р»). Сведения о степени гетерогенности данного континуума могут быть взяты из табл. 2 и карты. Наиболее частотные суффиксы

—*ø*, —*a(e)*, —*es* и выражаемые соответствующими дериватами семмы характерны для гетерогенных диалектных зон: ~61 % бессуффиксных дериватов в значениях 1—3, ~67 % дериватов с суф. —*a(e)* со значением 1, ~22 % дериватов с суф. —*es* со значением 2. Исключительно в гомогенных диалектных зонах (славянских) отмечены производные с суф. —*ak*, —*če*, —*-an*, —*-dan*, —*uk*, —*-p'ak*, —*-cip*, —*-až* (значения 1, 2). (37 лексем); лишь в восточно-европейских зонах выступают бессуффиксные дериваты со значениями 3.1, 4, 4.1, 5—7 (91 лексема). О нулевой суффиксации см.: Русская грамматика. М., 1980, § 187, 202.

⁸ См. карту 1; частотность отдельных суффиксов см. в табл. 1.0 лексемах с корнем *+korVl-* см.: Клерикова Г. П. К проблеме использования данных лингвогеографии в историко-этимологических исследованиях // Этимология. 1984. М., 1986.

⁹ В работах, посвященных анализу явлений в совокупности ЧДС, целесообразно говорить не о значениях лексем (дериватов), а о выражаемых ими семемах, понимаемых как условно дискретные единицы смысловой структуры лексемы. О специфике указанных феноменов в ЧДС и их совокупности и о необходимости закрепления за ними — в зависимости от типа языковой системы — специальных терминов, см.: Клерикова Г. П. Изучение... С. 79 и сл. При этом возможно, что в отдельной ЧДС, если лексема выражает две и более семемы, речь идет не о том же числе значений, а об особом членении (сегментации) внеязыковой действительности, при котором число самостоятельных (и противопоставленных) «значений» меньше, чем «семем». Так, в п. 170р *copil* означает 3, 3.1, 6 — т. е. '(грудной) ребенок': 'спрота', в п. 105 '*корыль*' 1, 2 — 'внебрачный (ребенок, мальчик)': '*корыльца*' ж. р. 'то же (девочка)', в п. 114 '*коракиль*' 3—5 — 'ребенок (общее название)': 'мальчик (подросток)' и под. О сегментации внеязыковой действительности: Толстой Н. И. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. I // ВЛ, 1963, № 1. С. 39.

¹⁰ См. методику построения сетки-модели: Толстой Н. И. Указ. соч. С. 40.

О СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ (на материале славянских пятишоцмов)

B. B. Усачева

В работе излагаются некоторые выводы, вытекающие из сопоставительного анализа словообразовательных закономерностей одного из древнейших пластов лексики — славянской ихтиологической терминологии. Эта лексическая подсистема, отражающая часть живой природы, включает в себя тематическую группу названий пресноводных рыб (около 10 тысяч названий) практически всех славянских языков (лужицкие, словенский и македонский представлены ограниченным материалом). В этот круг наименований входят только те, которые соотносятся с реалиями, общими для всей территории Славии. В литературных языках их сравнительно немного, так как каждой реалии соответствует одно наименование. Иначе обстоит дело в диалектах, где реалий столько же (или даже меньше — в каждой конкретной ЧДС, например), но названий великое множество. Они возникают в результате разной

лингвистической сегментации внеязыковой действительности. Практически это открытая система, в которой постоянно происходит внутренняя перестройка — одни названия переходят в пассивный запас, выходят из употребления, на смену им приходят другие¹. Их появление может быть обусловлено как чисто языковыми, так и экстралингвистическими моментами: возникновение названий с другой мотивацией, использование иных словообразовательных средств, заимствования из соседних диалектов или литературного языка, необходимость создания дифференцирующих названий (см. о них ниже). Например, в одних диалектах сербохорватского языка уклейка названа по цвету: *бѣлица, бѣлка, бѣлојка, бѣлић, белуšавка, белушица, бѣла, бѣљица*², в других — по форме тела: *плочка*, в третьих — и по цвету, и по форме: *врбов лист*, так как уклейка напоминает лист ивы обликом и цветом тела (ср. словац. *verbinačka*, объясняемое О. Ферианцем особенностью у克莱ек прятаться под корнями ивы), в четвертых отразилась мотивация по поведению: *брзак, брзан, брзаш*. В диалектах ярко проявляются словообразовательные потенции языка. В русских говорах двухлетнего окуня называют *второгбдник* (Водлозеро в Карелии, там же отмечено слово *гбдник* 'однолетний окунь') и *лонишák* (оз. Ильмень, р. Волхов), при этом в обоих районах записано и общенародное обозначение мелкого окуня — *окунек*. Все эти названия могут быть территориально противопоставлены (междиалектная синонимия) или существовать в одной ЧДС (внутридиалектная синонимия) и нести при этом разную стилевую и функциональную нагрузку.

Чаще всего названия живой природы рассматривались этимологами и историками языка. Как отмечали исследователи, диалектные названия животных как со стороны словоизводства, так и с точки зрения их функционирования почти не изучены. Отсутствуют и исчерывающие сопоставительные данные о суффикальном образовании в диалектах и в литературном языке, или же такое сопоставление проводится на материале одного суффикса, но такое исследование имеет другие цели — показать модификационные значения данного суффикса и наличие или отсутствие их в говорах и литературном языке. Иногда сопоставление выявляло наличие одних и тех же суффиксов в говорах и литературном языке, или отсутствие суффиксов с заданной семантикой в литературном языке и наличие их в говорах.

Сложность анализа словообразовательной системы данной группы лексики заключается в том, что чаще всего мы имеем дело с материалом, не прошедшим лексикографической обработки. Прежде чем определить деривационные отношения производного, надо выявить мотивационный признак, по которому назван денотат, иными словами, выяснить, почему одна рыба называется *каменица*, а другая *подкаменищик*, одна *березовка*, а другая *чертмошник*.

Рассмотрение конкретного языкового материала осуществлялось в двух принципиально важных аспектах: а) сопоставление

однопорядковых языковых систем, т. е. литературных языков друг с другом; б) сопоставление разнопорядковых систем, т. е. литературных языков и диалектов как разных форм существования одного национального языка. Основное внимание было уделено второму аспекту. Сопоставление проводится по способам деривации (совпадение — несовпадение этих способов в литературных языках и диалектах).

Сопоставление однопорядковых языковых систем показало, что все славянские языки при создании ихтиотерминологии включили в нее лексику, унаследованную из праславянского языка; заимствования из других языков, появившиеся в результате контактов славян с носителями этих языков в историческую эпоху; часть же лексики — самая многочисленная — была создана при помощи словообразовательных средств из ресурсов самих языков. При этом использовались все известные способы деривации: суффиксация (рус. *синец*,польск. *golec*, словац. *belica*, в.-луж. *pstruha*, макед., болг., с.-хорв. *летница*, словен. *pestruga*), префиксация (рус. устар. *подлец*, польск. устар. *podleszcz* — ограниченное число основ), суффиксо-префиксация (рус. *подкаменищик*), основосложение (рус. *белорыбица*, укр. *верхогляд*, блр. *белавочка*, польск. *łososiopstrzg*, чеш. *lososopstruh*, с.-хорв. *oштраглав*, болг. *звездобroeц*), словосочетания — в основном, используются в научной терминологии (рус. *серебряный карась*, укр. *мінога ручайна*, блр. *марская мінога*, польск. *kiełb dunajski*, чеш. *ostrucha křivočará*, словац. *lopatka dňová*, болг. *същи косат*, с.-хорв. *латни караш*, макед. *мала плашица*).

Семантическая деривация используется литературными языками сравнительно редко: рус., блр., укр. *бычок*, рус. устар. *скормох*, польск. *koza, świnka*, словац. *lopatka*, макед. *попадика*).

Субстантивация как способ образования ихтионимов отмечена только в диалектах (рус. *беленькая, летняя, русская, укр. сливá, червонопера, блр. красноп'бра, тоўстокбра*, польск. *czerwonooka*, с.-хорв. *шљивчица*, словен. *plosk*). В литературных языках используются субстантивированные прилагательные во мн. ч. в качестве ихтиологических терминов для названия семейств: рус. *карловые, лососевые, щуковые* и т. д., польск. *karpiały, lososiące, szczupakowe*, чеш. *karpovité, lososovité, št'ikovité*, словац. *kaprovité, lososovité, št'ukovité*, болг. *шаранови, пъстъровови*. В русском, польском, чешском, словацком они последовательно образуются от существительных при помощи идентичных суффиксов *-ov-, -ovat-, -ovit-*³. Существительное, от которого образовано прилагательное, является названием той рыбы, которая объединяет роды и виды в одно семейство. В болгарском наряду с такими названиями, как *шаранови*, в данной функции выступают и существительные во мн. ч.: *бодливки* 'колюшковые', *главочи* 'рогатковые', *щipoчи* 'вьюновые'⁴.

Пополнение литературных языков шло и за счет вовлечения диалектных названий для вновь открываемых видов или выделяемых подвидов рыб. Например, при систематизации сигов в каче-

стве русских научных терминов были взяты такие местные названия, как *мольга*, *нешко* и др. Впрочем, нередко отмечается и обратное явление — проникновение общенародных, литературных наименований в диалекты.

Сопоставление литературных языков и диалектов на уровне формантов показало, что и в литературных языках, и в диалектах употребляются суффиксы: *-es* (и *-ac* для сербохорватского языка), *-ica*, *-ka*, *-ek (-ok)*, *-uga*, *-ixa*. Суф. *-aga* отмечен только в говорах восточнославянских языков, *-iga* — в восточнославянских и сербохорватском. Суф. *-ika* отличает южнославянские ихтионимы от северославянских (ср. распространение этого суффикса в других группах лексики, например, в названиях ягод: рус. *голубика*, *земляника*. . .). Как показал анализ, различие не в наборе формантов — он примерно одинаков в разных тематических группах, — а в продуктивности и в сочетаемости суффиксов.

В отличие от литературных языков, диалекты часто используют безаффиксную деривацию: рус. *клен* — *кленъ*, *лин* — *линъ*, *густер* — *густера*, *жерех* — *жерёха*, блр. *карп* — *карпа*, укр. *віз* — *виза*, в.-луж. *lin* — *lina*, польск. *minog* — *minoga*, чеш. *vuz* — *viza*, словац. *jeseler* — *ješetra*, болг. *есéтър* — *есéтра*, с.-хорв. *кашикар* — *кашкара*, *сим* — *сима*. В литературных языках такие образования редки (ср. однако активность родовой конверсии в антропонимии: рус. Валентин — Валентина).

В ихтиотерминологии большое место занимают словосочетания, которые строятся по моделям: *Adj + N* (рус. *золотой карась*), *N + Adj* (преимущественно в западнославянских языках: польск. *karaś złoty*), *N + N* (чеш. *jelec proudník*, с.-хорв. *мрена камењарка*). Так образуются и научные ихтиологические термины, и диалектные обозначения рыб. Становление научной ихтиотерминологии имеет свою историю в каждом из славянских языков, и этого вопроса здесь мы не будем касаться. На современном этапе в научной литературе двучленные (редко многочленные) словосочетания используются преимущественно для обозначения подвидов. Вид, как правило, называется одним словом, являющимся опорным в названии соответствующего подвида, например, рус. *плотва* — вид, подвиды — *аральская плотва*, *сибирская плотва*. . . Прилагательное называет тот признак, который отличает одну реалию от другой и образуется от тоонимов: от названий частей света (польск. *piekielnica wschodnia*, словац. *karas zlatý západný*), названий рек, озер, морей, гор, стран, континентов, населенных пунктов (рус. *куринская уклейка*, польск. *sieja miedwieniska*, *płoc karpacka*, с.-хорв. *дунавска плотица*), от характерного признака рыбы (белоперый, колючий, серебряный. . ., польск. *kiełb białopłetwy*, чеш. *jeseter hvězdnatý*, словац. *hlaváč pásonohý*, *hrúz fúzatý*, болг. *сребърна каракуда*), от места обитания (рус. *озерный карась*, польск. *troć jeziorna*, *psłiąg potokowy*, чеш. *lipan podhorní*). Модель *Adj + N* может усложняться введением в название третьего члена: *Adj + Adj + N* (рус. *средневолжский озерный гольян*, чеш. *parta středomořská východní*, словац. *pstruh americký díľnový*). Кроме того,

в научной терминологии используется имя исследователя, открывшего или определившего тот или иной вид, и тогда к опорному слову присоединяется фамилия в родительном падеже (рус. *голец Черского*, польск. *kiełb Kesslera*) или от антропонима образуется притяжательное прилагательное (словац. *hrúz Kesslerov*).

Все эти типы словосочетаний, кроме последнего, отмечены и в говорах. В диалектах, в отличие от литературных языков, существуют так называемые дифференцирующие названия, которые употребляются параллельно с видовыми наименованиями рыб для того, чтобы определить рыбу по времени нереста, по возрасту, размеру, месту обитания, месту лова, т. е. являются дополнительной характеристикой реалии. В качестве дифференцирующих названий выступают и суффиксальные образования, и словосочетания. Принцип их номинации редко используется в литературных языках. Они образуются от названий рыб, растений (деревьев, кустарников, злаковых и некоторых других растений) или периода их вегетации, от названий праздников, личных имён, месяцев и времен года, этонимов. В двучленных наименованиях определяющим выступает прилагательное (*густерный*, *плотищный*; *березовый*, *колосовой*, *цветочный*; *никольский*, *семеновский*, *спасовский*, *троицкий*; *майский*; *летний*, *зимний*, *листопадный*, *меженный*; *цыганский*, *жидовский*), а определяемым — существительное = названию рыбы, которая получает дополнительное к ее видовому название.

Суффиксальные образования дифференциального типа возникли опосредованно в результате конденсации словосочетаний или целого предложения, например, «рыба, которая идет на нерест в то время, когда с деревьев опадают листья» — *листопадка*. При помощи семантической универбации уничтожается противоречие между двумя(много)членной синтагмой и единством ее значения. Славянские диалекты ярко демонстрируют стремление языка к экономии, но процесс этот отражен в действии — в диалектах существуют и синтагмы, и универбы, равные им по смыслу: словац. *cigánská ryba* → *cigáň* → *cigánka*.

В образованиях этого типа участвуют следующие суффиксы: *-ica*: рус. *колосница*, *листопадница*, с.-хорв., болг., макед. *летница*, с.-хорв., макед. *мајовица*; *-icha*: рус. *колосуха*; *-ak*: укр. *вербак*; *ik*: рус. *березовик*⁶, *земляничник*, *зимник*, *никольник*, *корюшиник*, укр. *дубовик*, *очеретник*, блр. *вербовик*, *лапушник*, польск. *pszenicznik*; *-ka*: рус., блр. *березовка*, *листопадка*, блр. *ольховка*, словац. *jurička*, *turíčka*; *-an*: с.-хорв. *јуревчан*.

В отличие от литературных языков, диалекты часто используют семантическую деривацию. Сюда мы не относим такие словоформы, как *глазач*, *головач*, *лобач*, *усач* и подобные, так как перенос произошел на уровне номинации частей тела рыбы, т. е. у рыбы, как у человека или других животных, есть глаза, голова. . . Ю. Д. Апресян называет это регулярной многозначностью существительных⁶. В этой группе ихтионимов представлены семантические сдвиги, переосмысления, переносы, возникшие в результате

метафорического словотворчества по следующим семантическим моделям.

I. Название рыб → названия рыб, т. е. перенос внутри данной тематической группы: рус. *мендруга* 'язь' ↔ 'красноперка', чеш. *karp* 'карп' → 'язь', польск. *bleja* 'густера' → 'лещ'; рус., укр. *карась*, польск. *karaś*, чеш. *karas* 'карась' → 'горчак' (омонимия возникает на основе внешнего сходства, места обитания и других признаков).

II. Антропоним → ихтионим (антропонимы представлены личными именами, терминами родства, названиями лиц по профессии, по социальному положению, сану): рус. *авдотка*, укр. *евдоха*, чеш. *pitruše*, *katiška*; рус. *лючец*, польск. *japończyk*, словац. *cigáň*, болг. *циганка*, *агупка*; укр. *швійá*, польск. *szwajka*, с.-хорв. *терзић*, болг. *терзийка*; рус. *камергерчик*, *grenaderчик* (ср. рус. *синица* *гренадерка* — в орнитологии); укр. *попадъка*, с.-хорв. *попадика*, болг. *попадийка* и др.

III. Названия животных → названия рыб: рус. *конь*, укр. *кобила*, бир. *конь*, польск. *wilk*, словац. *bul'*, *švinka*, с.-хорв. *kýrjak*.

IV. Названия предметов → названия рыб: рус. *бердыш*, *косарь*, укр. *шабля*, польск. *kosa*, чеш. *šabla*, словац. *kresačka*, с.-хорв. *брадва*, *нож*, болг. *джирит* (досл. 'копье'), *сабица*, макед. (дебарски) *нож*.

Проведение сопоставительного анализа на уровне фактов словообразовательных средств показало, что литературные языки и диалекты взаимно дополняют друг друга и дают более полную картину внутренних закономерностей развития языковых процессов, помогают проследить возникновение некоторых словообразовательных явлений, развертывая их диахронию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ихтиолог И. А. Варлаховский записал на Ильмене названия леща: *чернокрылка*, *черноперка*, *кляпуха* (работа 1886 г.). П. Ф. Домрачев и И. Ф. Правдин отмечают, что им эти названия в 1926 г. не встретились. Л. А. Воронова приводит семь названий сезонных разновидностей семги, которые находятся в пассивном запасе говоров Беломорья, па смену же им пришло общеупотребительное *семга* (видимо из-за запрета ловить эту рыбу; см.: Воронова Л. А. Из наблюдений над диалектными названиями рыб в говорах Беломорского района КАССР // Уч. зап. Карел. пед. ин-та. Т. 17. Вопросы языкоизучания. Петрозаводск, 1967).

² Наименования уклейки по цвету белой, светлой чешуи известны и в других славянских диалектах — украинских, польских, чешских, словацких, болгарских, словенских. Образованы они при помощи следующих суффиксов: *-a* (польск. *biela*, словац. *bela*), *-ug/-ich* (укр. *белух*, *bíluž*), *-uga* (укр. *блюзга*, словац. *beluha*, ср. рус. *белуга* 'мелкочешуйчатая частиковая рыба'), *-ka* (словац. *velka*, словен. *bélká*, болг. *б'áлка*), *-urka* (болг. *белурка*), *-ovka* (рус. *беловка*), *-opl* (чеш. *bélop*), *-izna* (польск. *bielizna*, болг. *белѝзна*, ср. укр. *белизна* 'всякая мелкая рыба'), *ø* (словац. *biel'*, ср. рус. *бел'* 'всякая мелкая рыба'), чеш. *běl* 'ryba jistá').

³ Часто в научной литературе и словарях используется только латинское название семейства — *Cyprinidae*, *Salmonidae*.

⁴ Подобные термины не всегда включаются в словари. Так, новый «Речник

на български език» (т. I. София, 1977) при слове *бодлъшка* указывает два значения: 1) 'мелкая пресноводная или морская рыба', 2) только во мн. ч. 'семейство таких рыб', но при слове *бодлърка* указано только одно значение — 'рыба с бодлъви перки', хотя должно быть и второе значение — 'семейство этих рыб'.

⁵ Иногда при совпадении формы выступает разная мотивация содержания, например, *берёзовик* 'гриб, растущий под берёзой', а в орнитологической терминологии — 'лесной кулик, вальдшнеп, водящийся в берёзовых лесах и имеющий более светлое оперение, чем те же птицы, обитающие в дубовых лесах» (ССРЛЯ).

⁶ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 191.

ЕДИНИЦЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО И ДИАЛЕКТНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (на материале русского языка)

М. Н. Янченецкая

Возможности сопоставительного изучения диалектов и литературного языка в целях получения более полного представления о словообразовании литературного языка в значительной мере зависят от степени общности сравниваемых систем.

Русские диалекты характеризуются относительной самостоятельностью, так как зависят «от системы того языка, в которую входят не только в генетическом плане, но и в отношении основных тенденций своего развития»¹. Генетическое родство и общность основных тенденций развития приводит к общности принципов организации литературной и диалектных словообразовательных систем, что проявляется, в частности, 1) в наличии одинаковых единиц словообразования словообразовательных формантов, а также более сложных единиц, включая словообразовательные типы и категории, с одной стороны, и словообразовательные парадигмы и гнезда — с другой, и 2) в однотипности внутренней структуры этих единиц, их внутренней организации. В результате — большая часть словообразовательных единиц диалекта является общерусской, т. е. известной и литературному языку, и говорам. Специфика литературного и диалектного словообразования заключается, прежде всего, в своеобразной реализации общерусских словообразовательных единиц, в способе их функционирования.

На фоне общерусского характера основных показателей литературной и диалектных словообразовательных систем особенности организации и функционирования словообразовательных единиц в говорах могут быть рассмотрены как свидетельство возможностей развития тех или иных участков словообразовательной системы литературного языка, как дополнительные факты, позволяющие уточнить некоторые положения теории литературного словообра-

зования и более аргументировано принимать те или иные решения по спорным вопросам словообразования.

Подход к диалектам как дополнительному источнику изучения литературного языка базируется на методе межсистемной дополнительности, предполагающем исследование таких явлений родственной, в данном случае диалектной системы, в которых рассматриваемая тенденция проявляется в ином по сравнению с литературным языком виде. Вскрывая внутриязыковые условия такого своеобразия, можно глубже познать внутренний механизм литературного словообразования, основные направления его развития.

Сопоставление литературного и диалектного словообразования, в принципе, может быть произведено на основе каждой из вышеперечисленных единиц. Однако рациональнее обратиться сначала к сравнительному анализу «более простых» словообразовательных показателей, а именно: 1) разных по форме или семантике словообразовательных формантов; 2) разных словообразовательных типов с общим формантом (в этом случае важным является характеристика производящих единиц, способных сочетаться с определенным формантом); 3) формальных и семантических вариантов общерусских словообразовательных типов, рассматриваемых как виды контекстов употребления словообразовательных формантов; 4) регулярности и активности общерусских словообразовательных формантов и словообразовательных типов.

Остановимся на каждой единице сопоставления отдельно.

1. Говоря о словообразовательных формантах, следует отметить, что литературный язык обладает более богатой системой аффиксов, чем диалекты. «Уменьшение» количества диалектных формантов по сравнению с литературными происходит, в первую очередь, за счет того, что в говорах используется мало суффиксов иноязычного происхождения (число их в литературном языке не менее 30-ти: *-аж*, *-ат*, *-ит*, *-ол*, *-тор*, *-арий*, *-мей-стер* и др.). С другой стороны, в говорах русского языка функционируют суффиксы, как правило, русского происхождения, неизвестные литературному языку. Например, в новосибирских говорах отмечен суф. *-чук* (*весенчук*, *осенчук* 'янтаря по времени рождения'), в алтайских и ярославских — суф. *-ль(я)* (*ткалья*, *прялья*, *бралья* 'кто ткет, прияет, набирает узоры при тканье', *мялья*, *дернулья* 'кто выполняет соответствующие работы по обработке льна', *правилья* 'сапожный инструмент'), в вологодских и уральских говорах — суф. *-лын(о)* (светильно 'светильник', *сновально* 'деталь ткацкого станка', *зыбильно* 'шест для качания колыбели', *молотильно* 'молотилка'), в вологодских говорах — суф. *-мень* (*глухмень*, *сухмень*), в уральских — суф. *-уль* (*вертуль* 'веноседа', *косуль* 'ручка косы', *горбуль* 'горбыль'), в томских — суф. *-иг(а)* (*малыга*, *коротыга* 'кто мал ростом', *голубига*, *землянига*, *костянига*, *чернига* 'виды ягод', *веснига*, *зиминая* 'шерсть весенней и зимней стрижки') и др. Однако в диалектных словообразовательных системах подобные форманты единичны и передко занимают периферийное положение, поэтому сопоставительный анализ, проведенный только

на их основе, не дает возможности проникнуть в глубинные сферы современного словообразования.

2. Более существенными представляются наблюдения над сочтаемостью общерусских формантов с разными видами производящих основ. В говорах отмечается тенденция к относительно свободному соединению одного суффикса с основами слов разных частей речи. Данные такого рода особенно актуальны для определения роли единичных по структуре производных в развитии словообразовательной системы. Так, в литературном языке, паряду с отадъективными глаголами на *-еть* (*добреть*, *уметь*, *снеть* и др.), существуют единичные отсубстантивные образования типа *звереть*, *дернеть*. Сопоставление последних с диалектными отсубстантивными глаголами на *-еть* (см. в псковских, ярославских, томских и других говорах: *басеть* 'становиться красивее', *дуреть* 'беситься', *броснеть*, *глеветь* 'покрываться плесенью', *бответь* 'разрастаться, набирать ботву', *бореть* 'зарастать лесом' и др.) показывает, что функцию мотивирующей единицы в указанных случаях могут выполнять отвлеченные, вещественные и субирательные существительные (*баса* 'красота', *дурь*, *броснь* и *глев* 'плесень', *жидель* 'жижа, слякоть', *куржа* 'иней', *ботва*, *бор*), т. е. слова, у которых значение количества представлено неопределенно, недискретно или само явление (признак, предмет) обозначено как способное к количественному изменению. Частеречное оформление производящего приобретает второстепенное значение, в результате чего в сферу действия форманта втягиваются слова (их основы) новой части речи и может быть создан новый словообразовательный тип. Анализ данного материала позволяет сделать вывод о ведущей роли семантического фактора в расширении возможностей функционирования общерусских аффиксов. В письменном литературном языке эта тенденция проявляется более сдержанно, в разговорной речи² и диалектах — более свободно. Литературные глаголы *звереть*, *дернеть*, демонстрируя потенциальные способы суффикса к семантической сочтаемости, сигнализируют о возможности появления в литературном языке нового словообразовательного типа.

Факты подобного рода подтверждают такую нравомерность выделения такой словообразовательной категории, как тип мотивирующей семантики, обслуживающей словообразовательно значимую семантическую тему и реализуемый в классах мотивирующих слов. В качестве основных характеристик мотивирующих классов следует назвать, с одной стороны, принципиальную возможность совмещения в них лексических единиц разных частей речи, с другой, — наличие в каждом классе опорной части речи, которая каким-либо аспектом своего значения создает круг возможного ее наполнения за счет слов других частей речи. По отношению к семантике индоативного процесса мотивирующий класс формируется за счет качественных притягательных, дополняемых различными группами существительных, которые называют явление, способное изменяться. Диалектные материалы позво-

воляют представить пути включения в мотивирующий класс слов разных лексико-грамматических разрядов на основе характеризующих, признаковых компонентов их значения. Метафорическое словообразование дает возможность расширить круг мотивирующих единиц за счет конкретных существительных, о чем свидетельствуют диалектические образования *ботеть* 'толстеть', *бронеть* 'седеть', *дерванеть* 'твердеть', *дереветь* 'утягивать чувствительность', *столбеть* 'замирать', *брусьеть* 'твердеть' (ср.: *бот* 'стрелка лука', *бронь* 'метелка овса', *дерван* 'залежь', *дерево*, *столб*, *брус*).

3. Отмечая существующее в говорах «варьирование» общерусских словообразовательных типов, следует сказать, что значительным различием обладают литературные и диалектные типы в отношении их семантического наполнения. При этом мы исходили из того, что словообразовательная семантика имеет иерархически организованную структуру, для характеристики которой принципиально важно выделение трех уровней обобщения: морфолого- словообразовательного, собственно словообразовательного и лексико-словообразовательного³. Морфолого-словообразовательный уровень обобщения определяется отношениями частей речи («предмет по действию», «действие по предмету», «признак по признаку» и т. д.). Собственно словообразовательный — отражает менее общие виды связей между предметами и явлениями объективной действительности, зафиксированные в различных грамматических категориях языка (см. категорию падежа, прямую и косвенную переходность глагола и др.) и используемые также в целях номинации (см. значения «субъект действия», «орудие действия», «действие по объекту», «действие по месту», «место по предмету», «носитель признака», «целое по части» и т. п.). Указанные виды значений сформировались применительно к производным широкой тематики (лица, животного, артефакта, неживого естественного явления). Собственно словообразовательная семантика конкретизируется до уровня лексико-словообразовательного значения, в котором оказывается учтеною узкая тематическая характеристика производных и конкретная семантическая тема производящих, например, «помещение для домашних животных», «охотиться на диких животных» и т. п. Специфика диалектных и литературных словообразовательных типов чаще всего проявляется на уровне лексико-словообразовательных значений (ЛСЗ). Это связано с тем, что ЛСЗ является той семантической единицей, в пределах которой происходят реальные процессы создания новых слов и которая, в конечном итоге, определяет характер семантического наполнения словообразовательного типа. Диалектные словообразовательные типы нередко отличаются от литературных несколькими ЛСЗ. Например, отсутствующие имена на *-ник* имеют дополнительные по сравнению с литературным языком значения одежды, изготовленной из материала (*атласник*, *кашемирник*, *мательник*, *лычник*) и части растения, определяемой по целому (*бобовник*, *бурсничник*, *картофельник* 'ботва, стебли бобов, свеклы, картофеля', *липник* 'кора липы'). Подобных примеров можно привести много;

они свидетельствуют о том, что словообразовательный аффикс обладает абстрактным системным значением, способным конкретизироваться во внутрисловных контекстах разного вида. Это создает тенденцию к семантическому расширению словообразовательных типов, что находит подтверждение как в истории словообразования, так и в семантическом наполнении словообразовательных типов в разных говорах.

4. Сравнительный анализ литературного и диалектного словообразования показал, что регулярность и активность словообразовательного типа (аффикса) проявляется также в рамках ЛСЗ. Если, например, в литературном языке наибольшее число отглагольных производных с суф. *-чик/-щик* имеет значение «лицо — субъект функционального действия» и «орудие действия» (ср. общерус. *вальщик*, *возчик* и *счетчик*, *погрузчик*), то в говорах более многочисленными являются группы слов со значением «лицо — субъект функционального действия» (см. примеры общерусских слов) и «лицо — субъект характеризующего действия» (*заводчик* ' заводила', *загибщик* 'враль', *заимщик* 'вымогатель', *набайщик* 'ябеда', *разводчик* 'разлучник', *сводчик* 'сводник' и др.).

Каждый из выделенных нами показателей (касается ли это специфического аффикса, формально-семантического своеобразия словообразовательного типа или разной степени регулярности последнего) так или иначе связан с ЛСЗ, т. е. такой единицей, которая характеризуется формой словообразовательного типа, но обладает словообразовательным значением, конкретизированным до уровня семантической темы.

На основе ЛСЗ может быть проведено сопоставление более сложных словообразовательных единиц. Совокупность ЛСЗ, объединенных в разных языках под знаком одного словообразовательного форманта, дает представление о семантическом содержании данного форманта и словообразовательного типа в сравниваемых системах. Соотнесение одного ЛСЗ с существующими средствами его выражения позволяет установить специфичный для каждой из систем набор словообразовательных категорий. Учет состава ЛСЗ у производных, связанных общностью производящего слова (основы), делает возможным сравнение словообразовательных парадигм и гнезд. Выявленные таким путем словообразовательные единицы, их отношения и связи дадут материал для суждения о специфике каждой из сравниваемых словообразовательных систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бараникова Л. Н. О внутреннем диалектном членении языка // Язык и общество. Саратов, 1967. С. 5.
2. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширлаев Е. Н. Русская разговорная речь. М., 1981. С. 71—191.
3. Ищенецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования: Автореф. дис. . . д-ра филол. наук. Днепропетровск, 1983. С. 36—42. Она же. О терминах «словообразовательное значение» и «значение словообразовательного типа» // Актуальные вопросы русского словообразования. Тюмень, 1984. С. 8—21.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов

3

I

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

- Ю. Балтова* (НРБ, София). Рабочая модель для сопоставительного исследования близкородственных языков
- Я. Босак* (ЧССР, Братислава). О так называемых интерфиксах в словацком языке в сопоставлении с русским
- К. Вузашнова* (ЧССР, Братислава). Возможности и границы моделирования на уровне словообразовательных парадигм
- З. М. Волоцкая* (СССР, Москва). К сопоставительному изучению языков на словообразовательном уровне (на материале семантической категории локативных номинаций)
- М. Докулид* (ЧССР, Прага). Структура частословного словообразовательного формата (к суффиксальной и безаффиксной деривации в славянских языках)
- М. Кнаппова* (ЧССР, Прага). Проект методологического подхода к сравнительному изучению словообразования в славянских языках
- Е. С. Кубрякова* (СССР, Москва). Категория падежной грамматики и их роль в сравнительно-типологическом изучении словообразовательных систем славянских языков
- В. В. Лопатин* (СССР, Москва). Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков
- Р. С. Мануарян* (СССР, Ереван). Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования
- И. Г. Милославский* (СССР, Москва). О предмете сопоставительного словообразования
- Г. Н. Нещименко* (СССР, Москва). О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков (к проблеме центра и периферии при изучении словообразовательной категории)
- В. М. Никитич* (СССР, Гродно). Сопоставительное изучение словообразования и пемчицкой деривацией
- М. А. Осипова* (СССР, Москва). К вопросу об этапе сопоставления (при изучении глагольной префиксации в славянских языках)
- Н. Савицкий* (ЧССР, Прага). Словообразовательная структура глагольных иероглифов в русском и чешском языках и некоторые обобщения в области теории словообразования
- З. Скумальская* (ЧССР, Прага). К вопросу сопоставительного изучения структуры глагольной основы (в связи с некоторыми явлениями переходного характера)

88

- В. Стракова* (ЧССР, Прага). Модель сопоставительного анализа словообразовательной системы
- А. Е. Супрун* (СССР, Минск). Дуализм словообразования, диахрония и синхрония
- А. Н. Тихонов* (СССР, Москва). Словообразовательное гнездо как единица системы словообразования и как единица сравнительного изучения славянских языков
- З. А. Харитончик* (СССР, Минск). О некоторых путях сопоставительного изучения словообразовательных систем
- Д. Шлосар* (ЧССР, Брно). Опыт разработки оптимальной модели для сравнения родственных языков в области словообразования

94

99

104

111

116

II

МЕЖСИСТЕМНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ

А. СОПОСТАВЛЕНИЕ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

- Г. В. Булатова* (СССР, Москва). К сопоставительному изучению акцентных систем славянских дериватов (на примере южно- и восточнославянских postverbal муж. рода)
- Т. И. Вендина* (СССР, Москва). К вопросу о функциональном исследовании славянского словообразования
- А. А. Горбачевский* (СССР, Душанбе). Семантика производного слова и ее отражение в переводе с близкородственных языков
- И. Дулеевичова* (ПНР, Варшава). Апеллятивные формы на словообразовательном уровне в русском ипольском языках
- В. А. Дибо* (СССР, Москва). Словообразование и акцентология. Акцентологические архаизмы в производных как источник для реконструкции акцентных типов производящих
- Вяч. Вс. Иванов* (СССР, Москва). О возможности этимологического отождествления слов, относящихся к одинаковым словообразовательным типам, в родственных языках (praslav. *dylg-ostъ=хет. dalugašti)
- И. С. Иванова* (СССР, Ленинград). Вопросы соотношения семантической структуры слова и его словообразовательных связей (на материале имён прилагательных русского, болгарского и чешского языков)
- Й. Ирачек* (ЧССР, Прага). К проблеме описания словообразовательной характеристики славянской лингвистической терминологии
- Л. В. Куркина* (СССР, Москва). Вариантность основ па -i, -o и -a в южнославянских языках
- О. Мартинцова* (ЧССР, Прага). Отказиональные слова в сопоставительном аспекте
- И. Неканна* (ЧССР, Прага). О некоторых аспектах сопоставительного изучения сленга
- Э. Пернишка* (НРБ, София). Исследование словообразования некоторых глаголов с учетом способа глагольного действия
- О. Г. Ревзина* (СССР, Москва), Зб. Новакова (ЧССР, Прага). Отглагольные имена на -nie / -nie в русском и словацком языках
- З. Рудник-Карват* (ПНР, Варшава). К вопросу словообразования дистрибутивных глаголов впольском и русском языках

122

128

134

139

142

150

157

161

164

170

174

178

183

189

271

<i>Л. Н. Смирнов, З. И. Стрекалова</i> (СССР, Москва). К сопоставительному изучению гибридных словосложений в современных славянских литературных языках	192
<i>С. М. Толстая</i> (СССР, Москва). Об одном типе конверсии в славянских языках (флективная деривация)	198
<i>В. Г. Чурганова</i> (СССР, Москва). К морфонологии деминутивного словаобразования в славянском	205
 Б. СОПОСТАВЛЕНИЕ НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ	
<i>И. В. Альтман, В. И. Шевчук</i> (СССР, Москва). Некоторые результаты сопоставления словообразовательных гнезд с помощью искусственного языка-эталона	212
<i>И. Онгайзер</i> (ГДР, Лейпциг). О соотношении словообразовательных и грамматических категорий (на материале сопоставительного анализа русского и немецкого языков)	215
<i>Ю. Г. Панкрац</i> (СССР, Минск). Словообразовательные средства выражения локативных падежей в родственных и неродственных языках	223
<i>П. А. Соболева, М. Д. Барченкова</i> (СССР, Москва). Сопоставительное изучение словообразовательных рядов с помощью языка-эталона	228
<i>Т. М. Судник</i> (СССР, Москва). К изучению словообразовательной интерференции	233
 В. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОВ	
<i>Ю. С. Азарх</i> (СССР, Москва). Сопоставительное изучение словообразования диалектов и литературного языка лингвогеографическим методом (на материале Диалектологического атласа русского языка)	235
<i>О. И. Блинова</i> (СССР, Томск). Сопоставительный анализ явления мотивации слов в литературном языке и диалекте	242
<i>И. Грек-Пабисова</i> (ПНР, Варшава). Влияние русского и польского языков на образование степеней сравнения в русском островном говоре в Польше	246
<i>Г. П. Клепикова</i> (СССР, Москва). К проблеме изучения дериватов в гомогенном и гетерогенном диалектном континууме	251
<i>В. В. Усачева</i> (СССР, Москва). О сопоставительном изучении словообразовательных систем литературных языков и диалектов (на материале славянских ихтионимов)	259
<i>М. Н. Янценецкая</i> (СССР, Томск). Единицы сопоставительного описания литературного и диалектного словаобразования (на материале русского языка)	265

... прием
сопоставления является
не самоцелью,
а способом
углубленного познания
системно-
функциональных
закономерностей
языков, выявления
сходств и различий
между ними, а также
общезыковых
универсалей.

